

ПЕСНИ РАДОСТІ, ПЕСНИ ПЕЧАЛІ

ВАСИЛИЙ РАКША

18+

фэнтэзі

МИ∞

КАРТА ПЯТИМИРИЯ

Песни радости, песни печали

STONE HEDGE

Red Violet. Темные миры

Василий Ракша

ПЕСНИ РАДОСТИ,
ПЕСНИ ПЕЧАЛИ

Москва

«Манн, Иванов и Фербер»

2023

STONE HEDGE

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос)6-445.13
Р19

Ракша, Василий

Р19 Песни радости, песни печали / Василий Ракша. — Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2023. — 454 с. : ил. — (Red Violet. Темные миры).

ISBN 978-5-00195-914-4

Полная надежд и предвкушения новой жизни, приплывает в величественный Буян-град — самое сердце Пятимира — княжна Ладимила. Вот только пока не знает она, что за резными фасадами вместо светлого будущего скрываются страшные тайны и грязные пороки. Плетут интриги там не только царские подданные, но и всемогущие боги. Какое место в плясках буянских страстей уготовано юной княжне, встанут ли на ее сторону девы-птицы и даст ли мудрый Алатырь подсказку о том, как спасти себя и все Пятимирие, пока звучат песни радости и песни печали?

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос)6-445.13

Все права защищены.
Никакая часть данной книги
не может быть воспроизведена
в какой бы то ни было форме
без письменного разрешения
владельцев авторских прав.

ISBN 978-5-00195-914-4

© Василий Ракша, 2023
© Оформление. ООО «Манн,
Иванов и Фербер», 2023

STONE HEDGE

От автора

Дорогой читатель! Я искренне рад, что в ваши руки попала моя книга. На последующих страницах развернется история, которая не давала покоя моему воображению. В отличие от истории настоящей, из учебника, здесь не будет Руси, Древней Греции, Индии и других знакомых нам государств. Вдохновением для меня послужили герои наших родных сказок, мифов и легенд — от тех, что идут из глубины веков, до творений Александра Сергеевича Пушкина. Перечитывая их, досконально изучая их корни, я убедился в том, насколько сильно на русскую культуру на протяжении эпох влияли другие народы. Несмотря на уникальность и самобытность русских сказов, отрицать воздействие на них со стороны византийцев, скандинавов, персов и прочих соседей бессмысленно. Так и родилось Пятимирие: для каждого из государств, его составляющего, нашелся прародитель. Да, с исторической точки зрения аккадцы вряд ли пили чай с русичами, но вот связей культурных между ближневосточными и славянскими народами не счесть. В Пятимирии все немного иначе, чем в жизни: и география, и технические

достижения, и даже ход времени. Я сознательно не привязывался к конкретному веку в нашей истории, поэтому пусть вас не смущает то, что у буянцев есть корабли с каютами, книгопечатание и масляные лампы. Что-то позаимствовали у соседей, что-то изобрели сами. Для меня это — смешение эпох со щепоткой магии. Одним словом — фэнтези. А вот чувства и поступки героев, надеюсь, получились настоящими и очень честными.

Приятного чтения!

STONE HEDGE

Глава 1

Покидая отчий берег

Массивные резные двери с витиеватыми узорами и богатой инкрустацией резко распахнулись, впустив в темноту покоев слепящий свет. Войдя, владыка всего Буяна узрел под балдахином баклажанового бархата нагое тело. Приблизившись, он сощурил глаза и быстро отвернулся.

— Прикройся, Елисей! — с тяжелым вздохом проговорил он. — Неча меня пугать своими достоинствами!

Шелк одеяла заструился и спрятал под собой все то, что вызывало недовольство Салтана.

— И тебе доброе утро, отец, — вяло ответил Елисей, потягиваясь в постели.

— Утро ли? — чуть было не закричал царь. — Полдень на дворе, а ты все дрыхнешь, как медведь в спячке.

Свет от дверей померк — его заслонили две мужские фигуры, застывшие на пороге. Крылатый Елисей опричник и царский прислужник в сиреневом кафтане одновременно попытались проникнуть в палаты цесаревича, но проход оказался слишком узким для двух мужей.

— У нас уговор был, помнишь? — Салтан не мог скрыть своей досады, пусть и пытался говорить тише. — Утренняя трапеза вместе со мной и матерью. Раз в неделю, по пятницам.

— А сегодня как раз пятница, — подобострастно вставил прислужник, чем заслужил неодобрительный взгляд крылатого опричника.

— Вот именно. Не держишь слово. — Салтан подождал сыновьего ответа, но услышал лишь шорох под одеялом. — Что ты там шелудишь? Совсем стыда нет?

— Да почесался просто! — чуть не смеясь, ответил юноша.

Царь нарочито тяжело втянул воздух, протяжно выдохнул и озорно взглянул в сторону дверей. В них так и стояли, притаившись, опричник с прислужником.

— Дело важное у меня к тебе есть. Портрет княжны Новоградской прислали, хотел рассмотреть с тобой вместе.

Нагой царевич приподнялся из-под одеяла и уселся, опершись на изголовье.

— Хороша?

— Молоденькая, — пожал плечами царь. — Поддай-ка картину, — приказал он слуге, и тот наконец прорвался в полутемную опочивальню.

Едва дыша, он поднял над подушками массивную золотую раму, расположив портрет напротив цесаревича. Тот вскочил с кровати, снова обнажившись. Царь вновь закатил глаза, но на этот раз ограничился вздохом. Елисею будто было совершенно неважно, что его увидят нагим другие люди. Одернув тяжелые шторы, он вернулся в постель и принялся рассматривать полотно. На него глядела белокурая девица, замершая в неестественной позе. Лицо ладное: точеные скулы, цвета озерной глади

глаза, тонкий, чуть вздернутый носик и мальвовые губы. Взгляд цесаревича скользнул по узкому подбородку, пробежался по бледной лебединой шее и впился во вздыбленные холмы васильковой ткани. Наклонив голову, чуть сощутив глаза и вытянув губы, Елисей коснулся зеленовато-коричневого камня, висящего на его груди. Потерев самоцвет, его рука соскользнула на янтарную кожу и поползла вниз по молодому торсу.

— Оставьте здесь, — не отрываясь от портрета, велел цесаревич.

— Понравилась, значит, — довольно проговорил Салтан. — Попрошу Велимира отправить дочь на смотрины. — Вмиг посерьезнев, он пробасил, обращаясь к Сиреневому Кафтану: — Портрет заberi.

— Отец!

— Ты и без него... доверишь начатое! У тебя тех портретов — полные закрома! — Царь дошел до дверей и, не оборачиваясь, бросил: — К обедне-то хоть обьвьись, мать порадуи. — И скрылся в зелени сада.

— Вы заметили, какие здесь волны? — обратился к княжне молодой щеголь в густо расшитом кафтане. — Все дело в том, что здесь сливаются течения теплой Восточной и холодной Западной рек и покровительствующие им богини Агидель* и Дана** схлестываются водоворотами, выясняя, кто сильнее.

Княжна тихонько вздохнула, не поворачивая головы. Еще оставалась надежда, что, если не обращать внимания

* Богиня холодных рек и течений. *Здесь и далее примечания автора.*

** Богиня теплых рек и течений.

на непрошеного поклонника, он потеряет к ней интерес и переключится на того, кто готов продолжать беседу. Не дождавшись ответа, шеголь предпринял еще одну попытку произвести впечатление на завораживающую своей холодной, сдержанной красотой собеседницу:

— А здешние ветра под стать местным правителям. Меняют направления не реже, чем те — свои решения. — Однако, покосившись на княжну, он наткнулся на твердый, строгий взгляд, не оставляющий шанса на продолжение беседы, поэтому в итоге торопливо пробормотал извинения и удалился.

За несколько дней дороги это был уже четвертый путник, пытающийся завести с ней знакомство. Все они были так похожи друг на друга, что выглядели братьями, несмотря на разную стать, возраст и тембр голоса. Скромные на один лад зипуны и полукафтаны, чересчур богато украшенные для дорожной одежды, словно были делом рук одного и того же портного. Самодовольные, холеные лица, масляный взгляд и упорная докучливость. Они все смотрели на княжну с вожделием охотников, увидевших добычу, а заговаривая, словно расставляли силки на пугливую птицу.

Конечно, ей и раньше приходилось сталкиваться с мужским вниманием, но в родном Новом граде все испытывали трепет перед Велимировой дочерью, чтобы переходить грань приличия, и осмеливались разве что на пылкие взгляды. Здесь же, запертые в ограниченном пространстве узкой ладьи, плывущей из Нового града к столице Буянского царства, они осмелели и пытались навязать ей знакомство. Путешествие изрядно затягивалось из-за непогоды и вместо обычных двух-трех дней приближалось уже к четвертому закату. С каждым днем попутчики вели себя все развязнее, так что княжна даже

не знала, от чего ее мутит сильнее: от их бесстыдных, обжигающих взглядов или от постоянной качки на бурлящих волнах.

Над головой грузно лежали тучи, сдавливая воздух обещанием грозы и оставляя только узкую светлую полосу между небом и водой. Чтобы побороть тошноту, княжна стала всматриваться в горизонт, пытаясь разглядеть в далеких точках силуэт своего нового дома — Буянграда. Она слышала от немногих бывавших там, как сильно он отличается от остальных городов Буянского царства.

Обыкновенно всех прибывших завораживали роскошное убранство и щекочущие небо крыши высоченных теремов. А выше всех них — купол царского Салтанова дворца, увенчанный блестящим шпилем. Помимо непривычно высоких хором и оживленной сутолоки на широких улицах, Буянград славился роскошными садами и сложной сетью подземных ходов, пронизывающих подбрюшье этого Города вечной весны.

«Уж не затаил ли на кого из наших верховных обиду Переплут*? Оттого мы и плывем так долго», — подумалось княжне. Она знала, что конфликты богов, управляющих Буянским царством, могут отразиться на привычном ходе вещей, — во всяком случае, так говорил отец. Никто из пассажиров и экипажа ладьи не мог точно знать, что именно было причиной замедления и кому из богов молиться, чтобы доплыть быстрее.

— Почем эта будет? — спросил у мясника невысокий пузатый прохожий, показывая пальцем на юную замарашку с испуганным взглядом, привязанную бечевкой

* Бог мореплавания у буянцев.

за руки к опорной балке рыночного навеса. В волосах ее виднелись две ленты, белая и алая, впутанные в нечесанные кудри.

Лавочник, не глядя на посетителя, дорубил очередной кусок туши и проговорил:

— Вам от покровки, пашины, лопатки?

Пузатый был явно из знатных: бархатный сюртук с трудом сходился на нем, величественно оттопыриваясь ниже груди. Он кашлянул в кулак, чтобы привлечь внимание продавца, и, дождавшись, когда тот наконец на него взглянул, кивнул в сторону девицы.

— Значить, молочная заинтересовала? — перейдя на заговорщицкий шепот, спросил купец.

Покупатель развел руками — мол, что еще могло его привести на рынок в столь ранний час. Лавочник торопливо кинулся к корзине, вытащил из нее кусок берестянки и принялся выводить свинцовым карандашом неровные знаки. Вокруг привычно шумела толпа: ярмарка в Буяне бывала почти каждый день. В этой части рынка сутолоки не наблюдалось, гораздо больше люда вертелось у заморских купцов: рассматривали диковинные фрукты, экзотических птиц в витиеватых клетках да аккуратные рулоны тканей. Здесь же, в стороне от лишних взглядов, происходило самое интересное.

— Да как ты смеешь? — прозвучал резкий женский голос.

В то же мгновение записка оказалась в изящной руке, одетой в черную перчатку. Знатный покупатель попытался ее перехватить, но без толку. Раздосадованный промашкой, пузатый поднял недовольный взгляд на разрушительницу своего спокойствия.

— Какого лешего? — Из его уст чуть не вырвались крепкие слова, но он прикусил язык, рассматривая нахалку.

Его взору явилась демонически привлекательная женщина: облаченная в темные одежды, облежавшие изгибы ее ладного тела, она держалась очень свободно, почти надменно. Темно-каштановые волнистые пряди обрамляли ее вытянутое лицо, подчеркивая выразительные округлые скулы и оливкового оттенка глаза, густо подведенные сажей и смотревшие так жестко и строго, что покупателю пришлось отвести взгляд. Но любопытство заставило тут же вновь посмотреть на незнакомку, дабы убедиться, что ему не померещилась эта невероятной красоты женщина, и увериться, что за ее спиной правда торчат темные блестящие крылья, на которые он даже и не обратил внимания поначалу, вперившись взглядом в ее лицо.

— Ты куда шла, туда и иди! — огрызнулся торгаш, вытирая руки ветошью, будто хотел отмыться от запретной продажи.

— Я как раз за целовальником* шла, чтобы о твоём нарушении рассказать! — с недоброй улыбкой произнесла та и, погладив по щеке испуганную девушку, принялась выпутывать ленты из ее волос.

— Ты о себе ему Расскажи, блудница! — сощурился глаза, прошипел продавец.

— А эта чем провинилась? — налегши на прилавок, шепотом спросил пузатый.

— А вы, ваше вятшество, не знаете? — Торговец изобразил удивление. — Это ж Сирин, она за ту цену,

* Должностное лицо, исполняющее судебные, финансовые и полицейские обязанности.

что я за девку написал, вам разве что часок-другой даст ее любить.

Лик девы-птицы осветил почти звериный оскал. Она схватила с прилавка нож и обвела взглядом мужчин, остановив его на торговце.

— Тебе я готова уступить в цене. Отдашь свою жалкую жизнь — так и быть, стану с тобой ласковой на полчаса.

— Одно мгновение! — оживившись, пробормотал пузатый. Он перебрал пухлыми пальцами складки ткани под поясом и наконец извлек полную монет кошель. — Я готов сделать значительно более выгодное предложение. Возьми, пересчитай.

Волоокий взгляд девы-птицы медленно переместился на знатного сударя. Черты ее смягчились, и голос приобрел почти елейные нотки:

— Как благородно с вашей стороны. — Она подхватила бархатный мешочек, довольно улыбнулась и добавила: — Так беззаветно помочь юной девице. Она будет помнить вашу доброту до скончания дней! — В тот же момент она перерезала веревку, соединявшую одно из бревен навеса с запястьями без пяти минут рабыни, шепнула ей: — Беги — и вложила в ладонь мешочек, полный монет.

— Да какого... — Торговец дернулся вслед за девушкой, но в одно мгновение передумал и остановил поток бранной речи, заметив целовальника, подошедшего прямо к лавке.

— Непокойно тут? — Нахмурив пушистые брови, целовальник рассматривал лица покупателя, продавца и Сирина. — Говорят, девку тут с лентами бело-красными заметили. Не видели, не торгует ли кто живым товаром?

— Никто, уважаемый, — пробурчал лавочник, зло зыркнув на деву-птицу. — Только свежезарезанным!

Рассветное солнце спряталось за синеву туч, и княжна вспомнила причитания своей служанки Добродеи, се-товавшей, что госпожа ничего не ела с самого утра. Присев рядом с прислужницей, девица не стала сопротивляться проявлениям заботы, покорно согласившись на пироги из походной бочки.

— Моряки рассказали, что там, в Элладе, такой сыр делают, который месяцами не портится! И головки его только за золотые купить можно. Я им и ответила, что моей царевне надобно отведать, чтобы знать, что за сыр такой; они мне и дали кусочек. Желаете, сударыня?

Княжна подняла глаза на камушек серо-желтого цвета, лежащий на серебряном блюде, и с недоумением посмотрела на Добродею. «Теперь ясна причина смрада», — чуть было не произнесла она. Что же, придется пробовать — обижать Добродею никак не хотелось. Княжна отломил кусочек, практически крошку, сыра и, не сводя со служанки глаз, положила на язык. Чтобы раскусить сыр, потребовалось значительное усилие. Княжна зажмурилась и прислушалась к своим впечатлениям. К ее удивлению, за резким запахом скрывался удивительно нежный, чистый вкус, показывающий где-то в середине языка.

— Потеха, а не еда! Как они его делают? Никогда не ела ничего подобного. Удивительно.

Добродея довольно хмыкнула и отвернулась, чтобы достать пироги. Какая удача — порадовать свою хозяйку, пусть и таким пустяком.

Княжна боролась с желанием моментально проглотить оставшийся ломоть сыра. Отец называл ее самой нетерпеливой из вятших дев — настолько она казалась ему неспособной сдерживать свои хотения. Несмотря

на всю строгость, он очень любил свою единственную дочь. Северный князь Велимир слыл сюзереном суровым, но справедливым. Не было ни души в Новоградском княжестве, которая бы его не опасалась. Это было объяснимо: кругом враги. С севера — вечные бунты непослушных каторжников, с которыми не справлялась Малахитница. Медной горы хозяйка вечно занята ухажерами настолько, что до всего остального ей дела нет. На западе — жестокие норды, притворяющиеся, будто не знают установленных после кровопролитной Общеземельной войны правил мирного жития народов. Да и свой люд покорным нравом не отличался — приходилось предугадывать малейшие волнения и жестко пресекать их.

Мила не была исключением. Отец вселял в нее трепет одним своим видом. Впрочем, так было не всегда. До восьми лет княжна росла совершенно беззаботной девочкой, не ведающей ничего о жестокости. Батенька часто сажал ее на колени и гладил по мягким белым волосам. Почему-то ей казалось, что Велимир так же ласков со всеми своими подданными, разве что не гладит их по голове. Все переменялось одним вечером. Мила дружила с Чеславом — сыном княжеского рода, приближенного к сюзерену Северных земель. Они часто проводили время вместе, обучались грамоте, играли общими игрушками и были не разлей вода. Однажды мальчуган предложил ей игру: забраться на стену крепости и бросать кусочки еды, чтобы приманить диких птиц. Они весело перекидывали через деревянные бойницы куски хлеба, оставшегося от царской трапезы, и наблюдали за крылатыми, почуявшими запах угощения. В один момент прилетевших голубей и сорок распугала семья голодных лисиц. Впрочем, не все пернатые

заметили хищников, и одна из птиц стала добычей рыжей гостыи. Ее сизое оперение разлеталось в зубах прыткой лисы. Мила ахнуть не успела, как Чеслав приволок на стену блюдо с остатками жаркого и принялся выбрасывать жирные куски мяса. Лисиц прогнали волки, жадно рыщущие в поисках наживы. Юная княжна пыталась остановить друга, но мальчишка вошел в раж и не обращал внимания на ее призывы. Ее тоненький голосок был прерван звуком выстрела. Дети выглянули в бойницу, и им открылась леденящая кровь картина: один из серых разбойников жалобно выл, волоча подбитую лапу, пытаясь скрыться от крестьян в ближайшем лесу. Второй выстрел остановил его мучения. Волк замертво пал. Мила вцепилась в рукав друга и стала умолять его уйти, чтобы их не раскрыли, но тот лишь прошептал:

— Начинается самое интересное!

Со стены полетело все, что не доели придворные: жареный гусь, свиные ребра, репа и соленья. Народу внизу все прибавлялось. Они глядели вверх, шумно благодарили богов и собирали дары. Впрочем, остатки трапезы быстро закончились, а крестьяне принялись драться за добычу, точь-в-точь как звери незадолго до них.

То, что случилось дальше, часто виделось княжне во снах. Опричники, высыпавшие кучкой из ворот крепости, избивали дерущихся, а детей благородных родов — Милу и Чеслава — обнаружили слуги. Их отвели прямо к Велимиру. Он быстро выяснил, что произошло, отпустил слуг и взялся за розги. Девочка побледнела и бросилась на колени умолять отца не наказывать их. Он коротко проговорил:

— Ты смотрела на произвол и не предотвратила его. Теперь ты будешь смотреть на то, как Чеслав получит

десять ударов плетью — за каждый год его жизни. То, что вы совершили, чудовищно, и нам всем придется молить богов о снисхождении к вам.

Мила уже умела считать. Каждый удар по оголенной спине друга отдавался болью в ее висках. Чеслав мужественно смотрел перед собой, безмолвно ронял слезы на дощатый пол и стискивал зубы, ожидая, когда вновь опустится плеть. Закончив с розгами, сюзерен Северных земель взял с детей слово, что подобного больше не повторится. Во взгляде Велимира что-то переменялось, появилось то, что с тех самых пор заставляло Милу побаиваться собственного отца.

Дочь была единственным человеком, к которому после смерти жены он проявлял нежность, однако доброта его заключалась в требовании быть лучшей во всем, за что бы она ни бралась. Ценнейшие умы Нового града приходили учить юную княжну, и такое образование позволило наследнице Велимира стать рассудительной и внимательной к наукам. Не многих при дворе она жаловала своим общением, разве лишь тех, кого стоило привечать по этикету. Княжна проводила много времени за книгами, и, пожалуй, главные ее переживания были связаны именно с событиями, там описанными. Иногда, в редкие минуты безделья, она представляла себя героиней книг. Ей мечталось о шумных пирах, подобных тем, какие бывали по случаю богатого урожая, или тем, что устраивали в честь высокопоставленных князей из других частей Буянского царства. Однако больше всего ей нравились свадьбы, несмотря на все странные ритуалы и правила, которых приходилось придерживаться. Семьи жениха и невесты готовились к церемонии очень тщательно. Мужчины доказывали богам свое намерение быть честными мужьями и создать

крепкий союз во славу покровительствующего божества, а делать это они могли, преуспев на охоте, придворной службе или превозмогая себя на работе в поле, если были простолюдинами. Девы же отправлялись в небольшие домики на отшибе селений — там они только молились и познавали свое предназначение, беря на себя обет молчания до самой свадьбы.

Княжне тоже предстояла свадьба, именно поэтому она и покинула отчий берег.

Сказать, что она готовилась к этому событию, было бы не совсем верно. Она не знала, что именно стоит делать. По обыкновению, ритуал подготовки передавался от матери к дочери, однако Мила осталась наполовину сиротой в совсем юном возрасте, а Велимир, ее отец, не имел привычки вводить в свой ближний круг других женщин. Он будто даже сторонился их. Поэтому у княжьей дочери не имелось наставницы в этом вопросе: учителя все были мужчинами, а Добродея, воспитывавшая ее с малых лет, была простолюдинкой, оттого сама не знала, как это принято в высшем свете. Приглянулась она когда-то пастуху, помолилась Дивии-луне, и при ее свете их и обручила ночь. Мужа-пастуха потом забрал Морок* — быстро, очень быстро, не успела Добродея и понести.

Пожалуй, единственное, что знала княжна наверняка, — это то, что для соединения уз нужно выбрать правильный день. Так, чтобы в этот день благословляющим был тот владыка из богов, кому потом захочется молиться и служить. И до замужества думать о нем почаще, чтобы не отвернулся в последний момент, принял все дары и поблагодарил напутствием в виде

* Бог обмана и болезней.

знака свыше. От этого, как она считала, будет зависеть будущее ее семьи.

— Проясняется, — вдруг откуда ни возьмись у самого уха прозвучал мужской голос.

Княжна глубоко вздохнула, стараясь выправить сбившееся от неожиданности дыхание, и уже было приготовила самый холодный взгляд из всех, на какие только была способна, намереваясь повернуться к автору изречения с совершенно однозначным безмолвным ответом, но это был аккуратного вида старик, а вовсе не очередной щеголь из гвардии любителей корабельных приключений.

— Небо проясняется. — Старик посмотрел ей прямо в глаза. — Того и гляди первую звезду увидим. А там и до столицы недалеко.

Она незаметно переступила с одной ноги на другую, отойдя таким образом от слишком близко стоящего попутчика.

— И как скоро, по вашему мнению, это случится? — Княжна по-прежнему не могла избавиться от напряжения после того, как старик вырвал ее из мыслей о замужестве.

— Скоро, скоро все случится. — Он опять пронзительно посмотрел княжне в глаза, как будто говорил о чем-то совершенно другом.

Ей стало не по себе. Кто он такой, чтобы нарушать ее спокойствие?

— Там, в трюме, запасли слишком мало бражки. Судари, те, что помоложе, теперь мучаются, изнывают. Столько пить! Пять бочек отборного ставленого меда как не бывало! — Старик озорно поглядывал на юную деву и готов был перейти к любимой части любого разговора — воспоминаниям, отчего лицо его засияло,

словно даже омолодив его, но сам себя осек: — Тысяча извинений, сударыня! Разрешите представиться: Казимир Твердиславич из Великой Кряжмы, что в лесах да болотах на юго-западе. Путешествую совсем один, по делу личному. У нас, у стариков, жизнь — она прошлое. То, что грядет, только страшит сильнее, вот мы и предаемся воспоминаниям. В бытность мою молодым служил я доверенным человеком нашего сюзерена и плывал этими течениями бесчисленное количество раз, иногда с вестями теплыми, как Восточная река, но чаще, так уж получалось, с холодными, как воды Западной. — Он сощурил глаза, задумавшись, все его озорство вмиг улетучилось, и годы вернулись. — А вас какие боги ведут в столицу?

Княжне по-прежнему было совершенно неясно, как вести себя с людьми, когда они не представлены друг другу общими знакомыми. Однако старик был довольно сдержан, да и подробно назвался, проявив учтивость. Она решила, что не стоит открывать всех карт случайному попутчику, но будет вежливо все-таки поддержать этот незатейливый разговор.

— Какое совпадение — я тоже еду по своему делу... Вернее, по просьбе нашего сюзерена, князя Велимира, — чуть было не выдав себя, сбивчиво ответила княжна. — Просьба крайне личная, к сожалению, не имею права раскрывать подробности... — Она густо покраснела, понимая, что может наговорить лишнего.

Старик в ответ расплылся в добродушной улыбке, по которой можно было прочесть, что он все понял. Ладимила гнала от себя эти мысли. Просто показалось, правда же?

Она порывисто отвернулась прямо к горизонту, глубоко вздохнула и вспомнила, что не представилась.

— Ладимила... — Испугавшись вопросов о своем происхождении, княжна быстро продолжила: — Мое имя слишком длинное, поэтому я прошу называть меня коротко — Милой.

— Крайне приятно встретить в пути такой нежный цветок, милая Мила... — Старик всматривался в глаза собеседницы, как будто пытался залезть внутрь, прямо в голову, и прочитать все ее мысли. — Не могу знать, как часто вам приходится плавать на ладье, но смею предположить, что волны доставляют вам беспокойство. Во всяком случае, ваша бледность говорит мне об этом. Не хотите ли настойки травок от качки? Пока я не раздал ее нашим горемычным попутчикам — тем, что страдают в трюме.

— Что вы, сударь, это невероятно любезно с вашей стороны. Пожалуй, будь мне невыносимо тяжело, я бы без лишних раздумий приняла от вас помощь. А пока разрешите поблагодарить вас за доброту и готовность...

В этот момент девушка проследила за взглядом своего собеседника, и звук ее голоса оборвался. Довольному прищурю Казимира Твердиславича предстала великолепная картина: в широко открытых, цвета горечавки глазах Милы отражался величественный силуэт красивейшего из городов Пятимирия — Буян-града.

— Ты куда, красавица? Не ко мне ли? — Сиплый старческий голос почти сливался со скрипом ржавых петель, венчающих неохотно отворяющуюся дверь.

В посеревшем от времени дощатом проеме появилась горбунья в платке, таком же бесцветном, как и весь ее дом. Она протянула морщинистую руку, недвусмысленно давая понять, чего хочет.

Локоны цвета спелой пшеницы было дрогнули, но их обладательница, крылатая румяная девица, тотчас обернулась с натянутой улыбкой и бегающим взглядом.

— А я можно... завтра принесу? — Уголки ее пухлых губ поднялись еще выше, обнажая ровные зубы, — ее лицо выражало неуверенность.

— А сегодня я буду кукиш без масла кушать? — монотонно проговорила старуха.

Она произнесла это так буднично, будто сплюнула. Все постояльцы давно знали ее излюбленные фразы.

— Честно-честно, бабушка! У меня сегодня во дворе хор, а потом еще в «Брячине»!

Хозяйка отвернулась. Ее беззубые челюсти принялись ходить сами собой, натягивая сморщенную кожу вокруг рта. Наконец, будто что-то поймав, старуха прекратила чавкать и посмотрела на девушку.

— Алконост, — обратилась она серьезно к крылатой постоялице, — все поёшь?

Та лишь кивнула в ответ.

— Вот смотрю на тебя... и себя узнаю. Как в зеркале. Глазки синенькие, игривые такие. Кудри русые, с медным отливом, на солнышке-то! Щечки пухленькие, с ямочками, у меня такие же были, да, не смотри так. Это я сейчас старуха поблекшая, а в юности была... — Она провела руками вдоль тела, как в танце, и в ее зеницах сверкнул огонек. Горбунья слегка распрямилась, погружаясь в воспоминания. — Мужики знаешь, как на меня смотрели? И свистели мне вслед, и замуж все звали... А я смеялась, плясала до упаду, счастливая была... не передать как. — Улыбка расцветила ее сморщенное лицо, но тут же блеск в глазах пропал, и к старушке вернулся скорбный вид. Она опять пожевала что-то и сказала: — Мужа тебе надо, детишек побольше, а не в кабаках петь.

Крылатая девица застыла в нерешительности. Ей хотелось расспросить хозяйку о ее жизни, узнать, что случилось с той юной, беззаботной девушкой...

— Мне надо уходить, — только и смогла выговорить Алконост. — Завтра плату принесу, чуть только рассвет настанет! — Поклонилась и побежала к белоснежной стене буйанской крепости.

Натужный хруст тугих канатов вторил плеску воды. Волны били о широкий, ровный причал, заметно уходящий от линии суши. Последнее емкое «айда!» вылетело из уст старшины бурлаков и через несколько мгновений растворилось в глухом звуке удара борта судна о листовничные опоры пирса. Ладью было откинуло назад, дальше от берега, но буквально через мгновение она плотно пристала к помосту, покачалась для порядка и, будто испустив недовольный вздох, размякла, смирившись с окончанием путешествия.

— С меня довольно! Эки шлюпки тягать! — резко кинул один из бурлаков в сторону старшины. — Не для того я в стольный град ехал. Вон чё! — указал он подбородком на соседний пирс меньшего размера. — Пока мы тут гнемся под пенькой с этой трухой, невесть откуда приплывшей, Еремыч швартует двумя перстами судна в разы бóльшие! — Кажется, он бы недовольничал и дальше, если бы гулкий кашель не стал раздирать его глотку.

— Мыкита, побойся Переплута! Ты свою копейку имеешь в срок, кормлен досыта, а ворчишь аки старый пень! — Посмотрев на своих доходяг, с которыми ему приходилось встречать самые старые корабли в лучшем порту Пятимирия, старшина на секунду опустил глаза и как будто смягчился, вспомнив одному ему понятную

добродетель... — Ты это, не ворчи. Будем честно работать — и нас на кабестан* возьмут. А покамест дай-ка я узнаю, много ли в ладье скарба — авось до темноты все и перетаскаем.

И вправду: во всем порту Буян-града остался лишь один причал, оборудованный для прибытия кораблей старого типа. Остальные же были оснащены новейшими устройствами для легкой швартовки — кабестанами, созданными изобретателями из Совета размыслов, прославившимися своими открытиями на все Пятимирие.

Изнывающая от желания скорее покинуть ладью толпа собралась на одной стороне, отчего судно чуть не дало крен. Княжне вместе со служанкой пришлось выждать какое-то время, прежде чем они смогли беспрепятственно выйти. В сутолоке Ладимила то и дело уворачивалась от торопящихся людей с клетками, баулами, узелками и сундуками, стараясь при этом не потерять самообладания. Люд растянулся в длинную очередь, и, только изрядно в ней постояв, княжна вспомнила, что очень скомканно завершила беседу с новым знакомцем. Впрочем, неугомонно бухтящая Добродея довольно быстро освободила голову своей хозяйки от мыслей о приличиях.

Удивительное дело: несмотря на широкий помост, люди двигались крайне медленно. Некоторые еле стояли на ногах и чуть было не падали на соседей, создавая еще бóльшую суматоху. Вдоль причала были выставлены бочки, полные воды, в которых отчего-то били хвостами рыбы — то ли сами туда запрыгнули, то ли кто-то забыл живца. Вдоль толпы то и дело прохаживались высокие стражи, облаченные в красные одежды, подпоясанные плетенками из китового уса, на которых

* Лебедка.

мерно покачивались клинки в ножнах. Они не очень церемонились с прибывшими, истово рассматривая и мужчин, и женщин.

— Морок знает что такое! — продолжала ворчать Добродея. — Думала, мучениям конец, после четырех-то суток этой качки, а тут — на тебе! И пьянь еще эта. Сударыня, разрешите их всех распихать, чтобы мы здесь карасями не пропахли!

Ладимила лишь тихонько вздохнула, совершенно не понимая, как правильно себя повести: требовать пропустить ее, сюзеренову дочь, без промедления, раскрыв себя, либо смиренно ждать своей очереди.

— Да у него просто помешательство, — долетел до нее обрывок чьего-то разговора, — вот и распорядился всех чужаков проверять. Как будто я здесь со злым умыслом!

— Милейший, кого же он боится? Своей тени, ни много ни мало!

После этих слов несколько сударей из числа тех, кто докучал княжне, довольно заулыбались, а один, по-видимому, выпивший больше всех, расхохотался так, что привлек внимание стражи.

— Мочи нет, как смешно! — заливаясь безудержным смехом, прохрипел он. — Ой, братцы, держите меня, не могу! Ой, Салтан, трусишка ты, Салтан!

— Видать, здесь кто-то перепугался не на шутку... — послышался суровый голос. Он принадлежал одному из портовых стражников, сверкнувших отполированным металлом клинка вблизи группы веселящихся щеголей. — Смрад такой, что ясно дело: не удержался кто-то от испуга!

Казалось, что толпа после этой устрашающей речи сжалась и застыла на месте. Только пьяный весельчак не мог остановиться — его потряхивало так, будто в него

вселился демон. Поняв, что стража ополчилась на него, юноша выпрямился, задержал воздух, сглотнул слюну и на секунду замер. В глазах его что-то сверкнуло, из уст вырвался воздух, как из сопла, потом еще раз, и стало понятно, что он не может сдерживать хохот. Мелкой дрожью пошли его лицо и тело, было видно, что собой юноша уже не владел. Стражники подхватили трясущегося нарушителя порядка и уволокли мимо расступившегося народа.

Княжне пришлось простоять еще добрых полчаса, прежде чем они с Добродеей дошли до конца пирса, увенчанного палаткой. Перед входом в шатер весь багаж отдавали носильщикам, громко сопящим и жалостливо заглядывающим в глаза тем, кто был одет побогаче. Кое-кто привычным жестом извлекал из калиты ржавые копейки, кто-то переругивался, не желая терять из виду свою поклажу. «Правило есть правило, — получали они в ответ. — Всяко добро должно быть досмотрено».

Насколько аккуратно Добродея опустила небольшой плетеный сундук перед своими ногами, настолько же небрежно скользнула взглядом по молодому крючнику, пытающемуся своим несчастным лицом растрогать ее. Не вышло.

— Остальной скарб в каюте — не перепутайте и отвезите поживее во дворец! — почти прошипела Добродея. — Поживее, слышишь ты меня?

— Повинуюсь, государыня, — робко ответил юнец и ловко уволок поклажу куда-то вглубь пристани.

В палатку разрешали заходить по одному. Для сюзереновой дочери не стали делать исключения: стража копьями преградила путь служанке, несмотря на все ее шипение и угрозы. Ладимила была не в силах вступить в какой бы то ни было спор, ей хотелось одного — поскорее добраться до дворца и сменить дорожное платье.

Она кротко ответила на все вопросы, и писчий, узнав, кто перед ним, отряхнул руки о портки, присвистнул и, шепнув что-то стражникам, торопливо повел высокогородную девицу по особой тропинке. Ладимила постоянно оглядывалась и просила подождать верную прислужницу, но ее спутник бормотал, что прибытие во дворец не терпит отлагательств. Он усадил княжну в высокую повозку с полированными порогами и крышей из дубленой кожи, запряженную тройкой лошадей, и, пообещав, что Добродею пришлют сразу после проверки вместе с сундуками, пожелал доброго дня.

Главный порт Буян-града находился в некотором отдалении от дворца, в низине, отделенной густым массивом дубовой рощи от основного города. Поэтому такой заметный с моря шпиль царского дворца, конусы крепости и изломы крыш других теремов снизу становились невидимыми — их прятали листья деревьев.

Первым, что удивило княжну, была дорога. Аккуратно сложенный булыжник, скрупулезно подогнанный по размеру, составлял витиеватый рисунок. Поездка по ровным срезам камня не сопровождалась привычной тряской, отчего орнаментами мостовых можно было наслаждаться без лишних помех. Между густыми зарослями высоких дубов, сквозь их темную крону пробивались лучи весеннего солнца, причудливо освещая камень мостовой.

Дорога шла вверх, на пригорок, на вершине которого лошади будто нарочно помедлили, словно предупреждая, что в следующий миг путник увидит что-то совершенно особенное, но тут же продолжили путь. Отсюда, с опушки изумрудного леса, открывался поистине блестящий

вид на город. Побывавшие здесь не ввали: столица была великолепна.

Массивные кованые ворота лязгнули и закрылись за повозкой княжны. Тотчас откуда ни возмись подле нее оказался немолодой прислужник в кафтане непри-
вычного сиреневого цвета, с ровным пробором темно-
русых волос и таким же ровным голосом.

— Княжна Ладимила?

— Все верно, сударь. А вы посланы царевичем помочь мне устроиться в этом чудесном дворце? — Опершись на предложенную Кафтаном руку, княжна вышла из повозки.

— О, для меня это огромная честь! Вас очень ждали. С нетерпением, так сказать! — продолжил прислужник невозмутимым тоном. Казалось, что подвижными на его лице были только брови и глазные яблоки, остальные же части будто были заморожены. — Прошу вас следовать за мной, сударыня!

Галереи комнат с высокими окнами сменялись небольшими закрытыми площадями с колоннадами и балконами над ними. То и дело княжна с ее сиреневым проводником поворачивали в очередные двери и оказывались в новом отсеке царского лабиринта. Запомнить расположение и названия всех государственных Советов, здесь размещенных, не представлялось возможным. «Отчего у людей нет крыльев? — думалось княжне. — Взмыть бы в воздух и посмотреть на дворец сверху — тогда бы стало понятно, как не заплутать в этих стенах».

*Ничто в полюшке
Не колышется,
Только грустный напев
Где-то слышится...*

Откуда-то издалека доносились звуки хора. День неумолимо шел к закату, хотя диск солнца и катился к линии горизонта по-летнему медленно. То ли по причине послеобеденного времени, то ли еще почему, мало кто попался княжне на пути. «Где же весь дворянский люд? Неужто сидят в такой погожий день в застенках и не выходят на воздух? Или готовятся к празднику какому, а я и не знаю? Иду пыльная, неумытая да нерасчесанная с дороги, а надо к Перуну* да Макоши** обращаться? Да сколько же можно идти!»

*Пастушок-то напевал
Песню дивную;
Он в той песне вспоминал
Свою милую...*

Не успела княжна что-либо сказать, как Сиреневый Кафтан остановился перед очередной парой дверей, увитых резными узорами, и спросил:

— Вы готовы, сударыня?

Мила вопрошающе смотрела на прислужника, не зная, что сказать. Готова? К чему готова? Что он хочет услышать? «Нет, сударь, давайте еще покругим по этим галереям, я не нагулялась»? Был бы его голос хоть немного окрашен каким-то тоном, это могло бы дать подсказку — что именно он имел в виду. Возможно, хотел предупредить царскую гостью о том, что ее ожидает невиданная роскошь, поэтому стоит прикрыть

* Громовержец, верховный бог пантеона. Женат на Макоши. Отец Деваны и Тарха.

** Жена Перуна, богиня судьбы. Почетно возглавляет Совет красы.

глаза, иначе можно ослепнуть? Или размер хорóм должен был вызвать приступ радостной одышки? Мила так устала, что мечтала лишь о покое, остальное в тот миг не имело ровно никакого значения. Ну и о чарке воды — от длительной ходьбы во рту пересохло.

*Как напала на меня
Грусть жестокая;
Изменила, верно, мне
Черноокая.*

Пение звучало все отчетливее и ближе. «Видимо, все собрались послушать этот дивный хор, — подумала княжна. — До чего любо поют! Надеюсь, и я смогу послушать, когда придет черед».

— Вы готовы, сударыня? — так же ровно, как и в первый раз, произнес прислужник.

Захлебнувшись в собственных мыслях, княжна и не заметила, что забыла дать ответ.

— Да, конечно, прошу прощения. Пойдемте же скорее.

Сиреневый одновременно открыл обе массивные двери, густо украшенные затейливой резьбой и блестящими камнями, и пригласил уставшую княжну зайти в помещение первой.

*Я другую изберу
Себе милую,
Сарафан я ей сошью
Ала бархата.*

Юная дева торопливо сделала два шага, сощурилась и застыла в изумлении. Такого она представить

и вправду не могла. Солнечный свет пробивал витражи окон насквозь, ложась на все поверхности разноцветным покрывалом. Резные дубовые колонны устремлялись вверх, шагом своих теней разрезая длинное пространство зала.

*Уж я серьги ей куплю
Скатна жемчуга,
Уж я кольца закажу
Чиста золота.*

Женский хор пел стройно и пронзительно. В высоте парадных сводов голоса отражались, создавая мягкое эхо, перекатывающееся по галереям и дворам-колодцам дворца. Княжну накрыло облаком звука, и, как только глаза привыкли к яркому цветному свету, она смогла рассмотреть то, что ее обескуражило.

— Не могли бы мы найти более безлюдный путь в мои покои? — подойдя обратно к прислужнику, спросила она.

— Сударыня, это в вашу честь! Так мы в Буян-граде приветствуем высокородных особ! — перекрикивал он хор. — Все по распоряжению царевича Елисея!

Помимо хора в белоснежных одеждах, поющего чистыми голосами, Ладимилу ожидал еще больший кошмар. Зал был полон людей, причем, судя по их облачению, тех, с кем по сословию ей придется общаться. Приглядевшись внимательно, княжна обнаружила, что всех находившихся в помещении можно было разделить на две части: слуги-мужчины и изысканно одетые вятские девы. Такого изобилия роскошных платьев ей не доводилось видеть никогда прежде! Бархат, парча, атлас всех цветов радуги покрывали плечи и талии их

обладательниц. Елисей был известен страстью ко всему шикарному, но Мила и подумать не могла, что соприкоснется с проявлениями этой страсти так скоро.

*Будем друг друга любить
Лучше прежнего,
Будем жить да поживать
Лучше каждого!*

Поняв, что отступать ей совершенно некуда и нужно дожидаться окончания торжественного приветствия, княжна поспешила утолить жажду. Манеры здешней прислуги, несомненно, отличались от неказистого обращения в Новом граде. Юноша с тонким лицом и изящными руками взмахнул кувшином так, будто тот ничего не весил, и вода заструилась, как живая, водопадом стекая в сверкающий хрустальный кубок. Вдоволь напившись, Мила вернулась мыслями к своему невзрачному пыльному дорожному платью и захотела спрятаться. Вернее, она готова была провалиться сквозь землю, но решительно не знала, как осуществить это свое желание.

*Ничто в полюшке
Не колышется,
Только грустный напев
Где-то слышится...**

Тем временем хор допел свою заунывную мелодию. Девы в белых платьях, все это время державшие в руках полевые цветы, стали расходиться. «Какое счастье, — подумала княжна, — скоро этот позор закончится».

* Народная песня.

Букеты предназначались высокородным девицам. Певчие девушки по одной подходили к гостям и, поклонившись, вручали им цветы. Одна из них, белокурая красавица в жемчужном венце да еще и с пегими крыльями за спиной, немного походила взад-вперед, высматривая кого-то. Она встретилась взглядом с прислужником в сиреновом кафтане, легонько поклонилась в знак благодарности и неуверенно подошла к княжне.

— Сударыня, это вам, — промолвила девица.

В то же мгновение Мила уловила какое-то движение, и сразу несколько барышень издали такой звук, будто лишились чувств. Все они смотрели в одну точку — на приоткрытую дверь, к которой вела широкая центральная лестница. На самом верху возвышалась фигура молодого мужчины.

Уже знакомый княжне прислужник бросился через весь зал, вскочил по ступеням почти до самого верха, преклонил колено и, скрючившись в поклоне, громко произнес:

— Его величество царевич Елисей Салтанович, наследник Земель буянских и прочих княжеств! — После чего выпрямился, подошел к будущему царю и что-то шепнул ему на ухо.

Наследник обвел глазами зал, как будто пересчитывая присутствующих, на несколько мгновений остановил взгляд на Миле, улыбнулся и удалился.

Княжне еще никогда не было так неловко. Машинально сжав букет васильков, она ловила ртом воздух, чтобы не упасть в обморок.

— Сударыня, вам плохо? Не изволите ли воды? Или, может, на воздух? — спросила крылатая хористка.

— Я, душенька, хочу сгореть со стыда. И, пожалуй, воздух горению не помешает.

Девы вышли на широкий балкон, опоясывающий часть парадного помещения. Отсюда, с холма, можно было увидеть долину и пересчитать слободы буянской столицы.

— Меня Алконост величают, — прервала молчание крылатая хористка, — и для меня большая честь вас привечать. Никогда не бывала в Новом граде, но слышала много хорошего... Сейчас и не вспомню, что именно, но непременно хорошее! — Она игриво засмеялась собственной забывчивости, но быстро осеклась. Проявлять эмоции в присутствии вятских особ считалось непозволительным. — Прошу прощения великодушно — я смеялась над собой, сударыня.

— Полно, Алконост, я вовсе и не заметила. Да и потом — чего дурного в смехе? Я бы тоже рассмеялась, не будь я сконфужена так сильно. Предстать пред будущим мужем кикиморой болотной, в пыли дорог и пропахшей сыростью ладьи, — не так я представляла это знакомство. На мою удачу, у царевича появились неотложные дела, стало быть, поэтому он не соизволил подойти и нас не представили.

— Царевич Елисей очень ждал прибытия всех царственных невест, потому что, согласно этикету, выбор должен состояться в присутствии даже тех, кого он не видит своей будущей супругой. А вы приехали, и, стало быть, можно начинать знакомиться с лучшими девами Пятимирия!

Ладимиле почудилось, что в этот миг внутри у нее образовалась огромная дыра, воронка, затягивающая вглубь ее девичью душу. Она схватилась за поручень, чтобы устоять на ногах, опустила голову и проговорила еле слышно:

— Лучшими девами Пятимирия... Что же это, получается, я не единственная?

Между холмом царской крепости и Алатыревым садом раскинулись слободки. Некоторые из них заселили мастеровые, в других все больше обитали купцы. Над юркими улочками и проездами высился каменный терем, издалека напоминавший исполинского паука. То был храм науки, в прошлом — дом бога Знича, покровителя знаний, ныне же звавшийся Буянским затвором.

Здание разрезали высокие своды главного коридора, ровно посреди него распластался парадный зал, в котором ученики коротали перемены между занятиями в дождливые дни. В комнаты разных знаний вели массивные двери, и на каждой виднелась табличка с названием предмета изучения. Одна из них вела в Грамоту, другая — в Розмыслы. Были еще Алхимия, Музыка, Счет и с полдесятка других. Пространство между дверьми было занято гравюрами, портретами великих буянских мужей и мраморными статуями верховных богов. Стерев пыль с очередной скульптуры, крылатая смуглянка опустила тряпку и перевела взгляд на следующий объект. То была карта Пятимирия, по причине, вероятно, своей ветхости забранная под стекло. Дева-птица вздохнула и подобралась к золоченой раме.

Тонкие пальцы коснулись верхней части стекла. Под ним значился выступ королевства нордов, ледяного края суровых викингов. Дева на секунду попыталась представить, как там живется, в этом Царстве вечной зимы. От одной мысли о беспрестанном холоде ее бросило в дрожь. Палец скользнул ниже, проследовал по изгибу Великой реки мимо Нового града — северного оплота Буянского государства — и остановился в самом

центре карты. Она была здесь, в столице могущественной страны Пятимирия. Впрочем, каждый правитель считал свой край самым важным и великим и в каждой своей речи перед народом непрестанно являл доказательства этой своей правды. Дева скосила взгляд налево. Стекло прятало потрепанный участок холста, на котором неровной линией обозначалась Эллада. Сухой каменистый край, колыбель науки и искусства. Свои учения до Общеземельной войны эллинийцы мастерски распространяли по всему Пятимирию. Однако теперь важные новшества все больше изобретались здесь, в Буян-граде, на этом Острове вечной весны и научных открытий. Она довольно улыбнулась и перевела свой коричневый взгляд обратно в буянскую столицу. Сколько всего ей удалось узнать за несколько лет жизни здесь! И основы градостроения, и устройство водопроводных каналов, составы смесей для зодчих, не говоря уже о философских учениях и природных явлениях. Виной тому было не только взросление. В затворе она погрузилась в жизнь местных светил науки и мечтала о том, что однажды сама придумает нечто способное изменить ход вещей. Везде: здесь, в Буяне, у суровых нордов или занятых пирами эллинийцев. Дева-птица покосилась на этот раз вправо. Загадочная Восточная империя выглядела неприступной даже на карте. Никто за ее пределами не мог с точностью назвать, чем живет этот народ. Свои боги, свой язык, свои обычаи. Пожалуй, она только и видела, что тройку купцов на базаре, торговавших специями да шелками. Но никогда не имела чести завести разговор ни с одним имперцем. Темная кожа, еще темнее, чем у нее, смоляные волосы да миндалевидный разрез глаз — вот и все, что она успела в них различить.

Палец соскользнул в самый низ карты. Под ним раскинулся ее родной Вавилон, столица Амитийского царства. Дева-птица задержала дыхание и закрыла глаза, пытаясь вспомнить, как там жилось.

— Дорогу домой ищешь, чернушка? — вырвал девушку из мыслей резкий мальчишеский голос. — Тебе крылья на что? Взмахни — и лети отсюдава подобру-поздорову!

За потупившей взор Гамаюн откуда ни возьмись появилась группка местных учеников. Они были юны, благородны кровями и жестоки намерениями. Один из них, самый низкорослый, автор первого изречения, подошел прямо к ней.

— Ты здесь на птичьих правах, Гамаюн, — проговорил он, будто прожевывая последние звуки. — Га-ма-юн... Такая рослая, худосочная и немытая. Чуете, братцы, как мускусом разит? — обратился он к товарищам. — Была бы у тебя душа, подумал бы, что она сгнила. Но ты же женщина, откуда в тебе она. Ты для одного и годишься. Впрочем, кто на тебя в твоём безобразном платье-то и посмотрит? Нечего здесь каблучки точить, своим куриным мозгом все равно ничегошеньки не размыслишь!

Тирана вызвала хохот среди юнцов, и они, удовлетворившись своей радостью, скрылись из виду. Гамаюн подняла взор и вновь посмотрела на карту, но больше не видела стран и городов. В стекле отражалась печальная смуглая дева-птица со слегка горбатым носом, пышными мостиками бровей и ореховыми, полными тоски глазами. Она легко, почти ласково коснулась стекла тряпкой и горько вздохнула. После же потерла пальцем под ноздрями, убрала прядь темных волос за ухо и принялась вытирать остальные скульптуры.

— Вот, сударыня, пришли! — Сиреневый Кафтан остановился перед неказистой маленькой дверью, выделяющейся своей облезлостью на фоне белоснежной крепостной стены дворца. — Располагайтесь, так сказать, будьте как дома.

Княжна слегка наклонила голову и заглянула внутрь. Полумесяцы бровей взошли на небосклон ее лба, обозначая крайнюю степень удивления. Оказывается, вечер изумлений был для нее не окончен.

— Внутри есть все, включая уборную. Совет размыслов постарался! Окна, конечно, невелики — в прошлом это бойницы, зато вид из них упоительный. И тихо здесь, никто не помешает. — Уверенность в голосе прислужника таяла под внимательным взглядом княжны Новоградской.

— Это конура для белки, а не палаты для царской невесты, не находите? — Мила настолько устала, что еле сдерживалась, чтобы не взорваться. — И потом, где вы предполагаете разместить мои сундуки с нарядами? И, кажется, вы ничего не сказали об отдельной комнате для Добродееи, моей служанки. Неужто ей придется жить еще дальше? — Возмущение Ладимилы хлестко подкреплялось сталью в ее голосе.

— Позвольте, сударыня, объясниться... Мне очень жаль, но наш двор оказался переполнен... переполнен царскими и княжескими особами, и, к нашему несчастью, осталась только эта комната. Виноваты. Прибудь вы раньше — мы бы с радостью поселили вас в царском флигеле, но он уже забит донельзя, на прислугу и то места нет, они там все передрались. А ваша служанка... Не знаю, попробую выяснить и прислать ее к вам при первой возможности,

но обещать ничего никак не могу. Увы, ее судьба не в моей власти.

Ладимила не могла скрыть досады. Ей нестерпимо хотелось умыться, сменить платье и расчесать пыльные волосы. Кто будет ей в этом помогать? Неужто Сиреневый Кафтан?

— Стало быть, до появления Добродееи ко мне представлены вы? Никак не возьму в толк — как это возможно, чтобы мне помогал мужчина?!

— Сударыня, вышло недоразумение... Я служу царевичу, который направил меня сопроводить вас в покои. Понимаю, вы, должно быть, привыкли к неотступной помощи верной прислуги. Смею догадываться, что вы захотите освежиться после дороги. Нет ничего проще! В уборной найдутся последние новшества Совета красоты, работающего под благословением матушки Макоши. Поступление воды регулируется медным рычагом: достаточно нажать на него легонько — и струя теплой воды прольется водопадом прямо на вас. Над тумбой в опочивальне есть карта дворца и ближайших слободок. А также обратите внимание на прозрачный цилиндр, выходящий на четверть сажени из стены, — в него будут поступать письма с распоряжениями обо всех дворцовых событиях. На этом я вынужден откланяться. Рад буду услужить княжне.

Ладимила заглянула в комнату еще раз. «Батюшки, с этим всем разбираться самой?» — подумалось ей. Добродеея здесь явно не лучшая подмога. Впрочем, прислужник вызывал у нее одно только раздражение, и, прикинув, что заняться в своей комнате ей будет решительно нечем, она поинтересовалась о расположении книгохранилища. Он порекомендовал посетить читальную при училище — до него удобно добираться.

— Любезный, — окликнула она уходящего Елисеева слугу, — совсем забыла о вечернем приглашении. Девушка Алконост была крайне мила со мной и предложила послушать ее пение в трактире... Как же он называется? Ах, забыла... Не знаете случайно, где он может находиться?

— «Брячина» — именно там бывают такие вечера. Он в Малой Кузнецкой слободе, правее Алатырева сада.

Княжна поблагодарила прислужника и пошла разбираться с умными приспособлениями в своем новом жилище.

«Сколько же в этой читальне книг? Интересно, есть ли хоть кто-то, кто их пусть не прочитал, но хотя бы пересчитал?» — Княжна стояла посреди огромного зала книгохранилища и восхищенно оглядывала возвышающиеся вокруг нее шкафы, забитые разноцветными корешками. Внизу, под полосами сумеречного света из больших окон в крыше, располагались длинные столы с зелеными фонарями-пятисвечниками. Посетителей было не много, теплый свет ламп обнаруживал две-три фигуры, склонившиеся над книгами. Еще меньше было служителей, во всяком случае, никто не торопился помочь высокородной девице в поисках «Свода буянской жизни при Салтане». Она успела и кашлянуть, и пошаркать мысом туфли по дубовому паркету, и даже постучать по лакированной поверхности кафедр. Наконец из-за массивного шкафа появился человек со стопкой книг, полностью закрывающей его голову. Ладимила подошла ближе, поздоровалась и произнесла название требуемой книги.

— День добрый, вечер — что там у нас сейчас? — Книжная пирамида слегка наклонилась вслед за поворачивающейся в сторону окон головы. — Пожалуйста-пожалуйста, такая у нас точно где-то есть. Воспользуйтесь описью, сударыня, это вон в том углу.

— Не поможете ли мне, сударь? Боюсь, если я и найду нужную книгу в описи, а она окажется где-то наверху, мне потребуется помощь, чтобы спустить ее по лестнице. — Княжна еле сдержалась, чтобы не упомянуть о своем статусе, но в последний миг подумала, что тон, не терпящий возражений, должен сработать.

— Э-м-м-м... Вы тут, верно, в первый раз? Опись устроена таким образом, что, нажимая на кругляшки с нужными буквами, выбивая название книги, а после давя на педаль, вы тем самым выдвигаете ее с полки. Сначала давите не в полную силу, а потом, когда завидели нужный корешок, можно ловить! Оп — и она у вас в руках!

Княжна стояла перед огромным механизмом, похожим на диковинный музыкальный инструмент, и растерянно водила пальцами по его клавишам. К моменту, когда ей удалось набрать нужные слова на этом приборе, ее лоб покрылся испариной. Решающее нажатие педали, и... ничего не произошло. Только откуда-то сверху брякнул уставший колокольчик. Мила внимательно посмотрела, не высунулся ли с какой-нибудь полки корешок, но все книги стояли ровно, как солдаты на плацу.

— Этот звук означает, что вы перепутали название книги или указали его неверно, — прозвучал голос служителя. — Попробуйте еще раз.

Следующие несколько попыток не увенчались успехом: книги предательски стояли на месте, а колокольчик

по-прежнему злорадно брякал. Обессилевшая, княжна присела на ступень ближайшей лестницы, не зная, на что злится больше — на здешние порядки или собственную неспособность освоить опись.

— Вы ищете что-нибудь о Буян-граде при Салтане, я верно услышала? — мягким полусшепотом спросила одна из посетительниц. В ее руках было несколько толстых книг, держать которые, казалось, ей было совершенно не тяжело.

— Да, но это хитрое устройство сопротивляется и не хочет мне поддаваться! — ответила княжна. Она перевела взгляд на девушку и рассмотрела ее: ровная спина, за которой были сложены птичьи крылья; длинные шелковистые темные волосы, обрамляющие ладное, чистое лицо; сдержанное, закрытое синее платье. Похоже, она была родом откуда-то с юга и явно принадлежала к знатному роду.

— Я Гамаюн. Прохожу обучение в Буянском за-творе.

— Очень приятно, Гамаюн. Я Ладимила, родом из Нового града, и я не привыкла к этим умным приспособлениям. У нас все как-то проще, помощь можно попросить у человека, а не у... клавиш.

— Пожалуй, это дело привычки. Удобно, когда приладишься с ними управлять. — Милина новая знакомая подошла вплотную к механизму, положила на краешек свою стопку томов и ловко набрала несколько слов, нажимая на выпуклости круглых кнопок. Пружина педали тяжело согнулась под ее ступней и привела в действие механизм поиска книг. Где-то сзади лязгнули шестеренки, в вышине под самым сводом потолка запрыгали звенья приводящей цепи, и за одним из шкафов зазвенели стучающиеся друг о друга железные шарики.

Гамаюн по звуку отследила нужную траекторию и безошибочно подошла к высокому стеллажу, откуда осторожно достала книгу с золоченым окладом и массивными накладными петлями. На ней были выгравированы несколько слов: «Капля дегтя в бочке меда». Девушка решительно протянула том княжне, оглянувшись, подошла ближе и еле слышно вымолвила:

— Не смотрите, что на обложке написано. Внутри — истинное описание того, с чем пришлось столкнуться царскому роду двадцать лет назад. После прочтения можете положить вон на ту полку. — Она указала на дубовый книжный шкаф.

— Спасибо, Гамаюн. Это было... весьма впечатляюще. Я о вашем умении управляться со всем этим... — Она обвела вокруг себя руками. — И за такую, как я понимаю, редкость — отдельная моя благодарность. Надеюсь, мы с вами еще свидимся и я смогу отплатить за вашу доброту.

— Не стоит благодарности. С радостью увижу вас здесь снова! Поделитесь потом, как вам книга. — Гамаюн легко поклонилась, забрала книги со столешницы механизма и растворилась в темноте библиотеки.

*Славный царь Буяном правит
И границы охраняет
От кочевников степных
И от ратников чужих.*

*Обойдя свои владенья,
Тем закончив все волненья,
Царь с победою в руках
Возвратился в Буян-град.*

*Из похода воротился,
На царицу взгромоздился.
А она, как шла молва,
В ту же ночь и понесла.*

*Как узнал об этом царь,
Всех буянцев государь,
Созывал весь мир честной
На свой пир он дорогой.*

*Все там было чин по чину:
Бражка, пиво, морсы, вина,
Разносолы, всяки яства,
Всяки вкусные богатства,
С Пятимирия всего
Привезли что для него.*

*Но тогда была вражда,
Снова вспыхнула война
С кочевыми племенами.
Посоветавшись с богами,
Призвала война царя,
Грозного богатыря.*

*Враг на долю выпал строгий —
Дюже сильный, не убогий.
Не простой он, так сказать.
От границы б отогнать.*

*Бился с ним Салтан не месяц,
И не два, но там всё спеси
Было хоть не отымай.
Беспокойный то был край.*

*Но под натиском буянским
Кочевой народ поддался
И от южных от границ
Отошел подальше вниз.*

*Тут пришел уж час родин,
И царица за один
Вечерок Салтану сына
Подарила. Народила.*

*Царь, как только воротился,
Пировать приоровился,
Чтоб победу отмечать,
Пиво бражкой запивать.
А тут на тебе дела:
Знать, Чаяна неверна!*

*Не поверил царь навету!
И за мерзкую клевету
Сжечь хотел он всех дворян,
Что позорили Буян.*

*Тут взмолились вятши люди:
«Спор наш боги пусть рассудят!
Не губи ты нас, отец,
Не пускай на холодец!»*

*Грозный царь чернее тучи —
Тяжки думы разум мучат.
И, по царскому велению,
Обратились за решеньем
Ко жрецам богов верховных,
Тех, кто смыслят в делах оных.*

*Бормотали вóлхвы слово,
Непонятно, незнакомо.
И ведуньи, и вещуньи,
Бродят всякие колдуньи
Вокруг царского малютки,
Заподозрить в нем ублюдка
Всё пытаются они.
«Нас, когда зовут цари,
То без дыма не бывает,
Чтоб огонь запылывает!»*

Но тут Мары жрица стонет.
Говорит она: «Утонет
Мальчик в море, коль бастард.
Но в живых оставить рад
Будет сына Чернобог**,
Если он по крови тот,
Кто достоин царством править,
Перуна да Макошь славить».*

*Долго ль мучился, но скоро
Повелел правитель в море
Бочку с сыном снарядить,
Чтоб себя не бередить.*

*Царю жрица обещала,
Что вернется бочка рано,
Через сутки. Коль живой,
То, глядишь, сынишка твой.*

* Богиня смерти. Дочь Сварога и Лады, жена Чернобога. Живет в Нави.

** Владыка Нави — подземного мира, в который отправляются души умерших.

*Ну а если мертвый будет,
Значит, смерти бог рассудит
Так, что мальчика он вплавь
Переправит сразу в Навь.*

*Но над мальчиком царица,
Словно хищная орлица,
Вьется, не дает отнять.
Говорит царю: «Я мать!
Не позволю погубить,
Своего сына утопить!»*

*Заточили их в дубовых
Досках, гнутых, навощенных,
В бочке, попросту сказать.
В бездну кинули — и ждать
Принялись, когда вернется,
Чтоб проверить: сын, не сын?
Только бочки след простыл.*

*Ждали день они и сутки,
Ждали два, а вот и утки
Собрались улетать,
А бочонка не видать.*

Бесконечно долгий день совсем устал и потемнел, на небосклон взошла луна. Ее тусклый, холодный свет отражался в стертых до блеска камнях мостовых. От библиотеки в сторону дворца и окружавшей его крепостной стены шла широкая аллея из кленов. Их рассеченные остроугольные листья оставляли на мостовой причудливые тени, шевелящиеся от ветра. Аллея вела

к небольшой, аккуратной круглой площади, от которой расходились улочки и переулки, освещенные лучами граненых масляных фонарей. Княжна Ладымила не могла определить, по какой из них она пришла от крепости. Это ее не сильно раздосадовало. Дева решила, что любой путь наверх обязательно приведет ее домой.

Мысли ее занимало наблюдение: в родном Новом граде даже подумать о прогулке после заката было нельзя: город погружался во мрак после захода солнца. Князю не раз пугали с самого детства, что с наступлением темноты на улицах появляются злые духи, дети Чернобога, и покинуть стены терема можно только в случае острой необходимости. И желательно не в одиночку. А тут, в столице, ей то и дело попадались неспешно прогуливающиеся горожане. «Ночью здесь так хорошо, так привольно и ничуть не страшно», — подумала она и свернула в очередной переулок.

Тем временем фонари встречались все реже, а тени от их чугунных перегоронок становились все длиннее. Даже когда она в третий раз прошла мимо одной и той же калачной лавки, отмеченной большой сдобной завитушкой на фасаде, признаваться самой себе в том, что она заблудилась, княжне совсем не хотелось. Она сменила направление и на этот раз пошла по темной узкой улице, изломанной холмом и ведущей в неизвестность, к одинокому далекому фонарю. Под ним стояли трое мужчин. Одного из них заметно пошатывало, двое других лениво переговаривались, наполняя тесное пространство между высокими теремами пьяными перетолками, да еще и с заметным амитийским говором. Мила замедлила шаг — ей было не по себе. Как назло, она только что спустилась по довольно

крутому холму, а впереди, пусть не близко, но все же отчетливо переливалась бликами белоснежная стена крепости, отражая лунный свет. Отступить не было смысла. Решив, что надо проскользнуть максимально незаметно, она подобрала полы платья, прижалась к стене терема и на носочках стала пробираться мимо палисадников. «Только бы не заметили, только бы не заметили, только бы...»

Княжна грохнулась на мостовую, больно ударившись локтем, и вскрикнула от неожиданности. «Будь неладен этот камень!» — прокляла она валун, ставший причиной ее падения. Быстро встала, отряхнулась и, не оборачиваясь, продолжила свой путь. Переулок нехстати расходился на две части. Мила, недолго думая, повернула вправо, надеясь, что так скорее выйдет на дорогу к дому. Через несколько шагов она обернулась: в отсветах керосинового фонаря шаталась фигура, а за ней еще две. Их стремительное приближение не оставляло сомнений — надо бежать! Не разбирая дороги, дева помчалась вперед, в объятую тишиной дремучую темноту. Ей одновременно было холодно и жарко. Несмотря на накопленную за трудный день усталость, ноги послушно несли ее прочь от опасности. Поворот, еще один. Фонари, а вместе с ними и хоть какая-то видимость закончились. Остался только страх, бешено билось сердце, а позади раздавались голоса преследователей. За очередным высоким теремом, слившимся с остальными в одну большую мрачную ширму, блеснул фонарь. Мила взбежала за угол по короткой, разъехавшейся от времени лестнице и оказалась на четко очерченной светом квадратной площадке, со всех сторон окруженной подпорной стеной из бревен. Дальше прохода не было. Княжна дернулась обратно, но было

поздно: пропойцы влетели по лестнице и преградили путь к отступлению.

— Какая ладненькая, смотри-ка! — Долговязый мужчина в рваном кафтане цвета сгнившего сена беззастенчиво вглядывался в свою добычу. Кожа его была по-южному темна, а речь выдавала амитийское происхождение. — Куда ты, птичка, так резво от нас упорхнуть решила?

Дева забыла, как дышать. Она сосредоточенно смотрела на своих преследователей и пятилась до тех пор, пока не уперлась спиной о стену. От прикосновения к влажной древесине она ахнула, чем вызвала у долговязого недобрый хохот. «Ни одного дымочка над крышами — значит, и кричать бессмысленно. Разве что...»

— А-а-а-а-а! — прокричала княжна что было мочи.

— А-а-а-а-а! — прозвучало ответом эхо.

Пропойцы резко остановились. Шатающегося пришлось ловить — закон тяготения чуть не заставил его упасть от неожиданности. Тот, что был пониже, в кривой шляпе и с железным зубом, достал из-за пояса нож.

«Славно вышла замуж! Что они со мной сделают? Лишат чести здесь, на заднем дворе заброшенного дома? Возьмут свое и сбросят в колодец, придушив для верности, как гуся перед чествованием Сварога? Или украдут в рабство и увезут в свой Вавилон? Меня, наследницу Велимира, грозы каторжников и всех северных народов? Или бросят здесь, надеясь, что постыжусь рассказать кому-то? Лучше пусть сразу убьют, раз так хотят боги. Раз не суждено мне быть женой царевича. Не дано подарить ему наследника и славить Перуна и Макошь до скончания дней своих. Ведь не пришел

срок, я только начала жить! Надо их убедить, образумить, уговорить! Но как?»

— Судари, прошу вас, оставьте меня! Мне нечего вам отдать! — срывающимся голосом твердила Ладимила. — Прошу вас!

Долговязый медленно поднял взгляд куда-то ввысь. После переглянулся с остальными мужчинами. Их смуглые лица исказил ужас. В следующее мгновение на стене дома возник необъятных размеров силуэт какого-то крылатого существа. Мужчины врассыпную бросились обратно к лестнице, соревнуясь в одышке и проклятиях.

Мила сжала веки и лихорадочно шептала молитвы — те, что помнила. На ум шли песнопения в честь урожая и яркого солнца — именно их приходилось читать чаще остальных там, откуда она родом, — на Севере. Она остановила беспорядочный поток слов в голове и подумала: «Если это последние мгновения моей жизни, то зачем мне тратить их на восхваление богов, которые меня оставили? Надо быть сильной до конца и посмотреть в глаза тому, кто принесет мне смерть».

— Что же ты ходишь, девица, темными тропами? — прозвучал хриловатый женский голос. В размышлениях о печальной своей безвременной кончине княжна и не заметила, как силуэт волшебным образом обратился чарующей своей ладностью девой-птицей.

— Я Сирин. А тебе здесь лучше не гулять ни днем, ни ночью. Заблудилась, красная?

Княжна не могла вымолвить ни слова. Этот день приготовил слишком много неожиданностей для девушки из маленького северного города! На секунду ее посетила мысль, что никогда прежде не видела она столько крылатых дев, как за этот неполный день

в столице, да еще и таких привлекательных. Она смотрела на свою спасительницу и не знала, как ее благодарить.

— Ладимила. Лучше просто Мила. Вы меня, право, спасли, Сирин! А я было с жизнью попрощалась.

— Эти убивать не станут. Так, поразвлекались бы да отпустили. Хотя от иноземцев можно ждать чего угодно. А ты, верно, недавно в городе?

— О да, надеюсь, и ненадолго. Что-то мне здесь пока не очень нравится. А вы? Такое имя красивое и... нездешнее. Откуда вы родом?

— Откуда родом, туда не вернусь. — Дева гордо фыркнула. — Это не имеет никакого значения. Знаешь что, милая, давай-ка я тебя домой доведу, потому как после у меня дела. Где ты живешь?

— В крепости, в южной стене мои покои. Как мне повезло встретить вас... И спасли, и до дома проводите. Боюсь спросить: какие дела могут быть в столь поздний час?

— Кто-то ищет приключений, гуляя в темных слободах... — Сирин многозначительно улыбнулась. — Я же пойду в трактир. Там всяко потешнее, чем здесь.

— Не может быть! В «Брячину»? Совсем забыла, что меня там ждут сегодня. И если бы мои наряды доставили вовремя и мне было во что переодеться, я бы тоже туда собралась.

— Стало быть, ты совсем новенькая здесь? Если все дело в чистом платье, то давай пройдем через мой дом — я одолжу тебе наряд. Мне не сложно — у меня их что листьев на дереве.

— Вы безмерно добры ко мне, Сирин...

— Мила, ради всех богов, перестань мне выкаты! Я тебя старше на пару лет. Ладно, лет на пять. Но я молода

и привлекательна, разве нет? То-то же! Пойдем скорее, пора исправлять твоё впечатление от Буян-града. Я уже придумала, в чём ты будешь смотреться бесподобно! Идем!

Трактир был под стать всему в Буян-граде: такой же просторный и широкий. Центральную часть его венчал небольшой купол, под которым располагалась сцена. Остальное пространство было открытым, условное деление вносили лишь опорные столбы исполинских бревен, а под ними были раскиданы разного размера столы да лавки и стулья с накидками из выделанной кожи. У подножия сцены была отведена небольшая площадка для музыкантов; с другой же стороны, ближе ко входу, возвышался массивный стол, за которым можно было дождаться своего спутника, если пришел раньше оговоренного, или провести время в одиночестве, в компании с бражкой, разумеется.

В этот погожий весенний вечер в «Брячине» было многолюдно. Бесцветные, услужливые юноши разносили яства, крепкие напитки лились рекой, в воздухе зависло странное сочетание суеты и безмятежности. Буянцы отдыхали. Шуметь и праздновать горожане любили и научились, как никто в Пятимирии. И хотя недавние преобразования Совета поклонения предписывали отменить все общественные праздники, приуроченные не к чествованию богов, здесь, в «Брячине», повод отметить что-нибудь находился каждый день. То это были Первые Русалии* (а ведь русалок и прочих

* Праздник в память умерших у древних славян, поминальные дни с одноименным поминальным обрядом.

мавок почти истребили да вытеснили из приличных мест, оставив им безлюдные болота), то Живин день* — несмотря на то что зрелое лето наступало где угодно, но только не здесь, на острове. Что уж говорить про Купальскую ночь или, например, Дни урожая: народ гудел до первых петухов и расходился по домам засветло. Даже в Радуницу, день, никак не предполагающий веселья**, «Брячина» была полна праздным людом. Буянцы знали толк в развлечениях.

Трактир славился своими представлениями. Здесь можно было увидеть выступления лучших передвижных театров, удивиться фокусам странноватых скоморохов, но чаще всего — послушать отменную музыку и пение. В тот вечер музыканты приходили вразнобой, поэтому сначала слух посетителей развлекала пара свирелей. Их тонкие мелодии переплетались так, будто две райские птицы играли друг с другом, забыв обо всем на свете. Позже им стала вторить одинокая домра, скрип струн которой лениво разрезал любовную песню свирелей. На звуки противостояния довольно быстро прибежали бойкие гусли и заводная трещотка. И только когда глухие удары в бубен, рассыпающиеся искрами маленьких колокольчиков, стали отмерять лихой ритм, музыка приобрела всю полноту и полилась свободно и легко.

Мила и Сирин появились в дверях трактира как раз вовремя — Алконост с минуты на минуту должна была выйти на сцену. Сменив потрепанное дорожное платье, княжна почувствовала себя той, кем была по крови.

* Праздник, посвященный Живе — богине зрелой любви, лета, урожая, дочери Сварога и Лады.

** Весенний праздник у восточных славян, когда поминали предков и посещали могилы.

Наряд, которым с ней любезно поделилась новая знакомая, был ей совсем впору: пыльно-голубой бархатный верх, усыпанный кристаллами камней, переходящий в юбку из шелковистых белоснежных перьев с подкладкой из невесомого атласа. Аккуратно зачесанные за спину пепельно-белые волосы венчала тонкая проволока диадемы, украшенная сверкающими аквамаринами. Сирин тоже заметно преобразилась: вместо длинной черной парчовой накидки ее стать была подчеркнута струящимися слоями изумрудно-зеленого шелка, выпадающими из-под тугого золотистого корсета, расшитого строгими узорами. Темно-каштановые волосы были уложены в высокую прическу, на которой светился головной убор, похожий на веночек из диковинных золотых листьев. Распорядитель вечера, немолодой мужчина в строгом черном кафтане, завидев знатных дам, соколом кинулся их встречать. Глубокий поклон, уточнение формальностей — и девушки последовали за ним вглубь трактира. За высоким массивным столом для ожидающих Мила заметила одиноко сидящую Гамаюн. К слову сказать, платье на ней было то же, что днем, и на фоне остальных она смотрелась юной скромницей. Лицо княжны просияло, и она незамедлительно окликнула знакомицу:

— Так скоро встретиться вновь я и не думала, Гамаюн! — Мила посмотрела на девушку, которую видела в книгохранилище, и отметила свежесть ее смуглой кожи, за счет которой Гамаюн могла бы дать фору большинству хорошеньких дев Пятимирия. — Сирин, это Гамаюн, добрая душа, очень помогла мне сегодня днем.

— Добрые девушки должны держаться вместе, не так ли? — Сирин чуть наклонила голову, то ли требуя ответа на свой вопрос, то ли соображая, чего можно

ожидать от восточной прелестницы. — Ты к нам присоединишься? С нами будет всяко интереснее, чем одной на этой жердочке. И давайте сразу договоримся: мы будем на «ты», хорошо?

Для Сирина и ее спутниц оставили круглый центральный стол, который не только открывал лучший вид на сцену, но и был точкой пересечения взглядов со всех уголков трактира. И, как было видно, многие посетители ждали не только музыки. Как только места за этим столом были заняты пришедшими девушками, распорядитель «Брячины» поднялся на подмости, подал знак музыкантам, кашлянул для уверенности в сторону и звучно проголосил:

— Судари и сударыни, Алконост!

Сладостная истома застыла в воздухе. Через несколько мгновений прямо из-под купола взору восхищенной публики предстала долгожданная певица. Это была уже не та блеклая хористка, которая привечала княжну днем во дворце. Пшеничного цвета локоны взлетали от взмахов крыльев. Пышное платье переливалось перламутровым блеском. По подолу были рассыпаны живые цветы всех возможных оттенков — казалось, будто юбка соткана из их лепестков. В высоком разрезе был виден короткий алеющий подъюбник. Орнамент из настоящих левкоев очерчивал волнующую линию бюста и расходился под плечи. Она была ослепительно великолепна еще до того, как начала петь. Но вот гусли, отщипывающие начало мелодии, стихли, бубен замедлился, уступая место в воздухе певице. Алконост глубоко вздохнула, выбрала глазами одну точку позади дальнего ряда столов, и тотчас из ее уст полился необыкновенной чистоты звук, непохожий ни на один другой в Пятимирии. Толпа была в восхищении.

После нескольких песен Алконост поклонилась зрителям, поблагодарила музыкантов и покинула сцену под продолжительные рукоплескания. Народ немного успокоился и принялся за свои закуски. «Брячину» стали заполнять ароматы ужина.

— Ты тоже приехала свататься к царевичу? — оторвавшись от очередного яства, спросила Сирина у Гамаюн.

— Что вы... ой, ты!.. Прошу меня извинить, не могу так сразу привыкнуть. — Гамаюн виновато поелозила на стуле. — Я здесь учусь, да и к царскому роду не отношусь. Слышала, по просьбе царевича пригласили много благородных невест, но, к сожалению, ни с одной из них не знакома.

— Как не знакома? — Сирина откинулась на спинку кресла и многозначительно посмотрела на Милу. — Княжна Ладимила Велимировна Новоградская собственной персоной. Прямо за этим столом.

Гамаюн застыла в удивлении. Сказать, что до этого она ела с аппетитом, было сложно, а теперь ей и подавно кусок в горло не лез.

— Сирина, что же ты все мои тайны раскрываешь! — Мила с шутливым укором посмотрела на девушку. — Гамаюн, мое происхождение ничего не меняет. Я и правда приплыла сегодня утром, чтобы стать женой царевича Елисея, но никак не ожидала стать одной из многих в попытке занять место на престоле Буянского царства. — Ладимила сделала знатный глоток вина. — Мне очень жаль, что вас обеих я встретила слишком поздно. Ты помогла мне узнать, почему в столице все так сложно, а Сирина спасла меня от позора, передела и позволила вновь почувствовать себя царской невестой, а не замухрышкой. Поднимаю за вас свой кубок! Только

ради знакомства с вами стоило преодолеть столь далекий путь!

Переодевшись в более удобное платье красного цвета с закрытыми плечами, подпоясанное разноцветным кушаком, Алконост вернулась в зал, на этот раз — при помощи ног. Как только она подошла к круглому столу, который занимали девушки, к ней тотчас же подскочил распорядитель и возбужденно что-то прошептал. Она благодушно хихикнула и закачала головой:

— Дайте мне спокойно поговорить с девицами, прошу.

Она мягко похлопала его по плечу, беззвучно подтверждая свою просьбу.

— Княжна, я несказанно рада, что вы соблаговолили прийти меня послушать. Смотрю, вы нашли достойную компанию и познакомились с моей дражайшей Гамаюн! — Она наклонилась к восточной красавице и поцеловала ее в щеку. После обернулась к Сирина и на мгновение замерла. Скользнула по ней взглядом, отвела взор и, улыбнувшись, присела в поклоне.

— Алконост, свет моих очей, мы здесь все уже обращаемся друг к другу по-простому, поэтому давай без церемоний. — Мила поднялась, держа в руке кубок. — Мне повезло встретить этих достойных дев сегодня, и они мне очень помогли, как и ты. Честно признаться, после всех сегодняшних приключений уверенности в том, что у меня останутся силы на столь поздний ужин, не было никакой. Позвольте вас познакомить!

Княжна поведала о каждой из девиц все, что знала, обильно сдабривая свой рассказ добрыми словами. Она также успела поделиться с новыми знакомыми тем, что в родном Новом граде не часто встречала девптиц. Алконост, Гамаюн и Сирина дружно рассмеялись

и уверили княжну в том, что таких, как они, в столице пруд пруди. За их стол непрекращающимся потоком тянулись слуги прочих посетителей, желающих познакомиться и пригласить девушек разделить с ними трапезу. Всем был дан отказ. Один из особенно рьяных охотников до красоты, не выдержав девичьего «нет», пришел собственной персоной и упрекнул дев в том, что лельник* у них не по времени, — мол, что молодецкие умы бередить, коль не за женихами явились? Холодное молчание остудило его пыл. Он коротко буркнул извинения и ретировался. Очередной слуга, подошедший на этот раз к Сирин, получил от нее еле заметный знак. Через какое-то время она попросила ее извинить, встала и вышла из зала, обещав вернуться. Возвратилась она в еще более приподнятом настроении — вероятно, хмель и вино сделали свое дело. Сирин вознесла кубок и возбужденно прошептала:

— Вам не кажется, что этот остров охраняют все боги Пятимира разом? Мы, дочери разных народов, собрались под одной крышей, чтобы получать удовольствие не где-нибудь, а в Буян-граде. Давно мне не было так спокойно и хорошо. За наших богов!

Все встали из-за стола и подняли свои кубки. Не успели девушки выпить, как в дальнем конце трактира раздался крик. «Брячина» замерла и смолкла. Слышны были только тяжелые всхлипы распорядителя. Он бросился к одному из столов. За толстым опорным столбом не было видно, что он делает. Народ вскочил со своих мест и принялся оживленно перешептываться. Девушки переглянулись, их кубки нерешительно опустились

* Девичий праздник, который отмечают 22 апреля. Он завершает Русальную седмицу, или Первые Русалии.

обратно на резную столешницу. Распорядитель грузно встал, опираясь о бревно, провел рукавом по вспотевшему лбу, поднял пустые глаза и вымолвил:

— Он мертв.

STONE HEDGE

Глава 2

Самозванец

— Вот ты не видишь ничего своим соленым глазом, а я тебе как на духу говорю: то не форель была, не форель!

— А что же? Щука, что ли? — Одноглазый закончил поправлять невод и уселся на бревно рядом с приятелем.

— Да какая щука! Осетр, не иначе!

— Я, может, и вижу плохо, но соображаю еще пока. Откуда ж в наших краях осетр! Из Вавилона, скажи еще, доплыл.

— А может, и из Вавилона. Заблудился и приплыл. Да какой толк об этом говорить теперь, раз все равно уплыла рыбка! Ты бы закрепил свою часть лучше — она бы не ускользнула.

— Ты мне еще скажи, что вон там тоже осетр.

На горизонте и вправду появилось что-то покачивающееся на волнах.

— Эта тварь побольше! Погоди-ка... то мертвечина, может, какая — что-то хвостом не машет. Пузом кверху дрейфует. Прямо на нас!

Рыбаки на время перестали переругиваться и впились всеми тремя глазами в одну точку. Непонятное

существо не шевелилось, а только покорно приближалось к берегу, подталкиваемое пинками невысоких волн.

— Больно оно пузатое, Алешич! И голова где? Переплут откусил? — Рыболов привстал и хохотнул своей шутке: — Да не рыба это, Алешич.

— А что?

— А кто ж его знает! На бочку похоже. Течением на север сносит. Пойдем посмотрим, куда вынесет.

Сети были оставлены без присмотра, а рыболовы вернулись к своему любимому занятию, в котором они преуспели больше всего остального, — спору. Теперь ругались из-за того, что в бочке.

— Так я ж тебе говорю: не будет она плыть с вином! Только если его там мыши наплакали. Тебе, Глебыч, везде горячительное мерещится.

— Ну то, может быть, корабельный шкаф с пайком. Тоже — чем плохо!

— Мясо, мясо было бы там! Конина бы вяленая или что-то копченое!

— Ну какое мясо, Алешич! Мясо в других бочках возят, эта смотри какая огромная — там целого барашка перевезти можно! Вино там, зуб даю! Хотя тебе глаз сильнее бы пригодился. — Глебыч довольно хмыкнул своей шутке и поймал на себе твердый взгляд товарища по рыбной ловле.

— Будешь много шутить — скоро сам чего-то лишишься, бестолочь. Давай так: если там еда — она моя, а коли вино — сам тащи, добыча твоя.

— Алешич, что ты такой обидчивый? Сварог видит, не со зла я. А делить все поровну придется — не ты ли потом ко мне угощаться придешь? И не меня ль твоя жена потом на трапезу звать будет?

Бочку вынесло на песчаную отмель и пригвоздило к суше. Размера она и вправду была исполинского.

— Ну все, приплыли! — Рыбаки окружили бочку и попробовали откатить ее подальше от воды. Ничего не получалось. Простукивание не сильно обрадовало Глебыча.

— Твоя взяла — не вино там! Может, и барашек али конина. Вскрывай давай, раз такой прозорливый!

Крышка была обмотана пеньковой паклей, однако концы были просто вымазаны смолой, а не скреплены цветной восковой пломбой с гербом княжества, какая бывала на любом судоходном грузе. С трудом справившись с веревкой, они вдвоем навалились на локоть палки, приставленной острым концом к крышке, кивнули друг другу и одновременно рванули что было силы. Через мгновение они уже валялись на мокром песке, а дощатый кругляшок катился вдоль берега, теряя водоросли. Остановился он под копытами коня, на котором гарцевал начальник береговой охраны. Следом за ним тянулась целая вереница разодетых вооруженных всадников.

— А ну живо встать! — рявкнул стражник, опуская свои начищенные до блеска сапоги на зернистую отмель. — Приказ дан всем — а ну исполнять!

Испуганные рыболовы, извалянные в песке, резко вскочили и вытянулись в две балалаечные струны. Они старались не двигаться, только кадыки шевелились от сглатываемых комков слюны. Начальник стражи обошел их кругом, осмотрел с головы до пят, недовольно цокнул и перешел к бочке. Взглянув внутрь, он обернулся к Глебычу и Алешичу и спросил:

— А эти что, не просохли еще? Или семья философов?

Рыбаки переглянулись и уставились на командира. Чистый страх в их глазах был разбавлен непониманием. Стражник постучал по дереву бочки и громко скомандовал:

— Подъем — кому говорю! — Из бочки показалась заросшая голова мужчины. Было видно, что ему дурно. Начальник перевел взгляд на рыбаков. — Понятно, что-то задумали. Арестовать всех! — На прощание он пнул выползшего мужчину блестящим сапогом и, не оборачиваясь, вернулся к своей лошади.

Гермес* нервно перебрасывал кадуцей** из одной руки в другую. Обездвиженные змеи, обвившие посох, робко поглядывали на хозяина, пытаясь напомнить, что они живые и им не очень приятно. Наконец он обхватил жезл обеими руками за шарообразный оголовок и отложил в сторону. Он всегда так делал, когда решал непростые задачи. Змеи облегченно переглянулись. Гермес сделал глубокий вдох, поднял глаза на Тарха*** и заговорил:

— Я прилетел стремглав, как только услышал, что мой посланник мертв. Найден убитым в трактире при сотне очевидцев, и никто не знает, чьих это рук дело! Ты утверждаешь, что виновные не наказаны!

* Полубог, сын Зевса и одной из плеяд. В Элладе почитается как бог торговли и путешествий.

** Жезл, обвитый двумя обращенными друг на друга змеями. Его появление в Античности связывали с мифом об Аполлоне и Гермесе. Согласно мифу, Аполлон в знак примирения с братом подарил тому свой волшебный посох.

*** Полубог, сын Перуна и земной женщины. Глава Совета мудрости и правды. Имя при рождении — Дажьбог.

— Мертвым, Гермес, мертвым, а не убитым.

— Он отправлен в царство Аида, и никогда больше мне с ним не пообщаться, как ты не понимаешь! Что мне сказать его семье? «Погиб, честно исполняя мою волю на чужбине»? Его отец — знатнейший вельможа, глава жреческого рода из Дельф, влиянием своим превосходящий ваших вшивых наместников! Как ты думаешь, примет ли он твое бездействие, Дажьбог?

Тарх сощурился и отвернулся к окну. Он терпеть не мог, когда его в лицо называли вторым именем. Так же как и Гермес, он не был чистокровным богом и всякое упоминание своего получеловеческого происхождения встречал резко и болезненно, пусть такой статус и позволял его обладателю обращаться как к Верховным, так и к смертным, не нарушая Главного правила. Для Тарха было очевидно, что Гермес затеял эту пустословную торговлю с какой-то целью. Но с какой? Согласиться с его доводами было равнозначно уступке, которую делать никак не хотелось. Такому уступишь — будешь до скончания времен должен.

— Он обычный делец, сколотивший состояние на оккультных оргиях, не так ли? И весь его авторитет в полисе строится на страхе тех, кто боится огласки. Так что не пугай меня скандалом, Гермес, давай лучше разберемся, что делать дальше. — Тарху стоило значительных усилий держаться спокойно и не уподобляться разгневанному собеседнику.

— Что делать дальше? Казнить парочку Салтановых подданных — в трактире их была добрая сотня. Если не можешь разобраться, кто совершил проступок, — накажи всех. Дамианос был моим ценнейшим посланником и стоил никак не меньше пятисот других голов. Кровная месть и не иначе — другого выхода я не ведаю!

Пока не увижу буянской крови в отместку за моего Дамианоса, не отступлю!

«Какой же ты лживый торгаш! Ты же от вида крови теряешь сознание!» Тарх выругался про себя и медленно перевел взгляд от окна к распахнутым дверям в свои палаты. За ними сновали туда-сюда его люди, трудившиеся в Совете мудрости и правды. Они старательно делали вид, что не слышат и не замечают брани Гермеса. Лишние уши Тарху были не нужны. Он медленно обогнул стол и гостя, подошел ко входу и с грохотом захлопнул двери. Эта короткая, но размеренная прогулка позволила Тарху выиграть время на обдумывание стратегии. Гермес ничего от него не получит, исход игры останется за ним.

— Видишь ли, какой у нас расклад. Я и правда могу приказать казнить всех, кто был в ту ночь в «Брячине», или заточить их в темницы, чтобы сделать тебе приятное, Гермес. Но мы же оба хотим справедливости? И мои люди ее тоже заслуживают. Не думаю, что рубить сплеча будет верным решением. Как я и говорил тебе не единожды, я сожалею о твоей утрате, и мне ужасно жаль, что Дамианос ушел из жизни здесь, в Буяне. Но давай забудем о чувствах и посмотрим на произошедшее разумно. Я навел справки: наши опричники слыхом не слыхивали о твоём посланнике, значит, Главное правило он не нарушал. Ты же веришь в то, что Дамианос понес наказание за связь с одним из наших богов, так?

Гермес был всецело уверен в этом. Он ждал, что Тарх расскажет ему, как остутился Дамианос, и признается, что буянские кромешники нарушили договоренности между богами Пятимирия и уничтожили грешника-эллинийца, однако сейчас его теория рассыпалась, как волна, ударившаяся о скалу. Глава Совета мудрости

и правды распознал еле различимую нерешительность в глазах оппонента.

— Так что дело в чем-то другом. Ты скажешь, что его ограбили. Какой дурак будет грабить да еще и после убивать в столь людном месте, как думаешь? Любой норд бы сообразил, что привлечет лишнее внимание.

Тарху доставляло ни с чем не сравнимое удовольствие лицезреть мечущиеся зеницы Гермеса. Тот судорожно перебирал в уме доводы, но они были настолько невразумительными, что он не решался их произнести вслух.

— Как мне передали стражи, прибывшие на место смерти, Дамианос осел на стул, его голова запрокинулась, глаза закатились, а изо рта тонкой струйкой потекла кровь. Ран на нем не было. Наши лучшие лекари изучают, не могли ли его отравить. Я бы привлек знатока алхимии, которого Совет розмыслов приглашал за баснословные деньги в наше училище, да его отозвали амитийцы вот уже месяц как, побоявшись, что нам станут известны их важные тайны. В алхимии и ядах Буян не силен, я думаю, тебе это хорошо известно.

Гермес весь сжался и поднял глаза на Тарха. Его самые неприятные опасения, видимо, оказались правдой.

— Помнится, у нас в книгохранилище есть копия эллинистического трактата о ядах пера Теофраста*, если мне не изменяет память. При чтении у меня возникал

*Теофраст (Феофраст, ок. 370 года до н. э. — между 288 и 285 годами до н. э.) — древнегреческий философ, теоретик музыки, один из основателей (наряду с Аристотелем) ботаники и географии растений, родоначальник истории философии.

только один вопрос: сколько людей погибло, чтобы получить это знание? Наверное, достаточно для того, чтобы ему можно было доверять.

Кадуцей снова летал из одной руки в другую. Гермес уже не мог скрыть своего напряжения.

— Мы не знаем наверняка, что произошло. Может, Дамианоса ввели в заблуждение, и он ненароком пообщался с кем-то из богов Вавилона?! — Гермес решил предложить версию, проверить которую они не могли. Малейший намек на греческий след надо было стереть, причем как можно быстрее. — Они и могли его отравить. Бедный мой Дамианос! Всегда говорил, что с амитийцами этими надо быть осторожным! Где, ты говоришь, его тело? Я бы хотел с ним проститься, перед тем как мальчика передадут семье.

— Да, ты прав, людям нужно быть аккуратнее. — Тарх подошел к Гермесу и примирительно опустил руку на его плечо. — Я расскажу тебе, когда мы что-то узнаем. Понять причину смерти Дамианоса — дело чести для меня.

— В тот вечер вы были в трактире «Брячина». Так ли это?

Княжна Ладимила мерзла в застенках подземной части дворца, где располагались маленькие, будто съевшиеся от вечной сырости комнаты для допросов. Однако тон и взгляды целовальника леденили еще сильнее. Милу допрашивали последней из подруг, и она очень боялась, что запомнила что-то неточно и разногласия в воспоминаниях бросят тень на ее новых знакомых, несмотря на то что ничего запретного они не делали. Княжна чувствовала, что старшина тайного

отдела Совета мудрости и правды, сидящий напротив нее, жаждет не столько истины, сколько власти. И сейчас она была полностью в его руках. Она очнулась от своих мыслей и принялась быстро кивать, подкрепляя свою запоздалую реакцию частотой кивков.

— Да-да, сударь, именно там я и проводила вечер.

— Будьте добры, опишите все, что помните. В общих чертах, но детально, если вас не затруднит. С первого шага, который вы совершили в трактире.

«Он говорит так, будто я сделала что-то дурное. — Мила нервничала, и в голосе целовальника ей мерещились угрозы. — С чего же начать? И насколько детально? А с какой стати я, собственно, переживаю? Мы же просто... мы просто слушали пение Алконост...»

— Мы пришли по приглашению дражайшей девы Алконост. Нас проводили до стола в самом центре зала, и распорядитель отодвинул стул, чтобы я могла сесть.

— Вместе с девицей из Эллады?

— Прошу прощения?

— Вы пришли с гречанкой, Сирин, верно?

— Ах да, если вы это имеете в виду. И встретили в трактире Гамаюн, если это представляется важным.

— Нам важно каждое ваше слово, сударыня. И чем быстрее вы расскажете все, что помните, тем быстрее я смогу вас отпустить. Гамаюн, эта птица, кто она?

— Гамаюн... право, сударь, я знаю ее всего один вечер. Мы познакомились в книгохранилище. Она слушательница в училище. Пожалуй, и все, что я могу сказать.

Целовальник, цокнув языком, повернул голову набок и скосил глаза на писаря, безмолвно строчащего за крошечным столом в углу. Потом опять уставился на княжну.

— Учится, говорите... Женщина? В училище? — Он выпучил глаза и на секунду уставился на свои потрепавшиеся ногти. — Какая чушь! Это она вам такое наплела? Что состоит в училище?

Княжне вмиг стало не по себе. И правда — разве девушкам в Буяне дозволено учиться? Она приняла слова юной Гамаюн на веру, а они могут оказаться обманом. А ведь она совсем не походила на лукавицу.

— Продолжайте, княжна. Столько полезного вскрывается... — Глаза целовальника заблестели от удовольствия.

Сомнения мучили Ладимилу. С одной стороны, она понимала, что должна рассказать все, как помнит, а с другой — чувствовала, что лишнего говорить не стоит. Целовальник так зорко ловил любое изменение в ее лице и голосе, что единственным средством не навредить себе и своим новым подругам могла быть бесстрастность.

— Мы послушали пение Алконост, после чего приступили к яствам. Их перечислить? — отчеканила Мила.

Собеседник покачал головой и жестом дал понять, что она может продолжать.

— После выступления Алконост к нам присоединилась, сменив платье. Мы сидели и беседовали.

— Вчетвером, стало быть?

— Именно так, вчетвером. К Алконост подходили слуги и что-то тихо спрашивали. Насколько я могла расслышать, хоть и не пыталась, их хозяева желали познакомиться с ней, потому что она очень красиво пела и заставила их... заставила их забыть обо всем на свете.

— Подходили только к ней? А к вам?

— Что же подходить ко мне? Я же не выступала. — Мила развела руками и улыбнулась. Конечно же, она понимала, что мужчины хотели познакомиться с Алконост вовсе не только затем, чтобы она им спела.

— Вы не ответили. Подходили только к девице Алконост?

— Да, наверное, только... Нет, не только к ней. К Си-рин, кажется, подходил мальчишка. Но я не помню точно. Знаю только, что она уходила в поисках уборной. Да, вот и все. А потом мы слышали этот вскрик, и я ужасно испугалась.

— Сколько отсутствовала Си-рин? С кем она ходила в отхожее место?

Мила пыталась, но никак не могла вспомнить. Да и потом, она не привыкла думать, сколько времени уходит на естественные потребности, потому посчитала, что это не имеет значения.

— Я была занята разговором с приятными собеседницами и не вела счет времени... Сударь, не знаю, что еще вы хотите от меня услышать, скоро я озябну и не смогу произнести ни слова.

Целовальник хитро переглянулся с писчим, расправил плечи и пробасил:

— Не смею вас более задерживать, сударыня! Вы рассказали даже больше, чем я мог рассчитывать. — Он встал, поклонился и застыл в полусогнутом состоянии, намекая на то, что путь к теплой свободе открыт.

По пыльной решетке, которой было забрано окошко в двери соседней комнаты, ползала жирная муха. После нескольких дерганных движений вдоль металлической жерди она лениво взлетела в поисках чего-нибудь потеплее. Продолговатое узкое помещение венчало небольшое окно под самым арочным потолком, его поверхность тоже была очерчена клеткой чугуна. Из мебели — только рубленый стол и два стула, на одном

из которых сидел, скрючившись, мужчина. Грязная рубаха была вся в следах запекшейся крови, волосы взъерошены, а борода клоками торчала во все стороны. Держаться ровно пленнику мешали не только кандалы, но и ссадины, поэтому он сидел, опустив голову и сгорбив спину. Казалось, в любой момент он может ненадолго перекатиться и упасть на сырой земляной пол. Тишина была столь напряженной, что он слышал жужжание мухи, которая облетела гнутые железные кольца, торчащие из неровной стены, и нацелилась приземлиться на сидящего человека. Даже ей в этих казематах было не по себе от холода.

За спиной пленника лязгнула дверь и через секунду с грохотом захлопнулась. Испуганную муху сдуло сквозняком, другие звуки наполнили темницу. К пленнику приблизился тучный целовальник. Он размеренным шагом обогнул сидящего, примостился на край стола, попав в луч света из высоко расположенного окна, устался перед собой и громко кашлянул:

— Неизвестный, без разрешения пересекающий границу столицы Буянского царства, Буян-града, в компании подельников посредством плавательного средства без опознавательных знаков, к коим относятся надписи на водной линии и флаг, пытался высадиться на сушу без досмотра, обязательного к прохождению согласно распоряжению Совета поклонения, за подписью царя всего Буяна от Южных до Северных земель славянских, Салтана Великого. В связи с чем задержан и помещен в казематы временного содержания, а сейчас... — Целовальник оторвался от свитка, по которому зачитывал причины ареста, и посмотрел на пленника. — Сейчас, согласно закону о защите граждан Буян-града и введенному в городе Буян-граде режиму охраны царя и жителей

от вновь прибывших, я, целовальник третьего разряда Ерислав Пориславич, служитель Тарха Перуновича в Совете мудрости и правды, буду производить допрос.

Шея мужчины в кандалах напряглась. Он приподнял голову и хрипло произнес:

— Я отказываюсь говорить с кем-либо, кроме царя.

— Молчать! — рявкнул целовальник. — Допрос здесь провожу я, а твое дело — отвечать четко, ясно и по делу, а не перебивать меня, когда тебе вздумается! Меня, наделенного силой слова Тарха, а значит, и самого Перуна! Будешь пререкаться — отправлю в одиночную камеру гнить до Дня милости Овсеня* в лучшем случае да паек назначу самый малый, чтобы сдох там от цинги!

Возмущение разогнало кровь целовальника и заставило его встать и пройтись вдоль шершавой каменной стены взад-вперед. Убедившись, что пленник услышал его слова, он продолжил:

— Так-то лучше! Чужеземцу, да такому грязному и вонючему, нечего делать здесь, в Буяне. А он еще к царю-батюшке просится! Ты на себя посмотри, оборванец! От таких, как ты, Совет поклонения законы издает! Даже без предписаний всяких понятно, что от вас только вони и хвори ждать можно. Мне отвратительна даже мысль о том, что приходится быть в одной комнате с тобой. Но я достаточно милостив и верно служу Совету мудрости и Тарху, а значит, должен предоставить своему старшине твои объяснения. — Целовальник сплюнул в сторону сидящего и отвлекся на муху, возобновившую поиски съестного в окружающей сырости. — Вон, даже муха на тебя садиться

* Бог осени, осеннего солнца.

не думает — до того ты жалок! — Он прицелился и вдавил насекомое в камень, размазав его останки по стене. Отряхнул руки и спросил: — Кому поклоняешься?

— Мое имя Гвидон, и я буду говорить со своим отцом, царем всего Буяна, от Южных до Северных земель славянских, Салтаном Великим. — Пленник выпрямился на стуле, и его глаза, точно демантоиды, заиграли оттенками зелени под лучом света из окна.

Теперь стало понятно, что это высокий, ладно сложенный человек с пронзительным взглядом, однако под грязью и рваньем, в которое он был облачен, рассмотреть молодость было крайне трудно. Целовальник оценивающе посмотрел на него, громко вздохнул, встал и подошел вплотную.

— Таких безумных самозванцев я еще не видел! — Ерислав не мог скрыть веселья, которое вызвали в нем слова узника. Он сощурился и уставился на него, подержал напряжение с минуту, но первым отвел взор — не выдержал напора. Усмехнулся и медленно направился к дальней от двери стене, где в металлических кольцах болталась толстая палка для сложных допросов.

Пока целовальник шел к стене, снимал палку, разглядывал ее и смахивал с орудия пыль, пленник закинул голову назад, очами устремился вверх, куда-то сквозь арки потолка, и тихо заговорил:

— Но тут Мары жрица стонет.

Говорит она: «Утонет

Мальчик в море, коль бастард.

Но в живых оставить рад

Будет сына Чернобог,

Если он по крови тот,

Кто достоин царством править...»

— Прекратить эту чушь! — Ерислав Пориславич замахнулся палкой, но не решился отвесить удар. Он опустил ее пленнику на плечо и медленно провел ею по разорванному сукну до шеи.

Гвидон молчал.

— Я тебе на это тоже сказку рассказать могу, да такую, о которой ты, видимо, и не слыхивал. О чужестранце, который станет смертью нашему царю, знаешь такую? — Он ткнул палкой пленнику в кадык.

— Это домыслы.

— Молчать! Правда или нет — решать не нам с тобой. Им там... — целовальник указал пальцем вверх, — видно лучше. Поэтому закон об охране царя и жителей Буяна от таких, как ты, и приняли. — Ерислав положил палку на стол, глянул на пленника и бросил: — Гнить тебе в казематах, раз отвечать на вопросы противишься. — Он обошел скрючившуюся фигуру и открыл дверь.

Узник повернул голову, насколько позволяли цепи, и быстро заговорил:

— Я понимаю опасения Совета мудрости и правды и знаю, что после долгого путешествия выгляжу как сумасбродный бродяга. Если страх ваш и царя настолько силен, то могу молить лишь об одном: не причините вреда моей матери, она больна, и дни ее сочтены. Позвольте ей, а не мне встретиться с отцом, и пусть он убедится, что я не лгу. А со мной делайте что хотите.

Дверь с грохотом захлопнулась.

Узким темным сводам коридоров, казалось, не было конца. Мила совсем не помнила, каким из ходов ее вели к противному целовальнику, и на радостях, что ее отпустили, опрометчиво забыла спросить дорогу.

Вереница одинаковых дверей в каменных арках, подсвеченных тусклыми редкими лампами, — и никого вокруг. После сырой каморки, в которой ее допрашивали, княжне только и хотелось, что поскорее погреться под лучами теплого весеннего солнца, которыми так милосердно делился с жителями Буян-града Ярило. Ей показалось, что где-то вдалеке, там, откуда она пришла, что-то зашелестело. Звук усиливался, и через несколько мгновений вырисовалась вполне отчетливая картина в конце тоннеля: двое стражников волокли пленника в кандалах по истертому до блеска известняку пола. Все трое громко дышали, клинки стражей бились о стены, один из служивых сыпал бранными словами, видимо, в адрес скованного цепями бедолаги — неряшливого вида мужчины, чьи ноги постоянно заплетались. Он время от времени падал, однако опричникам до этого не было никакого дела. За издаваемым ими гомоном они не смогли различить робкий вопрос княжны о том, как найти выход из этого подземного лабиринта. Коридор явно не был рассчитан на то, чтобы в нем вольготно разошлись четыре человека, а стражи не походили на учтивых людей, поэтому Мила выбрала неглубокую нишу одной из дверей и вжалась в нее, насколько могла. Бранящийся опричник, завидев девицу, даже почти перестал ругаться, заменив непристойные слова протяжными звуками, по которым, впрочем, можно было легко догадаться, что именно его беспокоит. Поравнявшись с Милой, стражники забрали чуть в сторону, не сбавляя хода. Рукоятка болтавшегося на поясе клинка зацепилась за пышные складки ее платья, заставив ее развернуться, и чуть было не потащила вслед за мужчинами. Мила испуганно вскрикнула, стражи резко остановились, а пленник, пытавшийся все это время

попасть в ритм шагающих, отполированных до блеска сапог, от неожиданности уткнулся плечом в спину одного из конвоиров и рухнул на пол. Говорливый стражник выругался и пнул его ногой под ребра. Мила вытянулась вдоль стены и не дыша смотрела на упавшего человека в кандалах. Она не могла отвести глаз от его исцарапанных плеч, боль ран на рассеченной коже словно бы передавалась ей. Она глубоко вздохнула и решила заступиться за несчастного:

— Судари, будьте с ним поаккуратнее! Вы же не звери! — Она попробовала выправить дыхание и подошла к лежащему на полу пленнику. — Вы целы? Мне ужасно жаль, что из-за меня эти доблестные опричники вас уронили.

Пленник поднял взор и посмотрел на чистое лицо Ладимилы. В его зеленых глазах она заметила блеск, которого ни у кого прежде не видела. И в тот момент внутри нее словно разлилось тепло, проникающее во все уголки тела. Это ощущение было настолько странным и новым, что ей стало не по себе. Она отпрянула от лежащего незнакомца, и на ее глазах выступили слезы.

— Вы очень добры ко мне, — прохрипел Гвидон — а это был он. — Храни вас... — Его голос стал неразличим за шумом звякающих кандалов, лязгающих о камни стен клинков и брани опричников.

Выбравшись из бесконечного лабиринта, Мила вдохнула теплый весенний воздух. В нем смешивались запахи цветущих деревьев и травы, нагретых на солнцепеке камней мостовой. В него словно добавили успокоительное, и после пары вдохов юная княжна почувствовала, как тревога сменяется умиротворением. Глаза не привыкли

к свету, поэтому, сложив озябшие пальцы, она козырьком приставила их ко лбу. Она оказалась на незнакомой площади. Странно, ведь заходила в терем Совета мудрости Мила совсем из другого места. Что же, значит, ей снова придется искать путь в свою каморку в стене крепости. Княжна мыслями пронеслась по вчерашнему дню. Загадочный старик, толкотня на пристани, расставание с Добродеей, ослепительный Буян-град, позор во дворце, знакомство с девами-птицами, такими разными и такими добрыми к ней. Мудреные устройства в книгохранилище, бегство от иноземных пьяниц, роскошный трактир и ужасное происшествие. И в довершение всего — открывшаяся ей тайна царского рода, частью которого, увы, ей не стать. Буян-град показывал себя Миле со всех сторон, дразнил своей красотой и мастерски расставлял ловушки.

Путешествие по недавним воспоминаниям прервал знакомый голос. Ее звала Гамаюн. Обойдя раскидистый куст цветущего миндаля, княжна увидела трех своих новоиспеченных знакомиц: Алконост, Сирина и Гамаюн сидели на краю фонтана — подарка Буян-граду от амитийского царя. Поднявшись, девы поочередно обнялись с Милой и остались стоять в тени благоухающего дерева. Алконост, казалось, была рада встрече больше всех.

— Вот мы и снова вместе, девицы! Как ты, Мила? Тоже от тревоги уснуть не получилось? Я не могу: только сомкну глаза — в голову кошмары лезут. И не выспалась совсем. Утром желудей заварила покрепче — так у меня чуть глаза на лоб не вылезли! Теперь до Купалы, глядишь, не усну!

Алконост заливисто хохотала, и по лучезарности ее было сложно предположить, что она глубоко переживает вчерашнее событие. Гамаюн, напротив, была

бледнее бледного, губы плотно сжаты, а веки налиты грустью. Мила вспомнила о словах целовальника про учебу, но решила отложить этот разговор до того момента, когда они останутся наедине. Переведя взгляд на Сирина, княжна принялась внимательно ее изучать. Задумчивость, казалось, делала лик девицы еще краше, создавала томную загадку, которую хотелось разгадать во что бы то ни стало.

— Вы не представляете, как я рада встретит вас после этого сырого подвала! — Мила еще раз обнялась со всеми подругами по очереди. — Вчерашний день был настоящим испытанием, и я не устану повторять, что если бы не вы, то, возможно, не дышать мне сегодня пылью этих цветов. — Она погладила изогнутую ветвь цветущего миндаля. — Как будто, встретив каждую из вас, я получила возможность менять судьбу, уготованную мне богами. Да не сочтут Перун и Макошь мои слова за неповиновение!

— Мила, ты чище горного озера! За что бы матушка Макошь была так с тобой несправедлива? Это все происки Мары да Чернобога — они вечно лучшим досаждают! — Алконост нежно провела рукой по лбу княжны и убрала ей прядь волос за ухо. После исподлобья, почти заговорщицки оглядела подружек. — У меня к вам предложение. Давайте, пока не уляжется шумиха вокруг вчерашнего... вчерашней смерти, пообещаем друг дружке держаться вместе, встречаться каждый день. А, как вам? Думаю, вам, как и мне, было не по себе от общения с этими целовальниками. — Алконост скорчила гримасу, изображая старшину тайного отдела. — «Что вы делали в этом злачном месте? И сколько гривен вы за это получили?» Нахал, твое какое дело?

Девушки дружно рассмеялись этому незатейливому, но точному подражанию.

— Не хотелось бы мне еще раз с ним остаться с глазу на глаз. Так что? Никто не против? А встречаться будем здесь, на этой площади у фонтана, хорошо? — продолжила Алконост.

— На площади Семи звездословов? — прервала молчание Гамаюн.

— Ах, вот как она называется! Какое красивое название. И вишни какие чудесные здесь цветут, — заметила Алконост.

— Это миндаль трехлопастной, а не вишня, — тихо, почти шепотом выпалила Гамаюн. Остальные девы глядели на нее озадаченно. Чтобы скрыть неловкую паузу, она затараторила: — Площадь так называли, потому что она имеет семь углов, только и всего. А астрономов на самом деле было девять, но из-за того, что девятка — число Мары, двух ученых было решено забыть. Правда, поняли это не сразу, поэтому и углов замыслили девять, но два успели скосить. Видите те два здания со срезанными углами? Это два забытых звездослова.

Гамаюн, казалось, хотела выговориться после долгого молчания. Внутри нее шла серьезная борьба: во что бы то ни стало сообщить остальным о том, откуда здесь взялся степной миндаль, или больше не умничать и замолчать подобру-поздорову. Она провела указательным пальцем по поверхности воды в фонтане и решила, что расскажет в следующий раз, ведь теперь это место их встреч.

— Я всё, — подытожила она свою речь.

— Так вот, если никто не против, девицы, я предлагаю встречаться здесь. И объявить площадь Семи звездословов, — Алконост бросила ехидный взгляд в сторону Гамаюн, безмолвно уточняя, правильно ли она

запомнила название, — нашим тайным местом. Все согласны?

— В этом городе тайны — понятие относительное, — наконец-то заговорила Сирина. Она посмотрела на свое отражение в фонтане, склонила голову набок, как будто пыталась поймать удачный ракурс, и продолжила свою речь: — У каждой стены есть уши и глаза. Совет поклонения не дремлет. Ты сказала это вслух, следовательно, об этом знает весь город. — Она многозначительно посмотрела на Алконоста. Губы ее подернула едва уловимая усмешка. — А если и не сказала, а только подумала, то найдется молодец, способный читать твои мысли. Впрочем, предложение разумное. Если ты ждешь моего одобрения, то, считай, оно получено.

Алконоста провела ладонью по подбородку, рассматривая снизу вверх темнокрылую Сирина. Глаза ее сузились, и по одному их движению стало ясно, что дева ведет внутреннюю беседу сама с собой.

Раздумья прервались резким выдохом, за которым последовала тихая фраза:

— Будем друзьями?

Сирин неопределенно пожала плечами и ответила:

— Почему нет. Я уже вчера говорила, что добрые девицы должны, просто обязаны держаться вместе. А после пережитого — и подавно. Будем подругами!

— Вы представляете, красны девицы, а ведь страшно это — осознавать, что кому-то может быть о тебе известно больше, чем тебе самой. — Ладимила на секунду вернулась мыслями в тесную сырую комнату для допросов. — Мне показалось, что старшина из Совета мудрости так и норовил меня на чем-то подловить. Но мне скрывать нечего — я честно рассказала, как все было. А что было-то? Ты, наша красавица неземная,

пела так, что толпа замерла. Мы с девицами ели-пили да разговоры вели, никого к себе не подпускали. Сирин только раз вышла из-за стола, а этот хам потребовал сообщить, сколько времени у тебя ушло на посещение отхожего места, представляешь? Ну а что я ему скажу? Ты же совсем на секундочку вышла, Сирин! — Мила мягко улыбнулась подруге, но увидела, что та поменялась в лице. В ее глазах отчетливо читалась нарастающая тревога. — Я что-то не то сказала?

Не успела Сирин вымолвить и слова, как воздух разрезал голос мужчины, появившегося из-за дерева:

— Прошу прощения, что вынужден прервать вашу беседу. Я ищу княжну Ладимилу Новоградскую. Не знаете, где я мог бы ее найти?

Это был высокий юноша, облаченный в цвета царского двора, но, видно, не прислужник. Чертами лица он был прост, разве что глаза расходились в хитром прищуре. Так же как и у новых подруг княжны, у молодого мужчины виднелись крылья, цветом оперения напоминавшие колосья спелой пшеницы. Девушки переглянулись и застыли в нерешительности.

Алконост опомнилась первой — положила ладонь на ключицу, отвела взгляд, при этом немного приподняв брови — сама надменность, — и изрекла:

— Извинения принимаются. Горю желанием узнать, с чем вы посланы, сударь. — После чего подняла взор на собеседника и впилась в него не моргая.

Юноша развернулся к говорящей, сразу согнулся в поклоне, как будто спасаясь от знойного взгляда, и, извиняясь, заговорил:

— Княжна, я и думать не мог, что вы так красивы. — Он быстрым движением облизал пересохшие губы. — Царевич Елисей приглашает вас на прогулку.

— Вы не могли бы уточнить, в котором часу царевич будет ждать? — неожиданно вторглась в беседу Гамаюн. Она решительно смотрела на юношу, всем своим видом показывая, что надеется на немедленный ответ.

Тот резко развернулся и уставился на приоткрытые губы красавицы. В глазах его ясно читался испуг. Он наспех повторил поклон и залепетал:

— Тысячи извинений, сударыня, я не... я не знал, не признал, точнее, не подумал, валенок я эдакий... — Он умоляюще смотрел на княжну и, как только она отвела взор, продолжил: — Царевич ждет безотлагательно. Сей же час.

— Высокородным девицам, чтоб вы знали, нужно сообщать о подобных встречах заблаговременно! Он же не объезженную кобылу для охоты просит привести, — отрезала Сирин, ввергнув юношу в полное смятение. Он согнулся в очередном поклоне, от напряжения взмахнул крыльями и, казалось, был готов провалиться сквозь землю.

— Не знаю, как мне загладить свою вину перед вами, сударыня! За кобылами мне только и ходить с моей сообразительностью! — Он выждал, пока взгляд княжны смягчился. — Я всего лишь передаю его просьбу. Понимаете, он очень занят в эти дни: столько прекрасных княжеских особ посещают наш дворец. Конечно, требовать он не станет, однако отказу рад не будет. И меня отчитает за невежество.

Алконост, Сирин и Гамаюн уже не скрывали улыбок. Они озорно переглядывались, еле сдерживаясь, чтобы не прыснуть.

— Девицы, полно вам! — По лицу княжны было понятно, что эта игра позабавила и ее тоже. Она подошла к посланцу и мягко заговорила: — Пожалуйста, не

держите зла на моих подруг. Прошу вас, больше не надо кланяться, это лишнее. Как вас зовут?

— Финист, сударыня. Опричник царевича Елисея.

— Очень приятно, Финист. Вы знаете, я правда очень бы хотела подготовиться к знакомству с будущим мужем и отцом моих детей. — Мила на секунду остановилась и закрыла глаза, будто что-то вспомнив. — *Возможным* мужем и отцом моих детей. Но если это дело срочное, то я не буду противиться царской воле.

Крылья за широкой спиной опричника сжались так, будто принадлежали замерзающему воробью. Финист виновато опустил глаза и промямлил:

— В Саду наслаждений есть все необходимое, сударыня.

Княжна пожала плечами и взглянула на приятельниц. Девы-птицы улыбались и кивали. Что же, значит, так было суждено.

Давно Салтан не спускался в казематы. Мрак вечно холодного подземелья заставлял вспомнить всех недругов и предателей, с которыми когда-либо приходилось расправиться. Запах плесени и гнили сточных вод, навечно поселившийся в местных комнатах, напоминал, почему царь так редко соглашался отправляться в подвал Совета мудрости и правды: за все время правления он лишь однажды помиловал человека. И это была мучительная ошибка, которую Салтан не мог простить ни себе, ни всем тем, кто впоследствии стоял перед ним на коленях, умоляя о пощаде. Достаточно одного неверного шага, считал он.

Стражи, сопровождавшие владыку всего Буяна, остановились у одной из дверей, и после короткого клича

им изнутри отворил целовальник. Он отвесил глубокий поклон, оглянулся и хлопнул ладонями по бедрам, внезапно спохватившись, что стул для царя принести никто не удосужился.

— Прекратить возню! — устало скомандовал Салтан. — Рассиживаться здесь нет никакой нужды. Допросили уже? Виновна? На плаху?

Он посмотрел в дальний угол камеры, где на колёнях стояла немолодая женщина со спутанными волосами.

— Не успели, государь! Она ворчит только и подчиняться отказывается, будто глухая или безумица! — Целовальник подошел ближе к пленнице и громко заорал: — Встать пред царем, кому говорю! — Он перевел взгляд на Салтана и, разведя руками, добавил: — Видите, ваше величество, никакого уважения! Оно и понятно, что о бочку головой трёхнулась.

Женщина со скованными руками лишь почесалась, не придав приказу никакого значения. Даже глаз не подняла.

— Что тебя привело в Буян? Отвечай как на духу! — Целовальник рявкал, словно шавка, пытающаяся выслужиться перед хозяином за угощение.

Из угла стали доноситься еле различимые звуки. Голос женщины был глубоким и хриплым. Салтан с полминуты пытался прислушаться, но быстро устал и бросил это занятие. Лицо его было спокойно, однако во взгляде без всяких сомнений читалась брезгливость. В тесной воняющей камере повис молчаливый вопрос: «И ради этого меня сюда привели?» Ставить царя в неудобное положение было делом непростительным. Целовальник живо представил скорый гнев и был уже готов схватить палку, как вдруг цепи, державшие

пленницу на безопасном расстоянии от царя, натянулись, сама она медленно подняла брненное тело, а вслед за ним и голову.

— Никто и ничто с тем не сравнится... — Бессвязный хрип стал превращаться в слова. — Перун ничтожество, и не может он... когда война закончилась, то путник сказал, а вы не слушали, никто не слушал... и он пришел, опять пришел, а все уйдет в небытие, и не пощадит он никого, только тех... — Она дернула цепи, и те загрохотали по камням. — Только тех, кто видит и слышит его. Зальет всех светом, и превратится в пыль все то, чем вы дорожите.

Царь наклонился к целовальнику, поймал его взгляд и сухо отрезал:

— Высечь. Потом казнить. — Развернулся и направился к выходу.

В спину ему вонзались крики пленницы:

— Барвинок не боится плети, не боится сабли! Стебелек сломишь — новый вырастет!

Царь резко остановился. Он беспокойно развернулся, уставился на женщину, сидящую на полу, и переспросил:

— Ты сказала «барвинок»?

— Сорванный цветок, в венок вплетенный, служит службу недолгую. Жизнь его синюю отнимая, сорвавший себя губит. А цветок только крепче станет, по весне проснувшись и от предательства опомнившись. Потому что ведает он жизнь безгрешную, продлевает ее себе чистотой своей. — Каждое новое слово пленница произносила тише предыдущего. И не было в голосе ее больше хрипа, как будто она избавилась от чего-то, мешавшего ей говорить. Она посмотрела на царя и промолвила: — Не спасет твою душу Перун. Ибо нет в нем

силы должной, чтобы помочь. А барвинок руби сколько хочешь, Салтан, раз забыл ты о нем совсем.

Владыку всего Буяна била дрожь. И вовсе не от холода — наоборот, на лбу его выступили крупные капли пота. В комнату втиснулся опоздавший Тарх. Закон, принятый Советом поклонения, обозначал простой порядок предания смертной казни: в ее необходимости должны были сойтись царь и глава Совета мудрости и правды. Тарх подошел к дрожащему Салтану и вопрошающе обвел глазами присутствующих. После недолгого молчания царь повернулся к нему и выдал:

— Это она. Чайна.

«Так всегда бывает, когда тебя ведут по незнакомому городу: ты не можешь запомнить всех ходов и выходов», — проносилось в голове юной княжны, пока они с Финистом шли по закоулкам царской крепости. Как идти обратно на площадь Семи звездословов, а тем более к своей комнатушке в стене, она не представляла. За широкой спиной ее конвоира показалась изящная арка, увитая диковинными растениями. Их глянцевиные, кожистые листья напоминали ладони с растопыренными пальцами, из-за которых беззастенчиво глядели круглые лиловые цветки с выпирающими тычинками, окруженными яркими лучами волосков. Они как будто выставляли себя напоказ, наслаждаясь своим бесстыдством. От малейшего дуновения ветерка ветви покачивались, и цветки касались друг друга, на мгновения сплетаясь лепестками и обильно посыпая их пылью. «Им и пчелы не нужны», — мелькнуло в мыслях княжны.

В своде арки прятались витые ворота и почти вплотную к ним — вход в скромный по размерам павильон. Приоткрыв калитку в одной из створок, а после и дверь, Финист пригласил княжну пройти внутрь. Сразу после того, как она зашла, молодой опричник поклонился и аккуратно закрыл дверь снаружи. Мила оказалась одна в небольшом помещении, служившем царевичу приемной. Здесь он встречал гостей, общался с посланниками из других стран и беседовал с главами Советов. Стены комнаты были обиты винного цвета бархатом, а пол устлан чередующимися темными и светлыми квадратными плитами — его с легкостью можно было использовать для игры в шахматы. Осмотрев внушительного размера блестящий подвес с лампадами, находящийся в середине высокого потолка, княжна подошла к одной из стен. Здесь расположились две большие прямоугольные картины в массивных золотых рамах. На одном из портретов был изображен грозного вида мужчина, облаченный в расшитые разноцветными камнями темные одежды и золотой головной убор, отороченный соболиным мехом. Копии этого портрета попадались княжне не раз: они занимали почетные места в покоях всех именитых особ, у которых она бывала. Несмотря на то что лицо царя было ей хорошо знакомо, Мила разглядывала портрет так, будто видела его впервые. Густая короткая борода, подернутая серебром, врезалась в широкие скулы. Глаза Салтана были выписаны очень тонко. В их ледяной синеве читалась несокрушимая воля. Четкие скобы бровей делали взгляд владыки всего Буяна еще жестче. Прямой нос свидетельствовал об упрямстве и непоколебимости в решениях. С этим лицом не хотелось спорить ни при каких обстоятельствах.

Насмотревшись на портрет царя, Мила занялась разгадкой второго портрета. Покатый край кокошника, усыпанного жемчугами, не оставлял сомнений: с картины на нее смотрела царица Ильмера. За нитями камней и атласными лентами проглядывали волны темно-каштановых волос. Маленькие ореховые глаза, обведенные полумесяцами черных бровей, опушались длинными ресницами. Напряжение тонких, плотно сжатых губ придавало облику царицы оттенок недовольства, а сухие линии четких скул обозначали ее своенравность. Несмотря на то что лицо царицы Ильмеры можно было без преувеличения назвать ладным, читалось в нем что-то пугающее.

— Добро пожаловать в Сад наслаждений! — поприветствовал вошедший царевич свою гостью.

Мила обернулась от стены с портретами и усталилась на Елисея. В его чертах, без всяких сомнений, улавливалась схожесть как с отцом, так и с матерью. Роста он был выше среднего, имел атлетичный стан. Пружинки каштановых завитков касались необычного одеяния — пестрого парчового халата, расшитого золотыми вавилонскими огурцами. Узкую талию перехватывал алого цвета кушак, из-под которого выбивались свободные, баклажанного оттенка шаровары. На массивной золотой цепи, плотно лежащей на широкой груди, сверкал невиданной красоты камень. Цветом своим он удивительным образом повторял глаза Салтанова сына. От теплого коричневого он переливался в нежно-зеленый. Мила смотрела на самоцвет как замороженная. Елисей, заметив интерес девушки к своему амулету, произнес:

— Лемонтрин. Привезен из краев далеких, добыт в Восточной империи под палящим солнцем Великой пустыни.

Говорят, что местные князья из-за него устраивали междоусобные войны. — Елисей накрыл камень ладонью и дождался, пока княжна поднимет взор на его лицо. — Как прикажешь тебя величать? По имени отчеству?

Мила с ужасом осознала, что за разглядыванием портретов царской семьи и драгоценности совсем забыла о приличиях. Она схватилась за подол платья, отвела правую ногу назад и поспешно согнулась в поклоне. После чего торопливо распрямилась и вымолвила:

— Зовите меня, царевич, как вам будет угодно. — Подумав с секунду, добавила: — В Новом граде нравы простые, все кличут меня Милой, без поминания почестей и родства.

— Так оно и лучше. — Елисей широко улыбнулся, обнажив ровные жемчужные зубы. — Мила... — Он проговорил ее имя так, будто поел пастилы — сладкой, но в то же время кисловатой, — растягивая гласные и немного сощурившись. Посмаковав эти звуки и по-прежнему улыбаясь, он сказал: — Кланяться впредь нет никакой нужды. Видят боги, скоро пред нами будет преклоняться весь честной народ буянский. Если, конечно, мы этого захотим.

— Пока я не добралась до столицы, мне представлялось, что в этом вопросе имеет значение только желание наших отцов, но никак не мое или ваше. Не скрою, для меня стало сюрпризом, что... — Княжна остановилась, не зная, как продолжить фразу так, чтобы ее речь не звучала обвинением в адрес Елисея.

— Я счастлив жить в наше время, — царевич не стал дожидаться, пока Мила подберет нужные слова, — когда устаревшими правилами можно пренебречь. Мы — свободные люди, а все эти древние устои сложены не богами, под которыми мы ходим. — Елисей улыбнулся,

и в его улыбке отчетливо читалось превосходство над веками истории.

Занавесь в противоположном углу шелохнулась, и из-под нее вынырнула юная девица с распущенными волосами. В руках ее был металлический поднос, заставленный разными стеклянными флаконами. Служанка смерила княжну взглядом и подошла к царевичу. Встала на мысочки и, чуть не касаясь губами царского уха, что-то интимно прошептала. Мила никогда не видела, чтобы подданные так вели себя со знатными людьми. Представить, что простолюдинка может запросто, без разрешения ворваться в комнату во время аудиенции и без всяких преград прильнуть к телу наследника престола, было для нее немыслимо.

Елисей внимательно выслушал девицу, посмотрел на склянки и, не утруждая себя шепотом, спокойно произнес:

— Давай с корицей. Это масло подойдет как нельзя лучше.

Девушка покорно кивнула, опять бросила быстрый взгляд на княжну, загадочно улыбнулась и вышла туда же, откуда появилась. Мила дождалась, пока нарушившая их свидание служанка покинула приемную, и спросила:

— Масло? Вы увлекаетесь врачеванием, царевич?

— Можно и так сказать. Для тебя я просто Елисей, ладно? — Не дожидаясь ответа, он сменил тему: — Тебе не кажется, что мы теряем время? — Царский сын выдержал многозначительную паузу. — Мы в самом деле не на матушку с батюшкой собирались смотреть, верно? — Он кивнул на портреты своих родителей. — Пойдем на воздух.

Они вышли в широкий внутренний двор, который высокие живые изгороди разбивали на вереницу

зеленых комнат. Пока ступали по подвесному мостику, парящему над прозрачной гладью воды и разными цветами, царевич расспрашивал Милу, как она коротает дни в Новом граде, какой находит столицу и что волнует ее в земной жизни.

— Первым делом, оставшись одна здесь, в столице, я отправилась в библиотеку при училище. У меня есть любимые книги, но их не успели привезти после моего прибытия, поэтому пришлось искать через опись что-то новое.

— Пробовать новое — это один из моих главных интересов. — Елисей, без всяких сомнений, был прекрасно осведомлен, как расположить к себе любого собеседника. Надо, считал он, постараться найти нечто объединяющее и проявить уважение к мнению оппонента. — Что тебя занимает помимо чтения?

— Пожалуй, я не смогу сказать с уверенностью... — Мила представила себя на месте будущего царя, выбирающего жену, и поняла, что неопределенные ответы будут играть против нее. — Хотя почему же? Я увлекаюсь стратегией.

Царевич удивленно посмотрел на Милу.

— Военной?

— Да, так уж повелось, что Север часто подвергается нападениям со стороны каторжников, кочевников, норды тоже иногда дерзко себя ведут. А я росла при своем отце и с детства погрузилась в изучение оборонительной науки. В окружении были одни только мужчины, потому я так далека от всего девичьего.

— Стало быть, передо мной готовый воевода в юбке?

Мила в первый раз улыбнулась его шутке. Кажется, огонек в этих его болотных глазах начал вызывать в ней интерес.

— Позвольте убедить вас в том, что во мне уживаются две стихии. Я, например, очень люблю наряжаться. — Мила ляпнула наугад первое, что пришло ей в голову об общеизвестных пристрастиях девушек. — Да, наряжаться.

— С этим проблем не будет, — уверил без пяти минут царевну Елисей.

Не успела легкость от общения с приятным молодым человеком успокоить Милу, как она осознала, что совсем забыла проявить должное уважение к будущему царю и узнать о его предпочтениях. Они дошли до плотно увитой виноградом беседки и остановились в самой ее середине.

— Простите меня, царевич. — На языке вертелось его имя, но перейти так просто на «ты» и звать царского сына по имени было тяжело. — Да разразит меня молния Перуна — заговорила я о себе! Посмела молвить слово вперед будущего царя, а еще хвастаю, что сильна в стратегии!

Елисей заулыбался во весь рот.

— Сама-то ведь даже и не знаю, стану ли царицей, а позволяю себе болтать без умолку, — продолжила она.

Царевич посчитал, что пассаж про неуверенность гостью в своем будущем — чистой воды провокация. Чтобы не поставить себя в неудобное положение перед претендентками на роль своей будущей супруги, эти сентенции он оставил без внимания.

— Я уважаю женщин. И право выбора ценю выше всего остального. — Царевич сменил дурашливый тон на спокойный и доверительный. Он посмотрел на Ладимилу и вкрадчиво произнес: — Если ты вправду хочешь узнать обо мне все, то должна быть готова окунуться в мой мир без остатка. Готова?

Мила завела руки за спину и кивнула, демонстрируя полную покорность будущему царю. Беседку, защищенную со всех сторон упругими стенами из винограда, венчал высокий ажурный купол. Она представляла собой шестиугольник: две противоположные стороны проходные, а в четырех остальных аккуратно сделаны небольшие оконца. Царевич взял Милу за руку и подвел к одному из них.

В рамке из плетей винограда можно было увидеть ниспадающие сиреневые ветви цветущей глицинии, аромат которой ласково разливался вокруг. За ней, на некотором отдалении, княжна увидела продолговатую мраморную купель, стоящую в тени хвойных колонн. Внутри нее сидел обнаженный мужчина, скрывавший то, что никто не должен был видеть, под бликующей толщей воды. А снаружи, склонившись над ванной, стояла девица, также нагая. Она закончила осыпать лежащего в ванне лепестками роз, обошла купель так, чтобы занять положение у ее изголовья, и присела на край. Руки ее нежно гладили могучее тело. Обведя ладонью мускулы груди, она наклонилась к самой его голове. Длинные русые волосы склонившейся над ванной девицы закрывали теперь оба лица. Мила оторвала взгляд от этого зрелища и повернулась к царевичу.

— У нас на Севере обыкновенно холодно, поэтому все моются в банях. А на реку ходят купаться только закаленные мужи.

— Поверь, у меня есть и такая баня, к которой ты привыкла, и паровая комната, где потоки влажного воздуха расслабят твоё прелестное тело.

Елисей снова взял ее за руку и подвел к следующему окну. Там тоже болтались ветви глицинии, правда, на этот раз пыльно-розовые, но за ними разворачивалось совсем

другое действо. Двое крепких мужчин, одетых как опричники, держали под руки юную служанку. Мила узнала в ней ту, что нарушила их с царевичем уединение. Один из опричников достал толстую пеньковую веревку, завел руки служанки за спину и принялся стягивать их тугим узлом. Она пыталась вырваться и кричала, но второй мблodeц сначала схватил ее за подбородок, больно сжав его своей огромной ладонью, а после снял с пояса небольшую мошну, полную монет, и запихал ее прямо девушке в рот. Кричать больше не получалось. Опричники привязали свою пленницу к торчащему из земли столбу, и первый, успевший распоясаться, подошел к прислужнице сзади, задрал юбку, обнажив ягодицы, и отвесил звонкий удар ладонью по ее округлостям. Мила тотчас отпрянула от окна. Несмотря на то что она смотрела на Елисея, перед глазами ее до сих пор стояла увиденная мгновение назад картина.

Княжна потеряла виски, опасливо взглянула на третье окно и упавшим в самый низ живота голосом промолвила:

— Мне стоит знать, что ждет меня в следующем конце?

— Там всего лишь качели, дорогая Мила. — Елисей кивнул девушке, предлагая самой взглянуть на то, что творится в очередной зеленой комнате.

Она осторожно повернулась к оконцу и выглянула наружу. Долго лицезреть то, что там происходит, она не смогла. Юная княжна закрыла глаза руками и спешно отвернулась. Совладав с предательски быстрым сердцебиением, Мила отвела ладонь от лица и обомлела: за то время, что она всматривалась в безумную игру на качелях, царевич успел раздеться донага. Его безволосое тело лоснилось от ежедневных умасливания,

массивные плечи и развитые мышцы груди были подернуты солнцем и переливались оттенками речного янтаря. Ниже девушка смотреть не стала, хотя Елисею было чем похвастаться. Он показывал себя во всей красе, подобно цветкам страстоцвета, увивающего арку при входе в Сад наслаждений.

Мила порывисто отвернулась, пытаясь выправить дыхание. Она впервые в жизни видела голого мужчину.

— Страх неизвестности отравляет жизнь, — прервал молчание Елисей. Он улыбался и не отрываясь смотрел на нее. — Уверен, тебе интересно, что можно увидеть в последнем оконце?

На секунду Мила задумалась: «Что же там может быть?» Но сразу прогнала прочь самую мысль об этом. Перед ней голый царевич! И он недвусмысленно дает понять, чего ждет от нее, а она, будто замороженная, стоит и закрывает лицо руками. «Надо бежать!» — решила она.

— Могу рассказать, милая Мила, если ты не отваживаешься спросить. За четвертой стеной застелена белоснежная постель, покрытая балдахином из цветов. На столике рядом стоит выбранное мною масло с корицей. Тебе когда-нибудь растирали спину с эфирами? Клянусь, сам Лель теряет рассудок, когда его ласкают, предварительно намазав маслом. Поистине божественное удовольствие! Сейчас я возьму тебя на руки, отнесу туда, и мы долго, сколько ты пожелаешь, будем умасливать тела друг друга. После ты возьмешь меня за руку и отведешь в любую из комнат за этими окнами. Захочешь нарядиться — я буду рад. В том флигеле, — царевич махнул рукой в дальний угол двора, — целый зал, полный нарядов, привезенных со всех концов Пятимира. Выберешь подходящее облачение и мне... мне нравится, когда женщина берет власть в свои руки.

Княжна еле стояла на ногах. Голова кружилась вовсе не от возбуждения, которое могли вызвать жаркие слова царевича, — она выгадывала момент и перебирала тысячи отговорок, уместных в таких случаях. Понятное дело — отказа Елисей не стерпит. Не найдя ничего убедительнее, Мила повернулась к будущему царю, распрямила ладонь поперек переносицы, чтобы не увидеть лишнего, и просипела:

— Мне срочно надо отлучиться! — И, не отрывая руки от лица, сбежала.

После ухода Милы девы-птицы еще долго сидели у фонтана на площади Семи звездословов. К Сирин подошел какой-то бледный юноша, по всей видимости прислужник, и передал ей записку. Прежде чем вскрыть конверт, дева посмотрелась в фонтан, ловя свое отражение, немного поправила волосы, прихорашиваясь. Она читала записку, слегка приоткрыв рот, и с последней строчкой губы ее сомкнулись в довольной полуулыбке. Наградив юношу еле заметным кивком, она выдержала небольшую паузу и сообщила подругам, что ей надо идти. На вопросы Алконост она отвечала неопределенно, будто сознательно оставляя в каждой фразе место для домыслов, и поспешно ушла непонятно куда.

Смеркалось. Девы поняли, что дожидаться Ладимилу нет смысла, — наверное, прогулка с царевичем в Саду наслаждений проходит замечательно, и за подругу можно не волноваться. Они искренне надеялись, что именно княжну выберут из всех благородных претенденток будущей царицей и можно будет повеселиться от души на грандиозной свадьбе. По дороге к дому Алконост не умолкая рассказывала, в чем собирается появиться

на празднике. Она подробно описала все наряды, которые хранились в ее обширном гардеробе, и пришла к выводу, что придется заказывать новое платье. Одно слишком длинное, другое — не по случаю открытое, третье очень темное, а то, что подошло бы больше других, поистрепалось значительно. Зеленое тоже отчается — цвет ее «съест», черное, само собой разумеется, надо приберечь для печального повода, синее — простовато, бледно-лиловое... Розовый — это цвет легкомысленности, не правда ли? Да, пожалуй, над нарядом стоило еще подумать.

Сложный выбор занял все ее мысли. Девы вышли из крепости, и уже через несколько шагов Алконост вбежала на крыльцо многоэтажного терема.

— Добрая моя Гамаюн, благодарю тебя за прогулку и особенно за готовность слушать мою бесконечную болтовню! — Она расцеловала подругу и напоследок спросила: — А в чем ты пойдешь на свадьбу, уже решила? Прячешь красу свою неземную под каким-то отрепьем!

— Ты же знаешь, я ношу одно платье. — Гамаюн улыбнулась и погладила расшитый гладью чернильного цвета подол. — Вот истреплется или запачкается так, что не отстираешь, — приду к тебе за советом. Доброй ночи, Алконост!

— Пусть Дрема придет к тебе сегодня, Гамаюн, и будет ласкова, как в детстве!

Буян заполняли сумерки. Путь Гамаюн предстоял неблизкий: она жила за Алатыревым садом, за всеми ремесленными слободками. Обогнув ярмарочную площадь, она решила пройти через парк. Дом стоял в удобном месте: от него и до училища было близко, и до мыса на отшибе не так далеко — туда она отправлялась

каждый вторник, чтобы пообщаться с единственным своим близким знакомым на острове — стариком Армауном, тоже амитийцем.

Тропинка вилась среди могучих дубов и ясеней, под их плотными кронами Гамаюн едва разбирала дорогу. Обычно ей было совсем не страшно ходить по столице в любое время дня и ночи. Однако сейчас, после рассказа Милы о вчерашнем преследовании, чуть было не ставшим для той роковым, Гамаюн прислушивалась к каждому шороху. Она добрела до двух пологих холмов, соединенных широким прогулочным мостом. Первой мыслью было обойти застывшую мглу, раскинувшуюся под досками, но это увеличило бы путь на добрых пару верст. Сделав глубокий вдох, она быстрым шагом нырнула в мрачную тень между толстыми опорными бревнами. Дойдя до середины, девица услышала грубые мужские голоса и в страхе замерла. Ей было очевидно, что на склоне одного из холмов ее ждет встреча с незнакомцами. Возвращаться обратно не хотелось, ведь это значительно удлинило бы ее путь домой. Гамаюн решила прислушаться — может быть, там, на пригорке, беседовали мирные самаритяне.

— Как полагается, я спрятался в траве и приготовился, как у нас бывает, ждать несколько часов. Но мне повезло: через какие-то пятнадцать минут я увидел его... — Голос гнусавил, и было слышно, как его обладатель смачно сморкнулся, зажав одну ноздрю пальцем.

— И что, это, сразу прям и подстрелил?

— Да, но промазал чутка. Говорили мне, что лук надо починить, а я не слушал, надеялся на свою природную точность. В ногу попал! А он ка-а-ак вскрикнет! И помчался, хромой, что было мочи!

— Ну а ты что?

— Ну а я из кустов выскочил, тетиву завел, но мимо.

— Да ну!

— Ну! Думаю, все, уйдет сейчас от меня добыча.

Гамаюн выдохнула и собралась было продолжить путь, решив, что на холме отдыхают охотники, но не успела сделать и шага, как услышала:

— Я выхватил топор и побежал за ним. Он ковылял и покрикивал от боли. Ну а потом свалился оземь — видать, ляжку свело. — Гнусавый на этот раз громко втянул воздух свободной ноздрей, что придало паузе в его речи некую театральность. — Подбегаю, а тот мне и молвит: «Не убивай меня, добрый человек, я ничего такого не сделал! Бери что хочешь, только не убивай». Я смотрю на него и думаю: «Даже и раскаяться не хочет, гнида». Ну и отрубил ему голову.

Внутри у Гамаюн все съежилось. Ей не хватало воздуха, и она боялась шевельнуться: в таком состоянии в темноте можно ненароком задеть что-нибудь и привлечь внимание душегуба.

— Причем рубил я движением от себя, чтоб не забрызгаться. У нас же ввели порядок в постирочной, слышал? Теперь три раза в месяц только можно, представляешь? Звери просто!

— Да, изверги они: мы потеем, служим во славу Перуна, а они нам такое в награду! — Было слышно, как булькнула полупустая бутыль. Судя по всему, мужчина прикончил ее содержимое. Смачно рыгнув, вкрадчивым голосом он спросил гнусавого: — А за что его? Как обычно, да?

Звук разбивающегося стекла не позволил Гамаюн услышать ответ. От неожиданности она отпрыгнула в темноту, больно ударившись рукой о широкий подпорный столб.

— Мне надобно отлить. Я под мост. — Гнусавый встал, отряхнулся и направился справлять нужду.

— Я с тобой. Накопилось!

Гамаюн вжалась в сырую земляную насыпь между бревнами и присела, чтобы быть еще незаметнее. Только темень сейчас была на ее стороне. Мужчины заняли места у двух разных столбов, один из них — совсем рядом с Гамаюн. Столь ответственное предприятие не мешало им продолжить диалог. Стоя спинами друг к другу и перекрикивая эхо собственного журчания, гнусавый хвастался:

— Я, это, когда убедился, что дышать ему больше нечем, подошел поближе, достал клинок и искромсал кафтан. Вроде как на него зверь какой напал. Ну а голову забрал в мешок и с собой утащил, на радость начальству.

Он довольно кряхтел, обильно поливая столб. Как назло, именно за ним спряталась Гамаюн. Брызги летели во все стороны. Страх быть раскрытой смешивался со жгучей ненавистью к убийце, который делал этот момент ее жизни невыносимым, пусть даже не подозревая об этом. Но он как будто чувствовал все и наслаждался:

— Ни с чем не сравнимое удовольствие...

— Убивать?

— Облегчаться после того, как долго терпишь!

Гамаюн, если бы только могла, тяжело вздохнула бы. Ей оставалось лишь закатить глаза и молча молиться, чтобы это мучение закончилось как можно скорее.

— Слушай, я хотел узнать, — второй мужчина справился со своим делом быстрее, — про зелье есть вести? Очень хочется. Я недавно пару заданий выполнил, монеты не проблема. Нам, крошечникам, хоть отсыплют нормально.

— Я тебе так не скажу. Ходят слухи: привезти должны со дня на день, но ты же знаешь, что из-за досмотров зелье заметно подорожало. Но оно того стоит, согласен? — Гнусавый застегнул порты, оставив под мостом лужу. Гамаюн была напугана до полусмерти.

STONE HEDGE

Глава 3

Цвет родства

— Приветствую всех собравшихся! — подняв руку, начал речь Троян, глава Совета поклонения. Это был невысокий бородатый мужчина средних лет. Одет он был довольно просто: белый льняной кафтан его был подхвачен алым, с вышивкой кушаком. Длинные волнистые грязно-русые волосы были усмирены красной лентой, опоясывающей высокий лоб. Троян взошел на небольшой помост, разделенный на две равные части наспех сколоченной из досок ширмой. Левая сторона настила была богато обставлена: доски покрывал роскошный ковер, посередине был сооружен навес, укрытый вощенной материей фиолетового цвета. Под ней стоял высокий золоченый стул с резными подлокотниками. Здесь явно ждали представителя царского рода. Правая же сторона не отличалась изысканностью украшений: ничем не прикрытые доски и грубый, облезлый табурет составляли все ее убранство.

— Сегодня здесь, на великолепной Главной площади царского дворца, мы применим метод, над которым трудились лучшие мастера Совета размыслов и Совета

красы. Нам надобно определить возможное родство двух людей. — Он сделал небольшую паузу и вышел на середину площадки. — Как вы знаете, наместник покойной царской семьи был нарушен заявлением чужестранца, приплывшего в Буян-град в бочке. По информации Совета мудрости и правды, прибывший пытается уверить нас в том, что он истинный наследник буянского престола, пропавший более двадцати лет назад первенец его величества царя Салтана. Мы не можем доверять голословным заявлениям, поэтому собрались сегодня здесь в присутствии честного народа, чтобы развеять все домыслы. Наш повелитель царь Салтан любезно согласился присутствовать, и это благая возможность для всех нас лицезреть владыку всего Буяна и прочих земель славянских воочию. Расскажу вам, как все будет происходить.

Площадь была забита до отказа. На всех подступах к ней стояли люди, многие из которых не бывали здесь раньше. Царский двор был открыт для посещений простолудинов лишь в редкие дни, да и те часто совпадали с необходимостью сеять или собирать урожай, готовиться к проверкам или праздникам. По сегодняшнему же поводу был объявлен внеочередной выходной, и улицы внутри царской крепости заполнили зеваки. Площадь со всех сторон опоясывала балюстрада, на верху которой расположились широкие балконы. Здесь от толпы спасались знатные гости и постоянные обитатели дворца. Желających посмотреть на царя было столько, что даже вельможам на балконах было тесно.

— Метод этот изобретен недавно, однако уже много раз опробован. — Троян развернул свиток и пробежался по нему глазами. — Ложных результатов выявлено

не было, в связи с чем он одобрен нашим Советом для решения спорных случаев, таких как сегодняшний. Наблюдать за тщательным исполнением всех предписаний буду лично, поэтому сомнений в итоге, надеюсь, не возникнет ни у одной живой души.

Доски обеих лестниц, ведущих на помост, синхронно закрипели. На левой, оснащенной надежными перилами, появился Салтан, облаченный в переливающуюся черную мантию. Голову его венчал золотой убор с меховой оторочкой с того портрета, по которому его знали жители Буянского царства. Отличий от картины почти не было, разве что в отсутствие войны царь немного раздался вширь да седина на его голове и бороде завоевала больше владений. Он обошел навес, похлопал Трояна по плечу и занял свой временный трон. Справа от ширмы показались три головы: двое стражников вели скованного кандалами самозванца, правда, на этот раз они были более предупредительны и внимательно следили за тем, чтобы он не споткнулся на очередной ступеньке или неровной доске. Самозванца (или будущего царевича) усадили на табурет, а опричники остались стоять чуть поодаль за его спиной.

Толпа шумела. Кто-то свистел, кто-то выкрикивал ругательства, но до сцены они не долетали — волна гомона всасывала в себя отдельные слова, превращая помост в плот посреди бушующего моря.

— Стало быть, можем начинать. — Троян подошел к ширме и заглянул за нее, убедившись, что пленник доставлен и усажен. — Прошу тишины! Истина любит тишину!

Народ несколько утих и теперь напоминал отару недовольных овец. Секретарь Совета поклонения обернулся и повелел кому-то принести необходимые

инструменты. По левой лестнице на помост вскочил юркий блондин. Он поднес к краю сцены поднос, на котором были выставлены две глубокие глиняные миски, стеклянный кувшин с бурлящей жидкостью и два набора для стрижки — золотой и обычный, почерневший от времени. Ловко разложив складное подстолье, он водрузил на него поднос, глянул на Трояна и, получив от него утвердительный кивок, схватил золотые ножницы, залихватски покрутил их на одном пальце и направился к царю. Пока цирюльник беседовал с Салтаном, осматривал его шевелюру и выяснял, с какой стороны можно резать, глава Совета поклонения объяснял ничего не понимающей толпе:

— Сейчас Устин поочередно срежет по пряди волос с головы царя и самозванца и поместит в эти вазы. От них больше ничего не потребуется.

Устин благополучно срезал небольшую прядь волос с царской головы, и владыка вернул шапку на прежнее место. Цирюльник подобострастно поклонился и засеменял к столику с инструментами. Самая сложная часть процедуры осталась позади. Устин шумно выдохнул и стал махать обеими ладонями, словно это были восточные веера. Прилетевшего воздуха не хватало для того, чтобы его покрасневшее от старания лицо вернуло человеческий цвет. Переведя дух, он поднял со стола почерневшие ножницы и подошел к Гвидону. Трюк с проворотом ножниц вокруг пальца повторять не стал — всякий фокус работает лишь однажды. Отросшие взерошенные кудри скованного пленника закрывали часть лица. Устин поднял их, приготовившись срезать не целясь, как получится. В этот момент Гвидон поднял на него взгляд. Цирюльник слегка наклонился, всматриваясь в незнакомца. Нет, нисколько не похожи.

В нем чувствовалась знатная порода, он определенно красив, но от Салтана в нем не было ни капли.

— Вы не похожи с царем. И с Елисеем тоже. Со всем. — Устин обошел сидящего пленника, поочередно поднимая его вихры, постоянно наклоняя голову и прикидывая что-то. После наклонился к самому его уху, натянул рукой челку и произнес еле слышно: — Кем бы ты ни был, постричься тебе не мешало бы. И если придешь ко мне, — Устин заглянул Гвидону в глаза и хитро улыбнулся, — я из тебя не то что сына — его близнеца сделаю. — Резкий щелчок ножниц не заставил себя долго ждать. Цирюльник шепнул напоследок: — Пятая линия, дом в зарослях малины. Приходи, Гвидон.

Пряди волос лежали на дне мисок. Цирюльник, исполнив поручение, манерно поклонился толпе, будто только что давал представление. Троян проводил его взглядом, взял кувшин в руки и подытожил:

— В этих двух вазах лежат волосы царя и его предполагаемого, маловероятного, но возможного сына Гвидона. Сейчас я залью их смесью настойки ордын-травы, алатыревого сока и огненной воды из кувшина, и, после того как волосы впитают всю жидкость и разбухнут, мы подождем их и сможем увидеть, правда ли за моей спиной отец и сын. — Он посмотрел сначала за левое плечо, а потом и за правое, будто обозначая, кто есть кто. — Это будет длиться несколько часов. К вечеру все станет ясно. — Троян поднял обе миски, показывая их народу. — Ежели цвет огня будет одинаковым, значит, царь всего Буяна и Гвидон — родственники. Но коль скоро цвета пламени окажутся разными, завтра мы встретимся здесь, на этой площади, чтобы казнить самозванца.

С уходом царя народ хлынул в те несколько арок, что вели с Главной площади на другие улицы и в закоулки. В узких воронках образовалась давка: люди торопились посмотреть, как живет царский двор, пока было можно. Вельможи брезгливо разошлись с балконов по своим покоям. В тени одной из балюстрад, сторонясь людей, стояли две фигуры в болотного цвета балахонах. Эти двое только что выбрались из толпы, и их явно раздражала поднявшаяся суматоха. Лиц их было не разглядеть под широкими краями материи.

— Как же эти люди любят толпиться и толкаться! Убить бы! — послышался женский голос из-под одного из балахонов. — Да и накидки эти — через них не видно ничего! Вечно поправлять надо, чтобы хоть что-то увидеть!

— Девана, — полусшепотом утихомиривал жену Святобор, — не сетуй понапрасну, без них же нам сюда нельзя. Пусть люди и не поймут, что мы боги, но, если кто-то из них заметит, тогда что — кромешникам всех их убивать? Нам за это никто спасибо не скажет. Нам и так доверия мало проявлять стали, все из-за этих треклятых Розмыслов. Раньше — помнишь? — в бочку царевича посадили, спросясь у Мары, вот и проверили все, что нужно. А теперь? При Салтане чего только не придумали...

Девана поправила балахон, чтобы увидеть мужа, убедилась, что на них никто не обращает внимания, и спросила:

— Ты как думаешь: он сын?

— Да почем мне знать, милая? — Святобор степенно озирался по сторонам, пытаясь выгадать правильный момент для отступления из царской крепости. — Понимаешь, даже если он — тот самый Гвидон, что был

рожден Чайной двадцать лет назад, то вполне может статься, что она его с кем-то и нагуляла. Мало ли кому она... с кем еще она могла быть близка. Говорят, даже твоя бабка Лада, хранящая семейный очаг и супружеский покой, и та охотница до мужской ласки. — Святотворец недвусмысленно присвистнул, обозначая тем самым, что имеет неопровержимые подтверждения этим слухам. Встретив твердый, неодобрительный взгляд супруги, бог лесов и деревьев незамедлительно сменил тон: — Но это пусть говорят. А вот от людей можно ждать чего угодно!

— Это точно. Чего угодно. — Девана посмотрела на толпу. — Куда ни взглянешь — один разврат.

Небо над Буян-градом затянуло свинцовым покрывалом. Молнии непрестанно били в шпиль царского дворца, разрезая всполохами темную синеву. Дождь лил не прекращая с середины дня.

Перун стоял у окна башни и наблюдал за результатом своего гнева. Зрачки расшарканных глаз не успевали снова расширяться после каждой вспышки на горизонте. Дверь в светлицу отворилась, и в комнате появилась Макошь. Она устало оглядела комнату и подошла к супругу. Едва касаясь, будто боясь спугнуть, она положила невесомую руку на его плечо. Громовержец стряхнул ее ладонь, буркнув что-то невразумительное.

Макошь сделала глубокий вдох и медленно выдохнула горячий воздух. «Хорошее вино всегда спасает», — мелькнуло в ее голове. Она проследовала к столику под зеркалом в резной раме, налила полный кубок красного напитка и вернулась с ним к окну. В проеме ежесекундно появлялся грозный силуэт ее мужа. Макошь

поставила чашу на подоконник и придвинула ее поближе к Перуну. А затем присела на краешек резного подлокотника кресла, утомленно провела рукой по волосам и промолвила:

— Страшен ты в гневе, муж мой! Что тебя так расстроило?

Ответа она не дождалась. Как всегда. «Все что угодно его может разозлить. Ждет от всех самостоятельности, но как что не по его хотению — обижается и молнии насылает, а потом думает, вспоминает, кто чем не прав был. Нет чтобы поговорить! Ребенок, самый настоящий ребенок!» Макошь рассматривала напряженную спину Перуна. Сквозь тонкую ткань проступали широкие, налитые мускулы, лопатки грозно торчали из-под одеяния. Взгляд ее скользнул по кубку. «Себе, что ли, тоже налить?» Вставать лишний раз было совсем невмоготу. Она протянула руку к подоконнику, незаметно взяла кубок и неслышно отпила небольшой глоток. Многого с Перуном приходится делать втихую.

— На место поставь, ты же мне налила! — раскатиисто прогремело в комнате.

Макошь спокойно вернула кубок на место, облизала губы и снова тяжело выдохнула. Опять взор ее впивался в могучую спину. «Какой же ты козел, Перун!» — подумалось ей. Она порывисто встала, снова подошла к столу и плеснула в другой кубок вина из кувшина. Мигом осушив содержимое кубка, она брякнула им по мрамору столешницы, резко выпустила из себя воздух и вновь взялась за кувшин. Вот уже второй кубок был наполнен рубиновым напитком. Держа его в руках, богиня судьбы вернулась к окну. Совладав с желанием облить вином такую сейчас ненавистную спину, Макошь предприняла очередную попытку выведать, что стряслось:

— Кто посмел тебя потревожить, владыка Прави*?

Она было приготовилась к тому, что Перун снова отмолчится или будет бессвязно ворчать что-то себе под нос, но он неожиданно охотно ответил, звучно отхлебнув знатный глоток вина:

— То одно, то другое. Люди эти совсем страх потеряли, своенравничают, не спросясь. И ты еще из моего кубка лакаешь!

— Перун, я сделала малюсенький глоток, а ты на меня ополчился, будто я море выпила! Не хочешь говорить — молча играй со своими зарницами, а не сыпь оскорблениями на свою достойную жену! — Она швырнула свой кубок на подоконник, и по резным его доскам тут же разлились кроваво-красные лужи. Богиня порывисто развернулась и быстро направилась к двери.

— Стой же ты, глупая! Разве не хочешь знать, что начудили в Буяне? — Он повернулся в сторону жены и примирительно поднял руку. Дождавшись, пока супруга смягчится и посмотрит на него, Перун продолжил: — Значит, хочешь. Салтан совсем трёхнулся на своем золотом троне! К ним бочка приплыла, а в ней оборванец. И говорит он: «Я твой сын!» А его — что, на плаху? Нет же! Ну ничему людей прошлое не учит!

Небо за спиной громовержца залилось белым светом. Взрывы грохота прокатились, казалось, по всему Пятимирию.

— И правда, умом он, что ли, тронулся! Понятно, что этот оборванец не кто иной, как проходимец! Сколько

* Мир светлых богов в трехчастном делении мира у славян. Кроме Прави, было еще две части мира: Явь — земной мир, или мир людей, и Навь — подземный мир, или мир темных божеств.

годов прошло? Любой норд сообразит, что в этой бочке не то что человек — никакой бог столько не вытерпит! — Макошь вмиг забыла про грубости мужа. Ничто так не объединяет в жизни, как обсуждение сплетен. — Пройдем, это ясно.

— Знаешь, Макошь, кто он — дело десятое. Мы прекрасно помним случаи, когда ничто становилось всем.

— Здесь волноваться нет причины. — Богиня наткнулась взглядом на расплескавшееся вино, и ее вновь обуяла жажда. Она добралась до подоконника, подняла кубок и жадно хлебнула из него. — Разве у твоих жрецов есть какие-то изменения? Перунов дом полон верных и процветает. В своем я наблюдаю то же. Даже дев, что приехали свататься к мальчишке-царевичу, и тех увещевают жрицы. Кого подарком, кого угрозами. — Она снова сделала глоток и поймала непосlušную каплю, норовившую сбежать по кубку. Облизав мокрый палец, она молвила: — Народ любит своего правителя, уважает его сына, так что беспокоиться не о чем.

— С людьми надо быть крайне осторожным! И если Салтан своей пустой головой этого не понимает, то скоро лишится всей власти. Помяни мое слово! — Перун с глухим звоном коснулся кубка жены своим, после чего осушил его залпом. — Нам на руку, чтобы власть Салтана была нерушимой и чтобы сила поклонения не угасла. Не хочется думать, к чему может привести неверие. Еще одной войны Пятимирие не выдержит. И тогда мои молнии покажутся людям детским лепетом.

За дверью послышались приближающиеся шаги. Северная княжна не планировала выходить из дома так рано, поэтому, несмотря на полуденное время, полулежала

в постели и читала очередной роман. Дождь стих только недавно, значит, с подругами они встретятся не раньше трех, таков был уговор. Троекратный стук оторвал ее от чтения, она отложила книгу, переместилась к изножкой узкой кровати и громко спросила, кто стучится в ее покои. В ответ она услышала мощный мужской голос, сообщивший, что беспокоят ее из царского двора и дело совершенно безотлагательное.

Ладимила вскочила как ошпаренная. Осторожно подошла к двери, убедилась, что та заперта, и попросила уточнить, что за дело интересует незнакомцев среди бела дня.

— Сударыня, откройте, мы пришли за вами!

«Целовальники, не иначе», — решила Мила.

— Судари, покорнейше прошу меня простить, но я не готова к беседе. Знала бы я раньше о вашем визите... — «Я бы спряталась и не отзывалась бы на стук! А того лучше — покинула бы комнату и встретила с Гамаюн или Алконост, чтобы стражи меня не отыскали», — продолжила про себя дочь Велимира. — Если встреча неизбежна, то позвольте мне привести себя в должный вид. Подождете? — Крикнув это из-за двери, княжна принялась судорожно думать, что делать.

На цыпочках дошла до уборной. Попытаться вылезти через окна? Они слишком узкие, бывшие бойницы же. Может быть, есть тайный погреб? Она бы поняла по характерному треску половицы. Или дымоход? Теплая вода поступает по узким медным трубам, значит, этот вариант тоже не сработает.

Настойчивый стук повторился. Сразу после другой голос, который она уже где-то слышала, сообщил:

— Сударыня, вам было отправлено письмо не далее как вчера поздним вечером, мы предупреждали о своем

визите. Полагаю, вы от усталости не заметили сверток в стеклянной трубе. Посмотрите, пожалуйста, и сможете убедиться в честности наших слов и намерений.

Мила взглянула на прозрачную трубу, торчащую из стены. «Леший бы тебя побрал, Ладимила!» — выругалась она на саму себя и вынула свиток из стеклянного цилиндра. В нем сообщалось, что к полудню ей требуется стоять на пороге своей комнаты с собранными вещами. Внизу значилась непонятная закорючка и вчерашняя дата. «Вот и всё», — пронеслось в ее голове. Внутри все упало, руки со свитком опустились, и она подняла взор на дверь.

— Пять минут, судари! — крикнула она из глубины комнаты так, чтобы мужчины услышали.

После собрала несколько книг, положила их аккуратной стопкой на стул. «Этого стоило ожидать. Царевич ищет покорную жену, а не трусиху, которая и отдаться смиренно не может, и слов отказа не найдет. Или ему просто нужна та, что будет помогать утолять его телесную жажду...» Она сняла ночную рубашку и взглянула на свое отражение в зеркале: на нее смотрела привлекательная молодая женщина с точеным станом, тонкой шеей и узкими запястьями. Княжна открыла шкаф, достала платье, в котором приплыла в Буян-град, быстро надела его, остальные же, одолженные Сирином, сложила на кровати. Беглым взглядом обвела все свои немногочисленные вещи. «Я ему про книги, стратегию, а ему-то это все зачем? Ему только нужны голые девичьи да грубые побратимы, чтобы вместе развлекаться. Все, что я пыталась рассказать Елисею, было лишним». Мила выдернула пухлую подушку из наволочки и сложила туда свой скарб. «Пора отправляться обратно

в Новый град. Надо написать записку девицам и попросить прислужников непременно передать на площадь Семи звездословов. Быть может, однажды мы встретимся вновь». Посмотрев на подушку, княжна сняла пояс и скрутила из него узел, завязывая углы наволочки, набитой вещами.

Она обула черевички и в последний раз осмотрела свою комнату, так и не ставшую ей домом. Распрямила спину, схватила узел и отворила дверь в свою старую жизнь.

За дверью ждали двое: уже знакомый ей прислужник царевича в сиреновом кафтане и могучий мужчина, облаченный в одежды таких же тонов. Сердце у княжны сжалось, а в уголках глаз предательски заблестели капельки слез. Слуги синхронно согнулись в глубоком поклоне. Тот, кого она видела впервые, попытался незаметно выплюнуть травинку, которой только что ковырялся в зубах, но та как нарочно прилипла к губе и никак не хотела падать. Второй ловким движением снял непослушный стебелек и с укором взглянул на напарника. После открыл рот, собираясь что-то сказать, но Мила опередила его:

— Судари, прошу прощения за промедление. — Она попыталась вдохнуть воздух как обычно, но вместо этого у нее вырвался жалобный всхлип. Мила поставила тюк с вещами у своих ног. Через несколько секунд ей удалось совладать с чувствами, и тихим, почти неслышным голосом она проговорила: — Я готова к путешествию.

Мужчины переглянулись и, перекрикивая друг друга, наперебой стали бормотать извинения. Могучий остановил речь Сиренового, закрыв ему рот рукой, и убрал ее, только убедившись, что тот замолчал.

— Нам очень жаль, что мы застали вас врасплох, сударыня. Это замечательно, что вы готовы к путешествию, однако...

— Что вы, никаких извинений не нужно, это моя оплошность: я не обратила внимания на... на трубу с почтой. Так что впору мне приносить вам извинения. — Она опустила глаза, борясь со вновь подступающими слезами. Сделав глубокий вдох, продолжила: — Мне никак не приходило в голову, что мое пребывание на острове может быть таким недолгим. Если вам не сложно подарить мне еще немного своего драгоценного времени, не могли бы вы великодушно подождать еще несколько минут, пока я напишу прощальную записку моим подругам? Передать ее можно в любой день на площади Семи звездословов, у фонтана. Не хочу, чтобы они терялись в догадках по поводу моего исчезновения.

Повисло неловкое молчание. Мила робко взглянула на мужчин, а те в свою очередь переглянулись. «Торопятся», — вынесла она вердикт. Глаза могучего прислужника неожиданно заиграли бликами, он улыбнулся и зычно проговорил:

— Сударыня, вы сами сможете передать записку своим подругам. Сразу после переезда!

Мила непонимающе впилась в его светящиеся глаза. «После переезда? Куда?» Как будто услышав ее безмолвный вопрос, он поспешил объясниться:

— Ваши новые покои в паре минут ходьбы от упомянутой вами площади. Потому и путешествие не займет много времени!

— Да, как я и обещал. — Сиреневый наконец-то выгадал паузу в словах своего напарника и быстро, пока его не заткнули, зататорил: — Во дворце освободились

комнаты, и мы присланы сопроводить вас в новый дом! — Он подлетел к княжне, схватился за набитую вещами наволочку и спросил: — Вы возьмете только подушку?

Новые покои представляли собой вереницу богато обставленных, просторных комнат. Потолки подпирали резные пилястры, а на окнах переливались всеми цветами радуги живописные витражи. При входе была устроена чайная для приемов, самой заметной деталью которой, помимо полукруглого шкафа, полного фарфора — подарка из Восточной империи, — был огромный портрет Салтана в золоченой раме — такой же, какой княжна видела и при входе в Сад наслаждений царевича, и в иных благородных кабинетах. Двойные массивные двери открывали доступ к другим помещениям: комнатке для прислуги («Наконец-то есть местечко для Добродеи! — пронеслось в голове у Милы. — Где же моя голубушка?»), оборудованной по последнему слову века уборной и широкой проходной гардеробной, полной дверей, ящиков и полок. Венцом этой анфилады была опочивальня, размерами не уступавшая иным бальным залам. Завидев царских размеров кровать с бесчисленным количеством подушек, Мила с нетерпением стала дожидаться ухода слуг, чтобы с разбегу запрыгнуть на толстые перины и насладиться их негой, валяясь до самой встречи с подругами. На кушетке, обитой у изножья бордовым бархатом, ее ждала небольшая шляпная коробка, обвязанная разноцветными атласными лентами. Кажется, у кровати появился серьезный конкурент.

Проводив прислужников, Мила бросилась к кушетке — открывать подарок. Внутри коробки была еще одна,

а в ней — шелковый мешочек, из которого княжна извлекла невиданной красоты украшение. Глянцевая заколка для волос была вся усыпана глазками крошечных диамантов, а посередине виднелся символ, которого она никогда не встречала. Он напоминал колесо мельницы с четырьмя широкими треугольниками лопастей. Таинственная эмблема была инкрустирована крупными синими самоцветами, которые загадочно переливались на солнце. Как Мила ни искала, записки с указанием дарителя найти не удалось. «Верно, царевич», — улыбнулась она про себя и приложила заколку к волосам.

Темный коридор был наполнен зловонием. Тарх обратил внимание на огоньки в масляных лампах — они подрагивали то ли от сквозняка, то ли от воспоминаний о метавшихся в этих стенах мятежных душах. Длинный узкий проход был отмечен чередой открытых дверей. За их откосами трудяги из погребального отдела Совета мудрости и правды готовили тела умерших к отправке в последний путь. Тарх заглянул в одно из мертвенно-темных помещений: на плотно сколоченной лавке возвышалась небольшая ладья, в которой лежал покойник. Глаза его накрывали две увесистые медные монеты, а рядом, на приставном столике, стоял глиняный сосуд-домовина. Средний палец правой руки усопшего был обвит серебряным прутком, конец которого был опущен в плоску с землей. «Все по канону, молодцы, — мысленно похвалил он своих работяг. — Но откуда этот назойливый шум?»

Громкие звуки здесь и вправду можно было услышать редко, разве что когда ладья или носилки с трупом не вписывались в узкие повороты и грохотали о каменные

стены. На этот раз были слышны голоса, и Тарх отправился искать причину шума. В конце коридора, у самого выхода, в очередной открытой комнате, он обнаружил почти весь погребальный отдел, можно сказать, полным составом.

— Что за странный пир? — с порога поинтересовался сын Перуна. — Вы совсем с дуба рухнули — здесь праздновать да трапезничать?

В помещении и правда было много еды. Со всей покойницей сюда снесли всю свободную мебель, которая была заставлена яствами. Посреди блюд возвышалась ладья с телом Дамианоса. Он был омыт, переодет в богатые одежды, а глаза, как это и полагалось в Буянском царстве, накрыты монетами. Завидев старшего, собравшийся люд притих и повставал с лавок. Один из них, лекарь и начинающий алхимик, передал свою тарелку соседу, обтер руки о белый льняной кафтан и подлетел к Тарху:

— Все объясню, дражайший наш Перунович!

Тарх знал наверняка, что на подобные фамильярности его сотрудники идут, когда хотят начать разговор, требующий особой доверительности. Скрестив руки на груди, он вопросительно уставился на лекаря.

— Все эти яства — часть *дознавательной пробы*, понимаете? — Лекарь развел руками, пытаясь придать своей околесице хоть толику здравого смысла. — Понимаю, все это выглядит... странно, но вот что нам удалось узнать к полудню. — Он подвел главу Совета мудрости и правды к одному из столов, торопливо снял с расстеленных на нем свитков блюдо с фаршированным гусем и жестом приказал двоим мальчишкам убрать еду подальше в угол. — Подробное изучение тела показало, как и при первом осмотре, что не убивал его никто. Мы

вскрыли живот усопшего и среди прочего нашли там несколько капель незнакомой жидкости... Желудок был полон, но наше внимание...

— Что за капли? Не томи!

— Повинуюсь, не буду отходить от сути! Непонятная жидкость, напоминающая молоко, с незначительными вкраплениями незнакомой никому из нас сущности... Мы пораскинули мозгами: не подают ли в «Брячине», трактире, где нашел свою смерть покойный, блюдо, в котором есть эти самые частицы? Вызвали ихнего распорядителя — он заикался и не смог точно ответить, что именно померший ел в тот вечер. Вот и привезли все разнообразие, которое там готовят, включая соусы, специи и напитки... Бражки мы не касались, честное слово!

— И в каком из блюд вы нашли эту жидкость? Эликсир? Молоко, ты говоришь?

— В том-то и дело, мудрейший, молоко тут ни при чем. И ни в одном из этих яств, бражек и приправ ничего похожего мы не нашли. Мало того: переданные нам на изучение кубок, тарелка и приборы, которыми пользовался покойный, не содержат этих частиц. Поэтому я смею предполагать...

— Что эликсир был принят после еды из отдельного сосуда — говори, не юли, — прервал миндальничающего лекаря Тарх.

— Так точно! Все, что мы смогли понять, — это либо пыльца неведомых цветов, либо, возможно, нектар, нагретый с водой до незначительной теплоты.

— И это яд? Он стал причиной... причиной смерти Дамианоса?

— Этого нам узнать пока не удалось... Был бы у нас этот нектар, мы бы проверили его на тюремных заключенных.

Глава Совета мудрости и правды обвел взглядом присутствующих — и все вытянулись как по струнке.

— Дело ясное, что дело темное, — подытожил Тарх. — Изучайте дальше.

При выходе из комнаты он наткнулся на юношу, жадно обгладывающего ножку кролика. Рот и пальцы его были в жиру и копоти, а на подбородке висел прилипший лист петрушки. Увидев старшего, он замер, как пойманный сурок. Тарх наклонился над юнцом и ласково проговорил:

— Ешь на здоровье. Говорят, что-то из принесенного знатно приправлено отборной отравой!

В темном зловонном коридоре теперь стояли приглушенные звуки рвоты и проклятий.

Площадь у фонтана не пользовалась большой популярностью. Оно и понятно: до теремов, занятых Советами, было далеко, разве что потайной вход в тюремные казематы располагался за неприметной дверью в срезанном углу одного из зданий. Близкого доступа в царские покои тоже не было, да и из развлечений только фонтан и поилка для птиц. Дождь прошел, в напоминание о себе оставив несколько высыхающих луж и капли на ветках. Лучи солнца пробивались через ленивые тучи. Эти сгустки пара, казалось, хотели посмотреть на царский дворец подольше, поэтому упрямились, зацепившись за шпиль, и не торопились уплыть за горизонт.

Мила вдоволь навалялась на перинах необъятной кровати, в пять минут разложила свои книги и развесила платья. Походный наряд она сменила на парчовое облачение и легкую накидку цвета лазури. Ее

переполняла легкость, она первой пришла на площадь, тем более что до нее от новых покоев было рукой подать. И хотя Сирина и Гамаюн, в отличие от Алконост, появились вовремя, жажда поделиться хорошей новостью не давала княжне усидеть на месте: она успела прислониться к стволу каждого дерева, пересчитала всех рыбок в фонтане, обошла его кругом три раза и заглянула во все окна домов на площади.

— Наконец-то вы здесь! — Мила поочередно обняла подруг и горячо расцеловала каждую. Девы-птицы прилепились на парапете фонтана, пока юная княжна в красках описывала свой переезд.

— Мне очень хотелось обняться с вами на прощание, раз уж матушка Макошь уготовила мне такую судьбу — покинуть Буян-град навсегда. Вернее, не так... — Мысли вернули Милу в то мгновение, когда она размышляла о том, что больше не увидит своих новых подруг, ставших такими родными. Глаза ее покрылись блестящей пленкой — предвестницей подступающих слез. — На самом деле я совсем не хочу с вами прощаться, мои драгоценные, и я совсем не знаю, что бы я предприняла, если бы меня отослали обратно в Новый град. Наверно, попросила бы отправить вас вместе со мной.

Девушки дружно рассмеялись, и в этом смехе таилось облегчение для каждой из них. Сирина и Гамаюн были рады встрече не меньше княжны.

— Девочки, теперь у меня есть настоящая приемная, и, когда погода не будет баловать нас солнечными деньками, мы будем пить в ней чай. Фарфора там хватит на двадцать гостей, не меньше! — Княжна подробно описала свои хоромы.

Сирин же стала перебирать названия трактиров, из которых им смогут приносить вкусности. После она описывала сами яства, да такие хитровыдуманные, о каких Мила и не слыхивала:

— Один из поваров по секрету рассказал мне, как она готовится. — Речь шла о полуметровой горé-запеканке, украшенной так, что издалека ее можно было принять за настоящий холм. — В ней не меньше ста слоев: тончайшие срезы мяса и стебли козлородника. И каждый вымазывается соусом из желтков, перетертых с горчичными семенами и соком ягод масличного дерева. А сверху — пучки зелени и ботвы, будто холмик с северной стороны мхом покрылся. Его и резать-то жалко, не то что есть! Но подивиться можно не только виду и вкусу: когда все вдоволь насмотрятся и рты будут полны слюной от восхитительного аромата, повар покрутит какое-то колесико, и из самой верхушки горы вырвется...

— А вот и я! — воскликнула Алконост, подбегая к фонтану.

С размаху она обняла сперва Гамаюн, после Милу и напоследок коснулась губами щеки Сирин. Та было открыла рот, чтобы закончить историю о съедобном чудо-вулкане, но шансов у нее не было. Певчая птица возбужденно заголосила — казалось, ее бы сейчас не остановило даже землетрясение.

— Опоздала я, девицы, не просто так! Не смогла вовремя уйти со спевки, точнее, спевка-то в срок закончилась, но вот после мне *такое* рассказали! — Алконост зачерпнула воду из фонтана, сделала глоток, обвела подруг взглядом и продолжила: — Ульянка моя — ну поет со мной во дворце, она вхожа в разные круги — поведала про царевича последние новости: в выборе невесты он преуспел! Мила, ты их всех

должна помнить. Когда ты только приплыла, мы вам пели и букетами вас привечали. Ты тогда еще на балкон выбежала.

Княжна распрямила спину и убрала прядь волос за ухо.

— Так вот, помнишь, была там такая каланча, одна нога со всю меня? Княжна Росана из Дольны. Ее сразу обратно отправили, не успела она до Елисея и дойти. Принцесса Кунти — помнишь, в землистого цвета платье была? Она сослалась на то, что ее покровительница, богиня Лакшми, не в духе, поэтому от встречи отказалась. Уже плывет домой. А королевна Бригитта, представляешь, потребовала царевича к себе! Мол, пусть сам сватается! Лиллит, амитийка вятшая, такая жаркая, не запомнила ее? Ее тоже уже нет в городе. Про остальных ничего не знаю. А, нет!.. — Не успели остальные девушки и вздохнуть, как Алконост вспомнила остальные слухи: — Эллинийка Теодора, говорят, пять часов в Саду наслаждений провела и вышла оттуда еле живая. Как в себя пришла — попросилась домой. Остальные пока в Буян-граде. Сколько же их получается? Пять еще. Или шесть... — Алконост на секунду остановила свою речь и задумчиво посмотрела на Гамаюн. — Милая моя, ты платье сменила? Оно тебя делает еще большей красавицей, чем прежде!

Гамаюн смущенно опустила глаза, вспомнив причину незапланированной замены, и коротко проговорила:

— Спасибо, Алконост. Решила сменить облачение, как ты и советовала.

Мила поймала на себе пристальный взгляд Сирина и повернулась к ней. Подруга внимательно изучала лицо

молодой княжны. После шутиwego безмолвного вопроса одними глазами она спросила:

— Как тебе Сад наслаждений?

— Елисей показал мне весь двор, мы поговорили без всяких церемоний, можно сказать, открыто, по душам. И всё.

Девы-птицы наперебой стали сыпать вопросами:

— Что хотел знать царевич? Что рассказывал о себе? Каким его нашла Мила?

— Девы, мне кажется, мы не сойдемся. Общего у нас немного. Разве что мы оба люди — вот, пожалуй, и все совпадения.

— А сам царевич, — настаивала Сирина, — как он себя вел?

Мила не знала, как описать свое разочарование. К счастью, ей не пришлось этого делать. Алконост снова залилась смехом и затараторила сладким голосом:

— Пред нами будущая царица Земель буянских, а ты все про пустяки спрашиваешь! Уверена: знакомство прошло удачно. — Она подмигнула княжне.

Сирин безотрывно смотрела на дочь Велимира, пытаясь хотя бы по движению ее глаз понять, что могло произойти на встрече с царевичем.

— Я тебе по-хорошему завидую, подруга. Хотела бы я оказаться на твоём месте и прогуляться по Саду наслаждений.

Где-то в глубине крепости, у Главной площади, прозвенел колокол. Гамаюн нашла взглядом столбик солнечных часов на выступе стены одного из теремов и засобиралась на слушания в училище. «Опять не было времени узнать, зачем она говорит нам неправду, — подумала Мила. — В другой раз обязательно спрошу, непременно». Сирина тоже поднялась с каменного ограждения

фонтана и, сославшись на дела, упорхнула в сторону ремесленных слободок. Мила и Алконост остались одни.

В березовой роще висела легкая дымка, пряча от посторонних глаз террасу, пристроенную к белокаменному терему. На помосте располагался внушительного размера стол, накрытый вышитой скатертью. В замысловатых узорах материи четко проступали изящные силуэты лебедей. Десятки прислужников суетились возле стола, уставляя его блюдами со всевозможными закусками, кувшинами, полными вина, морса, кваса и прочих напитков, соусницами и корзинами хлеба. После недолгой паузы прислужники понесли дымящиеся подносы с тщательно закрытыми, чтобы не остыли, горячими блюдами. Вслед за вереницей служанок на террасу влетела Макошь и остановилась, сощурившись, ослепленная ярким светом. Когда глаза чуть привыкли, она высмотрела ту, кого искала. Лада стояла у парапета на самом краю помоста. Казалось, она была крайне сосредоточена на чем-то и не обращала внимания ни на что вокруг. Подойдя ближе к подруге, Макошь увидела букет полевых ромашек и горстку лепестков в ее ладони.

— Гадаешь, стало быть? — проговорила Макошь и коснулась губами Ладиной щеки. Та в первую секунду вздрогнула, но, поняв, кто рядом, посмотрела на собственную руку и выбросила лепестки за ограду.

— Так, балуюсь. — Лада вернулась взглядом к богине судьбы. — Как поживаешь? Ты как раз вовремя, дорогая моя, к обеду. — Она подозвала служанку и велела позвать Сварога еще раз, но та ответила, что никто не знает, где он.

— Больше никого не будет, сегодня трапезничаем вдвоем. Значит, можно начинать!

— Я как раз хотела побеседовать с тобою с глазу на глаз. — Макошь наклонилась к Ладе и прошептала: — Отпусти прислугу.

Лада в знак согласия еле заметно кивнула и на секунду прикрыла веки. После чего нашла глазами служанку, дождалась, пока та на нее посмотрит, и сделала жест, показывающий, что всем следует удалиться. Девушка отступила назад, согнула руку в локте и поклонилась, и по этому ее поклону остальные поняли, что им надо исчезнуть.

Богини остались вдвоем. Лада принялась с аппетитом пробовать вкусоности, которыми был заставлен стол. Макошь же гоняла вилок по пустой тарелке крупную оливку и изливалась подруге:

— Он был нежен и учтив, сама галантность... до поры до времени. А потом его будто подменили. Обращаться ко мне стал так, будто я посторонняя, и вечно так раздражается, словно я к нему с прошением пришла. Перун беспрестанно недоволен, но иногда, когда он в похотливом настроении, начинает грубо лстыть, хватает меня прилюдно и, даже если я не хочу близости, принуждает. Силой! На той неделе при своем сыне стал меня лапать. Я его легонько по руке шлепнула, так он прекратил разговор, отпустил Тарха, схватил меня и попытался взять не сходя с места. Я — кричать, а он мне рот заткнул, утащил в кабинет и не мог остановиться, пока не удовлетворил себя. В такие мгновения я думаю, что Перун так проявляет свою любовь, но сразу после он вновь становится холодным и раздражительным.

— Да, наш громовержец тот еще своенравник... Каким был, таким и останется. — Лада мягко улыбнулась

и сказала на этот раз тише, доверительнее: — Мы с тобой не настолько наивны, чтобы думать, будто способны поменять наших сильных мужчин. Они такие, какие есть.

Макошь неохотно кивала.

— Или чего ты боишься? Что он остыл и примется искать себе новую суженую? — Лада взяла бокал вина и сделала глоток. — У меня вон сколько ромашек — хочешь, погадаем?

Подруги рассмеялись. Макошь будто немного расслабилась и тоже припала к кубку.

— Мне жалко смотреть на твою оливку, запинала ты ее. Угощайся. Все, как всегда, свежайшее, со всех уголков Пятимирия! Тебе передать маслин?

— Нет-нет, спасибо. Может, осталась та строганина из Мидгарда, нежнейшая, какая в прошлый раз была? По такой жаре было бы очень кстати!

— От нордов ничего не присылают, — проговорила Лада, избавляя мякоть белой рыбы от продолговатых шипов-косточек.

— А эта рыба разве не нордская?

— Наша, буянская, откуда-то с севера, считай, почти нордская. Пальчики оближешь!

Макошь попробовала кусочек речного филе и закартила глаза от удовольствия. От блюда в считанные минуты ничего не осталось.

— Вот умеют же, когда захотят, а! Больше ничего не буду, Лада, не уговаривай, оставлю место для сладкого. Наверняка твои поварахи напекли пирогов с амитийскими фруктами, как всегда? От них отказаться я не смогу ни в каком состоянии!

— Финиковые коржи, покрытые перетертыми южными фруктами и миндальными лепестками? Ты *этом* десерт, верно, облюбовала?

— Да, Ладушка, читаешь мои мысли! А внутри орех из Афин, который раскаляется в печи и источает аромат карамели... — Макошь привстала и заглянула под крышку. — О, а тут что — хоботница*? Тоже не могу не отведать. Ну до чего вкусно у тебя всегда!

Лада передала ей соус из красных ягод и проговорила:

— Угощайся, душа моя! Возможно, не скоро мы греческой еды откушаем снова. Гермес обещал остановить всю торговлю, если Дажьбог не накажет буянцев за смерть своего посланника, представляешь? Так что бери щупальцу побольше, не стесняйся.

— Да, присоски эти — просто объедение! А к пирогу подадут чай? Тот, что пахнет лепестками диких цветов, но при этом густого темного цвета, а бодрит не хуже холодного ветра. Он есть?

— Так из Восточной империи давно ничего не привозят.

Макошь прикончила последний кусочек осьминога и усмехнулась:

— Разве что только невест. Но одну уже домой развернули. А вторая хорошенькая, как говорят. Если она выйдет за Елисея, то о чае можно будет не беспокоиться. Взял бы он всех замуж, он же и так сношает все, что движется. Ну чтобы поставки были регулярными, а то вроде как миру без малого триста лет, а все они, эти люди, что-то делают и обижаются, торговле только мешают.

— Стало быть, женой нового царя станет кто-то из империи?

— Что ты, Ладушка, это как они решат с Салтаном. Претенденток несколько, и они отовсюду. Не слышала

* Осьминог.

о них? Это же главная наша потеха. Вкус наследника престола ты знаешь — ноги подлиннее, личико посмазливее, мозгов поменьше, чтобы не сопротивлялась и делала все, что он скажет. Так что оставшиеся пять дев — ну по описанию — подходят как одна. От нордов приплыла Хильда — ноги от ушей. Из империи — Парвин, она, как ни странно, даже шутит смешно, мои девицы, когда с ней общались, говорят, ухохатывались. Амитийская княжна Сурия еще есть, она... не знаю, посмотрим, пока что мало о ней выведала. Ну и наши есть: Ладимила и Прелеста из Кряжмы. Последняя просто загляденье!

Лицо богини верности неожиданно изменилось и приняло озадаченный вид. Она отвела взгляд в сторону и спросила:

— Ладимила? Тоже из Кряжмы?

— Нет, что ты — с севера. Новый град. Дочь сума-сброда и невежи Велимира. Вот не отдали тогда эти глупые буйанцы никому не нужные земли нордам, поэтому Óдин* и его приспешники с нами и не общаются. Разве что Локи** нормальный, а остальные дурные, хамы еще такие. Что с них взять — норды! Но и наши северяне не лучше, знаешь. Наверняка и девка Велимирова — деревня та еще. — Макошь соскребла с тарелки последние крошки, мигом их проглотила и впроброс сказала: — А коврижки когда принесут? — Макошь обернулась, словно высматривая прислужниц с новыми кушаньями, но почти сразу вернула взгляд на Ладу, вспомнив о высокородных невестах. — Ой, про Прелесту только хорошее и говорят.

* Верховный бог пантеона нордов.

** Бог огня, хитрости, обмана и коварства в пантеоне нордов.

— Так в Кряжме, как я слышала, все знатные к Стрибогу* стали обращаться. — Лада позвонила в колокольчик — и на его звук прилетела стайка прислужниц. — Удивительное дело: он как женился на Немизе, сразу и Дом его укрепляться начал. Самовар и сладости подайте нам в сад, — велела она прислужницам.

Богини встали и спустились с помоста к речушке. Убедившись, что посторонних ушей в опасной близости больше нет, Макошь парировала:

— Ладушка, это слухи и домыслы! Людям всегда что-то не нравится, и они думают: если сменят покровительствовавшего бога, для них что-то изменится. Глупые! Мы хоть видимость поддерживаем, что они нам интересны. Наши обавники** и вещуньи работают как надо. Мой муж тоже тревожится, но нам поклоняются все больше и больше. Так что Немиза со Стрибогом пусть хоть удавятся — мы им своих людей не отдадим.

Лада нехотя согласилась и стала кивать, опустив глаза к чашке чая, в которой размешивала сахар. Макошь снова осмотрелась и продолжила шепотом:

— Про Прелесту я почему еще так говорю — мы же к ней отправили волхвов. Всё она сразу поняла, без лишних рассуждений. Умница, одним словом. С ней будет проще, чем с остальными. Впрочем, возможно, к сложностям этим придется вернуться. Про самозванца же слышала?

Лада немного прищурила глаза, будто вспоминала, о ком может идти речь, и неуверенно кивнула.

— Так вот, Перун потому и негодует, — продолжила Макошь. — И если он, этот Лжегвидон, сумеет каким-то

* Славянский бог воздуха и ветра, отец всех ветров.

** Жреческая каста, разъясняющая людям ведические законы.

образом убедить Салтана, что он его сын, то Елисей-евои невесте не повезет. Елисей же цесаревичем сразу быть перестанет. Представляешь, какой позор на ее род?

К их столику подошла прислужница — подлить чаю. Богиня судьбы тут же притихла, откинулась на спинку кресла и наигранно ленивым тоном промолвила:

— Ну до чего же у тебя вкусно, Лада! Надо бы заходить почаще!

— Можешь не отвечать, Мила. — Алконост сменила дурашливую полуулыбку на выражение лица, полное сочувствия. — Но знай: что бы ты мне ни сказала, это останется между нами. — Они еще немного помолчали. — Что случилось в Саду наслаждений?

Девицы по-прежнему сидели у фонтана и грелись в лучах предзакатного солнца. В стыках домов прятались волнующие виды на город, застеленный легкой дымкой тумана. Редкие прохожие забредали на площадь Семи звездословов, все как один коротко останавливались посередине, чтобы понять, какой из проулков им нужен, и, определив нужное направление, быстро уходили прочь, не замечая изысканной красоты, скрывающейся в этих стенах.

— Не знаю, как правильно передать все то, что было у царевича. — Мила выждала, пока очередной дворцовый зевака, глазевший по сторонам, пытаясь угадать кратчайший путь до Главной площади, плюнул и ушел. — В любом случае, смею тебя заверить, знакомство вряд ли можно назвать удачным.

Алконост коснулась Милиной руки, мягко накрыв ее своей.

— Честно признаться, я ужасно волновалась за тебя. Про Сад наслаждений я слышала разное и боялась, что тебя там могут обидеть. — Рука сжала ладонь еще крепче. — Будто бы у царевича в покоях оргии не прекращаются ни на минуту, там творятся ужасные и грязные вещи, и им самим движет только похоть. А ты, мой нежный цветок, чиста, как предрассветная роса, и не хотелось бы мне узнать, что какой-то баловень хочет над тобой надругаться!

Мила высвободила руку из почти стальной хватки Алконост и дотронулась до запястья подруги в знак благодарности.

— Мой визит потому и продлился недолго. Как я и сказала, мне кажется, у нас мало общего с царевичем. Увидела его настоящего, мне стало страшно, и я сбегала, как трусиха. Да что уж там — я и есть трусиха. Еще и глупая ко всему, думала, что семья, брак должны строиться на взаимном уважении, на доверии друг другу и, даже если будущие муж и жена очень разные, трепетное отношение и нежность непременно приведут к влюбленности.

— Я тоже в это верила. — Алконост качала головой из стороны в сторону и смотрела на княжну, но взгляд белокурой птицы был устремлен то ли куда-то вдаль, то ли внутрь, в самую глубину. — Только вот, видимо, это все сказки, которыми любят обманываться недалекие барышни вроде нас с тобой.

— Ты когда-нибудь любила? По-настоящему, как пишут в книгах? — Мила наклонила голову, всматриваясь в ставшие похожими на стеклянные шарики очи Алконост. Та моргнула несколько раз, будто пытаясь сбросить окутавшую ее пелену тревоги, поймала взгляд подруги и сказала: — Иногда мне кажется, что

лучше бы не любила. — Она нервно провела ладонями по лицу, собрала волосы в тугий хвост, аккуратно опустила копну кудрей на левое плечо и стала гладить пшеничные локоны, нащупывая кончики и подкручивая их. — Это долгая история. Ты никуда не торопишься?

— Что ты, даже если бы боги призвали меня к себе сейчас, я попросила бы подождать, пока ты не расскажешь мне все.

Алконост горько улыбнулась:

— Тогда слушай. Откуда я точно родом, мне неведомо. Меня нашли девочкой-подростком в лодке, приставшей к берегу недалеко от Буян-града. Я была слабой и истощенной, не то что ходить и говорить — дышать было трудно. Добрые люди, рыбаки, увидели меня на берегу, напоили родниковой водой, дали что-то пожевать, укутали мешковиной и отнесли в теплое место, в свой небольшой сруб. Помню как сейчас их лица: землистые, грязные, испещренные глубокими бороздами морщин. Еще помню их глаза: бесцветные, простые-простые, как железные пятаки. Я в себя пришла — гляжу на них, отогрелась. Хочу поблагодарить, а не могу — слова не идут. Разговаривать разучилась, представляешь? Рот открываю и мычу. Открываю и мычу. Испугалась и заплакала от бессилия. А они своими глазами-монетами смотрят, переглядываются и давай успокаивать. Потом мне сказали, что, видать, я болела чем, ну и память мне отшибло, да настолько, что я ни имени своего не помнила, ни слова никакого.

— А откуда же они узнали, как тебя по имени называть? — Мила к этому моменту уже уселась с ногами на широкий парапет фонтана и, подперев подбородок, внимала деве-птице.

— Они неграмотные были, мои спасители. — Алконост опять унеслась взглядом вглубь себя и на мгновение повеселела. — Решили, что будут называть по надписи на лодке. Не знаю до сих пор, что на этих обломках было выцарапано, догадываюсь, что отдельные, никак не связанные друг с другом буквы. Но они долго думали, спорили, прикидывали и сошлись на том, что будут звать меня Алконост.

Дева-птица потеряла переносицу и на миг зажмурилась.

— Они обучили меня всему, что знали: как говорить, различать рыб, готовить простые рыбацкие блюда. Добрые мои, где же они сейчас? Прости, я отвлекаюсь. — Дева на несколько мгновений замолчала, и улыбка, озарявшая ее лицо, растворилась в этих секундах. — В тех краях началась зима, реки и озера еще не покрылись льдом — трудное для рыболовов время. Себя бы прокормить, а тут еще обуза в виде девочки из лодки.

— Долго ты у них жила? — решила прервать ее речь вопросом Мила.

— Да не очень. Помню, как-то перед закатом они вернулись с дровами и большой бутылкой бражки. Мне не наливали, а сами выхлестали все до капли. Напились и зовут меня: «*Потом* горшки помоешь, Алконост, потом, сейчас к нам иди, разговор разговаривать». Я удивилась — обычно они мне работу по дому на вечер оставляли: помыть, подмести, протереть, огарки перетопить. А тут: «Садись, разговор». Я на краешек лавки присела, в руках полотенце сжала и слушаю. А они молчат, пьяненькие, переглядываются только. Один говорить начинает, а второй плачет. Ну и я с полотенцем к нему, слезки вытираю. Ой, как вспомню, так у самой щемит в груди. — Она помахала рукой перед лицом, отгоняя подступившие слезы. — Я если так рассказывать буду, мы отсюда три

дня не уйдем. Так вот, сообщили мне мои отцы-спасители, что хотят меня в город отвезти, в столицу, устроить в дом богатый какой, чтобы жила я пусть и скромно, но в семье приличной, прислуживала, работала честно, а не тужила в их неотесанной мужской компании.

Мила поерзала на камне, показавшемся ей вдруг отчего-то холодным. История Алконост трогала за душу, Миле передалось ее волнение, она словно наяву видела все, о чем рассказывала подруга.

А Алконост тем временем продолжала:

— Всю ночь я не смыкала глаз, сон не шел. На рассвете мы отправились в путь, к вечеру были в Буянграде. Переночевали в лодке, а утром повели они меня на базар, тот, что между слободок, — там они продавали рыбу по воскресеньям. Походили мы по лавкам, рыбаки поговорили с разными купчихами, одна откликнулась, сказала, что знает, куда меня пристроить. И я оказалась в доме ведуны Парины — так она себя называла. Терем добротный, большой, с пристроенной высокой башней. Меня поселили в крохотную каморку для прислуги, сбоку от скрипучей лестницы, что вела в светлицу. Хозяйка сперва определила меня на кухню, поварихам помогать да по дому убирать. И был у нее сын, Красибор... — Алконост притихла, глубоко вздохнула, будто ее окатило холодной волной. Потерла лоб и продолжила предаваться воспоминаниям: — Столкнулась я с ним не сразу. Вытирала пыль на окнах, а он зашел в комнату и наблюдал за мной. Я же пребывала в мыслях и напевала что-то тихонько себе под нос. Одно стекло протерла, мелодию прервала, а тут вдруг сзади мужской голос: «Поёшь ты так ладно, девица». Я в испуге обернулась да тряпку из рук выронила. Поварихи меж собой обсуждали хозяйского сына: молод, красив,

статен. Но не могла я себе представить, насколько они правы. Стою я, значит, как дура, дышать не смею — так меня он заворожил, — а он улыбнулся, подошел ко мне, ветошь мою грязную поднял, протянул мне и проговорил: «А красива ты еще больше пения своего». Вогнал меня в краску — это мягко сказано. Что-то там промямила и убежала к себе, пообещав не нарушать впредь его покой и домыть стекла в его отсутствие.

Мила слушала не отрываясь. Она чувствовала — сейчас Алконост дойдет до того, что на самом деле было для нее очень важно. Так и случилось.

— С тех пор стали мы с ним встречаться каждый день. То он чаю попросит, и непременно чтобы «новая девица принесла», то пыль велит протереть на полках, то виноград с беседки собрать. Красибор был потомственный виноградарь. Как он рассказывал, секрет этого сорта передавался из поколения в поколение, был выведен его далекими предками, давал особенный аромат молодому вину, которое он из него давил. Ни у кого больше такого не было. Вино то, признаться, кислятина была жуткая, но пахло и правда волшебно. Стал ко мне Красибор благосклонен: вызывал к себе по вечерам да грамоте учил — читать, писать. Помню, чувствовала себя неловко каждый раз. А он надо мной потешался по-доброму, когда не могла что-то простое понять. За это ему благодарна очень, что меня, дурочку-прислужницу, научил вести себя как девушка вятшего света. Языки отличать, в картинах разных разбираться. Без него я, конечно, осталась бы деревенщиной.

— И ты в него влюбилась? — не выдержала Мила.

— А кто бы не влюбился? Доброта его была безграничной: он мне и книги, и платья, и украшения разные дарить стал, задаривал даже, я бы сказала. Остальные

прислужницы завидовали страшно, шептались между собой, что приворожила его. Я отбивалась как могла, хотя они оказались и в этот раз правы. В один из понеделников Красибор позвал меня с ним прогуляться — предложением было, что надо набрать воды в роднике у Алатырева сада. Я схватила коромысла, выхожу на крыльцо, а он жестом показывает: мол, снимай ведра да тут оставь. Я повиновалась, думаю, что-то замыслил хозяин. Он меня отвел к высокому дубу у ручья, сел, прислонившись к широкому шершавому стволу, а я у него в ногах. Мы беседовали о том о сем, и тут он резко схватился за лицо и вскочил. Я к нему — узнать, что случилось. Представляешь, муравьишка заполз и укусил прямо у глаза. Я не растерялась: бросилась, сорвала подорожник, слюной намочила и приложила к месту укуса. А он тут же положил сверху моей руки свою и не отпускает. После убрал подорожник, посмотрел на меня нежно-нежно и сказал, что влюблен безвозвратно. И за руку держит. Ну я тут же призналась во взаимности.

Казалось, у истории обязан быть счастливый финал. Но по тому, как печально говорила Алконост, как ее глаза то и дело увлажнялись, было понятно, что дальше речь пойдет о чем-то страшном. Так и вышло. Совладав с подступающими слезами, Алконост продолжила:

— Свадьбу было решено играть через месяц. Я была самой счастливой девушкой в Пятимирии! Пригласили портного, выбирали, кого из придворных да купцов на празднование звать. Парина, хозяйка, выбор сына не одобрила, но сразу сказала, что чинить препятствий не будет. Да ей и не пришлось — свадьба не состоялась... — Алконост посмотрела в глаза Миле, взгляд ее затуманился. Продолжала она совсем другим, словно чужим, голосом: — Накануне свадьбы, когда я только

вернулась из Ладиной обители, где проходила обряд посвящения, очищалась и готовилась быть верной в своем поклонении, в мои покои неслышно проскользнул Красибор. Присел в изножье и стал гладить мои ступни. Мне было невероятно приятно, ведь путь до обители был неблизким и преодолевать его пришлось пешком. Его мощные руки гладили пальчики на моих ногах, а после стали подниматься выше и выше. Когда ладони коснулись бедер под ночной рубашкой, я попыталась остановить своего суженого, но он подтянулся к самому моему лицу и начал шептать нежности да осыпать поцелуями. Не отвечать на них было выше моей воли. Красибор прошелся губами по моему уху и вкрадчиво заговорил. Он убедил меня в том, что мы уже почти супруги и ни он, ни я не способны больше держать свою страсть внутри. Терпеть больше не было мочи. Его портки полетели в одну сторону, моя ночная рубашка, напех расшнурованная, — в другую. Он покрывал поцелуями мою грудь, гладил стан и ноги, после с нажимом развел бедра и опустил ся меж них, накрыв меня своим могучим телом. Он дышал, как бык, как медведь, часто и горячо, окатывал меня жаром дыхания. А в то мгновение, когда он овладел мной... Так вот, мне стало ужасно больно, и я не смогла сдерживать вскрик. Что было дальше той ночью — я не помню.

— Вы предались... любви, и ты забылась от того, как стало хорошо? — Мила прикусила губу и пыталась представить все в мельчайших подробностях.

— Не совсем так. Я очнулась уже утром, одна, без Красибора. Простыни были алые и сырые. Мне было дурно, меня тошнило, и я не могла заставить себя встать. Кое-как я все же поднялась, накинула первый попавшийся на глаза сарафан и стала звать моего милого. Он

не отзывался. Вышла в коридор и звала его, пока не прошла весь дом. Последним местом была светлица свекрови. Превозмогая боль в ногах, я прошла по ступеням на верхний этаж. Парина сидела в своем любимом кресле с высокой спинкой и наблюдала за стеклянными баночками, расставленными на уровне глаз на полке. Красибора не было и здесь.

Я спросила о том, не видела ли она сына, но она не отвечала. Меня била дрожь, я плакала и молила помочь мне. Она медленно встала, подошла к двери и сказала, что Красибор получил от меня то, что хотел, и больше я ему не нужна. Я не могла поверить своим ушам. Парина назвала меня потаскухой и сказала, что мне не место в ее доме. В тот момент все поплыло перед моими глазами. Я знала от своих товаров по кухне, что она никакая не ведунья, а самая настоящая ведьма, но никак не думала, что одним своим словом может убить в человеке желание жить. Не помня себя от горя, я подошла к окну, открыла створки и бросилась вниз. Жизни своей без милого я не представляла.

Дева замолчала и закрыла глаза. Мила поднялась с каменного ограждения, не в силах поверить в то, что только что услышала.

— И ты упала оземь?

Алконост открыла глаза, взмахнула крыльями и поднялась на сажень от мостовой.

— Парина превратила меня в птицу. Я же говорю: колдунья она, делает с людьми что ей вздумается. Прокричала мне, летящей, вслед, чтобы я убиралась прочь. Видимо, не хотела создавать шумиху вокруг бездыханного тела под своей башней. Потому и обернула меня птицей. А я... Я больше в тех местах не появляюсь. Задумаюсь иногда и утыкаюсь взглядом

в знакомый флюгерок на шпиле. Разворачиваюсь и иду в другую сторону.

Птица опустилась обратно на мостовую и показала подружке жестом, что стоять не обязательно. Они просидели какое-то время в молчании. Милу испепелял жар несправедливости от рассказа Алконост. Мысли не помещались в голове. Хотелось расспросить ее о многом, но княжна сдерживала порыв.

Наконец, справившись с чувствами, она произнесла:

— Ты хотела бы всё вернуть?

— Я не знаю, милая. Если честно, иногда я просыпаюсь в холодной постели и в первые мгновения не могу поверить, что одна. Рыдаю, зову Красибора, плачу над своей судьбой. Над тем, что любимый воспользовался моей доверчивостью и оставил меня.

Она тяжело вздохнула, поправила волосы, горько улыбнулась Миле и совсем другим голосом, теплым и звенящим, как лесной ручей, промолвила:

— Знаешь, я не хочу гневить судьбу. Пусть все будет так, как суждено. Может быть, если каждая из нас будет чиста в своих помыслах и поступках, Макошь приготовит нам что-то по-настоящему царское? — Алконост потрепала Милу по щеке и задорно рассмеялась.

— Ну что же, я согласен, — проговорил Елисей.

— На что согласен? — Салтан отмахнулся от назойливых колечек дыма, лениво, но непреклонно летящих прямо в лицо владыки всего Буяна.

— Если самозванец в самом деле окажется Гвидоном и после проявит себя как талантливый управитель, верный тебе, твоим заветам и Перуну, то я не против отдать ему власть. — Елисей снова втянул в себя дым

через длинную трубку, идущую от прозрачной вазы, накрытой металлической чашей с тлеющими угольками.

— Но... как же так, сынок? Я растил тебя как своего преемника, а ты так запросто отказываешься от престола! Понимаю, что ты молодой человек... со своими интересами, но все же пока ты мой наследник!

— Да, я в плену своих страстей, отец. — Царевич выпустил очередную стайку аккуратных, ровных колечек. — Это ты с младых ногтей грезил властью, я же — другой. Меня устроит все как есть: безграничные ресурсы на мои... хм... увлечения, в мою жизнь никто не лезет, а вы мудро управляете страной.

Царь не мог поверить в услышанное. Он откинулся на мягкую спинку кресла и развел руками:

— Ты ранишь меня в самое сердце. Если бы все было так просто... Вокруг нас враги!.. Я даже не говорю про нордов, бесконечно напоминающих нам о том, что ослаблять хватку нельзя, чуть отпустишь вожжи — они тут как тут со своими мечами. Остальные-то государи только словесно выражают свои недовольства, и чаще всего Тарх с ними как-то договаривается. Князья Николичи мой покой разбередили не на шутку: были доносы, что они подговаривают людей против царской власти, прикрываясь верой в Стрибога, переворот, что ли, готовят. Самозванец еще этот...

— Ты бы хотел, чтобы он был твоим сыном? — прервал рассуждения отца Елисей.

Салтан застыл, не зная, что сказать. Он привык быть достаточно прямолинейным с другими и строгим к себе и не способен был открыто врать. Слишком долгое молчание, впрочем, могло обнажить его неуверенность, посему владыка всего Буяна поторопился с ответом:

— Ты мой любимый сын, Елисеюшка. Нет тебя роднее. Ты плоть от плоти моей, кровь от крови. Смотрю на тебя, а будто себя вижу в юности. — Салтан встал и прошел к выходу. После остановился и обернулся к царевичу. — Хотел бы я, чтобы у тебя был брат? Да, сын мой, это то, что занимает мои думы непрерывно. Я просто... — Голос царя резко прервался. Салтан почувствовал подкатывающий к горлу комок и переждал, пока тот отступит. — Просто всегда надеялся, что он может быть жив. Два сына лучше, чем один, согласись.

— Соглашусь. Если никто из них не лукавит.

— Коли окажется, что он лжет, прикажу казнить его тотчас же! — Салтан расправил плечи и громко проговорил: — В восемь ужин с вятшими девицами, теми, что остались в Буяне. Молю тебя: не опаздывай и оденься как подобает.

Калитка, ведущая в Сад наслаждений, скрипнула и захлопнулась.

Перезвон кубков заполнял пространство парадного зала дворца, отражался в высоких сводах, споря с приглушенным гамом множества голосов. Юркие лучи закатного солнца пробивались через разноцветные витражи величественных окон, создавая причудливые узоры бесчисленного количества оттенков. Подходя к распахнутым резным воротам, княжна вспомнила, как оказалась здесь в первый раз. Тогда, не успев прийти в себя после долгой переправы, в пыльном дорожном платье, она мечтала поскорее выбраться из этих ослепительных расписных стен. В этот вечер ей тоже было не по себе, ведь предстояло знакомство с владыкой всего Буяна, а еще общение с лучшими девами Пятимирия, теми,

кого наследник престола рассматривал на роль своей будущей жены, и, несомненно, ждала встреча с самим царевичем. От волнения она совсем запомнила воспользоваться предложением Сирина и позаимствовать у нее очередное платье, поэтому облачилась в тот же наряд своей подруги, в котором была на вечере Алконост в «Брячине». Перья на подоле седого бархата, казалось, были готовы превратить княжну в неземной красоты птицу, под стать ее новым подругам.

Милены серебристые черевички неуверенно перешагнули через порог, затем же она направилась в центр зала, к широкому и длинному столу, накрытому фиолетовой скатертью. Здесь велись последние приготовления: одни слуги поправляли цветы в массивных вазах, другие разносили закуски и посуду. Часть помещения была отгорожена ширмами — за ними суетились прислужники благородных гостей, переругиваясь друг с другом так громко, что заглушали своими криками весь остальной шум. Что они делили меж собой, было княжне неизвестно. После того как из-за кулисы послышалась крепкая отборная брань, известный Миле прислужник, все в том же сиреневом кафтане, еле заметно склонив набок голову, грозно сдвинул брови и бросился к ширме. Кажется, один из бранящихся схватил от него пинок под ребра, шум моментально стих, стали слышны только приглушенный стон и гневный шепот. Услужник царевича вышел обратно в зал, аккуратно смахнул со лба зарождающиеся капельки пота и вернул лицу прежний невозмутимый вид. До него, равно как и до шума от прислуги, никому не было дела. Он обвел благородных гостей взглядом, заметил удивленную Ладимилу и, умело изобразив радость от встречи, слегка поклонился и пригласил к столу. К слову, почти все

места уже были заняты гостями. Мила выбрала в самой середине свободный стул, который ловко отодвинул очередной бесцветный юноша, пробурчавший себе под нос что-то подобострастное.

Стражи, стоящие на верхней площадке центральной лестницы, ведущей из зала в царские покои, переглянулись, одновременно топнули ногами и отворили двери, после чего вытянулись в две ровнейшие струны. Наверху показались силуэты царской четы. Громогласный голос откуда-то из-под потолка произнес:

— Владыка всего Буяна и прочих земель царь Салтан и царица Ильмера.

Гости моментально повскакивали со своих мест, вразной согнулись в поклонах, отчего ножки стульев издали тягучий скрип, шаркая по деревянному паркету. Салтан скривился от неприятного лязга и, дождавшись, пока мебель перестанет двигаться, спустился со своей супругой к столу. К ним подбежал обладатель грозного голоса и усадил правителей царства — сначала Салтана, потом Ильмеру. Больше стулья не скрипели: их заботливо приподняли прислужники, помогая вернуться за стол взволнованным гостям.

Владыка всего Буяна кивнул в знак приветствия Тарху и Трояну, одновременно сообщая, что пиру можно дать начало. Управитель Совета мудрости и правды привстал со своего места и оглядел присутствующих. Два стула были пусты, причем один из них — подле царя.

— Многоуважаемые гости! Для меня большая честь разделить с вами эту торжественную трапезу. Пока благороднейший царевич ищет путь из своих покоев, предлагаю наполнить бокалы и выпить за наших главных хранителей — Перуна и Макошь.

В зале началась возня. Слуги сбились вокруг стола, поднимая графины с разнообразными напитками и щедро наполняя кубки. Мила чувствовала приливающий жар и тихонько попросила налить ей морса, на что сидевший рядом с ней князь Ратибор из рода Калевичей, племянник царицы Ильмеры, возразил:

— Милая девица, негоже за Перуна да морс-то пить!

Княжна подняла на него взор и приоткрыла было рот, чтобы как-то оправдаться, но не успела.

— Обидится громовеержец-то! — Ратибор перевел взгляд на опешившего прислужника. — Красного плесни, да до краев, чтоб с уважением!

Слуга вернул на место увесистый кувшин с морсом и ловко подхватил другой, с вином.

— Я, право, была уверена, что нашим богам-покровителям больше дела до наших мыслей, чем до чарок, милейший сударь... — Мила осознала, что имя соседа ей неведомо.

— Князь Ратибор Калевич, а это... — Он указал на сидящего от него по левую руку сродника. — Мой кровный брат, князь Тихомир. Ваше имя нам знакомо, княжна.

— Не бойтесь бражки, красавица! — вступил в разговор с поднятым кубком брат Ратибора. — Здесь всегда найдутся достопочтенные мужи, готовые проводить вас прямо до постели. — И подмигнул Миле.

Северная княжна часто-часто захлопала ресницами, будто готовясь вспорхнуть, и покраснела еще сильнее. Она непонимающе глядела на братьев-князей и неловко улыбалась, не зная, как парировать. Ее смятение прервал скрип открывающейся двери на вершине лестницы, после чего, как и в прошлый раз, несколько дней назад, из уст лучших дев Пятимирия одновременно

вырвались тихие, но все же слышные грудные стоны. Они могли означать только одно.

— Его высочество царевич Елисей Салтанович, наследник Земель буюнских и прочих княжеств славянских! — отчеканил Сиреневый Кафтан ровным голосом, преклоняя колена перед царским отпрыском.

Царевич был не один. Компанию ему составлял Финист, его доверенное лицо, приближенный к нему опричник. На сей раз одет он был куда богаче, однако блеск облачения не мог спрятать его смущения, вызванного вынужденным опозданием. Наследник престола же был весел и выглядел вполне умиротворенно. Вразрез с принятым этикетом первым делом он коснулся губами лба матери, а после изобразил легкий полупоклон в сторону отца, отчего тот устало вздохнул и закатил глаза. Подойдя к молчаливому столу, Елисей бросил взгляд на отведенное ему место и попросил поменяться стульями с вескинским князем Николой Радимичем, после чего одобряюще хлопал того по плечу и принялся рассматривать гостей.

Сменивший расположение царевич теперь сидел в самой середине стола, вплотную ко всем девицам благородных кровей: по левую руку от него оказались княжны Прелеста и Парвин, напротив — Мила, стул рядом с которой занимала ерзающая принцесса Хильда, а правее скандинавской девы — царевна Сурия родом с амитийского побережья. Троян, заметивший смущение девушек, подал слугам знак — и те через несколько мгновений подлетели к столу и одновременно подняли крышки с блюд с кушаньями. Густые клубы пара, разносящие вкуснейшие запахи, устремились гулять вокруг трапезничающих.

Чего там только не было! Огромная утка, зажаренная на вертеле в меду и поданная с яблоками; рулет

из бычьего мяса, обильно сдобренный брусничной подливой; целый кролик в хрустящей корочке из степных трав; перепелки, томленные с клубнями; стерлядь в померанцах... От такого многообразия и манящих ароматов у Милы разбежались глаза, закружилась голова и заручало в животе, но она безропотно ждала, пока слуги наполнят тарелку. Ее соседка, принцесса Хильда, приподнялась со стула, чтобы рассмотреть одно из блюд на противоположной стороне стола. Она грациозно выгнула стан и наклонилась к продолговатой рыбине. Теперь, помимо неземных яств, взору сидящих напротив открылась не менее захватывающая картина: аппетитные груди скандинавской девы, глубоко и с упоением вдыхающей запах стерляди в citrusовых, норовили выпрыгнуть из туго затянутого корсета. Финист, князь Радимич и царевич отвлеклись от еды и, неспособные оторваться от столь впечатляющего зрелища, следили за перекачивающимися от дыхания персями. Это могло продолжаться до скончания века, если бы вдруг на налитую девичью плоть не попали брызги красного вина. Это амитийская царевна неловко встала и, задев бокалом локоть обладательницы спелых форм, облила ту с ног до головы. Темноокая Сурия тут же выхватила салфетку из рук прислужника и, громко шепча извинения, стала втирать алую жидкость в светлую материю платья. Принцесса нордов на секунду застыла, глазами, полными отчаяния, взглянула на царевича и бросилась вон из-за стола, отпихивая руку своей невольной обидчицы. Сурия потупила взор, виновато опустилась на стул и постучала перстнем по кубку. Его тут же наполнили снова. Ладимила с сочувствием пыталась поймать ее взгляд, и, когда ей это удалось, она нашла в темных миндалевидных очах лишь усмешку. Княжна будто укололась об эти

жесткие глаза и тут же отвернулась, осознав, что этот вечер для Сурии — не просто знакомство с Салтаном, а воистину сражение за свое будущее.

Мила украдкой стала оглядывать остальных претенденток на роль Елисейевой жены. Прелеста никак не могла отвести взгляда от царского отпрыска и ловила каждое движение его головы с искренним обожанием. Парвин, тарелку которой, к слову, уже успели наполнить всякими яствами, сражалась с приборами, будто выискивая в еде клад. Она явно пыталась сделать это незаметно, однако вылетавшие из-под ее ножа кусочки пищи со смачными шлепками приземлялись то на стол, то на пол, распространяя вокруг себя жирные круги. Ладимила сощурилась и впиалась глазами в тарелку Парвин, стараясь распознать причину ее боя с едой. Восточная принцесса, скривив губы, что-то тихо проговорила про себя и неожиданно подняла взгляд на Милу. После секундного замешательства обе высокородные девицы улыбнулись друг другу так, будто они теперь хранили общую тайну. Дочь Велимира обвела взглядом сидящих за столом и вновь вернулась к Сурии. Та аккуратно разрезала кусок мяса, сочащегося кровью, и, не спуская глаз с Парвин, медленно отправила его в рот. Племянница восточного императора зажмурилась и еле заметно помотала головой из стороны в сторону, видимо, борясь с подступающей тошнотой.

— Тарх Перунович! — произнес владыка всего Буяна, отложив вилку и нож. — Давай, коли все заморили червячка, приступать к самому главному.

— Конечно, ваше величество. Достопочтенные сударины, настало время познакомиться с каждой из вас. Несмотря на то что только одной повезет стать женой наследника нашего повелителя, мы несказанно рады

разделить со всеми вами эту нехитрую трапезу. Чтобы ничего не перепутать и, не дай Перун, не наврать, мы с Трояном решили, что предоставим вам самим возможность рассказать о себе, своем роде и увлечениях. — Он переглянулся с главой Совета поклонения и жестом передал ему слово.

— Многоуважаемая царевна Парвин! Вы добирались к нам дольше всех и, насколько я знаю, впервые покинули свой город, — отчеканил Троян. — Поведайте нам, грустите ли по родному краю?

— Поверьте, это был путь не из легких, поэтому в ближайшее время плыть назад мне вовсе не хотелось бы, — с заметным иноземным акцентом начала Парвин, подкрепляя свою речь легкой жестикуляцией. Шутка развеселила обоих князей Калевичей, да и Салтан с Ильмерой заулыбались. — Признаться честно, грусть — это почти то же, что уныние, и, имея я привычку к грусти, вряд ли мне удалось бы добиться расположения царевича. — Мила подметила, как восточная красавица ловко владеет своим телом: в конце короткого монолога она легонько пожала плечами и обворожительно улыбнулась. Парвин держалась настолько свободно, что одного этого ее качества хватало, чтобы без лишней скромности назвать ее привлекательной. И восточный акцент в ее речи был вовсе не смешон, а обаятелен. А ровная загорелая кожа, длинная, тонкая шея и такие же точеные запястья, уходящие в ярко-розовую невесомую ткань платья, дополняли образ. С ней хотелось бы непременно подружиться.

— Царевич, не знаю, как тебя, а нас царевна Парвин просто покорила. — Тарх подмигнул племяннице восточного императора и перевел взгляд на Салтана. — Перенесемся на северо-запад. Принцесса Хильда еще

не вернулась? — Он глянул на пустующий стул между Милой и Сурией и кивнул последней. — Тогда слово вам, благороднейшая княжна Амитийских земель.

— Мое имя Сурия, — проговорила княжна из Вавилона, поднимаясь из-за стола. — И пусть до нашего берега добираться гораздо ближе, — она бросила взгляд, полный надменного укора в сторону Парвин, — возвращаться туда я намерена только с любимым мужем. Царевич! — Она подняла бокал и посмотрела Елисею прямо в глаза. — Открой свой взор и осознай: мы рождены лишь для того, чтобы сделать счастливыми друг друга и светом страсти между нами озарить пути наших народов. За тебя! — Сурия сделала глоток из своего кубка и опустила его на скатерть. — Я хотела бы станцевать. Позволите?

Троян коснулся руки Тарха и кивком спросил его, можно ли. Тот сделал утвердительный жест и произнес:

— Конечно, никто не будет против.

Знойная амитийка поднялась по главной лестнице, села на верхней площадке спиной к столу и опустила голову. Из-за ширмы заиграло что-то похожее на пастушью дудочку, и Сурия будто за мгновение превратилась в змею. Ее тело извивалось в такт ударам барабана, и чем быстрее чьи-то руки за ширмой молотили по натянутой коже, тем жарче пульсировали ее бедра. Она спускалась, но не шагала, а будто перекаtywалась всем телом. Мила не смогла отследить мгновение, когда платье южной княжны, достаточно закрытое в начале вечера, неожиданно превратилось в парящие ленты, ласкающие горячее тело. На несколько секунд барабаны и дудочка прервали свои мелодии. К этому мгновению Сурия стояла под огромной люстрой в центре парадного зала. Одним движением она достала довольно длинный канат и ловко подбросила его к потолку. Не успели Салтан

с гостями усмотреть за веревкой, как Сурия взмахнула ногой и оказалась в нескольких аршинах над уровнем пола. После, вдоль каната, она стала закручиваться по спирали вокруг двух его концов. Затем, поднявшись под самый потолок, княжна развела в стороны руки и медленно полетела вниз. Стол ахнул. Казалось, будто она запуталась в веревках и сейчас с грохотом упадет прямо посередине парадного зала. Но нет. Раскручиваясь с бешеной скоростью, Сурия отточенными движениями опускалась обратно. Все замерли в предвкушении финала этого танца. Умело поймав край веревки, амитийка создала на уровне стола узел, в который благополучно приземлилась и теперь спокойно полулежала на нем спиной, выгнувшись, как на качелях.

Музыка стихла, а Сурии принесли бокал вина. Она изящно спустилась на пол, подняла кубок, глядя только на царевича, сделала небольшой глоток, поклонилась и удалилась за ширму, чтобы сменить платье. Гости стали перешептываться, и, когда перетолки утихли, Тарх снова поднялся и продолжил:

— Такого танца, право, мы не ожидали. Княжна Прелеста, вы готовы нас удивить чем-то похожим?

Не успела благородная дева из Кряжмы встать со своего места, как в зал со звоном каблуков влетела принцесса Хильда с заплаканным лицом и ошалелыми глазами.

Прелеста прижала руки к груди и миролюбиво произнесла:

— Предлагаю впредь, чтобы никто не пострадал, не поднимать больше кубки с вином.

Принцесса нордов бросила на нее гневный взгляд, быстрым шагом добралась до стола и схватила наполненный кубок. В следующий момент она зажмурилась, залпом осушила и, громко брякнув его

о столешницу, раскатисто рыгнула. После открыла очи и обвела трапезничающих взглядом. Все молча смотрели на нее. Осознав, что только что наделала, Хильда горько икнула, ее зрачки закатились, и она упала без чувств. Мила вскочила со стула, вслед за ней встали князья Калевичи и бросились к скандинавской принцессе. Прибежавшие слуги быстро подняли бездыханное тело и унесли за ширму.

— Что же, девушки, с вами скучать не приходится, — прервал молчание Салтан. — Прелеста, дорогая, расскажите, с чем на душе приехали вы. Только молю — присядьте, я и отсюда слышу, как от волнения стучит ваше сердце.

Прелеста присела на краешек стула, опустила руки на колени и заговорила:

— Не знаю, как выразить свое восхищение вами, властитель Земель славянских, вашим великолепным двором и роскошным Буян-градом! Здесь так привольно, хорошо, и не сравнится ничто в Пятимирии с этим чудом, созданным вашей волей! Мне невыразимо приятно оказаться здесь и познакомиться с благороднейшими девами Пятимирия. Одна эта возможность быть здесь, слушать ваши речи — огромный подарок, посланный богами, а уж остаться в таком тесном кругу и наслаждаться обществом всех вас — наивысшая награда! Не скрою, я буду рада за любую из нас, что станет верной женой великолепнейшего из мужей. Царевич...

Казалось, Прелеста сейчас утонет в пряно-зеленых глазах Елисея, и в этом болоте растворится вся ее приторная сладость. Мила восхищенно глядела на конкуртку, приоткрыв от изумления рот. «Как можно сказать лучше, чем она? Вот кто есть достоинство и честь, скромная и благородная, открытостью и честностью своей

способная настроить любого в свою пользу! Не идеальна ли она для той роли, на которую еще минуту назад претендовала я сама?» Вдруг ноги княжны что-то коснулось. Она перевела взгляд с Прелесты на соседа Калевича, но это явно был не он. Прикосновение повторилось. Она откинулась на спинку стула, но, не убирая тяжелой скатерти, разглядеть, кто ее тревожит, было невозможно. Мила подняла взгляд и уперлась им в ехидно улыбающегося Елисея. Он дергал бровями и показывал куда-то вниз. «Чего он хочет? Ему поет сладкие песни Прелеста, а он мне что-то показывает... Интересно, она уже была в Саду наслаждений?» — пронеслось в голове княжны Новоградской. Она снова вжалась спиной в свой стул и подняла-таки ткань, открыв себе вид на подстолье. После резко одернула скатерть и закрыла глаза руками.

Сквозь шум от шаркающих ног прислуги, звенящего хрусталя и скрежета металлических приборов Мила расслышала свое имя.

— Княжна Новоградская, ваш черед, — проговорил Троян.

Ладимила отвела руки от лица и поняла, что за созерцанием шелудящего под столом Елисея ее покинули все слова из предстоящей приветственной речи. Она порывисто встала и ощутила, что в горле предательски пересохло. Сделала глоток вина, собирая всю свою решимость. Посмотрела на цесаревича, как вдруг услышала голос властителя Земель буянских.

— Все видно издалека. Достоянная дочь достойного отца! — Он расплылся в довольной улыбке. — Стать его, благородная размеренность. Он ведь десять раз подумает, прежде чем сказать. Как дела у Велимира? Не утомился от набегов да волнений? Сколько помню его наместником, он только и успевал, что отбиваться то

от каторжников, то от варваров всяких. Как идут дела у вашего сиятельного отца, княжна Ладила?

За время, что говорил Салтан, Мила успела взять себя в руки и немного успокоиться.

— Все ладно в Новом граде, на богов наших уповаем. Князь Велимир верно служит вам, государь, да молит-ся исправно отцу-Сварогу. — Мила скользнула взглядом по Прелесте и решила, что была слишком краткой. — Скажу, что знаю: жизнь тяжкая у нас, на Севере, волнения кругом. То холод, то неурожай. Но не серчаем, ждем милости от Верховных и покорно принимаем свою судьбу. Надеюсь, ничего не поменялось с тех пор, как я покинула родной берег.

— Оно понятно и знакомо. Велимир не из тех, кто жалуется да на богов серчает. С ним просто и спокойно. Таких наместников и не найти, пожалуй, больше.

Троян дождался, пока Салтан закончит восхвалять отца Ладилы, и осторожно напомнил, что все ждут от княжны небольшой рассказ о себе. Тарх увлеченно разглядывал девушку: ее черты казались ему крайне знакомыми, но с кем их можно было бы сличить, никак не приходило ему в голову.

Только Мила приоткрыла рот, чтобы вымолвить правильные, как ей казалось, слова о себе, как ее ловко опередил Елисей:

— Стройна, красива, белокура... И вместе с тем, достопочтенные, перед вами один из сильнейших стратегов Пятимира, причем военных, уж можете мне поверить!

Удивленные глаза всех присутствующих устремились на царевича. Он поспешил объясниться:

— Нам удалось немного побеседовать в моем саду. Эта северная дева рассуждает трезво, разумно и до невозможности деликатно. Она рассказала, что увлекается

изучением техники ведения боев и войн. Так что, сударыни, — обратился Елисей к желающим обручиться с ним девицам, — на вашем месте я был бы с Ладимилой крайне осторожен. Она способна на все и получит желаемое любой ценой. Не так ли?

Мила прекрасно понимала, что наследник Земель буянских так проявляет к ней свою симпатию, и, пусть такие прилюдные заигрывания были ей ужасно неприятны, нужно было как-то парировать, и лучше всего шуткой — превратить весь этот разговор в фарс, но она никак не могла подобрать нужные слова. Княжна Новоградская зарделась, словно садовая роза, и стояла молча, не сводя глаз с улыбающегося Елисея. А у того, напротив, со скоростью разума был полный порядок.

— Выпьем же за то, чтобы наши желания были сходны с планами наших богов! — Царевич, а вслед за ним и остальные присутствующие подняли и осушили свои кубки. Мила судорожно соображала, стоит ли вернуться к обсуждению ее персоны, но, к счастью, этого делать не пришлось: к Трояну подлетел служитель Совета поклонения в форменном кафтане, что-то шепнул полубогу на ухо и получил ответ: «Тащи сюда. Впрочем, я не сомневаюсь в результате».

В главные ворота парадного зала вкатили массивный стол-тележку, на которой стояло нечто круглое, накрытое бархатной тканью. Троян распорядился установить выкатной стол так, чтобы всем его было видно, — у высоких открытых дверей, ведущих на балкон. Материю сдернули, и на гранитной столешнице стали видны две прозрачные миски. Салтан медленно встал, за ним последовала Ильмера, положив одну руку на плечо супруга, а другой сжав его локоть. Глава Совета поклонения подошел к столу и громко произнес:

— Судари и сударыни! Вместо сладкого в конце трапезы предлагаю вам лицезреть разрешение наших утренних сомнений. — Он взял в руки лучину и поджег ее от свечи. — Владыка, — обратился Троян к Салтану, — ты готов покончить с сомнениями?

Царь послушно кивнул и сложил руки перед собой. Стало понятно, что весь день он не мог думать ни о чем другом.

Лучина коснулась содержимого первой миски. Пламя разъехалось по набухшим волосам, на мгновение как будто съежилось от дуновения ветра, после чего молниеносно вспыхнуло глубоким фиолетовым огнем, поднявшись на аршин над краем миски. Троян отпрянул от столика и произнес:

— Это Салтанов волос. Посмотрим на цвет второго пламени.

Горящая лучина опустилась в середину плошки. Жар разошелся по краям, карабкаясь по стебелькам волос, которые взрывались голубыми искрами; над поверхностью столика появился сизоватый дымок. Как и с содержимым предыдущей миски, на какие-то секунды пламя совсем успокоилось, словно схоронилось. Однако все уже знали, что стоит дожждаться финальной вспышки. Ильмера вжалась в Салтана и, закрыв глаза, что-то еле слышно бубнила. Наконец волосы самозванца, напитанные магическим раствором, сдались и выпустили из себя испарения. Парадный зал залил яркий фиолетовый свет.

Застывшую тишину, которой был скован зал, нарушил грохот упавшего стула; вслед за этим послышались шаги. Мила взглянула на присутствующих: в растворяющейся дымовой завесе не стало видно Елисея. Он ушел.

Глава 4

Предчувствие беды

Яркий полдень застыл над площадью Семи звездословов. По отполированным камням мостовой медленно ползали широкие блики, а кроны цветущих миндальных деревьев неохотно перешептывались между собой. Кажется, даже фонтан в тот день обуяла лень, поэтому он плескался тише обычного. Мила проснулась совсем недавно и наспех собралась на встречу с подругами. Выпорхнула из двери своих покоев и через несколько мгновений уже обнимала Алконост и Гамаюн.

— Простите меня, девицы, заставила вас ждать. Проснулась только-только — и сразу к вам. — Она присела на краешек парапета и вздохнула. — Только прилегла, как началось: мысли назойливо пробирались в мою голову. Я их гнала, но от этой борьбы все никак не могла уснуть. Сомкнула глаза, должно быть, с первыми лучами солнца. Как вы, мои хорошие?

— Да мы-то что! — возбужденно воскликнула Алконост. — Только тем и жили этот день, чтобы тебя послушать. Даже Сирин не хочется дожидаться, раз опоздала — позже всех узнает! Не томи, выкладывай, как все прошло!

Мила поманила девушек сесть ближе к ней и вкрадчиво заговорила:

— Вчера все было не так страшно, не подумайте, что меня кто-то обидел. И даже местами забавно, если бы на кону не стояло Буянское царство. — Она горько улыбнулась. — И знаете, что потешнее всего?

— Он выбрал эту змеюку-амитийку? — Алконост перевела взгляд на Гамаюн и тут же пошла на попятную. — Надеюсь, она не из твоих подруг, дорогая. — Убедившись в том, что темнокрылая дева не держит на нее зла, она снова обратилась к княжне: — Я просто всем сердцем болею за то, чтобы ты стала женой царевича, и остальные невесты при таком раскладе лишь преграды, которые мне, конечно же, заведомо не по душе.

— Княжна Сурия произвела неизгладимое впечатление на царевича, в первую очередь своими обещаниями и божественным танцем, но самое интересное совсем не это.

— А что же, милая? Прелеста или Хильда, скажи еще, поют волшебными голосами?

— Нет, Алконост, все дело вовсе не в царевнах и принцессах. И даже не в Салтане или Елисее.

Гамаюн и Алконост вскочили с парапета и, готовые уже ко всему, застыли в предвкушении страстей. Мила сознательно помедлила, чтобы оттянуть этот сладостный момент открытия.

— Самозванец из бочки — это вовсе не самозванец. Он и есть Гвидон.

Девушки-птицы раскрыли рты и не могли поверить своим ушам. Способность говорить первой вернулась к Гамаюн.

— Что же это получается... Первенец обязан стать наследником, следовательно, Елисей больше не цесаревич?

— По всей видимости, именно поэтому о нем не хотел распространяться царский род, — ответила Мила. — Потому что выбор у Салтана теперь будет очень сложный.

— Я вот что не пойму, девы. — Алконост подошла почти вплотную к Миле и очень тихо проговорила: — Стало быть, Елисейевой жене не быть царицей буянской? Мила, тебя срочно нужно сватать за Гвидона, ты слышишь?

— Как ты понимаешь, в этом деле я себе не принадлежу. — Мила подошла к миндальному дереву, провела рукой по веточкам и, завидев надтреснутый сук, отломала его. Он был сплошь покрыт розовыми соцветиями, начинающими сохнуть от отсутствия сока. — Мой удел — что у цветущей ветки: радовать глаз и не завянуть, пока меня не опылят. А уж какой это будет шмель — даже Макоши не известно.

— Веточка перед нами крепкая, способная не только ждать насекомых, чтобы ее опылили, но и пустить корни и стать полноценным деревом. — Алконост обняла княжну. — Милая! Твои тоскливые думы ни к чему не приведут. Все сложится лучше, чем мы можем себе представить, вот увидишь.

— Девицы! — похолодевшим голосом проговорила Гамаюн. — Сирин все не появляется. У меня дурное предчувствие. Может быть, дойдем до нее и выведаем, все ли в порядке?

— Да там очередной шмель кружит... — Алконост осеклась и быстро закивала. — Да-да, конечно, Мила, ты же знаешь, где она живет?

— Матушка, веди меня под руку, в этом колпаке мне и не видать ничего! — Голос царского сына звучал одновременно требовательно и жалостливо.

Орнамент-родовик плясал на треугольниках алых флагов, раздуваемых озорным ветром. Его порывы удалялись о стены небольшой круглой крепости, возвышающейся на крутом берегу Восточной реки, огибали ее и кубарем неслись по радиальным улицам, ведущим к срединной башне. Ежась от внезапного холода, в проулке между теремов шли две фигуры. Одной из них была Ильмера, а вторая была укутана с ног до головы свободным балахоном.

— Говори тише, с'ночка, не то услышат нас, и придется мне опять с вешуньями договариваться, что тебя здесь никто не видел. Дойдем до площади, там просторно, хоть обкричись — не расслышит никто.

В центре крепости, представлявшей собой большое капище, располагался высокий терем со светлицей. По кругу лучами расходились узкие улочки, образуя трапезиевидные кварталы, в которых размещались комнаты мастериц — служительниц матери-Макоши. Жена Салтана проводила здесь бóльшую часть года, приезжая в царский дворец лишь изредка и только по важным поводам.

Наконец, добравшись до площади, царевич приоткрыл капюшон и тут же впился взглядом в проходящую мимо молоденькую прислужницу.

— Мать видит раз в месяц, а при встрече все на юбки заглядывается! — проворчала Ильмера.

— Матушка, я же не из праздного интереса! Смотрю — юбки эти не такие мятые, как были. Неужто лен размягчел на Буянской земле?

— Ты, Елисеюшка, от любого демона вывернешься! — Она погладила юношу по лицу. — Не поверишь, но ты прав: наши опыты наконец-то привели к результату. Розмыслы усовершенствовались, и тех шелкопрядов, что вывез старец, наши девочки наконец-то кормить да разводить научились. Скоро молва о наших достижениях разнесет слух и на пятничных базарах за нашей тканью станут очереди выстраиваться! Не мнется, переливается, аки атлас, а на ощупь... нежней недельного гусенка. Но это я так, хвастаюсь. Звала тебя я не за этим.

Ильмера взглянула в глаза сыну и снова заметила, как царевич засматривается на очередную девушку. Она проследила вместе с Елисеем за прислужницей и изобразила глухое покашливание. Царевич уставился на мать невинным взглядом, всем своим видом давая понять, что нет причин для негодования.

— Надо что-то делать, притом быстро, милый мой, иначе исход будет не в нашу пользу.

— Разве Макошь не плетет нити судьбы, матушка? А вы всё молитесь и молитесь...

По радиальным улицам пронеслось звонкое эхо оплеухи. Ильмера приблизила лицо к сыну и зашипела сквозь зубы:

— Паясничать будешь со своими девками, бестолочь! Пока ты тут ехидничаешь, вымесок из бочки твою власть забирает, не понял еще? Мать его ополоумевшую уже в дворцовые палаты поселили. В темницу тебя за блуд бросят и сгноят без жалости всякой! А меня здесь запрячут, язык отрубят и глаза выколуют, чтобы изуродовать посильнее. Такой ты мне старости желаешь? Я для чего тебя в муках рожала и отца твоего, самодура, терпела все эти годы? Этой Макоши ненавистной служу зачем?

Шипение прервалось. Елисей поднял тяжелый взгляд на мать и увидел слезы в ее глазах.

— Не замечал, что Макошь так тебе опостылела, матушка.

Ильмера зашептала, утирая град из слез:

— Меня давно никто не замечает, и благодарности твоей не жду. Я ненавижу все вокруг, ненависть эта ядом сжигает всю меня, но выбора у меня нет. У Перуна жена Макошь, а не Мара, поэтому перед замужеством и мне пришлось веру менять. Прервать традиции моего рода, чтобы посвятить всю себя мужу и служению богине судьбы. И если ты думал, что это простая повинность, то ты заблуждаешься. Это то, что сдает меня изнутри, уничтожает мою душу... делает меня несчастной, в конце концов. И все ради чего? Чтобы мой сын, для которого я встала на этот жалкий путь, жертва своей похоти, так и не обрел бдительность и был в один прекрасный день уничтожен самозванцем? Молю тебя, сынок, — Ильмера горько всхлипнула и закрыла рот руками, сдерживая стон, — не погуби себя. И нас. Ты должен быть царем, и никто другой.

Царица окликнула проходящую мимо девуцу. Когда та приблизилась, стало видно, какая это красавица. И лицо, и стан, а в особенности длинные ноги, скрытые выше колен невесомой смесовой тканью, — все было ладно. Ильмера закрыла ладонью лицо, чтобы ее расстройств было не различить, коротко попросила девушку принести воды и вновь заметила интерес в глазах сына. Она тяжело вздохнула и скрестила руки перед собой.

— Я поборюсь, матушка. Сделаю все, что должен. Тебя никто не тронет, и если ради этого придется пойти на жертвы, то я пойду, — сказал Елисей.

Ильмера готова была расплакаться снова. Однако в присутствии девицы, прибежавшей с кувшином воды, ей не хотелось показывать своих чувств. Только прислужница скрылась в проеме ближайшего терема, Елисей спросил:

— Кто это? Я ее не видел раньше.

Царица закатила глаза, сжала губы и покачала головой:

— Глафира, Глашка. Третья дверь по коридору. Только давай тихо и так, чтоб не обрехатить. Ладно?

Елисей горячо расцеловал матушку и исчез в глубине терема.

— Не будем ей мешать, хочет заполучить этого развратника — пусть забирает. Нам только цесаревича надобно, так, моя милая? — Алконост все никак не давала покоя Прелеста, за время недолгого пути белокурая дева-птица испробовала все способы заставить икать княжну из Великой Кряжмы.

Дорога до дома Сирина петляла переулками ремесленных слободок, и вот наконец девушки увидели небольшой двухэтажный терем, разделенный на нескольких жильцов. Мила взбежала по выдавшим не одного царя деревянным ступенькам на крыльцо и постучала в дверь. После обернулась и ответила:

— Слабости Елисея нам хотя бы известны. А вот чего ждать от Гвидона, думаю, не знает и Перун. — Юная княжна спустилась с паперти и громко крикнула: — Птица Сирина, дома ли ты?

Подруги пристально смотрели на дверь, но та была неподвижна.

— Сирина, красавица наша, просыпайся скорее! — нараспев проголосила Алконост.

— Она может быть не дома, девицы. — Гамаюн бросила взгляд на окна и повернулась к Миле и Алконост. — Смотрите — цветы в горшках не политы, наверняка она и ночевала в другом месте. — Амитийка подняла горсть земли из горшка, и та стремительно, словно черный песок, высыпалась из ее ладони. — В этом нет ничего удивительного, думаю, Сирин часто так делает. Классический журавлизм.

— Она журавль, что ли? — Белокурая Алконост расправила крылья и погладила оперение. — Так-то она на ворону больше смахивает!

— Нет же, дорогая, не о том я говорила. Она не ворона никакая. Мое мнение может быть ошибочным, но мне кажется, она больше напоминает бархатного ткача. Только не об этом сейчас.

— Погоди, Гамаюн, как ты сказала? Бархатный ткач? Эх потешно-то! Ткачиха она, стало быть? — Белые перья тряслись от хохота.

— Это всего лишь мое предположение, Алконост. — Гамаюн стало немного неудобно за свою подругу перед княжной. Она сложила руки и заговорила тише: — Я хотела сказать, что наша знакомица из тех девушек, что вечно ищут мужчину получше. Журавлизм. Никогда не слышали? Как в той поговорке.

— «Лучше синица в руках...»? Ты об этой? — спросила Мила.

— Да-да, конечно, «чем журавль в небе». Потому она так часто и меняет кавалеров.

— Не знаю, кого она так меняет, Гамаюн, но твоя наблюдательность, — Алконост кивнула на горшки с цветами, — меня восхищает. Ты наша умница!

Не успела белокурая птица допеть свою хвалу амитийской умнице, как Мила рванула с места и подбежала

к окну: она заметила, как шевелятся шторы. Княжна всматривалась в бликующие стекла, пытаясь различить очередное движение. Спустя несколько секунд послышался лязг металлического замка, дверь со скрипом отворилась. На крыльце, возвышаясь над девами, стояла тучная заплаканная служанка. Подруги замерли и сбились в кучку, хватаясь друг за друга, готовые услышать все что угодно.

— Не кляните меня, девицы. — Голос прислужницы прыгал из глухого в совсем звонкий, через хрип преодолевая эту амплитуду. — Не сберегла я ее. Страшно мне, что они вернуться и меня с собой заберут.

— Кто они? И где Сирин? — Княжна вышла на шаг вперед, сражаясь с желанием зарыдать.

— На рассвете хлопцы приехали, в дверь колотили, угрозами сыпали. Сударыню мою увезли. Мешок на голову накиннули, как дичь какую в силки взяли... — Всхлипы мешали служанке собраться с мыслями и договорить до конца.

— Что на них было надето, матушка? — Мила приблизилась к старухе и вытерла слезы с ее лица. — Вы нам их только опишите, и мы найдем вашу сударыню.

— Как воронье, черные были... с сизыми воротниками... Высокие, богатыри такие.

Мила обернулась и посмотрела на девиц.

— Совет мудрости и правды, — безапелляционно проговорила Гамаюн. — Нам придется говорить с Тархом.

Пушистые зонтики деревьев раскрывались высоко над землей, разбрасывая прозрачную тень. От лучей солнца не могла спастись только зеркальная гладь озера, окруженного зарослями вековых сосен. Меж них,

мягко утопая в смеси песка и хвои, медленно перебирали копытами три скакуна. Добравшись до пологого спуска в воду, кони остановились, и двое всадников спешили. Третий остался в седле.

— Не искупаться ли нам, Тарх Перунович? — проговорил один из мужчин. То был Ратибор Калевич — младший сын кряжменского наместника. Он распоясался, сбросил кафтан и окунул руку в озеро. — Тепленькая! И чистая, что слеза юной девы. Поплаваем!

Ратибор скинул штаны. В это время между деревьев стали проглядывать очертания вооруженных опричников, бесшумно подбирающихся к берегу озера. Брат князя Тихомир неуверенно расстегнул рубаху, но не решился ее снять — его остановил голос Тарха:

— Если цель нашей встречи — сделаться чище, то я предпочел бы помыться в бане. — Распорядитель Совета мудрости и правды смерил взглядом голого князя. — В Буян-граде бьют те же горячие источники, что наполняют это озеро. Я полагаю, не за этим вы устроили нашу прогулку, судари?

Тихомир взглянул на брата и сразу подал знак подошедшим вооруженным всадникам. Они развернули коней и отошли в глубь леса. Когда последний круп скрылся из поля зрения, Тарх спросил:

— Зачем вам столько охраны? — Одним движением он спрыгнул с лошади. — По моим наблюдениям, чем праведнее ты живешь, тем от меньших бед приходится спасаться.

Братья-князя переглянулись и засмеялись:

— На то и расчет, мудрый Тарх. — Ратибор по-прежнему был нагой, но лезть в воду не торопился. Он аккуратно складывал штаны по шву, пристально следя за тем, чтобы из них получился мягкий, ровный квадрат.

Присутствие одетых собеседников его, казалось, несколько не смущало. — Чем больше бойцов, тем страшнее мы в чужих глазах. Пусть боятся и шепчутся за спинами — нам только на руку.

Молчаливый старший князь Тихомир ослабил пояс, вытянулся, как цапля, на левой ноге и избавился от одного башмака.

— Владыка, купаться идем? — улыбнулся князь. Второй башмак шмякнулся о песок.

Глава Совета мудрости и правды оперся спиной о лошадь и сложил руки на затылке. После нарочито тяжелого вздоха над берегом лесного озера послышался его голос:

— Люблю я развлекаться. Беспечно плескаться в теплой водице, вести задушевные разговоры с приятными собеседниками... Вот только дел в Совете невпроворот, одни кражи да убийства. Ворох расследований... И за всем глаз да глаз требуется... — Отрешенность этих слов было расслабила Калевичей, как вдруг Тарх хлопнул в ладоши и громко произнес: — У вас минута, судари.

Голые братья совсем не ожидали такой перемены в настроении Тарха. Ратибор стыдливо прикрылся прямоугольником сложенных штанов и затараторил:

— Не гневайся, о Тарх Перунович! Затем мы здесь, чтобы о крае нашем родном поговорить да посоветоваться! Отец наш, Довислав, славную службу Салтану несет. Тебя уважает безмерно, поклон передавал тебе и Перуну, отцу твоему, тоже...

— Ближе к делу, Ратибор! От минуты остались сущие гроши.

Молча внимающий брату Тихомир сделал шаг к главе Совета мудрости и правды и пробасил:

— Заботы твои, Тарх, тебя в могилу сведут. Давай расслабимся, выпьем зелья... — Последнее слово будто рассыпалось, ударившись о строгий взгляд его брата, и утонуло в его нарочитом покашливании. Тарх недоуменно вскинул брови и уточнил:

— Выпьем чего?

Ратибор накинул кафтан и в три шага встал между сыном Перуна и болваном Тихомиром.

— Чего только пожелаешь! У опричников есть все, что захочешь. — Он не сводил взгляда с глаз Тарха. Убедившись в том, что их секрет остался нераскрытым, Ратибор продолжил: — Мы с отцом делаем все возможное, чтобы не отставать от столицы. Прокладываем дороги, улучшаем жизнь народу. И, спасибо Стрибогу и Немизе, все наши начинания имеют успех.

Лицо Тарха исказила гримаса отвращения. Он поднял глаза к небу, громко и коротко выдохнул:

— Время истекло. — Правая нога полубога опустилась в стремя, и он одним махом оказался в седле.

Младший князь Калевич подбежал к лошади, застегивая кафтан, и почти закричал:

— Люди вдохновлены союзом отца ветров с его супругой и способны на подвиги, Тарх! Если наши кряжменцы услышат, что и в Буяне их богов привечают, что Верховных, — наши города сблизятся, а Салтану толк будет! Мы усилим царство, и все свою выгоду получат. Надобно только, чтобы Перун снова полюбил своего брата, Стрибога...

— Исключено! — перебил его Тарх и потянул удила на себя. Конь заржал, но не сдвинулся с места.

— Коли братья снова будут вместе, то и сила их во сто крат больше станет!

Тарх нехотя повернул голову и ответил, глядя сверху вниз:

— Не представляю такой беседы с отцом. Чтобы он снова стал считаться со Стрибогом, Перун должен или простить его, или испугаться. Прощать громовержец никогда не умел, да и как бояться — забыл за давностью лет.

— Я знаю, как ему напомнить. — Ратибор продолжал стоять без порток, болтая своим достоинством между ног. Тарх наклонил голову набок, осматривая князя от пят до макушки. Выдержав паузу, Калевич-младший проговорил: — Цифры скажут сами за себя.

— Цифры?

— Да, Тарх. И очень большие цифры.

Зонтики сосен закачались над головами троицы. В глазах Тарха поселилось недоверие, смешанное со злостью. Он было открыл рот, чтобы что-то сказать, как вдруг прямо перед его носом пролетела здоровенная шишка. Она ударилась о бок коня и укатилась, спрятавшись в пожухлых иголках. Сын Перуна встряхнул головой и подобрал удила. Полуголые братья-князья весело скалили. Тихомир спустил штаны на землю и сказал:

— Так что, может, поплаваем?

Грызло впилось в челюсть коня, и он чуть не взбрыкнул. Короткий укол шпорой вернул ему покладистость.

— Что-то погода испортилась, судари. Бывайте!

— Осторожно! Этим мечом я сразил Ароса в битве при Косьмице.

Юная княжна порывисто развернулась и увидела Салтана. Наконец она его дождалась. За время, пока Мила томилась в ожидании владыки всего Буяна, она

успела придумать, что Елисей пошел в отца, и эта аудиенция, назначенная так неожиданно и без какого-либо предупреждения, станет для нее очередным испытанием. Впрочем, отогнать эти мысли подальше она тоже успела — настолько Салтан не торопился на назначенную встречу. Окончательно успокоившись, Мила принялась разглядывать холодное оружие. Равень-Крист висел прямо над тронном, и последние двадцать минут княжна разглядывала его, раскрыв рот.

— Я мечтала его увидеть! Одного взгляда на него достаточно, чтобы почувствовать все величие древних воинов. — Мила сияла от восхищения. — Всего один безмен* крепчайшей стали, но меча этого боятся все враги царства. Навершие все в самоцветах. Рукоять обмотана шнуром тончайшей кожи, побуревшей от пота и крови. Открытое огниво из блестящей латуни, без защиты, простое, выкованное для смелых мужей. — Она посмотрела ниже, туда, где покоился изысканный футляр для Равень-Криста. — Ножны уже при вас менялись? Я читала, что они были выточены из белого ясения и инкрустированы речным перламутром. А сейчас они из кожи, вышитой золотом, и с теми же сусальными пластинами по краю. Точно! — Ладимила бросила озорной взгляд на Салтана, как будто раскрыла его маленькую тайну. — Этот камень, аметист... Это ваш цвет. Рубины, шпинели, турмалины — они для отвода глаз. А аметист неспроста в самом центре!

Царь неопределенно хмыкнул, однако скрыть удовольствие от верного хода мыслей юной девы не получилось — уголки его тонких губ поползли вверх.

* Старинная мера веса, равна приблизительно 1,022 килограмма.

— А внутри... мех?

— Да, соболиный, мягчайший. В нем тонет тонкое лезвие, изрезанное строгим узором, таким как нрав наших предков.

Княжна отступила на шаг, чтобы снова увидеть Равень-Крист целиком.

— Клинок идеальных пропорций, — продолжал Салтан. — Он само совершенство! Даже жалко, что теперь его нигде не применишь. Висит, пылится. А когда он летит в воздухе, разрезая потоки, не описать, какой звук появляется. Будто сам Стрибог посвистывает! — Сложенные в трубочку губы издали еле слышный писк. — Снова ничего не получилось! Я его мыть не хотел после кочевников, но эти дрянные слуги взяли и стерли все капли запекшейся крови! Балбесы! Руки бы им отрубить. — Царь хохотнул от своей шутки и поднял взгляд на меч. Через несколько секунд молчания он произнес: — Хотя что я хвастаюсь! Только и приходилось, что бунты останавливать да от недолудей отбиваться. Вот при Гостомысле Буянском, в ту войну Общеземельную, Равень-Крист раскромсал немало горячих тел!

— И царь Литор в битве у Тренской крепости, и Багорд на Болотном побоище сразили им десятки, сотни людей... Даже странно, что он по-прежнему так блестит, — заметила Ладимила.

— Металл не глаза, он не меркнет от увиденной жестокости, — ответил Салтан, и на эту правду у княжны не нашлось ответа. — Дай-ка я посмотрю в твои очи, красавица. Пожалуй за стол, княжна Новоградская, будем чай пить.

Как только царь опустился в тяжелое кресло, из-за ширмы, гремя блюдами, вылетел долговязый прислужник и ловко наполнил чашки кипятком из самовара.

Над ними вились изящные струйки пара, разливаясь по комнате мятным ароматом. На многочисленных тарелках, придвинутых к тому краю, который занимал Салтан, высились холмики рыжих конфет, волновались пирамидки желе, истекала медом сочная пахлава. Мила машинально пробежалась по ним глазами, отхлебнула чаю и стала внимательно наблюдать, как царь придирчиво выбирает каждую сладость из десятка одинаковых, прежде чем отправить ее в рот. После того как очередной кусочек попадал на язык, Салтан медленно и тщательно его пережевывал, катал по рту, и дело это требовало максимальной сосредоточенности. Наконец, сняв пробу с каждого блюда, владыка всего Буяна вернулся к беседе с молодой княжной:

— Если ты не поторопишься отведать что-нибудь из яств, их скоро не останется. Ты какие сладости любишь?

— Пожалуй, что я к ним совершенно равнодушна, — пожала плечами Мила.

— То ли дело битвы... Знаешь их все наперечет. Место, день, потери противников... Глядишь, и мне в этом знании фору дать можешь!

— Могу говорить о них бесконечно!

— И говорить так, будто это что-то увлекательное!

Царь повертел в руке очередной трюфель и, удостоверившись в идеальности его купольной формы, мгновенно проглотил конфету.

— На бумаге и картах, знаешь ли, битвы выглядят завораживающе. Но только не там, на поле боя. Когда увидишь эту грязь, услышишь, как подкова на копыте с размаху дробит кости, почувствуешь трупный запах и боль умирающего, то будешь просить всех богов о том, чтобы это забыть.

Ни один из цилиндров желе не оказался достаточно упругим для того, чтобы иметь честь оказаться на языке владыки всего Буяна. Он брезгливо пошевелил их пальцем и поднял взгляд на княжну.

— Красивая заколка, — изрек он. Затем пригляделся — и на секунду его зрачки округлились, после чего спросил: — Откуда она у тебя?

— Не знаю, как и благодарить. Мне ужасно приятно и вместе с тем непривычно получать такие драгоценные подарки. Не уверена, что пойму смысл этого узора, однако верю в то, что это непременно что-то хорошее. Ваш сын постарался!

Салтан, сощуривав глаза, судорожно пытался понять, не ведет ли дочь Велимира какую-то игру.

— Мой сын... Позволь узнать, какой из них?

— Цесаревич Елисей то был... с другим я не имела чести... да и времени прошло — неполный день. А с Елисеем мы свели знакомство, и, как только мне довелось перебраться в новые покои, за что отдельные мои поклон и благодарность, сразу обнаружила коробочку, перехваченную атласной лентой, а в ней — это чудо, усыпанное камнями. И вне всяких сомнений поняла: то царевич меня привечает.

— Прислуга твои догадки подтвердила? Сказала, что это дар от Елисея?

Миле совсем не хотелось жаловаться, потому она потупила взор и быстро нашлась, как ответить:

— Да я без слуг справляюсь, милостивый государь, с тех пор как Добродея моя потерялась по прибытии. Я просила ее найти, а ее все не ведут никак.

Владыка Земель буянских не мог скрыть своего удивления. Его глаза выпучились до размера целой гривны, а тяжелые брови поднялись так, будто не лежали до того

густыми валиками над посиневшими веками. Салтан медленно откинулся на спинку кресла, не сводя взгляда с Ладимилы.

— Как это — нет прислуги? — неожиданно громко произнес царь.

За ширмой послышалось нервное шевеление. Тут же в приемный зал выскочил тот же долговязый прислужник. Под грозным взглядом Салтана он съежился и стал на полголовы ниже, чем прежде.

— Пришлите в покои княжны лучшую служанку из всех возможных. Лучшую! — процедил сквозь зубы царь.

Степень его недовольства показалась Миле избыточной, но она не решилась сказать, что лучше бы отыскать ее Добродеюшку, а остальных прислужниц не отрывать от их обязанностей. Долговязый выдавил из себя что-то утвердительное, подпрыгнул и бросился подливать чая из самовара.

— Без промедления! — раскатился царский бас по залу. Слуга испарился в коридорах дворца.

Салтан закрыл глаза, сделал несколько глубоких вдохов и, посмотрев на Милу, выдал:

— Думал сказать тебе с глаза на глаз, но решил, что новость до того приятная, что достойна того, чтобы о ней узнали и другие. Вечером на ужин созван весь двор, и я скажу... — Его взгляд снова коснулся мельницы на залке, выложенной аквамарины. — Вечером, все вечером. Как солнце сядет.

«Да где же спрятался этот Сад наслаждений? Не видел я кремля мудренее!» — проворчал про себя Гвидон, облокотившись о фонарный столб.

Почему царский дворец был так сложно устроен? Бесконечные проходы, лестницы, площади и площадки, балконы и балюстрады, расположенные на разных уровнях, рождались постепенно, соединяя отдельные строения, возведенные в разные эпохи. Еще Салтанов дед, Дадон, предпринял первую попытку привести разрозненные терема и фортификации к единому стилю. Все правители Буяна звали резиденцию кремлем, однако Дадон этого слова не любил, потому и вывел его из обихода, заменив нехитрым «дворцом». Нынешний правитель Буянского царства продолжил дедово дело: устранил пустыри между домами, благоустроил мостовые, заложил общественные сады и парки. Не говоря уже о том, что при Салтане в столице появилась невидаль — водопровод, да такой, какого не было еще нигде в Пятимирии! Впрочем, то, к чему уже все привыкли, вначале вызывало жаркие споры. Князья да вельможи были крайне возмущены и любые нововведения Совета размыслов встречали холодно. Оттого Салтан и прослыл деспотом и самодуром, что заставил всех высокородных особ терпеть грязь, шум и уродство стройки. И так некоторые из них были недовольны, что стали связывать буянские новшества с другим приказом царя — «О сохранности». Вроде как во дворце отныне нет прямых дорог и зримых путей, чтобы чужестранец не смог прийти и обезглавить владыку всего Буяна. Закон и вправду издали, однако к архитектурному плану царского дворца он не имел никакого отношения. В нем речь шла об ограничении свободного пересечения береговой линии острова Буяна. Причиной такой осторожности было предсказание вещуньи. И хоть Салтан не походил на труса, отчего-то к этому увещеванию прислушался и в сказание уверовал. Стали всех

прибывающих осматривать, а подозрительных людей опрашивать — мол, кто, куда, зачем и по какому делу.

Выбрав наугад один из четырех проходов, шегольски одетый Гвидон продолжил свои поиски. Встреченные обитатели дворца неопределенно разводили руками, указывая в противоположные стороны. Все, как один, они щурились, пытаясь вспомнить, где могли видеть раньше эту редкую статью и пронзительный взгляд, открытый и бесстрашный. В незнакомце с аккуратно подстриженными волосами и густой короткой бородой с трудом угадывался безумец из бочки. Зеленый камзол сидел как влитой, ясно давая понять всем и каждому, что перед ними человек особой, знатной породы. Прежние черты остались где-то в казематах, в самом темном углу, закиданные грязными лохмотьями. Плечи расправились, мускулы налились жизнью, а на умытом лице четко вырисовались прямой профиль носа и гордый подбородок, разделенный еле заметной полоской.

Поблагодарив поклоном очередного прохожего, Гвидон свернул на узкую лестницу и уже через несколько ступенек уперся в нужную арку. Каменная кладка была сплошь увита листьями, и только выступающие металлические прутья да золотистый колокольчик, болтающийся на веревке, выдавали этот тайный ход. Он подошел вплотную к зеленым зарослям и рванул калитку на себя. Она не захотела поддаться, лишь недовольно скрипнула. За пояс тут же ухватились усики нахальных лиан, тех самых, что несут на себе волоокие бутоны-страстоцветы. Гвидон не придавал этому значения, но машинально провел вдоль тела руками, сбросив с себя гнет похотливых побегов. Он отпрянул на пару аршинов от стены и, завидев колокольчик, позвенел им.

Через мгновение с другой стороны забора послышалось шарканье башмаков, а после — негромкое ворчание прислужника:

— Кого там еще Перун принес?»

Лязгнул засов, но вместо двери в живой изгороди открылось маленькое окошко. Рассмотрев через темную бойницу богато расшитый камзол, холоп громко бросил:

— Не ждет царевич никого, любезнейший. Ему что-то передать?

— Скажите, что к нему пришел поговорить Гвидон.

Решетка ворот снова скрипнула. На этот раз от того, что прислужник навалился на забор всем телом, стараясь разглядеть нового царского сына. Немного подумав, он промолвил:

— Царевич Елисей занят. Что я могу ему передать... царевич?

— Что его ждет брат, которому нужно с ним поговорить. Передайте Елисею безотлагательно. Уверен, он сумеет перенести свои, безусловно, важные дела.

— Минуточку, сударь! — Башмаки с топотом убежали куда-то вглубь Сада наслаждений. Вернувшись, прислужник, задыхаясь и чуть не врезавшись на бегу в железные прутья, выплюнул: — Мне ужасно жаль, но никак сейчас не получится вас принять, никак не получится! Возможно, позже...

Не успел он уточнить, когда это «позже» вероятнее всего случится, как Гвидон прервал его блеяние:

— Я подожду.

За стеной явно началась паника. Одышка мешала шепоту оставаться неслышным, и прислужник никак не знал, как правильно поступить в такой непростой ситуации. Наконец, взяв волю в кулак, голос из-за калитки залебезил:

— Но, сударь, прождать можно довольно долго. Не угодно ли вам... передать что-то на словах? — Было неясно, что скрипит сильнее: калитка или раскаленные шестеренки в голове прислужника. — Или назначить время для аудиенции?

— Нет, я дождусь, — отрезал Гвидон.

По обе стороны забора воцарилось затишье. Даже вечно пружинящие на стебельках цветки страстоцвета замерли в ожидании. Неожиданно за забором послышалась возня, калитка отворилась, и из нее вышел всклокоченный молодой вельможа, явно чем-то разгоряченный. Калитку вновь поспешно закрыли, а знатный посетитель Сада наслаждений изобразил дежурный поклон и направился в сторону одной из лестниц, ведущих к центральной площади. Уже пройдя мимо Гвидона, он резко остановился, вылупил глаза и вернулся к нему.

— Здравствуйте, царевич! Никак не мог ожидать, что вы так похожи на своего батюшку! — Пока собеседник разглядывал Гвидона, глаза его бегали быстро-быстро. — Князь Радимич. Никола Радимич мое имя. Премного рад с вами свести знакомство.

В ответ он получил короткий прямой взгляд и легкий кивок. Радимичу захотелось спрятаться от этих пронзительных глаз — до того непривычно было ощущать, что на него так пристально смотрят. Он поежился и решил сам прервать неудобную паузу:

— Вы сюда... развлечься?

— Нет. По делу.

— А, по делу... — Князь все не мог насмотреться на новоявленного сына Салтана. Он скользил взором по зеленому камзолу, расшитым камнями лацканам, золотым узорам — только бы не попасть под луч его

обжигающих глаз. — В Саду любые дела принято совмещать с наслаждением, иначе они не доставят никакого удовольствия. И удовлетворения, если вы понимаете, о чем я. — Убедившись, что новый царевич не настроен на шутки и развлечения (да и сам Никола развлекся сегодня достаточно), он решил сменить тактику: — Постойте, князь, пока Елисей в отъезде, может быть, пройдемся и обсудим будущее страны? Для меня это вовсе не праздный интерес — я сын властителя Вески, вассала вашего отца. И по рождению имею честь занять наш скромный вескинский трон, когда отец устанет. Может быть, совсем скоро нам предстоит вершить великие дела, если вы...

— Князь, нам пока что нечего обсуждать. Уверен, мы найдем время для обсуждения дел в вашем славном городе, когда наступит нужный час. Но для начала я хотел бы поговорить с братом. — Гвидон прислушался к собственным мыслям и добавил: — Если вы не против.

Радимич потер лоб и предпринял другую попытку:

— Так, может, пройдемся, раз его все равно пока нет?

— Нет, я буду ждать его здесь.

Пятачок перед воротами Елисеевых покоев был тихим и живописным. Высокая каменная кладка стен и кривые узкие лестницы, расходящиеся в разные стороны, бережно прятали вход в Сад наслаждений от посторонних глаз. Отличное место для рождения секретов и тайн. Радимич поглядел по сторонам и, удостоверившись, что рядом никого нет, тихо проговорил:

— Что же, пока вы ждете, у меня есть несколько соображений, как выиграть эту партию. — Он показал на пятнистое мощение. Светлые и темные плиты были

выложены поочередно, образуя черно-белый гранитный квадрат. Князь встал по центру одной из каменных ячеек и испытующе посмотрел на царевича.

Что-то поменялось во взгляде Гвидона. Как будто внутри, где-то за поверхностью глаз, родилась песчинка неуверенности. Князь же тем временем шагал наискосок по черным плитам и, добравшись до Салтанова сына, промолвил:

— Вы, как старший, бесспорно, достойны трона...

— Не переносу лесть, да еще такую грубую и пустую!

Нет, это был не мат. Всего лишь шах. Радимич оставил в покое темные клетки мостовой, опустил подбородок и, широко раскрыв глаза, быстро-быстро зашептал:

— Что вы, царевич, какая лесть? Я принимаю во внимание лишь очевидное. Все мы любим Елисея за его гостеприимство. Нет в Пятимирии человека, который бы больше него ценил красоту и наслаждение... Он всегда подбодрит, найдет нужные слова. Хлебосолен, учтив. Но сможет ли его порок позволить ему думать о государстве? — Князь подошел вплотную к Гвидону и положил руку ему на плечо. — Да, мы почти не знакомы, но я чувствую вашу силу... И потом. У меня есть одно предложение, как получить поддержку большого количества людей. Да что там людей — богов...

Княжеская рука, подобно плети страстоцвета, была сброшена с камзола.

— Это чрезвычайно любезно с вашей стороны, князь. Но мне не нужна поддержка в борьбе с братом, которого я только обрел. Я бы предпочел решить все мирным путем. И если Салтан рассудит, что править Елисею, то я приму его волю.

— А если боги?

Крупница сомнения, казалось, разрослась кристаллами и стала занимать всю голову царевича. Он молча смотрел на князя, не зная, что ответить.

— Подумайте, подумайте, взвесьте все обстоятельства и убедитесь в том... Все очень шатко в Буяне, царевич. Впрочем, кто знает?

Сверкнув глазами, князь ушел по одной из лестниц.

За калиткой послышалось шевеление, и она вновь открылась. Из нее вышел Финист и изобразил удивление, будто бы не знал, что царевич ждет брата на этом пятачке. Тот по-прежнему стоял посередине маленькой площади и, кажется, никуда не собирался.

— Не ждите напрасно, царевич. Ваш брат... Елисей отбыл из дворца, чтобы повидаться со своей матушкой, и вернется никак не раньше полуночи. К ужину просил не ждать.

Гвидон закрыл глаза, мелко кивнул несколько раз, посмотрел на Финиста и улыбнулся:

— Спасибо, добрый человек!

«Дзын-н-н-нь!» — отозвалась струна растяжки. Палец еще раз натянул металлическую нить и отпустил ее, вызвав характерный звук.

— Готово!

Двое мужчин, облаченных в грязно-зеленые одежды, поднялись на небольшой холм у края дороги, через полотно которой только что протянули тетиву ловушки. Примяв сапогами жесткие ветки кустарника-лапчатки, они легли друг рядом с другом на животы и принялись ждать добычу. В мошне одного из них был солидный

припас тыквенных семян, и скоро часть холма стала белеть от их шелухи.

— Что он нарушил, не говорили тебе?

— Да кто ж его знает. Может, на поклон ходил к Сва-рогу да переусердствовал. Али возомнил себя кем-то выше.

— Новым богом, ага. После многих лет властитель-ства и не такое на ум придет. — Плотная кожурка вы-летела из зубов, проделала впечатляющую петлю и упа-ла, скрывшись в траве. — Вроде же знатный человек, голова на плечах!

— Ну это ненадолго!

Над дорогой разразился залиvistый хохот. От оче-редной порции семечек осталась шелуха, и тот, что потолще, снова заговорил:

— Давай, когда кончим с этим, пойдем на один по-стоялый двор. Как в этих краях оказываюсь — всегда туда захоаживаю. — Он приподнялся на локте и понизил голос: — Там девахи непуганые, а гривенников стоят... — Кромешник мечтательно покачал головой: — Не то что столичные. За их обычную часовую плату местных мож-но всю ночь объезжать — и в хвост, и в гриву, и куда только захочется.

— Она потом еще с тобой в Буян попросится, коли будешь сильно стараться! Надобно оно тебе?

— А я всегда стараюсь. Они же тоже люди-челове-ки, пусть и падшие. У меня такой подход: я, когда это, закончу, значить, всегда поинтересуюсь, хорошо ли ей со мной было. Если мямлит или благодарит не-уверенно, пальцы смачиваю и без предупреждения отправляю их туда. Позавчера, когда мы на задание только прибыли, я угостил одну красотку бражкой. Пышногрудая такая, краснощекая. Ну там прямо ее

и отведал. Дрючил часа два. Мокрый весь слез с нее, говорю: «Ты, Марфуша, до края дошла?» Она смотрит, глазами хлопает. Я пот стер со лба, усадил девицу на колени себе. Так она аж вырваться начала. А я держу ее крепко и шепчу: «Не бесись, сейчас тебе такое счастье будет...»

— А она?

— Елозит, глаза круглые, испуганные... Но я-то мастак, дело свое знаю! Сжал ее покрепче, она задыхалась часто, чуть не воет, подпрыгивает на месте, усидеть не может. Я хватку ослабил — и она притухла, на меня опала, как сель... Кажется, вся рубаха ею пропахла! Не чувствуешь?

— Провались ты! Лохмотья твои еще обнюхивать!

Кромешник отвернулся от подельника и хотел было встать справиться нужду, как послышался отдаленный шум копыт.

— Наш, — одновременно прошептали мужчины. Они вжались в сырую землю и с дороги стали походить на заросли лапчатки.

Исполнение наказания, согласно предписанию Совета поклонения, происходило в три этапа. Так были обучены все кромешники. Старший, тот, что любил постоянные дворы на окраинах, тихо, но четко произносил:

— Раз!

Всадник приближался. В предсумеречном свете разглядеть препятствие невозможно даже соколиным глазом.

— Два! — этот шепот обыкновенно означал, что через секунду конь споткнется о леску и падет оземь. Громкое ржание внизу на дороге было сигналом к тому, чтобы прошипеть: — Три!

Топоры сверкнули на косогоре, напоминающем курганник, а заросли лапчатки вмиг стали редкими и печальными.

Вечер выдался драгоценным: сизоватые, похожие на серебряные ланцеты листья ивы собирались в узкие живые гирлянды и покачивались на ветру. В то же самое время над низким горизонтом разгоралось закатное солнце, обливая золотом все вокруг. Мягкие плети плакучего дерева ласкали пузатую балюстраду балкона, выходящего из покоев юной княжны. Мила внимательно следила за игрой холодных листьев с жаркими лучиками солнца, прекрасно зная, что этот бой закончится ничьей: ланцетам не дано остудить светило, а пламенные выстрелы не прожгут дыры в увертливых листьях.

Они сидели на террасе с Гамаюн, темнокрылая дева-птица была непривычно возбуждена и оттого говорила в тот вечер.

— Совершенно необычайно работает его голова. А ведь он даже не ученый. Талант к изобретениям у Нифитя преогромнейший — это замечают даже те, кто далек от научных кругов. Что мне о нем рассказали — ахнуть можно! Как будто сам Знич пришел к нему во сне! Только представь: с месяц назад мы беседовали с ним и еще несколькими сударями во время перерыва между занятиями в университетском дворике. Речь шла о происхождении видов, и я поведала одну крайне забавную историю, чуть не ставшую для моей родины губительной. Он вмиг посерьезнел, схватился за карандаш и стал записывать за мной каждое слово. И вот прошел какой-то месяц, и его разумения привели к тому, что Розмыслы готовятся соединить остров и сушу под водой!

— Подводный мост? Ума не приложу, как по нему ходить да ездить. Или... все-таки плавать?

— Не мост, княжна. Штольня, как на рудниках. Подземный коридор, ведущий прямо с острова на противоположный берег.

— И как же ты его на это вдохновила, Гамаюн?

— Моя роль была скучна и бесхитростна. Еще в детстве я наткнулась на одну любопытную книгу о судоходстве. Она была посвящена недавнему прошлому кораблестроения. Бывало, что судно терпело бедствие посреди спокойного моря — просто вмиг набирало воду и шло ко дну. Лучшие амитийские умы пытались установить причины, начальники флота наказывали корабельщиков, а матросы боялись выходить в плавание вплоть до горячки.

Темнокрылая дева-птица возбужденно глядела на Милу, словно сама в тот час управляла амитийским флотом.

Миле передалась ее горячность. Она жадно слушала, а Гамаюн продолжала:

— Это была огромная трагедия: одновременно в разных морях затонуло три торговых и два охранных корабля! Люди целыми городами денно и ночью молились Абзу, нашему морскому богу, приносили ему подаяния и жертвы — все тщетно. Было замечено, что корабли гибнут только на открытой воде. В пресном водоеме, реке или чистом затоне они оставались целехонькими. Тогдашний царь, Нин, чудом сумел подавить бунт и обещал спасти свой народ от этой напасти. Оно и понятно: наше островное царство из-за страха оказалось оторванным от остального мира. Чего только не предполагали! И кару богов, и заговор лесозаготовщиков.

— А что же произошло? — участливо поинтересовалась юная княжна.

— Стало известно, что с этим же столкнулась Восточная империя, а вот эллинийцы плавали на своих кораблях пуще прежнего. Нин велел закупать древесину у греков, и тысячи стволов робинии стали поставлять на наши берега. Как ты понимаешь, это обошлось в копеечку, казна была почти пуста. Но куда деваться правителю? За короткое время флот был восстановлен, но, когда пришла пора строить новые суда, греческие купцы повысили плату втрое! Дубы, кедры да ясени в наших водах зарекомендовали себя никудышно, поэтому к буянцам и нордам обращаться не имело смысла.

— Всегда знала, что эллинийцы горазды наживать на чужой беде! — возмутилась Мила. Поймав строгий взгляд подруги, тут же себя осекла: — Прости, Гамаюн, не хотела тебя прерывать.

Амитийская прелестница улыбнулась ей в ответ и продолжила:

— Взмолился Нин перед богами, а те шепнули обратиться к ученым. Долго думали мудрецы, ползали по обломкам с увеличительным стеклом, наблюдали за мангровыми зарослями*, теми, откуда доставали сырье. И вдруг однажды шхуна потерпела крушение прямо у пристани, в Вавилоне. Ее разобрали и отнесли ученым. Нашелся-таки виновник! Длинный-предлинный червь, черный как смоль, покоился внутри бортовой доски. Их прозвали «змеями из преисподней», но ученые люди выяснили, что никакие то

* Уникальные леса, которые поддерживают устойчивые прибрежные и морские экосистемы. Они защищают близлежащие к морю районы от цунами и экстремальных погодных явлений.

были не змеи, и даже не насекомые, а самые настоящие моллюски!

Княжна зажмурила глаза и встряхнула головой, будто пыталась избавиться от надоедливой осы или мухи.

— Прости, я так увлеклась, что и не подумала, как тебе может быть противно... — Гамаюн виновато дотронулась до Милиной руки.

— Мне безумно интересно, Гамаюн! Наверное, я слишком брезгливая, поэтому в науке у меня ничего бы не получилось! — Подруги улыбнулись друг другу. — И как же они, эти... не-змеи... проедали ваш флот?

— Обычно моллюски прячутся в твердой раковине, как улитки или устрицы. Этим же прятаться было не нужно — от всех врагов они скрывались в деревьях. Поэтому панцирь, служивший домиком их сородичам, обращался в тонкое кольцо, заточенную спираль. Кальциевое сверло с зазубринами. И этим своим зубом они дырявили нашу древесину, крутились и дырявили! И могли жить в утонувшем корабле еще десятки лет, доедая обломки. Ученые стали проводить опыты. Чтобы тебя не мучить, сразу расскажу, что они узнали: греческую робинию моллюски есть отказывались, потому что дерево выделяло ядовитый сок. Благословенное открытие! С тех пор все доски на верфях окунали в яд, после научились уже использовать щетки для втирания едкой жидкости в будущие борта кораблей. А сверху покрывали их пчелиным воском.

— История и впрямь занятная. Но я все не возьму в толк: что за озарение пришло Нифитю из Розмыслов?

— Он в тот же вечер велел заказать «змеев из преисподней» и повозку мангровой древесины. Соорудил в своем тереме закрытый со всех сторон аквариум и стал

наблюдать. Супружница его не выдержала и сбежала к родным, но его это не остановило. И терпение воздалось сторицей: насмотревшись на то, как моллюск ловко крутится и сверлит доску, Нифить зарисовал устройство, напоминающее металлический бур, и вместе с подмастерьями кузнецкой мастерской изготовил его. Представляешь? И скоро с его помощью Розмыслы соединят наш столичный остров с остальной землей. А все благодаря ходу мысли, холоднокровной и расчетливой!

Алый диск уже упал за неровную линию горизонта, отдавая последний свет этому дню. Недовольные исходом битвы, листья-ланцеты тихо шуршали. Княжна собиралась с мыслями весь вечер и наконец решилась узнать правду, какой бы она ни была.

— Вот что хотела спросить... Как так получилось, что ты учишься в Буянском затворе? Мне казалось, учение дозволено только мужчинам. Наш удел — служанки да чтение всяких незатейливых небылиц.

В очах Гамаюн стоял страх, она боялась не то что ответить — шелохнуться. Мила посмотрела на нее и предположила:

— Или тебя связывает с училищем что-то иное?

Ладимила сама испугалась своей прямооты. Однако ей не терпелось убедиться в том, что девушке-птице из южного царства можно доверять. До того та казалась доброй и отзывчивой, что поверить в ее неискренность было ужасно сложно. Гамаюн тяжело вздохнула, подняла взгляд и призналась:

— В Затворе я... никто. Нет такой студентки — Гамаюн. Так получилось, что после переезда в Буян-град единственным, с кем я общалась, был Армаун, старец родом из Вавилона, в прошлом друг моей семьи.

Посетовала ему, что хотела бы учиться, ведь книг в хранилище много, но их во всю жизнь не перечитаешь. И потом, мало пройтись по ним глазами — увиденное еще нужно понять, осмыслить, разложить по нужным уголкам своей души. Перечислила ему, какие мысли мне приходят от чтения научных трактатов, и он пригласил меня на свои лекции. Так я стала на них ходить с юношами-учениками. Почти сразу те за моей спиной стали шептаться. Я не могла и представить, что они будут такими жестокими. Однажды в дверях амфитеатра появились целовальники. В память врезался стук их кортиков на поясах. Они спустились к профессору и потребовали выдать им нарушительницу, о которой ходят толки. Армаун лишь удивленно поднял брови и спросил, не уборщицу ли хотят у него отнять. Стражи порядка ушли. А я осталась... уборщицей. С тех пор мою полы, протираю подоконники и лавки, вытряхиваю мух и мотыльков из светильников. Но все это делаю не между лекций, а во время. Бывает, бросаю ведро или метлу и бегу в подсобку записать какую-нибудь мысль, пришедшую во время разговора учеников с мудрецами. А потом, когда никто не видит, подхожу к учителям, и мы подолгу, иногда до самого заката, обсуждаем философию, устройство мира или существ.

Воздух на балконе сгустился и завис. Правда, которой так ждала Мила, оказалась совсем не такой, как она себе представляла, а тяжелой, печальной и пахла ветошью для протирки полов. Теперь она могла себе объяснить, отчего удивительно ладная амитийка так скромна и всячески прячет свою природную красоту. Княжне стало ужасно стыдно за то, что она могла подозревать свою достойную подругу в лукавстве. Немного помолчав, она поспешила объясниться:

— Я и не знала, что учеба... может даваться такой ценой. Прости мое неверие, я...

Амитийская умница накрыла своей ладонью руку северной княжны и едва заметно улыбнулась:

— Не мыслю жизни без умников. Всегда мечтала стать одной из них. И пусть приходится позориться с веником в руках, ни за какие коврижки не уйду оттуда. Только если советницей к царице. — Улыбка Гамаюн стала еще шире. — Я живу наукой. Там, в коридорах Затвора, я чувствую себя... Да что мы все обо мне! Наша подруга в беде, а я смею разглагольствовать обо всякой чепухе, и из-за этого мы теряем время!

— Ума не приложу, к кому можно обратиться, кроме царя, — задумчиво сказала Ладимила.

Рука Гамаюн сжала ее маленькую ладонь еще сильнее.

— Не думаю, что настало время для таких просьб. Власть имущие терпеть не могут тех, кто приходит к ним с просьбами. Знаешь что? — Темноокая амитийка приблизилась к Миле и необычайно уверенно произнесла: — Ты должна — нет, ты просто обязана — сегодня сиять, чтобы даже самый черствый сухарь размяк от твоих красоты и грации! Поэтому тревоги прочь, сомнения оставь где-то здесь, на балконе под старой ивой, — и вперед на полных парусах! Кажется, я придумала, кто сможет нам помочь спасти Сирина из этой передраги.

Уже на пороге Гамаюн повернулась к высокородной подруге и обронила:

— Твоя прямота... Спасибо за то, что честно спросила. Мне кажется, если рождаются недомолвки, они отравляют воздух между друзьями. Знай: ты можешь просить меня о чем угодно. Таких, как ты... — Дева-птица остановилась, не в силах подобрать правильного слова. — Таких, как ты, я не встречала.

Шелковый ветер стал холоднее и назойливее, и Мила перебралась в дом. Не успела она зашторить окна, как в дверь постучали. На пороге ее ждала тучная дама в сиреновом переднике.

— Сударыня, вы ли? Я зайду?

Миля неуверенно кивнула, обернувшись, будто спрашивая у кого-то разрешения. Не дожидаясь ответа, незнакомка протиснулась внутрь вместе с выдавшим виды сундуком. Она вытерла руки о фартук, довольно крякнула и сообщила:

— Аксинья я. Служанкой, значить, буду.

Перед Ладимилой вновь распахнулись высокие резные двери парадного зала. Странно, но эта палата, верно, исполняющая роль трапезной в особо торжественных случаях, больше не казалась княжне Новоградской слишком роскошной. Как будто все немного изменилось: шеренга теней от увитых узорами колонн рассыпалась, как дружинники после команды «вольно»; лоскутки разноцветной смальты в широких витражах устали дарить свои краски лучикам света; бархат утомился переливаться и тем доказывать свое благородное происхождение; даже хрусталь и тот поскромнел и перестал блестеть. Или комната решила припрятать свои богатства, или Мила просто освоилась во дворце, как глаза со временем привыкают к яркому свету после темных сеней.

На этот раз она пришла одной из первых. Аксинья, присланная служанка, проявила себя расторопной и молчаливой. За два часа, проведенных с новой хозяйкой, позволила себе лишь один вскрик, да и тот вырвался из-за раскаленного уголька, выпавшего из утюга

прямо ей на ногу. Помимо княжны, в зале была только одна фигура, если не считать спящих туда-сюда сиреневых прислужников. Незнакомец хотел пригубить вина из своего только что наполненного кубка, но, увидев Милу, оставил напиток и глубоко поклонился. «Молодой, но старомодный, — отметила Мила. — Кафтан расшит камнями, ворот весь в узорах да алый кушак... Щеголь, каких поискать, — наверное, едва вышел от портного. Но одеяние его будто бы ему непривычно, если не сказать больше: оно ему вовсе мешает».

— Вы сегодня великолепны, сударыня.

Вслед за комплиментом княжна поймала его безотрывный взгляд, но вспомнить, где она видела эти глаза, Мила все никак не могла. «На корабле, один из этих докучливых?.. Нет, не то. Может быть, в “Брячине”? Вряд ли... Точно не на одном из вечеров в парадном зале... Тогда... ну где же?»

Княжна поторопилась с ответом:

— Спасибо, сударь. Я... — Она хотела спросить имя незнакомца с очами цвета бутылочного стекла, но испугалась возможного конфуза — вдруг они были друг другу представлены, а ее девичья память так не вовремя играет с ней в прятки. — Вино, должно быть, отменное, не так ли?

Изящным движением она попросила кубок — и через мгновение, наполненный рубиновым вином, он оказался у нее в руке.

— Пожалуй, я успел уловить в его аромате что-то знакомое... Оно точно хранилось в дубовой бочке.

Молодец улыбнулся, блеснул светом глаз, а в голове Милы состоялся очередной раунд игры с памятью. Зал стали заполнять особы благородных кровей, одна

голоднее другой, и слуги деловито рассаживали всех по местам.

Гомон занимающих свои стулья гостей наконец-то затих: парадный зал почтил своим присутствием Салтан. Царь жестом остановил готовящегося голосить о его прибытии слугу — мол, все и так увидели, раз притихли. Милу усадили почти у самого царского края. Ближайший к правителю стул был приготовлен для Елисея, вероятно опаздывающего. Напротив него оказался незнакомец, к которому прильнула Парвин, претендентка на роль будущей царицы, приехавшая из Восточной империи. Она что-то возбужденно шептала на ухо щеголю, до Милы доносились лишь отдельные слова и звуки, однако, увидев отчаяние во взгляде восточной принцессы, она сообразила, что Парвин просит о помощи. Яркий шафрановый шелк платья подчеркивал болезненную бледность осунувшегося лица, тонкая красная паутинка покрывала белки ее широко распахнутых глаз. Увлеченная своей речью, девушка не заметила, как все стихли с появлением владыки всего Буяна. Оттого ее тихие слова стали слышны каждой мышце под половицей.

— ...не обессудьте. На все пойду, что скажете... Буду кротка, молчалива и незаметна, если пожелаете... Позволю все, что ни захотите... со мной, с другими... Только не дайте мне погибнуть, умоляю вас, Гвидон...

«Гвидон!» — Мила вмиг вспомнила, где она видела отблеск этих глаз.

— ...не быть мне там, не жить, не поживать, коли вернусь с позором, из невест не выбранная. Я...

Парвин выпрямилась и испуганно подняла взгляд на Салтана. Он внимательно слушал знатную девицу и не смел ее прервать. В ее глазах будто что-то вспыхнуло. Она сглотнула слюну пересохшим горлом и безвольно

ахнула. Лоб восточной красавицы блестел от капелек пота. В тот же миг к ней подлетел темнокожий прислужник, от которого она дернулась, но он ловко поймал ее и сжал в объятиях. Все выглядело так, будто слуга уберег свою госпожу от потери чувств. Однако Ладимиле привиделось тонкое блестящее перо, полоснувшее руку Парвин. Темнокожий мужчина подхватил лишившуюся сознания принцессу, с акцентом буркнул извинения и удалился.

Время растянулось в повисшей тишине. Парадный зал вдруг стал подобен морской раковине: любой звук — будь то скрежет ножа о фарфор блюда или хруст ржаной корочки на зубах — усиливался стократно. Поэтому все старались утолять свой голод как можно тише. Миле кусок в рот не шел: помимо потрясения от увиденного и услышанного (впрочем, она сразу стала гнать от себя рассуждения о судьбе бедной Парвин), юная княжна не могла насмотреться на того, кого совсем недавно жале-ла в казематах Совета мудрости и правды. «Догадаться было не сложно... сидит рядом с Салтаном, после прибытия был допрошен, к одеждам не успел привыкнуть... и все, что мог сказать о вине, так это его вероятное содержание в бочке. Гвидон...» Мила с упоением осыпала себя упреками. Насладившись самоуничижением и убедившись, что глаза-демантоиды царского первенца сияют так же ярко, как и в их первую встречу, она перевела взгляд на другой конец стола.

— Да будет нам богами даровано здравие! — разрубил тишину Салтан.

Все опорожнили свои кубки, и слуги запорхали с кувшинами да бутылками вокруг длинного стола.

— Богат в моем дворце не только стол сегодня. Коль яствами вы угостились вдоволь, пора бы и вести слушать

да обсуждать. — Владыка раскрыл ладонь и указал на Гвидона: — Мой род, моя семья стали полнее. Гвидон... — Салтан на мгновение прервался и посмотрел на сына. — Гвидон вернулся, вы все уже знаете. Не стану лукавить: понимаю, что может беспокоить всех и каждого. И попрошу терпения у своих соратников и верноподданных: кем заменить себя на этом месте — не ведаю еще. Это не может, не должно быть скорым решением. Оба молодца достойны, сыновья как на подбор. Однако кто займет после моего ухода соседний трон... — царь похлопал по спинке соседнего места, предназначавшегося Ильмере, — конечно, таить больше не буду...

Княжна подобралась. Внутри все сжалось; ее сердце, казалось, не просто билось, а стучало в бубен в этой раковине парадного зала.

Гости повставали с мест. Кто-то случайно зацепил край скатерти — и часть блюд полетела на пол под недовольное шипение и цыканье. Забегали слуги, зашаркали стулья. Салтан досадливо сощурил глаза и сжал зубы в ожидании тишины. Но она наступила лишь после того, как на верхнюю ступеньку лестницы влетел запыхавшийся гонец. Пытаясь справиться со сбившимся дыханием, хлопок постучал себя по груди, откашлялся и громко произнес:

— Беда, царь-батюшка! Напали, изранили вурдалаки... на наместника вашего, на вассала! При смерти он, Велимир Великий...

«Нет! — задавила в себе крик княжна. — Папа...»

Глава 5

Все́му своя цена

День уверенно приближался к полудню. Солнце целилось прямо в княжну, шагавшую взад-вперед по своим палатам. Оно посылало свои лучи-стрелы в глубину комнаты через распахнутые створки южных окон. Не достигнув цели сразу же, солнечные лучи искали другие пути: отражались в факетах зеркал в гардеробной, скользили по золотой каемке блюда с померанцевыми цукатами, перебирались на хрустальные капли люстры. Наконец один луч достиг цели — и теплые блики осветили встревоженное лицо княжны.

— Сударыня, вечером будет корабль, не беспокойте себя понапрасну. Давайте я вам трав заварю — от забот помогают!

— Я и так потеряла столько времени! Ах, если бы я сама могла управлять кораблем и отправилась в путь ночью, то сейчас бы уже сходила на отчий берег...

— Княжна, ночью ничего не видно. И потом, я собрала только одну котомку. Не можем же мы с вами ехать без платьев!

Ладимила остановилась в дверях гардеробной. «Котомкой» оказался сундук размером с недельного жеребенка, и забит он был до самого верха.

«Жаль, что из всего потерянного им удалось найти тряпки, но не Добродеюшку», — кольнуло Милу где-то внутри. За исполинским дорожным ларем, отмеченным вензелями, были раскиданы бесчисленные платья. Те, в которых будущая царевна (как ей тогда казалось) должна была предстать перед буянским двором. Высший свет не увидел ее ни в пурпурном бархатном кринолине, ни в бледно-фиалковой тунике на греческий манер. Накидка цвета океанской сини, подбитая горностаем, обиженно скомкалась на одном из стульев. Дева скользила взглядом по нарядам, но мысли ее занимало совсем другое. Она прикоснулась к мягкому шелку летнего сарафана и тихо, но твердо проронила:

— Мне нет дела до всего этого. Желая только одного: знать, что мой отец жив... и что он...

Аксинья схватилась за передник и неожиданно ловким движением вызволила из него кружевной платок. Перевалившись через бархатные завалы, она подобралась ближе к княжне и предложила ей свою находку.

— Все-все-все, сударыня! Не тревожьтесь, не гневите богов. — Она наклонила голову и продолжила совсем тихо: — Вскорости прибудем и все узнаем. Отправимся сразу, как я все соберу. Вечером. Смотрите, одежды какие красивые. Вы их, глядишь, и не надевали ни единой! Ну не плачьте, сударыня. Представьте, как батюшка будет рад вас увидеть красивой. Ну, например, в этой киновари! До вечернего корабля вы еще успеете навести красоту.

— А это еще зачем?

— Ну как же... Царица должна быть красавицей. И все в ней должно соответствовать... короне, а как иначе! Вот персты ваши — по ним видно, что вы только по четвергам ногти подстригаете. А ведь можно и масло льняное втирать, чтобы они блестели, как гладь озера. И под край ногтя побелку подмазывают, смотрится аккуратно и изысканно. Или вот волосы. В Совете красы уже давно изобрели такое мыло, от которого они будут переливаться, что ваш атлас. И гребень никакой не нужен, не путаются — загляденье! И пахнет полевым лугом... Ну ежели брови не слишком выразительны или, скажем, уста тонки, всегда можно поправить, коли батенька с матушкой недоработали...

Недоумение заполнило Милину голову. Неужели Салтан за этим приставил к ней служанку?

— Я уж не говорю, ежели где что-то нежелательное выросло... — продолжала, ни на секунду не останавливаясь, Аксинья. — Не мириться же с природой, честное слово! Но я-то знаю, куда ходить надобно. Сударыня, извольте до отправления навестить Устина. Он такие прически делает, уж такой мастер, что к нему и царь-батюшка, и цесаревич ходят. Он и подсказать сможет, что его высочество Елисей предпочитает, и сразу все сделает. Да и царевич Гвидон к нему заходил. Правда, чем они там занимались — одному Велесу известно...

Тут какая-то обнаглевшая муха села прямо на сальное Аксиньино чело. Та дернулась, стряхивая с себя насекомое, и, забывшись, разразилась бранью. За вчерашние два часа, проведенные с княжной, она, вероятно, не успела раскрыть своей истинной природы. Теперь же Мила с трудом могла представить, как можно долго выдержать Аксиньину болтовню. Возможно, прислужница старалась угодить и от чистого сердца советовала

всю эту нелепицу. Или чувствовала, что бесконечный трёп сможет отвлечь хозяйку от дурных мыслей, вызванных тягучей неизвестностью. Однако тактика была избрана неверно. Молодая княжна поприветствовала улыбкой неожиданно пришедшее решение и использовала это оружие против служанки.

— Аксинья, золотце, что же мне никто раньше об этом не сообщил! Верно, не хотели, чтобы я царю да царице приглянулась... Смотрюсь в зеркало и все не понимаю: я ль на свете всех милее, всех румяней и белее? А зеркальце молчит, совестно ему сказать, дескать не ладна ты, Ладимила. Какое счастье, что Макошь-судьба свела меня с тобой! Ступай к нему... к Устину-мастеру. Пусть покумекает да обслужит меня как подобает.

Она завела руки за спину и сжала их, надеясь, что служанка не поймет ее игры. Та вроде бы купилась. Поэтому княжна повысила ставки:

— Да, Аксиньюшка, и в «Брячину» загляни, возьми мне там еды да лучшего вина, из дальнего погреба. Чтобы прямо к Устину подали. И с собой в дорогу пусть снарядят запас.

— Так я еще и к калачнику зайду!

— Непременно, золотая моя! Проследи, чтобы сдобы самые пышные завернул, но непременно сегодняшние, из печи чтобы, усекла? Беги скорее, а я сама платья разберу и укажу, какие собрать.

Дождавшись, пока шаги за стеной стихнут, Мила для верности выглянула в окно, задернула шторы и осмотрелась. Понятное дело: если бежать, то налегке. Дорожной сумкой вновь стала наволочка. В ней оказались две книги, гребень, шкатулка с милыми сердцу амулетами, по большей части камушками, желудями да каштанами, собранными в родных краях. Взгляд остановился

на бархатном мешочке. Недолго думая, Мила положила в наволочку и его. Внутри мешочка хранилась драгоценная заколка — авось отец и вправду будет рад лицезреть свою единственную дочь с таким роскошным подарком. Перед самым уходом она оставила записку Аксинье, даже и не подумав, умеет ли та читать, и тут услышала мерный стук. В стекло одного из окон жалобно билась, просясь наружу, все та же муха, так разозлившая Аксинью. Мила распахнула створки и приговорила:

— Я убегаю, и ты улетай.

Чуть только Ярило поднял солнечный диск на высшую точку и тени спрятались от яркого полуденного света, над Садам наслаждений стали разливаться волнующие запахи. Манящий жасмин стелился низко над землей, тогда как умиротворяющий шалфей по соседству с освежающим бергамотом поднимался все выше и совсем скоро распространился по всем окрестным улицам и площадям. Прохожие на мгновение останавливались, принимали и искали источник благовоний. Ответ знали немногие: царевич принимал гостей.

На белой глади низкого мраморного стола темнела загорелая царственная спина. Ее оглаживали сильные и нежные руки белокурой прислужницы, то и дело подливавшей масла из высокого кувшина — главного источника повисшего над дворцом аромата. На соседних таких же плитах возлежали братья Калевичи. Ратиборова неумемная страсть к изобилию проявлялась и здесь — аж две рыжие девахи ласкали его тело. Тихомир же довольствовался одной девушкой, но громко и страстно. Он никогда не отличался излишней верностью условностям, вот и сейчас по двору царевича

разносился ритмичный стук, всхлипы несчастной служанки и рык княжеского сына. Бесстыдный, почти что музыкальный фон нисколько не мешал ленивой беседе знатных мужей.

— Братец, — бросил Ратибор царевичу, приподняв чело, — родненький! Не сдюжим мы, коли ты сам проявляться не станешь! Надеяться на судьбу-Макошь да на благоразумие отца ой как не следовало бы!

— Я тебе лучших девиц нашел, игривых, задорных. Они стараются, а ты все расслабиться не можешь!

— Елисеюшка, разговор серьезный! Девы хороши, но не до игрушек нам! Пойми, шансов стать царем у тебя меньше с каждым днем! Но есть одно предание, старое-престарое, в архиве тайных книг найденное, которое нам поможет восстановить справедливость и избавить Салтана от мук выбора!

— Скажи еще кромешников на Гвидона наслать! Нет, Калевич, не знаю, что ты там в своих гримурах* вычитал, а я не стану перечить воле отца.

— Не в воле дело! Она есть сила абсолютная, с ней мы спорить не станем. Но был такой случай: две с лишним сотни лет назад, а может, и того больше, у Ярополка Мудрого родилось два сына. Одного, первенца, в честь отца величать стали, а второго сынишку, богатыря с самых дней первых, прозвали Пантелеем.

— Пантелей Сильный — не об нем ты мне толкуешь, Тибор?

— О нем самом, о Сильном, да. Царем он стал, хоть был второй, но не потому, что Ярополк Темный прожил недолго.

* Средневековая книга, где описываются магические процедуры и заклинания для вызова духов или колдовства.

— Дай догадаюсь: видеть тот не мог? — Елисей перевернулся на мраморе и впился глазами в двоюродного брата. — Слепой он был, раз Темный.

— Слепой он стал потом, не сразу. А престол не занял оттого, что в столице его два десятка лет никто не видел. Как уехал мальчиком в Сварогов дом, так и просидел там все детство, отрочество и юность. Князья и решили: коли не видел юный Ярополк столичной жизни, не посвящался в отцовы дела, то и негоже ему, пусть и первенцу, на трон всходить. А потемнел он после — уж не знаю, должно, от обиды.

Шлепки участились, стоны слились в истошный вой, а князь зарычал, как дикий лев.

— От греха! — прохрипел Тихомир и отшвырнул девицу на землю. После взял льняную салфетку и обтер чресла, делая это так, будто больше в Саду никого не было. Царевич вздохнул с облегчением: наконец-то в его дворе стало тихо.

— У них были разные матери, — послышался издалека четвертый голос. Финист снял шапку и поклонился. — Мать Пантелея сначала охомутала царя, потом внушила ему, что старший сын его — бастард и что мальчику будет лучше жить в темнице, пока он не искупит грехов собственной маменьки. Дальнейший порядок было осуществить несложно: выживший из ума наследник, который видел белый свет два раза на своем веку, ослеп, выйдя на солнце. Кому такой нужен?

Руки девушек, ласкавшие мужчин, остановились. Елисей кашлянул и взглядом потребовал вернуть мягкие ладони на свой живот.

— Если бы я знал, кого предпочтет Гвидон, с радостью бы доставил такое удовольствие братцу и заточил

его! — Кажется, шутка царевича рассмешила только его самого.

— Финя, ты это... возьми красотку, попользуй тоже! А то ходишь напряженный да неприкаянный.

Голый Тихомир потянулся, выставляя напоказ все, чем наградила его природа.

— Это очень щедро, Тиша, с твоей стороны. Но не за тем я прибежал. Слышу: шум да крики — я и прискакал убедиться, что все живы.

— Не хитри, хлопчик! — Елисей прикрыл один глаз, а вторым уперся в своего десницу. — Ты у нас мастак подглядывать. Ну скажи, что я не прав, сокол, а? Изда-лека сечешь?

Стеснительная улыбка засияла на лице Финиста. Потупив взор, он ответил:

— Приглядываю, ваше высочество. Как умею.

— Тебе же беленькие нравятся? — обратился Тихомир к Елисею, кивнув на копну пшеничных волос, опадавшую сейчас вместе с девой меж ногами царевича. — Так и возьми в жены Прелесту. Она и хороша, и умна, и из кряжминских, как и мы все. Даже мальчишка твой и тот оттуда.

— Хороша, спору нет. Она у меня здесь бывала. — Глаза Елисея иногда закрывались от неги и того, что вытворяли умелые губы служанки. — Во всем ты прав, Калевич, да вот не мое то право — выбирать. Салтан же объявил, что будущая царица им уже отмечена, так что меня слушать никто не станет. — Из его губ вырвался сладостный стон, и он стал гладить белые кудри. — У вас зелья нет?

К старшему брату Калевичу подлетел опричник, после чего Тихомир рапортовал:

— Считаю, что есть. Принесут пузырек ввечеру.

Служивый заметил жест Ратибора и высвободил из завалов княжеской одежды мошну, полную монет. После подошел к хозяину, выслушал шепот и глубоко поклонился. Внимательный Финист пытался понять: опричник Ратибора кроткий или вовсе немой? Но мысли его прервались просьбой Елисея:

— И ты тоже ступай, сокол. С запасом только возьми! Фёдор, покажи ему, сколько надобно.

После калитки княжеский приспешник обернулся к Финисту и смерил его взглядом.

— В четыре у калачника будь, — отрезал он и исчез. «Не немой. Да и не кроткий», — решил Финист.

Сложенные за спиной крылья мерно покачивались в такт неторопливой ходьбе. Тропинка вилась меж сосен и берез, лаская песками черевички Гамаюн при каждом шаге. Наконец покрытие стало тверже, поросло травками, а между крон проступили очертания вечного спора двух холмов. Девушка-птица могла бы и пролететь этот путь, но здешние места казались ей невероятно красивыми, и было бы обидно смотреть на них свысока.

Холмы уже сотни лет наползали друг на друга, скапывая камни по пологим склонам, пытаясь обозначить ими свои владения, но всё не могли решить, где начинается территория Восточного склона, а где — Западного. Тропинке же была невдомек эта ругань: ее светлая полоска перепрыгивала через все преграды враждующих братьев-близнецов и бежала себе дальше. Гамаюн вскарабкалась на возвышенность — и ее взору открылась захватывающая картина: там, внизу, простиралась долина, полная разнотравья. Здесь она обыкновенно ускоряла поступь, чтобы быстрее умыться ласковой водой

из озорного ручья, узкого, но голосистого. Но прежде чем коснуться прозрачной глади, дева-птица собирала цветы и плела венки, то из васильков, то из золотарника, и украшала им себя. В этот день она точно знала, что нарвет ромашек, ведь старец Армаун, к которому она навевывалась посоветоваться насчет пропавшей Сирин, нашел правильные слова и уверил Гамаюн, что ее подруге ничего не угрожает и если она дева достойная и послушная, то ее скоро отпустят.

Самый длинный стебелек становился первым, тем, вокруг которого ловкие пальцы закручивали остальные. Гамаюн прикладывала цветки, расправляла листья. После третьего звена плетенка, как всегда, заупрямилась и попыталась развалиться. Гамаюн пресекла попытку побега одного из стебельков и тотчас хрустнула им, чтобы остальным неповадно было. Она все не могла запомнить песню, под которую буянские девушки обычно плели свои венки, а ведь хором они задавали ритм, который помогал им в создании цветочного кокошника. Повертев ромашки, дева-птица справилась с их нежеланием пособничать ей и завершила свой ободок. Она было двинулась в сторону ручья, но заметила яркую кляксу у самой земли. На нее стыдливо глядела одинокая ветреница. Лиловый цветок с черным глазком больше не был одинешеньким: теперь его окружали белоснежные ромашки.

Руки коснулись подвижной глади ручейка — вода, как и прежде, прохладна и свежа. Такой умыться — редкое удовольствие. Гамаюн задержала дыхание и плеснула себе в лицо, затем снова и снова. Бурлящий поток притих, будто чего-то испугавшись. В проступающей тишине девушке послышался шорох.

«Дикий зверь?» — пришло ей в голову.

Резко развернувшись, она упала, и, прежде чем больно ударилась спиной о камни, перед ней мелькнули три уродливые рожи. Быстро вскочить не получилось, и незнакомцы успели подойти вплотную. Гамаюн вся сжалась и, сипя от ужаса, только и смогла произнести:

— С-с-судари... — И гулкий удар прервал ее мучения.

Ветреница крутилась на белой подушке ромашек, подгоняемая бурным течением ручья. Она выглядывала своим черным зрачком из-за полей лепестков, чтобы через стремительные колосья запомнить красоту этого луга, простирающегося между южным мысом и столицей Буянского царства.

— Разрази их гром!

По анфиладам сводов прокатился грозный голос Перуна. Остальные буянские боги, созданные Владыкой Правы, стояли, склонив головы.

— Поперек середиша* они мне уже, эти люди со своими усобицами! Тьфу ты! — Даже плевков громовержца искрился и норовил прожечь древесину паркета. — Ладно норды друг друга режут без разбора, амитийцы травят да расчлняют, а греки спаивают и насилуют до мозолей! В империи того хуже. И если бы мы только знали, что там происходит на самом деле, то у самой черствой сволочи волосы на макушке бы встали дыбом. Но наши!.. Дажьбог! Где этого лодыря носит!

В палату собраний богов влетел запыхавшийся Тарх. Да, отец предпочитал то самое, нелюбимое им имя. Перун был единственным, кому глава Совета мудрости и правды позволял такое обращение.

* Душа, сердце.

— Ты где шатаешься? Убийство за убийством, а ты гуляешь, что Велесова скотина на вольном выпасе!

— Он не убит, отец. Но ранен сильно.

— Ты мне еще перечить будешь, сморкач! — Громовержец подкрепил аргумент ударом кулака по столу. — Вот именно, что сильно! Какого ляда такое вообще может твориться в царстве, за которым присматривает мой сын? Ты же только и успеваешь, что докладывать о том, что счет разбойников малым стал?

Внутри у Тарха бурлили ответные слова, что он волен только выносить наказания за содеянное, но никак не ужесточать правила — это входит в обязанности Совета поклонения и Трояна лично, — однако не стал. Лишь оглянулся на остальных да свесил голову, приняв покаянный вид. Спорить или защищаться, когда отец в таком состоянии, было бы крайне неразумно.

Молчание, кажется, заставило Перуна расшаркать еще сильнее. Страшный гортанный рык вырвался из его чрева, прорвав границы Прави. Стада и пастухи на окрестных лугах с тревогой посмотрели в небо: в чистой лазури ни облачка, а грохочет, что при урагане.

Рука громовержца резко поднялась в требующем жесте. В следующее мгновение он уже держал массивный кубок, принесенный слугами, а еще через миг этот кубок наполнился турмалиновым вином. Все вокруг замерло в ожидании: сумеет ли напиток хоть немного остудить пламень недовольства Перуна? Отхлебнув с половину, он размашисто вытер рукавом влажный рот и потрескивающим, что политые угли, голосом молвил:

— Мы им талдычим, научаем, что убивать нельзя, ужасно, стыдно, но все без толку. Ладно бы доносчика иноземного на дыбе под пытками или кулака-сквалыгу

при грабеже каком. Но нет же! Правителя княжества!
На закате! Это ж как можно?

Несмотря на извечную и непоколебимую уверенность в своей правоте, Перун ценил добротную беседу. И если суть спора пыталась ему изменить, то он прибегал к силе крика. Не многие знали, как правильно ему подыгрывать. Однако его матери в чуткости и внимательности отказать было сложно.

— Правителя... какого княжества? — ровным голосом спросила Лада. Она мягко дотронулась до супруга, могло показаться — ища поддержки, но истинным смыслом этого движения была молчаливая просьба подвинуться, чтобы она могла лучше видеть сына.

Вино ненадолго отвлекло Перуна: Он выставил указательный палец, тем самым давая понять, что, как только вредный пламень внутри него угаснет, он соблаговолит предоставить исчерпывающий ответ. Однако делать этого не пришлось. Сварог только на первый взгляд подчинился Ладиной руке, но, отойдя, тут же развернулся и встал между женой и сыном. После уперся взглядом в Ладу и произнес:

— Новоградского.

Богиня семьи и верности опустила взор и еле заметно кивнула. За спиной Сварога слышались добрые глотки всепобеждающего хмеля, льющегося через глотку прямо в пищевод Перуна. Ниоткуда взявшееся и повисшее в воздухе напряжение оторвало Макошь от фолианта с образцами амитийских тканей. Несмотря на сосредоточенность на блеске тутового плетения, жена громовержца не упускала нити обсуждения:

— Тарх, сердяженька моя, уже известно, кто посмел? Выяснить хотя бы начали?

— Да, непременно. Уже кое-что известно. На него напали кромешники. В Совет поступила депеша... — фраза оборвалась и повисла. Вместе с ее неудавшимся окончанием в аршине от пола болтались ноги Тарха, прижимаемого отцом к темным бревнам. Перун брызгал слюной, из ноздрей его вырывался жар, и повисшему казалось, что его уложили напрямиком на наковальню, по которой бьет молот.

— Ты... да как ты... такое мог допустить?!..

— Уведомление поступило стороной, в обход меня, напрямую кромешникам. Я узнал лишь после, получив подневный доклад.

Тарх выпал из рук отца. Тот гневно обернулся на богов, испепеляя их жестким взглядом. Почти все съежились, но только не Сварог. Не отводя глаз от супруги, он спокойно произнес:

— Это я велел. Был грех. Он искупил его. Кровью.

Лада бросила ответный взгляд на мужа. Было видно, как она борется с растерянностью и охватившими ее чувствами. Не в силах остановить поглощающий ее поток, Лада беззвучно всхлипнула и выбежала из палат для сборищ.

Макошь проводила ее взглядом до самых дверей и устало изрекла:

— Вопрос исчерпан. Грех так грех. Велимир из Сварогова стана, а посему его решение наветом быть не может.

Макошь хлопнула в ладоши — и изо всех углов, из-за деревянных ширм, обтянутых гобеленами, повывлезали слуги. Они молниеносно устали стол напитками и закусками и утекли обратно в свои щели. Лицо богини судьбы исказила довольная ухмылка:

— Угощайтесь. Все свежайшее.

Перун, уперев кулак в подоконник, глядел в окно. Сплав досады и разочарования отцом поселился в его тяжелом взгляде. Делать было нечего: право распоряжаться мздой за нарушение Главного закона было у всех Верховных. Его внутренний спор прервал голос Тарха:

— Мои люди узнали кое-что новое о смерти того грека. Мы задержали...

— Вы задержали даже выяснение обстоятельств! — Он посмотрел на сына и решил, что гневаться нет уже никаких сил. — Кого задержали? Виновника?

— Виновницу. Мы проверяем. Она не сознается, завтра допросим с новой прытью.

Перун утвердительно кивнул. Новые проблемы с Элладой и Олимпом точно были лишней заботой.

Тарх помолчал и продолжил тихим, вкрадчивым голосом:

— И еще вот что. Приверженцев Стрибога становится все больше...

— Не хочу об этом слышать. Это чушь.

— Я бы не стал беречь твои чувства упоминанием о нелюбимом брате, если бы наше бездействие не играло против нас. Прежний порядок в Яви под угрозой, а мы...

— Не желаю. Об этом. Слышать.

Столичный буянский порт тонул в тишине. В полуденный час суеты в нем не встретишь. На суше, вдоль пирсов, растянулись походные столы, за которыми гребцы вяло, без азарта, переставляли таврели*. Гладь

* Старинная интеллектуальная игра, напоминающая шахматы.

реки покорно томилась, невысокие волны лишь изредка касались корабельных бортов, и мачты нехотя переkreшивались под их баюкающий шепот. Даже чайки и те не нарушали спокойствия, молча разгуливая по пирсам да всматриваясь вдаль.

Княжна Ладимила, стремительной поступью приближающаяся к пристани, была будто из совсем другого мира, не из этого сонного царства. Не увидев никого, кроме корабельщиков, она направилась прямо к ним.

— Судари! Здрaвы будьте! Я хотела бы уплыть как можно скорее.

Фигура ратника зависла над расчерченной квадратами таврельной доской, а в Милу впились с два десятка мутных глаз. Не найдя в княжне ничего грозного или вызывающего, корабельники вернулись к созерцанию не слишком напряженной игры. Один из них только повернулся к рыболовной шхуне и крикнул:

— Эй, рыбаки! Жаловались, что у вас улов небогатый? Тут вон рыбка сама в сети плывет!

По пирсам прокатился гнилой смешок. Умерив частое дыхание, Мила сбросила с плеча наволочку-котомку и предприняла очередную попытку:

— Любезные судари, я согласна на любой корабль, на любую ладью, только бы выдвинуться прямо сейчас, без всякого промедления.

В ответ корабельщики молчали и прятали лица, но потряхивающие тела не могли скрыть захватившего их хохота.

— Милейшая! — послышалось откуда-то сбоку. Вслед за звуком появился человек в богатом кафтане. На ходу он сражался с непослушным усом, норовящим выгнуться вертикально вверх. — Не плаваем мы в такое время. Видите — штиль. Сварожьи дети отдыхают, а без них

мы куда? Да и потом — спешка в море до добра не доводит, она, как известно, только при ловле блох...

— Но мне нужно срочно оказаться в Новом граде!

Капитан цокнул языком, и его глазные яблоки на долю секунды закатились за веки. Матросы вокруг будто бы ожили. Между ними проступил шепот и смешки.

— Еще и далече так... Что же, вы должны знать, что это может встать в кругленькую сумму. Весла, гребцы... И потом, повторяю: поспешание здесь ни к чему. — Ус наконец сдался и лег куда положено. — Вечером в Новый град, насколько я могу знать, отходит корабль. Уже назначено.

— Если все упирается в золото, то могу вас заверить, что это не станет препятствием.

Капитан наклонил голову и жестом дал понять, что Мила может продолжать. Она торопливо облизала губы и произнесла:

— Я могу заплатить столько, сколько скажете. Я...

Мила вдруг запнулась, сообразив, что в жизни своей ни копейки в руках не держала. На воскресных базарах за нее всегда расплачивалась Добродея или отцовские соратники, а здесь, в Буян-граде, у нее и случая не выдавалось поглядеть на гривны. И, конечно же, с собой у нее не было ни гроша. Она поправила выбившуюся прядь и уверенно промолвила:

— ...готова заплатить по прибытии любую сумму.

Казалось, что пояс на капитанском кафтане вот-вот лопнет от хохотливой тряски. Матросы повставали и уже не прятали свои смеющиеся лица. Они переглядывались между собой, а иногда пронзали Милу острыми лучами своих очей-прицелов. К смешкам примешивались тихие пересуды, разобрать которые было сложно, до ушей княжны долетали лишь отрывки: «С нее другого толка

плату брать надобно», «Посмотри, какая себе придумщица», «А я б ее покатал по волнам...» Чуть придя в себя, капитан, словно дирижер, взмахнул руками и приказал своим людям притихнуть. После откашлялся в сторону и изрек:

— Сударыня, не обессудьте, но мы принимаем мзду до того, как поднять якорь... Тем паче в таких обстоятельствах, когда мы совершенно не знаем, кого и зачем возем. У нас стоит готовый корабль, и достопочтенный человек оплатил его загодя. Плыть, правда, надобно ему на юг, но он оставил в залог заморские драгоценности.

«Драгоценности! — пронеслось в Милиной голове. — Конечно, есть же заколка! Наверняка она впечатлит рачительного капитана и этих гадких матросов. А как доплывем, спрошу с отцовского казначея необходимую сумму. Стало быть, отец может и не увидеть меня в подарках от царевича — не стану же я первым делом вызволять железяку с камнями!» Решение было принято. Она проворно достала заколку из бархатного мешочка и протянула капитану:

— В знак поруки могу предложить вот это. Поглядите, сударь.

Свора корабельщиков вмиг затихла и стала подбираться ближе к капитану, сжимая живое кольцо вокруг блеска аквамаринов и диамантов.

— Мила! — услышала княжна знакомый голос.

Со всех ног, распугивая сонных чаек, вдоль берега бежала Алконост.

— Мила! — Она пыталась отдышаться и что-то сказать, но лишь спустя минуту смогла продолжить свою тревожную речь: — Пойдем скорей со мною! Горе приключилось. Подруга наша Гамаюн... в беде. В бреду. Ты мне нужна. Пойдем!

Мила, главное желание которой должно было вот-вот исполниться, грустно вздохнула и кивнула в знак согласия:

— Сейчас, Алконост, я только...

Она обернулась, взглянула на то место, где только что корабельщики разглядывали драгоценность, и ахнула. Никого не было. За столами снова играли в таврели, а богато одетого капитана и след простыл. Вместе с ее заколкой, Елисеевым подарком. Она развела руками, но, не в силах подобрать слова, шепнула сама себе: «Гамаюн в беде. Я нужна!» — схватила свою котомку и побежала вслед за белокурой девой-птицей.

Обыкновенно черные, как деготь, перья подернулись пылью. Синее платье было жестоко разодрано на спине, и ткань провисала, обнажая гладкую кожу со следами ссадин. Гамаюн неподвижно сидела на синем камне под большим дубом, плотно сцепив руки в замок и глядя прямо перед собой пустым, отрешенным взглядом. Ее глаза, обычно похожие на искристый янтарь, сейчас напоминали два колодца. Чтобы не пропустить ни одного слова Гамаюн, княжна и Алконост сели рядом на извилистые шершавые корни — так близко, что было слышно ее неровное, тяжелое дыхание.

Ладимила не хотела торопить подругу, но тревога за отца подгоняла ее.

— Кто посмел с тобой это сделать? — после продолжительного молчания спросила она.

Не глядя на княжну, Гамаюн начала говорить охриплым, безжизненным голосом:

— Они всё знают. Сказали мне, что всем расскажут. Опять боги ко мне немилостивы. Всю свою жизнь я

жила в страхе. Боялась сделать лишний шаг, сказать неосторожное слово. Знала, что надо следить за собой каждую секунду. Потому что никто и никогда не должен узнать правды. Так было, пока у меня не появились вы. С вами я впервые стала забывать о своей тревоге. Осмелилась подумать, что смогу исцелиться от старых шрамов. И ошиблась.

Гамаюн посмотрела в сторону южного мыса, закрыла глаза и стала легонько раскачиваться взад-вперед.

— Все кончено. Они расскажут — и жизни мне нигде не будет.

Алконост и княжна обеспокоенно переглянулись.

— Позволь спросить, — полупшепотом сказала Мила. — Кто такие «они»?

Гамаюн медленно и тяжело вдохнула, открыла глаза и продолжила:

— Наемники из Вавилона. Требуют стать предателем, угрожают, что о моей тайне станет всем известно. Хотят, чтобы я передавала им все, что знаю. О Салтане, о дворе, о том, что происходит здесь, в Буяне. — Она перевела взгляд на подруг и покачала головой. — Но я не стану этого делать. Я все решила. Не могу больше бояться. Ходить оглядываясь, как будто сделала что-то, за что обязана понести наказание. Не буду. Пусть расскажут, раз так суждено. А я... Я пойду на утес да сброшусь в волны, чтобы больше не мучиться.

Ладимила резко встала и сделала шаг к Гамаюн. Если бы они были в Новом граде, она бы немедленно отдала приказ найти этих негодяев. И когда бы их поймали, им не помогли бы никакие мольбы о прощении. Она потеряла виски, пытаясь привести в порядок всколыхнувшиеся мысли. Если бы можно было разорваться и оставить одну Милу утешать подругу, а вторую быстрее

отправить к отцу... Княжна нерешительно протянула руку к Гамаюн и, когда та не отстранилась, мягко накрыла ее сцепленные руки своей ладонью.

Гамаюн повернула голову и посмотрела ей в глаза.

— Перед тем как проститься, я хочу рассказать вам свою правду. Я не прошу ее принять, только выслушать. Мне невыносимо, что врагам известно то, что скрыто от друзей. Бояться уже поздно. Раньше мне хотелось думать, что хоть кто-то сможет понять меня. А сейчас... Я не могу этого желать. Особенно вам. Да и никакому живому существу не могу желать понять и ощутить то, что пришлось мне... — Голос Гамаюн надорвался и затих. Она отвернулась. Сделав еще несколько глубоких вдохов и еще плотнее сцепив на коленях руки, она продолжила:

— Это было десять лет назад. Но для меня — как будто вчера. Я слышу, как открывается дверь. Подошвы нежнейшей телячьей кожи еле задевают, почти лаская, плиты пористого камня на полу. Я знаю, что будет дальше. Он пройдет по коридору, заглянет во внутренний двор. Тень от колонны расколется его искореженное злостью лицо на две части. Тень проявляет эту злость, не видную на сжигающем все вокруг солнце. Оно ослепляет, заливая своим блеском все поверхности, делая их гладкими и безучастными. А тень все проявляет. Она открывает истину, и истина эта страшна.

Мила внимала речам подруги с приоткрытым ртом, а Алконост — схватившись за голову.

— Так же неслышно тапочки проследуют по ступеням наверх. Я начинаю считать. Прятаться где-то, кроме моей комнаты, не имеет смысла — это разозлит его еще больше. Как и возражения матери. Прислуга, зная, что сейчас будет, растворяется. В эти мгновения кажется, что все вокруг замирает.

Под старым дубом все тоже будто бы замерло. Подруги слушали Гамаюн жадно, забывая дышать.

— Интересно, как это выглядит со стороны? Хотя я точно могу сказать как. Маленькая я сижу на полу, скрестив крепкие, худые икры. Перед входом в спальню, а вместе с тем — комнату пыток склоняется большая ветвь олеандра. Я слишком мала для того, чтобы цеплять ее макушкой, поэтому иногда, проходя под ней, подпрыгиваю, чтобы дотянуться рукой. Отец выше. Каждый раз он задевает глянцевые листья чалмой. И этого шороха, еле слышного, как шепот ветра в траве, хватает, чтобы у меня внутри все стало каменным и тяжелым. Отец на мгновение застывает в дверном проеме — чернильный силуэт великана, освещаемый сзади светом со двора. Я точно знаю дальнейший порядок движений. Сначала нервно сместятся колючие черные зрачки, когда он посмотрит в мою сторону. За ними потянется подбородок, и теперь, если захотеть, лицо уже можно разглядеть наполовину. Неотвратимое движение продолжит массивный корпус. И вот нога в кожаной тапочке неминуемо, неторопливо согнется в колене, делая первый шаг в мою сторону.

От услышанного Мила вся подобралась, будто бы ее тоже ждала участь бедняжки. Она обняла себя за плечи и поджала губы. Гамаюн же продолжала:

— Да, я сижу на полу, скрестив ноги. Каждый раз я стараюсь смотреть в одну точку перед собой, но силуэт меня завораживает. Я не могу оторваться. В нем столько грации, столько силы! Пожалуй, единственное, что я помню из детства, — этот идеальный треугольник широких плеч и узких бедер, мощь которого позволяет перемещаться почти неслышно, лаская плиты шершавого камня кожей своих подошв.

Темнокрылая дева-птица сглотнула подступающий к горлу комок, глубоко вздохнула и возобновила рассказ:

— Дальше бывало по-разному. Пожалуй, отец был милостив и старался не повторяться: исправно чередовал спину, ноги и ягодицы. Иногда разворачивал меня на спину, не жалея волос, за которые так удобно поднимать обессиленного ребенка, и наслаждался ударами по груди и бедрам. Никогда не трогал лицо. Оставил за все время несколько синяков на шее, когда я недостаточно покорно отвечала, что я его люблю и с благодарностью принимаю все его дары. Потом гладил обратной стороной плети по ссадинам и приговаривал, какая же я никчемная маленькая уродина, раз осмелилась противиться воле самого визиря Амитийского царства. После так же беззвучно уходил, и каждое прикосновение подошв к плитам камня отдавалось жжением в красных линиях, оставленных на моем маленьком теле. Ветвь свидетеля-олеандра переставала шуметь, я медленно считала до восьми, на секунду задерживала дыхание и после, когда ветер обжигал свежие раны, начинала всхлипывать и тихо-тихо плакать.

Алконост закрыла лицо руками — ее била беззвучная дрожь. Мила безотрывно смотрела на Гамаюн — в ее глазах читался ужас, смешанный с невозможностью поверить в то, что этот кошмар наяву мог быть правдой.

— До двенадцати лет даже слуги посмеивались надо мной, до того несуразной я была, — продолжила Гамаюн. — Но я не придавала этому никакого значения. Думаю, я ощущала себя счастливицей. Дочерью, души не чаявшей в своем отце. Той, что смотрела на него, открыв рот, мечтала быть рядом каждую минуту. Считала дни, месяцы, годы в слепой надежде поскорее избавиться от своих несовершенств, стать такой, как

мать, а следовательно, заслужить его внимание и любовь. Но получала одни удары плетью.

Мила и Алконост переглянулись. Обоим было не по себе.

— Мой отец был искусным дипломатом, человеком огромной души, весельчаком, радушным хозяином, его приемы не мог затмить никто в Вавилоне. Мы жили в роскоши, все обожали визиря, уважали за острый ум и завидовали его добродетелям. Но никто не знал, каким он бывал за закрытыми дверьми собственного дома, когда из свидетелей оставались только купленные слуги, жена, проданная ему за отару овец, и я. Дочь, с которой можно было делать все. Я чувствовала на себе все его неудачи, каждый неверный шаг по службе, могла вычислить, в какой день правитель был с ним неучтив и когда казна пустела из-за безрассудности очередной подстилки царя. За все это я получала удары плетью.

Гамаюн на мгновение застыла. Мила тут же воспользовалась ее молчанием и проговорила:

— Сколько же тебе досталось, моя бедная девочка!

Амитийка посмотрела на княжну с благодарностью.

— Помню, как я гуляла в нашем саду и услышала залиvistый смех. Мне было строжайше запрещено покидать территорию, поэтому единственным способом посмотреть, кто смеется за оградой, было залезть на толстый ствол граната, заменявший мне смотровой форт. От изумления я чуть не упала с дерева: звук издавала девочка немногим старше меня, которую щекотал мой отец.

Алконост мотала головой и кусала губы. Было видно, как ее переполняет волнение. Гамаюн же все говорила:

— В то самое мгновение я не испытала ничего, кроме зияющей пустоты внутри. Пожалуй, этот удар был

больнее остальных, тех, что я регулярно получала плетью. Еще не раз я видела, как визирь Южного царства учтиво общается с девочками, моими ровесницами и теми, кто был немного старше, и смотрит так нежно, как никогда не смотрел на меня. Уже тогда я понимала, что не имею права выказать свою ревность, потому что, будь я излишне эмоциональной, мне пришлось бы заплатить за это. В вечерней молитве нашим богам я плакала и молила только об одном: чтобы мой отец был со мной так же весел, как с ними, этими девочками. Чтобы он играл со мной, смотрел не с ненавистью и презрением, а с интересом и любовью. И в один из вечеров пришло озарение: если бы у отца была дочь-красавица, он был бы самым счастливым человеком на свете. И этой красавицей должна стать я.

В глазах ее подруг застыл вопрос. Будто чувствуя безмолвное «как?», она громче прежнего сказала:

— Я отправилась к матери. Как же сложно было уговорить ее отвести меня к колдунье, одна лишь мысль о ворожбе нагоняла на нее страх. Но я знала, что ее боязнь за меня сильнее. Я долго молила ее об этом, и наконец ее сердце поддалось моим слезам. Мать обняла меня и сказала, что я умница, ведь стань я красавицей — отец, вероятно, перестал бы поднимать на меня руку. Колдунья взяла плату и предупредила, что обратно превратить меня не сможет никто. Преображение случилось мгновенно. Помню этот момент: я поднимаюсь на ноги и чувствую себя кем-то совершенно другим. Ведунья подняла к моим глазам зеркало, и я ахнула: в отражении вместо дурнушки была прелестница. Даже и не сразу поняла, что за спиной сложены крылья. Да они меня и мало интересовали: главное, что я теперь хороша собой и отец будет меня любить.

На лице Гамаюн появилась мечтательная улыбка, которая через мгновение сменилась тяжестью воспоминаний.

— Все случилось совсем иначе. Увидев меня, он спросил о том, откуда в доме новая служанка, да еще и птица. Мама подошла к нему очень близко, положила руку на плечо и обо всем рассказала. Такой ярости я не видела никогда. Я упала на колени и начала шептать все молитвы вперемешку. Казалось, что Вавилон настигло землетрясение. Отец сходил за плетью и, пунцовый, как спелый гранат, приготовился бить меня, как никогда прежде. Моя бедная мать загородила меня собой, умоляя о пощаде. Ее звонкий голос распугал всех слуг — они разбежались по дальним комнатам. Визирь амитийского царя возвышался над двумя женщинами и дышал, как разъяренный буйвол. «Зачем ты это сделала?» — обращаясь то ли ко мне, то ли к матери, прохрипел он. Впрочем, ответа он ждать не стал, удары плети посыпались на нас обеих. Закрываясь руками, я рассказала, как мечтала о его любви и как мне казалось, что он будет ко мне более благосклонным, если я стану хорошенькой, ведь я видела, как он весел и учтив с другими красавицами. Это разъярило его еще больше, и удары он стал чередовать с ругательствами. То, что было дальше, я помню очень смутно. Кажется, мать схватила кортик и вонзила в грудь отца. Он упал на пол с глухим стоном, а она осела на пол с вытянутыми руками. После посмотрела на меня своими большими глазами и сказала: «Беги!» Так я оказалась здесь, в Буян-граде. — Гамаюн перевела взгляд на девушек и проговорила: — Теперь и вы знаете, как самое простое желание может уничтожить целую жизнь. Я грешна только оттого, что слишком много хотела, и должна за это поплатиться.

Она медленно поднялась с камня, на котором сидела, и уверенно расправила плечи.

Мила резко встала вслед за ней.

— Поплатиться должны они — наемники, посмевающие тронуть тебя. И они понесут наказание. Не знаю как, но мы этого так не оставим. А ты... — Княжна подошла к Гамаюн еще ближе, почти вплотную, и стала говорить тихо-тихо: — Ты самая сильная из всех, кого я знаю. Сильнее любого воина Пятимира. И сила твоя — в добrote, она живет в твоём сердце. И мне будет очень не хватать тебя, если ты действительно решишь свести счеты с жизнью.

Северная княжна на мгновение перенеслась в свой первый вечер в Бьяне, в тот темный час, когда она оказалась в западне посреди тупикового проулка. Ей померещились те же пьяные голоса и смуглые пропитые рожи, что окружили ее на подходе к крепости. В ней проснулось незнакомое доселе чувство: получалось, что наемники не гнушались нападать на беззащитных девушек и брать у них все, чего им хотелось, а после запугивать до смерти, до желания свести счеты с жизнью. Она сбросила морок воспоминания, дав себе обещание вернуться к нему позже.

Гамаюн больше не смогла держаться. Она крепко прижалась к княжне и зарыдала. Это был плач такой силы, от какого может стать не по себе даже самому жестокому человеку. Наверное, если бы его услышал покойный визирь Амитийского царства, даже он захотел бы ее утешить.

Ладимила переглянулась с Алконост и подала ей знак. Та тонко-тонко запела одну из своих печальных мелодий, которые помогают забыть обо всем на свете. Княжна аккуратно посадила Гамаюн обратно на синий камень, мягко погладила ее по волосам и убежала в сторону порта.

Крупная вывеска в виде румяного кренделя висела прямо над входом в лавку. Не заметить ее было сложно: даже если не поднимешь головы, то широкая тень необычной формы настигнет твой взор на мостовой, да и аромат свежего хлеба, расплзающийся от двери на углу, лишит воображение работы. Финист, как всегда, был вовремя. Посмотрел снизу вверх на бутафорскую сдобу, будто у него оставались сомнения о месте встречи, и решительно толкнул дверь.

Хлеб в столице Буянского царства продавали почти в каждом квартале, но именно эту лавку полюбили знатные обитатели дворца, хотя располагалась она неблизко, в получасе ходьбы от крепости. Местные, слободские, обходили ее стороной. «Дорого. Вычурно. Ну и пекарь какой-то странный». Зато вереницей тянулись слуги высоких чинов, да и сами вельможи не чурались пойти к «калачнику» — именно так называли это место в Салтановом дворце, видно, окрестив его так по лихой завитушке на фасаде дома.

За длинной стойкой, заставленной корзинами с ароматной сдобой, суетился хозяин-пекарь: он не давал покоя пирожкам, мял их в доказательство их небывалой мягкости.

— Сударыня, све-жай-ши-е! Свежайшие! — Его перст был настолько настойчив, что уже продавил начинку — и сочное варенье брызнуло на замызганный фартук.

— Оставь ты его в покое! Говорю же, не будет моя царевна твоим повидлом давиться. — Аксиныя оперлась на левую ногу и, подбоченясь, лениво разглядывала полку.

Пекарь обтер пальцы и цыкнул на детей, устроивших сутолоку у самой большой корзины. Из нее выглядывали краешки аппетитных рогаликов, знатно сдобренных амитийской корицей и сахарной пудрой. Усатый сжался и аккуратно изъясил одну слойку, разделил на кусочки и позволил детям расхватать все до последней крошки. Ажиотаж не мог не привлечь внимания страждущей прислужницы. Она перекатилась, как матрешка, нависла над мальцами, застыла и скомандовала:

— Этих заверни! Все, что остались. Да пошевеливайся! Мне еще к Устину, а потом в город тащиться.

Сохраняя недовольно-деловой вид, который считала в таких случаях крайне уместным, Аксинья отвела взгляд и зацепилась им за Финиста.

— Хлопец, что ж не здороваешься!

Она подлетела к Елисееву опричник и одарила его не слишком скромным поцелуем. После посерьезнела и добавила низким голосом:

— Если ты за рогаликами, то их все забираю. Буду откармливать твоему Елисею женушку!

Финист хотел было поправить фамильярную сотрудницу Тайного совета, напомнить, что, в отличие от нее, он ни за кем не приставлен следить, да и о свадьбе младшего Салтанова сына пока говорить рано, но услышал разговор в закрытой тяжелыми шторами части лавки и передумал перечить Аксинье. Лишь поклонился ей и успокоил:

— Все рогалики твои, сударыня. Не претендую.

После переместился к занавеске и наострил уши. За тканью был слышен отчетливый звон монет и спор мужских голосов:

— Это что за балабешки? «Ве-ли-ка-я Кря-жма». И что с ней прикажешь делать, с твоей Кряжмой?

— Такие же гривны, как везде. На зуб попробуй, коль не веришь. Здесь хватит до конца твоей никудышной жизни. А еще и после получишь, так что не ерощься.

— Да здесь ни одна шалава такие не возьмет. Что я, хуже шалавы, хочешь сказать?

Монета брякнулась об пол, и мерзкий тихий звон прокатился по всей лавке. На секунду все присутствующие замерли и обернулись на штору. Калачник спохватился и, все еще не замечая Финиста, побежал открывать дверь, вроде бы для того, чтобы галантно проводить Аксинью, на деле же избавляясь от вечно голодных детей. Голоса за занавесью превратились в шепот:

— Продаешься, гляжу, точно так же, только дороже. Слушай сюда, крохобор, не хочешь денег — не надо, будешь волосы на своей пустой голове рвать. А мы еще придумаем, как тебя боги накажут.

Голоса казались Финисту знакомыми. Один из них, очевидно, принадлежал Фёдору, опричнику Калевичей. А вот второй разгадать никак не получалось. Оба мужчины молчали с минуту, после чего монеты глухо зазвенели — так, словно их складывали в мошну или кошелку.

— Вот и ладно, вот и прекрасно.

«Да, это точно был опричник кряжменских князей», — утвердился в своих догадках Финист.

— Выменяешь на рынке, ничего не случится. А если вдруг нас раскроют, то куда ты денешься? Под крыло Довислова, а куда же еще? Так что пока оставь их в покое. Давай ступай, дома пересчитаешь.

Только Финист успел припасть к прилавку, изображая крайнюю заинтересованность разномастными булками, как ткань отодвинулась, и из-за нее вывалился здоровенный бородач в балахоне цвета застывшей грязи. Присмотрев Елисеева опричника, мужик застыл

на мгновение, как будто весь сжался, после коротко кивнул и, трясая мошной, исчез за дверью. «Знакомый ли? Под башлыком только бороду и видно», — успело проскочить в голове Финиста. Тем временем из-за што-ры господской походкой шагнул Фёдор.

— О, Финя! Я тебя жду-жду, а ты все нейдешь.

— Да я вроде час в час... Это кто был? — Финист махнул рукой в сторону двери.

— Да так, закадыка мой здешний. Деньги принес?

— Говори сколько.

— Тридцать гривенников.

Финист присвистнул и отсчитал золотые. После спохватился и глянул на Фёдора:

— У меня только буянские.

— А мне какие нужны? Кряжменские? На кой ляд они мне тут! Ты мне еще новоградские предложи или обрубки вескинские. Они в гривенный сплав песок добавляют — натурально, кремень сыплют! Потому и монеты все бугристые. — В обмен на деньги в руки Елисееву сподручнику попал бархатный мешочек. В нем приветственно звякнули две невесомые склянки. На прощание Фёдор бросил: — Ты их береги как зеницу ока. И еще: коли захочешь испробовать — не советую. Во-первых, заметят, во-вторых, потом худо будет и остановиться не сможешь.

Сквозняк захлопнул дверь со всей силы, будто изливая на деревянную створку свою отчего-то родившуюся злость. Финист бережно упрятывал склянки в мошну на поясе, как вдруг на него наконец-то обратил внимание хозяин лавки.

— Юноша... или, это, сударь... изволите рогалик? Крендель? Ватрушки испекли махонькие да с кремом творожным.

Финист скользнул взглядом по выпечке, после устался на усы пекаря.

— Так рогалики же закончились?

— Это они для этой, что фертом вечно ходит, закончились. А для вас найдутся. Свежайшие! С миндалем? Корицей? Изюмом? Курагой? Малиной? Ежевикой? Маком...

— С маком, — прервал этот поток Финист. — Давайте с маком. Два.

Зашелестела бумага. Каждый рогалик упаковывался тщательно, будто его планировали отправлять морем.

Пока калачник корпел над идеальными уголками, вымерял траекторию сгибов и заворачивал рогалики так, чтобы не просыпалось ни крошки, Финисту приходилось поддерживать незатейливую светскую беседу:

— Мак — это хороший выбор, правильный. Он скоро редким станет.

— Отчего бы?

— Продавать перестанут. Его же откуда — из Эллады везут? Да из Вавилона. Как границы закроют, вот и не будет ничего. Будем сидеть на своей пшенице да ржи тощей, впроголодь жить будем.

— С чего бы всем закрывать границы?

Финист стал припоминать истории про буйную фантазию калачника:

— Так ясно с чего — договорились. Все между собой. Есть разные силы... они на шабашах собираются и за всех нас все решают.

Пекарь многозначительно обвел свою лавку рукой:

— Вы про богов так нелестно? Смотрите, они мстительные. Не то что за слова, но даже за мысли могут...

— Все ясно, далеки вы от правды. Не боги... — Молчанию придавали выразительности округленные

до размера пятигривенника глаза. — Не боги совсем.
Они.

Финист пожал плечами и опустил взгляд, чтобы спрятать зарождающуюся улыбку.

— Обожрутся всякой дряни и давай трудности на нашу долю сочинять, — уже шепотом добавил калачник. — На них бы управу найти, но как? Я один хлеб пеку, рогалики, крендели. Кто же печь будет, если я пойду с ними договариваться?

Все стало на свои места. Теории заговоров манили сюда дворцовых не меньше запаха восхитительной сдобы.

— Амулеты нóсите?

Финист машинально накрыл рукой грудь, где под рубахой прятался подарок Салтана — Перунов крест.

— Носите, носите. Может, хоть боги в заветный час помогут.

— Поставец был в том углу — ты зачем его переставил?

Ильмера недовольно взглянула на небольшой посудный шкаф, стоящий не на своем месте, и провела пальцем по темной крышке сундука — на поверхности остался заметный след.

— У тебя здесь хоть иногда убирают? Или ты и на это перестал обращать внимание, как только во дворце появилась твоя ненаглядная первая суженая?

— Ильмера...

— Раньше ты меня звал так нежно — своим цветком, левкоем...

«За то, что днем прячешь ото всех свою красоту, а с приходом ночи открываешься прелестницей лишь для меня одного, источая неземной аромат, манящий,

влекущий, зовущий насладиться тобой сполна и забыть обо всех печалях и заботах», — вспомнил свое объяснение Салтан. И бросил супруге:

— Хватит!

Прекрасный цветок сложил свои лепестки, а вместе с ним в Лету канула нежность, захватив с собой полыхавшую поначалу страсть, разговоры до рассвета и все, что принадлежало только им двоим. Пожалуй, ничего хорошего между ними не осталось. Ильмера схватила со стола льняную салфетку и принялась вытирать пыль. Мыслями царица унеслась в первый год после обручения: она быстро понесла, ей помогала повитуха-знахарка, отпаивала настоями да травами. Повитуху потом казнили за ведьмовство. Каким теперь все это казалось далеким! Все забылось, закрылось пеленой бесконечных весен. А сколько было счастья! Ильмера прижала к бархату платья салфетку, которой вытирала дубовую столешницу. Она баюкала, прижимая к груди, беспокойного сына, напевала ему колыбельную да нашептывала нежности. И рядом непрестанно был муж, садился подле нее и гладил ее ноги — красивый, сильный, с короткой густой бородой и драгоценными искрами счастья в очах.

Все поменялось. Салтан одрях, обрюзг, и глаза его совсем потухли. От удалого молодца осталась разве только спесь. Царица досадовала тем сильнее, чем больше находила в муже нерешительности, невесть откуда взявшейся. Она поднесла к лицу салфетку, которую укачивала, забывшись, будто дитяtko Елисея, и тут же отбросила ее на пол. Негу мгновенно сменило презрение.

— Если бы ты хоть иногда появлялся на воззваниях Перуна или ради разнообразия навещал свою законную супругу, то знал бы, что среди Высших только и разговоров, что о тебе.

— Правда?

— Да. О том, как великий Салтан, порешивший Ароса при Косьмице, триумфатор Верховенской битвы, хранитель священного Равень-Криста, повелитель Земель буянских и прочих княжеств славянских, взял и опростоволосился!

Грузное тело царя всколыхнулось, с тяжелым вздохом он опустился за стол.

— Ты за этим приехала? Осыпать меня оскорблениями?

Постучали. Вслед за стуком из-за двери показалась голова опричника, а после послышался его голос:

— Ваше величество, к вам соглядатайка Аксинья.

— Что там стряслось? — Салтан стремительно подскочил, будто и не весил под берковец*. За опричником, еле переставляя ноги, в палату вошла служанка, недавно приставленная к Ладимиле. Пухлыми руками она то хваталась за чепец, то закрывала лицо, издавая при этом глухие стоны.

— Убёгла, убёгла княжна! Обманула, надурила — мол, рогалик в дорогу надобно, а я и купилась. А сама сбежала, что вольная птица!

Салтан развел руками, сомкнул веки и, сделав несколько глубоких вдохов, с трудом сдерживая ярость, промолвил:

— Не найдешь ее — под прутья ляжешь. И в темницу залетишь, бестолочь. Ступай да поторапливайся!

С минуту царская чета полировала взглядами дверные доски. Ильмера глотнула напряженного воздуха и снова принялась за свое:

* Старинная русская мера веса, равная 10 пудам, или 160,3 килограмма.

— Я хочу, чтобы ты одумался. Мы с такими торжествами организовывали смотрины невесты Елисею, наобещали с три короба всем князьям да царям с королями, а теперь выбранная дева, а вместе с ней и ее род станут мишенью для насмешек! Нельзя так со знатными людьми — только настраивать их против себя!

— Твой род, Ильмера, в деньгах купается да никаких бед и границ не знает. Я брату твоему, Довислову Калевичу, хоть слово сказал за всю жизнь?

Разговор не складывался. Сквозняки ненависти пробирали Ильмеру до костей, забирались глубоко под платье и трясли самую ее душу. «Так не пойдет». Царица собрала остатки благоразумия и попыталась перебороть себя, свою гордыню. За годы царствования она научилась хитрости и сейчас чувствовала в ней особую необходимость. Лик ее смягчился, недовольные черты сгладились, а длань мягко опустилась на грудь супруга.

— Не за род свой я переживаю. Но чувствую, что самозванец... — Ильмера поторопилась исправиться, поймав хмурость во взгляде Салтана: — Гвидон... Не доведет он государство до добра. Не только оттого, что отстранен от дел дворцовых, но и потому, что есть в нем что-то пугающее. — Ильмера замолчала, будто набираясь сил. — И Чайна, что как призрак бродит по коридорам да чушь несусветную несет... Ты должен решиться и сделать выбор. Без промедления. Иначе не миновать беды. И чем больше ты будешь затягивать, тем сильнее станешь умы людей трепыхать.

Такая перемена в Ильмере взволновала Салтана. Сердце его сжалось. Давно такой он ее не видел. Всколыхнулись прежние чувства и вспомнилось забытое желание: быть для родного своего левкою опорой, радостью, и не иначе. Жаль, что он видит ее так редко — такую

Ильмеру: без злобы и бремени забот, укрывших собой некогда самое прелестное личико Пятимирия.

— Я соберу на днях князей и посоветуюсь. — Владыка всего Буяна сдался.

— Завтра, — жестко добавила царица.

— Завтра, — безоговорочно согласился Салтан.

С тяжелым сердцем шла княжна обратно в порт. Вела ее не радость — горе. За последние дни на хрупкие Милины плечи навалилось слишком много: страдания подруги Гамаюн, готовой расплатиться жизнью за свой выбор, сделанный ради близости с отцом, нападение на ее собственного батюшку, доживающего, по всей видимости, последние дни... Аксинью, служанку, еще обманула... та, наверное, злится и не может найти себе места от обиды. И заколка, подарок Елисея... От мысли об этой краже княжне стало ужасно досадно. Руки были готовы опуститься, и она подняла взор к небу, надеясь, что хоть кто-то из богов ее услышит и поможет все исправить.

Побережье утихло: чайки сгрудились кучками и грелись друг о друга на пирсе, звуки починки — и те прервались где-то на далеких верфях. О деревянную доску не стучались и фигурки-таврели: игравшие матросы испарились, оставив на камнях в напоминание о себе несколько пустых чарок. Все разбрелись. Княжна, впрочем, уже никуда не торопилась, волоча обе свои ноши — наволочку-котомку со скарбом да камень на сердце, самую тяжелую часть поклажи. А куда спешить? До корабля, который должен был отчалить вечером, была еще целая гора времени, а возможность уплыть раньше улетучилась вместе с пропавшей заколкой.

Мачты качались, перекрещиваясь в воздухе. Берег петлял, и некоторые корабли заслоняли своими величественными бортами деревянных собратьев. Они чуть виляли кормой и подкручивались носом к берегу, словно красовались перед прелестной незнакомкой, соревнуясь за ее внимание. Отведя взгляд от очередного фрегата-хвастуна, Мила увидела шеренгу людей, выстроившихся на пирсе. Подойдя чуть ближе, она сумела распознать в них тех самых матросов, что обсмеяли ее с час назад.

Грязные, в лохмотьях, они составляли две неровные линии, ведущие к самому парадному судну, а выше, у трапа, стояли два человека в богатых кафтанах. Один из них был Миле знаком — давешний похититель закладки. В нерешительности она остановилась у крайних мореходов. В нос ударил едкий запах нестираных нательников, а в голову — страх. «Дойду до вора по пристани — окажусь осрамленной заново. Не могу, не хочу, не буду! Не сумею... и отцу в драгоценностях от царского сына показаться не получится. И пусть! Легко пришло — легко и отобрали». Мила взглянула на ближайшего матроса, а тот неожиданно отвел глаза и опустил подбородок к самой груди. Ей хотелось думать, что взгляд ее выражает суровость и укор, но больше было похоже на жалобу и робкую мольбу о помощи. «Были бы у меня крылья, как у Сирин, Алконост и Гамаюн... взмахнула бы ими и уже подлетала бы к родному краю. А так... что остается? Смиренно ждать вечернего судна? Нет во мне смелости взять на абордаж ладью, захватить корабль, как это делал Гостомысл Хитрый в Общеземельной войне».

Юная княжна ужасно на себя разозлилась: «Да что в тебе вообще есть, Мила? Нытье да жалость к себе?» Княжна расправила плечи и уставилась на моряков. Под

ее взглядом корабельщики заерзали, завертелись да склонили головы, обозначая этим жестом полное смирение. Она чуть было не выдала своего удивления, но, сумев совладать с эмоциями, размеренной поступью вошла на пирс. Перед ней маячили два красных силуэта. Что же, она вступила в таврельную схватку. И если сейчас ее окружали вонючие «ратники», отчего-то замершие и боявшиеся дышать, то у борта корабля ее ожидал бой с фигурами посложнее — «ратоборцами» или даже «князьями». Кто она в этой игре? С каждым шагом уверенность в своих силах оставляла ее, бросалась в окружающие воды, топилась от невыносимого страха. Мила обернулась, чтобы удостовериться, что смрадные моряки снова смеются за ее спиной. Они стояли не шелохнувшись. Рожи их были искорежены напряжением, глазные яблоки метались под веками, а сухие губы шептали что-то невразумительное. Княжна замерла у самого трапа: один из капитанов, тот, что предстал перед ней впервые, вогнал ее душу в пятки своим шагом навстречу. Вор скрылся за широкими плечами сослуживца.

— Сударыня, я... мы... — затянул он, заикаясь. — Мы и предположить не могли, что вы... кто вы! — Капитан степенно откашлялся в сторону. — Давайте на этот раз мы не будем терять времени даром и перейдем сразу к насущному... Вас повезет любой корабль, на какой упадет ваш взор. Команда собрана и полностью готова к отплытию. — Он обвел рукой пирс, обозначая, что обе шеренги мореходов выстроились в Милину честь.

Она недоверчиво осмотрела экипаж и вскинула взор на махину корабля, к которому вел трап.

— Если не возражаете, могу предложить «Грозный Дорг». — Капитан махнул на пришвартованную к пирсу каравеллу. — Лучше и не найти. Михаил!

Скрюченный в подобострастном поклоне похититель драгоценности разогнулся, как ивовый прут, и мигом бросился к княжне, протягивая заколку. Она снова обернулась, подозревая неладное: «Может быть, матросы уже готовы накинуть на нее мешок и сбросить в воду? Нет, они по-прежнему стояли не шевелясь и склонив головы». Мила приняла сокровище и попыталась развязать узел на котомке, но шнур никак не хотел распутываться. «Леший с ним, спрячу после». И она закрепила заколку в копне волос. Из-под широких полей капитан зыркнул на наволочку в руках благородной девы и спросил разрешения разместить поклажу в ее каюте.

Такой перемены Мила ждать не смела. Все выглядело очень странно. Как они успели узнать, что она княжна? И что надумали? Но сейчас это было не важно. Надо торопиться, если все благоволит скорому путешествию. Может быть, за те испытания, что выпали на последние дни, ей положена награда в виде удачи, может, даже отец не так сильно ранен и она застанет его в здравии... Как бы то ни было, стоило думать о хорошем. И уж точно не стесняться принимать эти дары, принесенные вовремя и очень кстати.

— Сударыня, извольте выбирать маршрут! Мы можем довериться Агидели*, тогда ее течение подхватит нас быстрее быстрого и понесет по волнам, как лебединый пух. Мы взяли с полсотни отменных гребцов — они нас вынесут к шумному течению. Да и Стрибог... он же с нами? Точнее, с вами, ну и потому со всей командой.

— Стрибог... с чего вы взяли?

* В славянском пантеоне покровительница рек, внучка Сварога, которая превратилась в реку, названную ее именем.

Локоны Милы неожиданно обласкал ветер, будто кто-то нежно провел рукой по волосам.

— Ваше вятшество, мы надеемся, что дурная выходка нашего нерадивого соратника не обернет против нас богов. Под ними ходим! Не распознал он, кого оскорбить пытался. — Вор-капитан еще сильнее вжал голову в шею. — Но меленка, та, что есть Стрибогов крест, на вашем украшении ясно дала понять, что такие шутки могут стоять, пожалуй что, и никчемной жизни, коль скоро кто-то этого не разумеет!

Северная княжна в изумлении сняла заколку и взглянула на играющие на закатном солнце камни. Крест Стрибога... Милостивые Верховные!

— Посвятим же свою мольбу ему, отцу Стрибогу!

Все члены экипажа склонили головы, а над палубой как будто поднялся рой пчел — то было шуршание не крыльев насекомых, но иссохшейся на морских просторах сотни губ. После все вскинули головы к небесам и хором прогремели:

— С нами Стрибог!

С «Грозного Дорга» прозвучал горн. Это был сигнал для гребцов. Якорь подняли и взвалили на борт в считанные мгновения. Весла дружно ухнули по водной глади — и громада судна отчалила от ставшего таким родным берега острова Буяна.

Сон не шел. Гвидон маялся, переворачиваясь с боку на бок. А как уснуть, когда завтра решится судьба — не только его одного, но и целого Буянского царства?! Ах, если бы все зависело от него!..

Бессонница победила: в горле пересохло и Гвидон поднялся попить. Вода в графине была совершенно

безвкусовой, и царевич никак не мог утолить жажду, глоток за глотком осушая стеклянный сосуд. Возвратившись обратно в постель, он заметил новые письма в прозрачном тубусе над кроватью. Для него эта система оповещений была незнакомой и непривычной, и он даже не догадывался, что все обладатели такой почты становились от нее зависимыми: первым делом по утрам бросались проверять, не сообщили ли чего важного, не вызвали ли их на разговор. На прогулках слуг регулярно посылали поглядеть, нет ли новых конвертов. И каждое такое письмо вызывало тревогу: никогда не знаешь, хорошую ли новость тебе сообщает. Гвидон успел познакомиться с этим ощущением: именно в стеклянной трубе, перед тем как ложиться, он обнаружил послание, предписывающее явиться завтра в полуденный час в зал для тайных заседаний. И с той минуты потерял всякое желание спать, хоть усталость и клонила его в сон.

В почте его ждало приглашение на ужин к каким-то князьям, несколько берестянок с излишне красочным описанием прелестей очередного трактира, кожевни и мастерской ремесленников-краснодеревщиков, судя по картинке — сросшихся близнецов. Под ними томилась записка от Николы Радимича, полная клятв и обещаний. Царевич тяжело вздохнул и угостил бумагами пламя каминной печи. Ярче всех полыхало письмо от князя.

— Ложь, стало быть.

Пить хотелось еще сильнее. От прислужников Гвидон отказался — не видел в них пользы: у него и дел-то никаких пока не было, а терпеть, чтобы кто-то вечно вертелся под ногами, совсем не хотелось. Жидкость из медного крана не могла утолить его жажды, поэтому ничего не оставалось, как отправиться на поиски

источника самостоятельно. Что же, до рассвета времени было полно. Царевич накинул вчерашний камзол, влез в сапоги и отправился в ночь в надежде найти родник. «Хоть бы до алатыря-ключа, что среди дубов бьет, дойти».

Дверь отворил, а за ней — темень. «Странно, — подумал он, — обычно фонари горят до самого рассвета, а тут мрак». И правда, в конце улицы поблескивали керосиновые огоньки. Гвидон сделал несколько неуверенных шагов в их сторону, стараясь не споткнуться, как вдруг увидел перед собой силуэт существа с раскрытыми крыльями и тотчас замер.

— Не пугайтесь, царевич, — прозвучал строгий мужской голос. — Я к вам с добрыми помыслами. Вам нужно кое-что знать.

Гвидон сглотнул слюну, быстро осмотрелся и, поняв, что отступать некуда, произнес:

— Говорите.

Кругом покоилась плотная пелена ночи. Она была бездыханна: ветра стихли, все Стрибожьи дети и слуги, казалось, улетели далеко, туда, куда их призвали, — на север от столицы, чтобы дуть да поддувать в паруса ладьи с любящей дочерью. Тьма лежала не шелохнувшись, обнимая крыши и дома, деревья и площади. И только в краешке шпиля царского дворца уже отражалось солнце, рождая этот трудный и страшный день.

STONE HEDGE

Глава 6

Неизбежность правды

Истертые доски пристани скрипели от всего: от небрежного ветра, от моряцких сапог, даже от черевичек невесомой княжны, вернувшейся в родной край. Причал жил бобылем. Его узкая, длинная полоса в одиночестве резала реку надвое, омываемая беспокойными волнами.

Серость кутала Новый град. С поверхности воды ползла поземка, обтекала прибрежные камни и устремлялась к воротам крепости.

Ее заложили всего три столетия назад, до того здесь горевал одинокий форт, охраняя границу королевства нордов. Но Общеземельная война распорядилась отобрать эти сырые, холодные земли у северян в пользу буянцев. А те занялись укреплением своих новых владений: воздвигли сначала деревянную крепость, а после и каменную. С детства она жила в глазах Милы величественной и неприступной. Горделиво и статно разрезали ее шпили свинец облаков, а прилипшие со всех сторон кособокие мазанки лишь подчеркивали ее мощь. Но теперь, даже издалека, от единственного гнилого новоградского пирса, отчий дом смотрелся сжавшимся и сиротливым.

Мостовая блестела от влаги; швы между камнями проворно заполняла грязь. Кое-какие булыжники хлюпали под ногами, и, шагнув на них, редкий путник попадал в грязевую ловушку, по незнанию своему окатывая себя нечистотами. Тропа расстилалась ровной лентой по пожелтевшему льняному полю. Крестьяне в замаранных рубашках не спеша убирали урожай. «За осенью зима придет в любой день», — вспомнила княжна местную присказку. Да, погода здесь никогда не отличалась особенной лаской: лето обрывалось стремительно, пеленой дождей, потом в воздухе повисала темно-серая угроза — тучи, прятавшие солнечный свет. Да и бог мороза Карачун со своими подлостями прилетал, когда ему вздумается. Бывает, проснешься, а вся земля — каждый неубранный колосок, каждая травинка да камень — изморожена, изрисована паутиной белого инея.

И не то чтобы Мила успела забыть о таких причудах природы и богов, но потеряла счет этим дням. Месяцеслов, в котором юная княжна сызмала отмечала все происходящее вокруг, остался в неразобранных сундуках, и сейчас она казнила себя оттого, что смела забыть об этой сырости, — она окоченела, внутри живота что-то сжалось, мешало дышать. Новый град встречал свою дочь ударом под дых, а ведь до главного испытания Миле было идти и идти, ступать по лужам и неприветливым камням, по грязи и вытоптаным подорожникам.

Неожиданно княжну кто-то окликнул. Обернувшись, она увидала капитана — того самого, что намеревался лишить ее Елисеева подарка. Воюя с одышкой, он подлетел к Миле и без всяких объяснений набросил на ее плечи дивной красоты платок с кистями. После отступил на шаг, поцеловал свою ладонь, прижал к сердцу, поклонился долу и убежал обратно к серому пирсу. Мила

глядела ему вслед и не могла выговорить ни слова. Только беззвучно прошептала: «Спасибо».

Так она и простояла в теплом цветастом платке, покуда капитан не скрылся с глаз. Крестьяне-работники оторвались от жатвы и застыли, исподлобья разглядывая странную чужеземку. Зима скоро, убирать надо, но каково зрелище! Таких дев не каждый день в суровый край заносит. Как будто даже ветер стих, решив поглядеть на царскую невесту. Она оглянулась и поежилась — то ли от сырости, то ли от взглядов. «Ступай, Мила», — сказала она сама себе. Чем ближе была встреча с отцом, тем тяжелее ей давались шаги. Неизвестность пугала и давила. Даже наволочка, и та будто весила пуд. Очередной камень скользнул вокруг своей оси и смачно плюнул жижей, испачкав подол. Княжна даже не посмотрела. Мыслями она была уже там, в крепости, под сводами родных палат Велимира Великого, поглощенная одним только хотением: броситься в объятия сюзерена Северных земель, сжать его как можно крепче и прошептать так, чтобы услышал только он:

— Папа...

— Папа...

Женский голос вырвал Гвидона из размышлений и заставил резко остановиться. За густым кустом сирени он обнаружил ослепительно одетую деву, без всяких сомнений принадлежащую знатному роду.

— Папенька ваш, должно быть, самый счастливый человек во всем Пятимирии. — Красавица вела себя так, будто приглашала продолжить незаконченный разговор.

Царевичу совсем не хотелось задерживаться, но приличия не позволяли игнорировать беседу. Он слегка

поклонился, но поворачиваться в ее сторону не стал, обозначая тем, что, несмотря на всю сладость встречи, весьма торопится. Дева же не спешила, медленно порхая ресницами очарованных глаз.

— Вы находите? — не дождавшись продолжения мысли, Гвидон решил самостоятельно ускорить разрешение этой пустой беседы.

— Несомненно. Безоговорочно. — Красотка заулыбалась во весь рот. Образовавшийся полумесяц губ превращал и без того милое личико в совершенно обворожительное. — Мы, как узнали, что вы прибыли и снова стали признанным членом царской семьи, обрадовались за царя-батюшку, как никто. Я сразу всем сказала: вижу, что Гвидон Буяном править будет!

Царевич молча глядел на незнакомку и ждал, каким образом она выдаст свои намерения. Но дева по-прежнему не торопилась открывать даже свое имя.

— Мне невероятно приятно... Простите, не уследил за вереницей событий... Наверно, забывчивость — это не лучшее качество для наследника престола. Нас, должно быть, представляли. Как вас величать? Запомнил.

— Нет-нет, что вы! Моя вина — не назвалась. Подлетела так, будто мы знакомы триста весен, да по-свойски с вами беседы завожу. — Она прикрыла уста своей маленькой ладонью и изобразила смешок.

Царевич уже не знал, как поторопить милую, но докучливую девушку, и оттого стал постукивать каблуком по мостовой.

— Я из княжеского рода, с далеких берегов реки, что омывает камни Великой Кряжмы...

Она вдруг на миг опустила глаза, ее рука оказалась на границе персей и платья, и она изобразила, будто ей тяжело дышать. После распахнула длинные ресницы,

в чувственном изломе закинула белую шею, обнажив великолепные ямочки в ключицах, и чуть приоткрыла малиновые лепестки губ, из которых выпорхнули бабочки, несущие нектар:

— Прелеста.

Патока коснулась ушей Гвидона и заставила посмотреть на незнакомку по-новому. Он начал снизу вверх. Черевички абрикосового бархата обвивали тонкие ступни, из-под невесомого подола выглядывала белизна точеных лодыжек. Платье струилось по идеальным бедрам, облекая их манящие округлости, вызывающие желание скорее поднять лишние слои ткани, обнажить их влекущую красоту. Пояс перехватывал узкую полосу талии, а выше расходились тугие складки, облепляющие белый налив ее груди, будто посыпанной нежнейшей пудрой. Тонкие плечи и руки были изломаны изящными линиями; фарфоровое личико, обрамленное густыми пшеничными кудрями, венчал драгоценный ободок диадемы. Остановившись на очах цвета лазури океана, Гвидон изрек:

— И правда — Прелеста. Очень приятно. Гвидон.

Розовая красавица чуть подпрыгнула и радостно закивала, давая понять, что она, конечно, знает имя царского первенца. Лепестки ее уст открылись, намереваясь поделиться новой порцией сладкого нектара.

Однако царевич ее опередил:

— Я буду очень рад, если у цесаревича Елисея будет такая... обворожительная жена. Ему повезло, как никому в Пятимирии. — После чего он поклонился и, развернувшись, пошел прочь.

Спустя несколько шагов его настиг липкий возглас прелестницы:

— Сударь!

Он тяжело вздохнул, попытавшись это сделать незаметно, чтобы не выдать своей холодности, и обернулся через плечо. За эти мгновения княжна успела выломать несколько веток сирени и торопливо перебирала пальцами лиловые цветки.

— Гвидон... если позволите величать вас по имени. Я буду рада стать верной женой не только Елисею.

Она переступила с ноги на ногу и протянула один из цветков царевичу:

— Возьмите, я отыскала пятилистник — он непременно вам поможет. На удачу!

— Благодарю покорно, — ответил Гвидон, не шелохнувшись.

Цветок выпал из девичьей руки, и его поглотили заросли травинок.

Царевич, крикнув: «Я не суеверен!» — продолжил свой путь.

Затхлая вонь подземных коридоров была знакома каждому, кто навлекал на себя гнев властителей Буяна или их приближенных. Тарх спускался сюда не часто: обыкновенно со всем справлялись подчиненные-целовальники, а он ненавидел эти стены, хранящие воспоминания о смертях и пытках. Но все же иногда приходилось полагаться только на себя: от внимания следопытов вечно что-то ускользало, поэтому в особо щепетильных случаях Перунов сын проводил допросы самостоятельно.

Нос щекотали языки смрада, а в уши стучались невыносимые звуки. Лишенные питья за провинность стонали от жажды, других било дрожью от извечного холода. В тот полдень в казематах было почти спокойно, только мерная стукотня раздражала слух, словно

булатом били где-то о булат, да еще и с ритмом, которому позавидовали бы лучшие гребцы флота Эллады.

«Эллада... будь неладна эта выжженная земля! Развратники, каких не знало Пятимирие, как они от своих грехов не усохли заживо? Что люди, что боги. — Захваченный мыслями о ненавистной стране, Тарх недовольно цокнул языком. — И умерший Дамианос — из тех же, весь род его гнилой и изворотливый, что корень плюща в самшитовом лесу. Закономерная кончина, но почему в моих владениях? Сдох бы хоть на корабле, хоть у себя на родине!»

Досада отравляла прежде спокойные дни Тарха. Теперь ему, самому главе Совета мудрости и правды, приходилось выслушивать в свой адрес всякое. Укол отца за нерасторопность его ведомства был более саднящих ран. Да еще при всех! Он сжал кулаки до ледящего хруста, а по лицу заходили желваки. Гневливость его была отцовым наследием. Однако, в отличие от громовержца, Тарх умел сдерживаться и прятать злобу, и что-то редкое, особенное помогало превратить негодование и ненависть в спокойствие и отстраненность. Поток злости, будто раскаленная лава, катился с твердым намерением сокрушить, испепелить, уничтожить. Но встречался с руслом ледяной, до скрипа в горном воздухе реки и тут же остывал, преображаясь в безразличные камни. Так получилось и сейчас: вместо криков на подчиненных, воплей на своих заместителей глава Совета намеревался провести допрос сам. Но что это за мерный стук?

Каменная утроба коридора изогнулась и выплюнула Тарха к очередной ограничительной решетке. Здесь он и должен был найти птицу-Сирин — девку, что околачивалась с мальчишкой-эллинийцем незадолго до его

гибели, — но стал свидетелем какого-то странного спектакля: приставленный бдить заточение девицы целовальник всем своим грузным телом вжался в клетку и тяжело дышал. Заключение было не видать. «Ну не улетела же она?» — удивился глава Совета. Источник стука был где-то здесь — глухое позвякивание доносилось напрямиком из камеры. Тарх обошел детину-подчиненного, чтобы взглянуть, что заставляет того сотрясаться. В это мгновение пухлое тело задержалось, а дыхание переродилось в хрип. Во мраке проступили очертания крыльев. Кандалы, как метроном, отбивали точный ритм по железным прутьям. «Надо же, какая искусница! И, глядишь, не устанет!» — дивился в мыслях Тарх. Зрелище это было отвратительным и поразительным одновременно. Не в силах больше терпеть это сладострастие так близко, полубог кашлянул. Получилось почти деликатно.

Телеса замерли, стук мгновенно прекратился, а из-за туловища целовальника высунулась голова узницы. Она тотчас отскочила и ретировалась в угол, взмахнув крыльями и бренча кандалами. Испуганный охранник обнаружил Перунова сына и тут же бросился непослушными руками натягивать на упитанный живот форменные брюки, что было сложно. Оставив эту затею, он схватился за плащ и чуть не оторвал от него целый кусок, прикрывая свой опадающий срам. Тарх недобро покачал головой и взглядом показал путь к отступлению. Целовальника и след простыл.

Ухмыльнувшись, глава Совета мудрости и правды подобрался к решетке. Выбрал прутья, которых точно не касалась липкая плоть похотливого сотрудника охраны, и, прислонившись, произнес:

— Он тебя до конца дней вспоминать будет.

За ответ можно было принять лишь недовольный шелест крыльев. Тарх обхватил металлический стержень заграды ладонью и поволил вверх-вниз.

— Гляжу, ты на всякое согласна, чтобы оказаться на воле?

В кромешно-темном углу острога блеснули похожие на спелые оливки глаза птицы Сирина. После пробречали кандалы, выпихнув за собой пленницу в луч тусклого коридорного света, прямо к решетке.

— Ты так же хочешь?

Тарх перехватил ее руку у самого своего пояса. «Вот это прыть! — восхитился он. — Девка готова показать все, что умеет, лишь бы выйти отсюда».

— Ну почти. Руками здесь явно не обойтись, красавица. — Тяжелые цепи оков ударились о пол. Сирин стояла на коленях. Одной рукой Тарх прислонил ее скованные руки к ограде, а второй больно сжал пышные локоны и запрокинул голову пленницы назад, так, чтобы видеть ее бесстыдные очи. — Верно мыслишь, птица. Но не для тех ласк, что Дамианосу, мне твои уста. — Сирин попыталась вызволиться из его крепких пальцев, но хватка полубога была сильна. — Молви, блудница, каким ядом ты его напоила? И за что, по чьему велению отравила?

Оковы с диким лязгом выскользнули из его руки, а в другой руке Тарха остался клочок темно-каштановых волос. Дева-птица снова схоронилась в угол. Уняв сбившееся дыхание, она прошипела:

— Твое веление мне открылось ясно: беспомощность свою ты моей свободой прикрыть хочешь! Если б и знала — не сказала бы. По-хорошему с тобой нельзя: ты все наискось вывернешь, если тебе будет нужно. На допросе отвечала, что не думала, не гадала, что он помрет,

а меня за эти мои слова — в казематы упредили! Что ты после этого хочешь? Раскаяния? Чтобы я все про зелье рассказала?

— Расскажешь!

Сумрак камеры затрясся мрачным хохотом.

— Спрос-то с Аида будет. Убей — не скажу ничего, выродок перунышный!

— Елисей!

На голос Финиста царевич не отзывался. Финист стучал в дверь, вышагивал вдоль стены и снова стучал. Не дождавшись ответа, он вынужден был ворваться в покои, хоть и не получал на это разрешения. Редко в Саду наслаждений по утрам случалась возня. Обычно в рассветный час над двором царевича стоял безмятежный дух: заснув где попало, гости мирно сопели, ленно кутаясь в одеяла и покрывала. То утро принесло беспокойство даже сюда, в этот оплот радости и веселья. А вместе с опричником оно пробралось и в самое сердце Сада — Елисееву спальню. Мрак разрезали тонкие лучи, пробивающиеся через щели между плотными полотнами штор. Финист развел их в стороны, разлил по комнате молочные реки обжигающего света, но и это не смогло расшевелить царского сына. Откопав Елисея среди обтянутых шелком подушек, опричник не нашел ничего лучше, чем накрыть лицо царевича ладонью. Тот распахнул глаза, тут же зажмурил их и, прячась от отсветов, перевернулся на другой бок.

— Ваше высочество, никак нельзя проспать! Собрание же.

— Да к лешему! — Царевич натянул одеяло до самого темечка.

Только на первый взгляд Финист мог показаться скромным и нерешительным. Волю свою и силу он прятал от чужих глаз, берег для темных времен, и, когда таковые наставали, ничто не могло обернуться ему преградой. И уж точно не настроение Елисея. Опричник ловко подхватил кокон из одеяла, в которое завернулся капризный царевич, и отправился в ванную. Тот было задергался, но быстро иссяк, не в силах сопротивляться: больная голова мстила за вчерашнее веселье, а и без того слабые конечности были скованы покрывалом. Могло показаться, что Финист со своей добычей поклонился невидимому духу. На самом же деле поклон был необходим, чтобы проникнуть сквозь створки дверей в уборную. Из наклоненного свертка безвольный царевич выпал прямо в пену. Только он вынырнул и жадно захватил ртом воздух, как на него излились струи ледяной воды из лейки в потолке. Елисей заорал дурным голосом. Экзекуция прекратилась. Цель была достигнута — он проснулся.

За завтраком Елисей не проронил ни слова. Ел он плохо. Едва расправившись с яйцом всмятку да закусив булкой с земляничным вареньем, он встал и, пошатываясь, побрел обратно в спальню.

Финист молниеносно подлетел к нему, все еще нагому, и заговорил:

— Власть свою прозеваешь, царевич!

Тот попытался прикрыть зевок ладонью, но сладостно сузившиеся глаза выдали его со всеми потрохами. Он недовольно поднял руки и проговорил:

— Сдаюсь, мой душеприказчик Финя! Одевай меня.

Царское тело было уложено боком на кушетку. С трудом справившись с непослушными ногами Елисея, опричник натянул на зад царевича панталоны. Тот поднялся и оглядел свои штаны, после чего сказал:

— Поправь — ну видишь, криво лежит?

С какими только капризами не приходилось мириться служивым в Елисеевых покоях! Финист разместил хозяйство царского сына ровно и аккуратно застегнул все до единой пуговицы на ширинке. Кафтан и остальные предметы одежды дались куда проще. Вот и башмаки уже туго облепили Елисеевы стопы.

Всей своей натурой Елисей показывал, что делает одолжение — то ли своему деснице, то ли всему Пятимирию. Дойдя до калитки, увитой диковинными лианами, царевич развернулся и отрезал:

— Ты остаешься!

Финист даже не сразу сообразил, к кому обращается царский сын. Не найдя за спиной ни одной живой души, он нервно взмахнул крыльями и переспросил:

— Кто остается?

— Ты мне там не нужен, Финя. Разберусь как-нибудь.

Рука опричника крепко схватила плечо царевича. Взгляды их уперлись друг в друга, и после недолгого молчания Финист проронил:

— Послушай, нутром чую: тебя там ждет опасность...

Его прервал хохот Елисея:

— Тебе бы травок попить, Финя! А коли надо напряжение снять — ты знаешь, как это принято делать в моем дворе. Любую хватай и наслаждайся. А свои смутные думы оставь при себе, освободи меня от них, ладно?

Калитка с грохотом захлопнулась, оставив Финиста в пустом Саду наслаждений.

Девушки-птицы так и просидели всю ночь на шершавых камнях у мудрого дуба. Он выслушал много разных песен, покада прелестницы не уснули. Тревога

за подругу первой разбудила Алконост. Погладив чернооую Гамаюн по волосам, дева-птица затянула песню:

*Прощайте, ласковые взоры,
Прощай, мой милый, навсегда,
Разделят нас долины, горы,
Врозь будем жить с тобой, душа.*

Мила же в тот час пробиралась по пустынным каменным улицам. Все, кто узнавал юную княжну, прятали глаза, а как только она проходила — обжигали ее спину жаркими взглядами. Не было в Новом граде ни света, ни радости. Одно уныние да сырость.

*Я голос твой не буду слышать,
Улыбка скроется из глаз,
Польются слезы поневоле,
Когда придет разлуки час.*

Над буянской столицей всходило солнце, Ярило выталкивал на небосвод свой оранжевый диск. И не было ни облачка, ни вуали, чтобы спрятать его ласкающие лучи. Среди блестящих камней мостовых пробились травинки, отдавая взамен за свое появление маленькие жемчужины росы. Гвидон прошел вдоль стен, пересек площадь Семи звездословов и повернул к покоям владыки всего Буяна. Он на секунду остановился, поправил что-то под плащом и продолжил свой путь.

*И в эту горькую минуту
С своей сердечной простотой
Возьму в последний раз я руку,
Скажу: «Прощай, любезный мой».*

Елисей шел другой дорогой. Он отворял вереницы дверей, пару за парой, пока не очутился в парадном зале, том самом, что служил местом для всех торжественных приемов, обедов и ужинов. Своды его были пустынные. Пустовал и трон — законное место царя. Царевич с разбегу запрыгнул на престольный стул, свесил ноги через подлокотник и осмотрелся. «Для полноты ощущений не хватает только короны», — подумал он и уже вслух добавил:

— Именно за ней я и направляюсь, не так ли?

Голос его эхом разнесся по смежным комнатам. Надо было идти. Но если голова требовала драгоценного металла для венчания, то нутро его просило совсем другого. Мановением руки откуда-то из-под пояса престолонаследник достал флакон с молочно-белой жидкостью. Сделав глоток, он довольно выпустил воздух и прошептал: «Так-то лучше».

*В полях, лугах, садах прекрасных,
Там, на возвышенном холме,
Где при заре счастливой, ясной
Склонялся ты на грудь ко мне.*

Старик Армаун замороженно глядел на двух райских птиц, не смея прерывать дивной песни. Ему пришлось обойти половину города, чтобы отыскать ее, малышку Гамаюн. Он не пожалел для вчерашних неожиданных гостей-земляков ставленого меда, и, проговорившиеся в содеянном, они мирно спали в его радушном доме на Южном мысе. С каким бахвальством они раскрыли себя, цель своего визита и всю низость своего поступка! Но Армаун не просто так слыл мудрецом: скоропалительным действиям он предпочитал просчитанные

стратегии. Вот и сейчас он стоял и ждал, пока белокурая дева завершит свое чудное пение:

*Склонялась я, шептала нежно:
— Люблю, люблю, мой друг, тебя;
Я слышу, едешь ты далеко
Прельщать других, а не меня.
А я останусь сиротою,
Век буду по тебе страдать,
Страданье горю не поможет,
Тебя мне больше не видать*.*

Если бы старец и не знал ничего о вчерашних злоключениях любимой ученицы, он бы все понял по ее объятиям. Объясняться не было смысла. Она вжалась в плечо старика так, будто он был последним ее шансом на продолжение жизни. Он взглянул в ее очи и промолвил:

— Горе миновало. Все будет хорошо.

Совет было решено собрать в малом тронном зале. Не многие слышали о его существовании, а уж расположение этой комнаты было знакомо единицам. Здесь не было ни высоких окон — только узкие люкарны, — ни богатой резьбы, ни стульев с гобеленовой обивкой. Ничто не отвлекало от тех важных дел, что вершились власть имущими. Даже лестница в эту горницу, в отличие от парадных широких пролетов дворца, была кривой и узкой, мрачностью своей походившей на старуху-горбунью.

* Слова неизвестного автора.

Смешно подумать, сколь немного голов достаточно для принятия решений государственной важности. Но так было заведено, что в обсуждении вопросов более мелких и незначительных, чем порядок наследования престола, принимали участие знатные мужи со всего двора, будь то главы ведомств со своими писарями, князья высокородные и не очень, их дети и жены. Конечно, места всем хватало только в парадном зале. Все они рассаживались за длинным столом, поставленным в узкой колоннаде таким образом, чтобы выбраться из-за него было трудно, и важно глядели друг на друга. Те, кто хотел высказаться, оставляли записки царскому секретарю Пантелею, и он по своему усмотрению мог дать за столом слово или воздержаться, если подозревал, что чье-то мнение может привести царя к гневу или посеять сомнения. Обычно на таких совещаниях подавали блюда со всего Пятимирия, и чем ничтожнее была повестка, тем богаче был заставлен стол. Бражка, вино да медовуха лились хмельными реками, прислужники неустанно обновляли яства. Многие приходили на такие собрания вовсе не из интереса к буянским делам: кормили здесь отменно, до отвала и никогда не отказывали в добавке.

Деликатность сегодняшнего выбора не оставляла никаких сомнений: еды не будет вовсе и посторонних не пригласили. Царь сразу и не мог припомнить, как давно он не поднимался в малый зал. В последнее время все спорные вопросы удавалось разрешать в его приемных покоях либо на прогулке в дворцовом саду — на свежем воздухе Города вечной весны мысли прояснялись и выстраивались в стройные указы. Раньше Салтан не выходил лишний раз на улицы Буян-града, однако после предсказания, что глава царства падет

от рук иноземца, стали проверять всех прибывающих, поставили круглые сутки караулить опричников, и на душе его стало спокойно, тревога за свою жизнь почти улетучилась, однако не настолько, чтобы вернулась прежняя беспечность. Он допускал, что волхвы из дома Макоши зря пугали его, но осмотрительность, нажитая за годы царствования, не давала этим допущениям слишком высовываться.

Последние дни Салтана мучили сомнения другого толка. От него ждали поступка, но решение его могло обернуться и против него, и против земель, вверенных ему богами по рождению. С одной стороны, было бы честно сдержать слово, данное жене, и посадить на трон Елисея, возвращенного здесь, во дворце, под пристальным вниманием царя и его приближенных. Но каков мальчишка-сумасброд! Совершенно ясно, что младшенький был напрочь лишен какого-либо интереса к делам военным и государственным и с ранних лет искусно управлял всеми вокруг, заставляя потакать своим прихотям. Да, он мог быть вежливым и учтивым, владел всеми языками Пятимирия в совершенстве, был сведущ в искусстве и вел переписку со всеми знатными родами континента. Но хватило бы ему самообладания для ведения дел целой страны? По другую руку был первенец, отлученный от родного отца глупым наветом в младенчестве. Гвидон казался Салтану человеком цельным, думающим и, несомненно, достойным, и в тех долгих беседах, которыми царь старался наверстать упущенные годы близости, старший сын представлял спокойным, добрым и благодетельным мужем, пусть и несколько диковатым и лишенным какой бы то ни было дипломатичности. Как тут выбрать? В одиночку Салтану было бы сложно определиться, потому он был рад,

что в столице гостили дети его близких соратников — наместников Южных земель Радимича и Николича. Все трое получили блестящее образование и были прекрасно осведомлены о насущных государственных делах, не были замечены в волнениях, а потому их и пригласили на это утреннее совещание.

— Где Тарх? — Царь не мыслил начинать без глав основных ведомств, да и Дажьбогу доверял как себе.

Записка Трояна, в которой сообщалось, что предводитель Совета поклонения на сбор явиться не сможет, Салтана расстроила не сильно: было в этом Велесовом сыне что-то такое, отчего обращаться к нему за советом казалось неудобно. Гордыня, что ли. Да и Перунова дома царь все больше избегал, находя походы эти неискренними, а потому никому не нужными.

— Ваше величество, Тарх Перунович просил передать-с, — заголосил Пантелей, — что не сможет присутствовать, и если дойдет до голосования, то изъявил желание добавить свой голос в пользу того, кого выберете вы!

Взгляд царя за мгновение остекленел и обратился внутрь. Он мелко закивал, как будто соглашаясь с этим ответом. Секретарь, воодушевленный безмолвным согласием царя, продолжил:

— Главы Советов красы и размыслов приглашений не получали, но изъявили готовность в любой мом...

— Этих мне тут не надобно! — резко прервал его Салтан. — Пусть занимаются своими изобретениями да благолепиями.

Последним порог малого зала, качаясь, переступил Елисей. Царевич оглядел присутствующих, криво ухмыльнулся и, шатаясь, полез обниматься с Калевичами, Радимич же удостоился похлопывания по плечу. После

приветственных объятий младший царский сын оперся о спинку стула, волооко уставился на отца и, сглотив слюну, произнес:

— Еще кого-то ждем?

Дубовая столешница закрипела под ударом царского кулака.

— Не смей вперед меня говорить! — прорычал Салтан.

Царевич недовольно отвел взгляд и примолк. Пантелей засуетился — все не знал, какое должен занять место: то ли за царем, в ряд с двумя Салтановыми опричниками, то ли подле одного из претендентов на престол. А может, лучше быть ближе к князьям — Ратибору и Тихомиру Калевичам или Николе Радимичу? Не найдя подходящего угла, он застыл посередине и смиренно сложил перед собой руки. Царь, убедившись, что все участники собрания проявили должное уважение своим безмолвием, низким басом дал начало обсуждению:

— Сами знаете: что бы мы с вами здесь ни нарешали, нам придется считаться с мнением богов...

— Поэтому странно, что нас не посетили Троян и Тарх Перунович, — они бы вмиг передали все куда следует, — залепетал секретарь.

— Да, они нам оставили это решение. Трудное, но, надеюсь, вместе мы умозрим и сделаем правильное заключение. — Салтан мрачно посмотрел на подобострастного секретаря, готового записывать каждое слово, и промычал: — Пантелей, ступай прочь. Без тебя сдюжим.

Как только дверь захлопнулась, в воздухе малого зала прозвучало:

— Люди отнюдь не хуже богов, отец. — Гвидон безотрывно смотрел на царя.

Князья подозрительно переглянулись, а Елисей присвистнул.

— Что ты такое говоришь, сын мой? Они всемогущественны, а мы всего лишь их жалкое смертное подобие.

— Жалкое? На стене за вами я вижу зеркало. Подойдите и посмотритесь в него.

Салтан с недоверием оглядел старшего сына. После, не зная, что ответить, подошел к отполированной фольге, покрытой стеклом.

— Что рождает жалость в этом отражении? — услышал он за спиной. — Жалость к величественному из правителей Пятимирия?

— Кажется, кто-то возомнил себя божествам подобным? — Младший из царских сыновей, хихикая, пробирався к старшему. Руками он перебирал по круглым навершиям спинок стульев, а когда те закончились, изобразил рывок и вцепился в Гвидонов локоть. Давясь смехом, он молвил: — В бочке и не такое в голову взбредет, да?

Шутка вызвала смешки среди князей. Недовольный кашель царя вернул безмолвие в своды малого зала.

— Как ответить на твой вопрос, Гвидон, не знаю. — Царь снова уткнулся в гладь зеркала. — То, что я вижу, вызывает не жалость, но сожаление. Гляжу на эти седые колосья бороды и смотрю в потухшие очи... Вижу я одно: добрая смена нужна этому дряблему царю в опостылевших чернильных одеждах.

— Боги могущественны — жизнь могут забрать, коли им заблагорассудится, — вставил Радимич.

— Не только они... — тихо проговорил Салтан, вернувшись к отражению.

— Именно «не только», — прошептал, вторя ему, Гвидон и, резко выхватив из-за пазухи клинок, одним скачком подлетел к правому из бородатых охранников и полоснул по его шее.

Грузное тело осело на пол, а линия пореза вмиг покрылась карминными каплями, заливающими железные доспехи.

Второй царский дружинник мгновенно освободил меч от ножен и, приняв боевую стойку, развернул его к Гвидону.

— Твой долг какой? — прошипел ему Гвидон. — Царя беречь. Так береги.

Убитый перестал дергаться, а на его лице застыло выражение ужаса. Гвидон уверенным движением обтер кровавый клинок о штаны и острием указал на Салтана. Дружинник попятился, закрывая широким туловищем испуганного владыку всего Буяна. Сделав несколько шагов, ни на миг не отрывая взгляда от противника, он выкрикнул:

— Что прикажете, царь?

— Стало быть, пророчество не было вымыслом... — Глаза царя округлились, и он зашептал будоражащие сердце строки: — «Смерть придет к тебе, Салтан, из-за моря приплывет, от того, кого не ждешь...»

— Если предсказание и правдиво, отец, то говорит оно не обо мне. Вас я трогать не собирался, — прохрипел Гвидон. Он не менял боевой позиции, а лишь повернулся к братьям Калевичам, успевшим выхватить мечи. — По мне, оно полный вздор, верить ему — дело неблагодарное. Пожалуйста, прикажите этим достопочтенным мужам сложить оружие в знак верности вам и подчинения вашей воле.

Князя окружали его с обнаженными клинками. В это время Елисей закрыл голову руками и сполз по стене, бубня что-то нечленораздельное: ему казалось, будто зелье играет с его воображением неведомую игру. Первым с атакой на Гвидона обрушился Тихомир — он

зарычал и нанес рассекающий удар сверху. Гвидон успел схватить кинжал обратным хватом и поймал клинок противника своим эфесом. Прокрутив оружие Тихомира вокруг себя, он отправил тучного князя оседать в дальний угол, прокричав:

— Повелите им утихомириться, отец, не то я сложу их, как вашего предателя!

Ратибор бросился на подмогу брату, стараясь заколоть царского сына. Его меч был куда проворнее и быстрее, однако силы в старшем сыне наместника Великой Кряжмы было меньше, потому после серии ударов мечом, не нашедшим острием вражеской плоти, Ратибор устал и замедлил атаку. Гвидон, несмотря на то что оружие его не предполагало серьезных боев, ловко отбивал все режущие удары и уворачивался от колющих. Дождавшись, пока руки князя ослабнут, он поймал острое лезвие его клинка и повалил противника на пол. Ладонь Ратибора громко хрустнула, и меч звонко грохнулся вниз. К шее его было приставлено острие Гвидонова кинжала. Ратибор дрожал и пытался не дышать, чтобы не наткнуться кадыком на острую грань металла. Еле слышно на вдохе он исторг из себя:

— Помилуй...

Гвидон с секунду пристально глядел на него, пытаясь выправить сбившееся дыхание, затем коротко кивнул и убрал клинок от горла Ратибора. Тут же, уследив за взглядом княжеского сына, только что молившего о пощаде, он схватил с пола меч и резко развернулся, столкнув лезвия с нападающим Тихомиром.

— Никола, помогай! — прорычал тот.

Тихомир махал мечом наотмашь, силой своей пытаясь уничтожить выскочку. Он оттеснил его почти

в самый угол, готовясь прикончить, но неожиданно после очередного сокрушительного удара меч его попал в каменную кладку и уже не желал покидать своих новых ножен. Обезоруженный, Тихомир расправил плечи и сжал кулаки. Гвидон бросил на пол оружие, а дальше произошло невиданное: царский сын подпрыгнул, раскручивая тело, поднялся под самый потолок и, распрямив ногу, изо всех сил ударил соперника в челюсть. Капли крови окропили стены малого зала для совещаний.

Князь Радимич стоял в стороне, переминаясь с ноги на ногу. Он нерешительно глядел на Елисея и корчавшихся от боли Калевичей, теребя в ножнах свой меч.

— Никола, ну! — крикнул старший из князей.

Гвидон подхватил свой клинок и легонько полоснул по ноге орущего Ратибора. Тот взвыл во весь голос и принялся снова молить о пощаде.

Никола Радимич вытащил меч и медленно выставил его перед собой. Ногой он подтолкнул оружие в сторону Гвидона, после поднял руки и произнес:

— Я и не думал драться.

Гвидон осмотрел поверженных противников и, убедившись, что никто больше не планирует затевать бой, проговорил:

— Отец, ваш опричник был предателем. Мне донесли накануне ночью. — Он подозвал дружинника: — Подойди и срежь мошну с его пояса. Вскроешь — кряжменские монеты найдешь. И станет доподлинно ясно, царь, кому могла понадобиться ваша жизнь. И если вы по-прежнему верите пророчеству, считайте, что его исход растолковали неверно.

Дружинник стоял не шелохнувшись, только косил глазами в ожидании распоряжения царя.

— Чушь! — заговорил Елисей. Он с трудом встал, опираясь о стену, подошел к брату и проговорил тихо: — Родных моих опорочить хочешь?

— Посмотри сам, Елисей. — Гвидон протянул ему свой кинжал.

Одурманенный, царевич отвел в сторону предложенный клинок, припал к истекающему кровью телу бородатого опричника и сорвал мошну с кожаного пояса. Потом тяжело поднялся, вывалил на стол монеты и, взяв одну из них, долго всматривался, пытаясь сложить непослушные буквы в единое слово. Когда ему это удалось, он поднял очи на Гвидона, намереваясь что-то сказать, но не смог вымолвить ни слова. Лишь плюнул в его сторону и упал без чувств.

Продрогшая до костей, Мила не стала подниматься по парадной лестнице на господский второй этаж, а зашла с черного входа — так было ближе. Она знала здесь каждый уголок. Все крестьянские порубы, в которых размещались хозяйственные службы, она изучила еще в детстве. В сенях княжна оставила платок, подаренный капитаном, аккуратно сложив его на лавке. Прихожая обычно служила перевалочным пунктом для провианта, поставляемого из окрестностей, дальше по коридору находилась просторная поварня, сердце которой — закопченная печь — скрывалось за неряшливо расставленными по полкам ковшами и горшками разных величин. За высоким шкафом, служившим приютом глиняных чарок, кубков и плошек, прятался ледник — кубы замерзшей воды запасались в конце зимы, чтобы в жаркие месяцы можно было хранить дичь и прочие скоропортящиеся кушанья.

Княжна ступала дальше. В тесных коридорах висели бурого цвета шторы, в каменных выемках за ними, соорудив там ложницы, поселились слуги, иногда целыми семьями. «Когда все успело сжаться в размерах?» — мелькнуло в голове Ладимилы. Ей пришлось согнуться, чтобы не задевать доски потолка и складки засаленной ткани. Декорации счастливого детства теперь мерещились ей чужими, каждый отрез, казавшийся тогда занавесом, за которым прятались друзья, оборачивался дырявой ветошью. И друзей никаких не осталось, одна грязь кругом.

Она поднялась по черной лестнице и очутилась в гриднице*. Странно — ведь до отъезда своды ее были такими высокими, а теперь стало очевидно, что они и до трети высоты парадного зала Салтанова дворца не дотягивали. Не говоря уже об окнах — здесь они были редкими, забранными в жесткие клетки. Воздух над головой перерубали исполинские бревна, на которых лежали доски пола верхних теремов. В одной из светлиц на самом верху жила она. И хоть с ее отъезда в Буян-град прошло всего ничего, то время казалось до ужаса далеким! Время мечтаний, когда за очередной книжкой хотелось проводить ночи напролет, сжигая лучины, чтобы дворцовый распорядитель не ругался из-за стопленных свечей. А Добродея делилась огарками, собирала их по всему двору и приносила своей княжне, чтобы та могла беспрепятственно улететь в страну воображения...

Велимир был главным не только во дворце, Новом граде и во всем княжестве — он был главным в жизни

* В княжеском дворце помещение для гриды, то есть дружинников, телохранителей князя, кроме того, служило для приема гостей.

своей дочери. Она бережно хранила воспоминания о тех днях, часах и минутах, что они проводили вместе. Отец бывал строгим и даже суровым, однако эта его жесткость, как говорила Добродея, привила княжне подобающее воспитание. Случалось, он заставлял ее за игрой с крестьянскими детишками: то они стреляли по скоту из рогатки, то резались в самодельные карты. Он молча поворачивался в профиль и ждал, пока юная княжна Новоградская сама не поймет своей ошибки. Каждый проступок застывал в ней клеймом отцовского взгляда. Или даже соучастие, пусть и почти невинное, как тогда в детстве, с Чеславом. А однажды Велимир разъярился не на шутку, узнав, что дети затянули его дочь в игру-издевательство над поварихами, и повелел тех детей высечь и выгнать за крепостную стену. Дочь же свою запер в комнате и не выпускал две недели. После повелел привести к себе, усадил на стул и спросил о том, усвоила ли она урок. «Коли будешь людей ты жалить своей гордой душой, прогонят их от тебя боги и не увидишь вокруг ни одной живой души. Ибо как ты с ними, так и они с тобой поступать будут; и этот закон превыше других чти и помни, доченька».

То наставление она повторяла про себя каждый раз, когда сталкивалась со своей упрямой гордостью. И сам Велимир, несмотря на то что характер его был кипуч и непрост, непреложно следовал этому правилу. С кем бы ему ни доводилось вершить дела — будь то хоть челядь, хоть князья, — со всеми он вел себя одинаково честно и справедливо. И был в том примером для своей дочери.

Пришло время дойти до Велимировых покоев. Через хоры Мила проследовала в опочивальню. Широкий коридор был увешан рамками, которые княжна могла перечислить и описать с закрытыми глазами: вот

гравюра — битва при Дужбе, а здесь — тонкое кружево местных мастериц прямо на пяльцах вместо рамы. После — темный портрет ее деда, написанный яичной темперой из Эллады и в одном углу покрывшийся трещинками. Потом — изображение Буян-града. То самое, по которому она пыталась представить, какая она — столица на острове. «Удивительно, как точно передана стать и мощь!» — изумилась Мила. Она приостановилась у гравюры и указательным пальцем провела путь от пристани до своих хором, тех, что располагались во дворце. Возможно, и они скоро станут воспоминаниями. Пока она навещает раненого отца, кто-то из вятших дев прельстит царя и станет невестой для царевича. Впрочем, об этом думать Ладимиле совсем не хотелось, потому она прогнала мысли о столице и вернулась в отчий дом. Мила оторвала палец от картины и распахнула двери в спальню сюзерена Северных земель.

В обитых гобеленами, похожими на лесной мох, стенах никого не было. Ни за столом, свитки на котором сгрудились холмом, казалось, норovia вот-вот спихнуть на пол оставленную без дела чернильницу. Ни в кресле у высокого окна — в нем Велимир любил устроиться вечером за чтением. Ни в постели, безжизненно ровно заправленной тяжелым покрывалом, усеянным рядами латунных пуговиц. Под ногой княжны скрипнула половица. Тут же из-за ширмы, где обычно скрывался таз для омовений, выскочил старый прислужник. Она было хотела его поприветствовать, но замерла, увидев, как тот зажимает рот руками, сдерживая стон. Из глаз его брызнули слезы, лоб покрыла испарина, и сам старик, не в силах держаться на ногах, упал на волчью шкуру у самой постели. Ударил лбом об пол и завыл, будто пораженный вражеской стрелой. Его

боль пронзила и княжну. Мила вытянулась, безотрывно глядя на старика, и коротко кивнула. Теперь все ясно. Она опоздала.

— Отец, ты слишком жесток с ними!

Из окна Перуновой светлицы открывался вид на буянскую столицу. Шпиль царского дворца терпел частые удары молний, а по всем крышам теремов свирепо косил дождь. Небеса над островом шумели, и не было за этим грохотом слышно ничего больше.

Перун с удивлением посмотрел в глаза Тарху:

— Я жесток? Безрассудные смертные возомнили себя пес знает кем, вершат жизни без спроса, а жесток я?

Во всех окнах стало светло от вспышек молний.

— Разве они обратились ко мне за советом? Пришел ли Салтан в Совет поклонения? А к тебе? Или в мое урочище — поклониться, чтобы испросить позволения?

— Перун, охолони! От того, что ты громыхаешь, они тебя вновь не полюбят.

Очередная бусина турмалиновых четок шелкнула, гонимая пальцем Сварога, присоединившись к своим близнецам, нанизанным на вошеную нитку.

— А кого они полюбят? Тебя? Припомни, батюшка, чем все закончилось, когда ты верховодил Буяном.

— Закончилось тем, что ты занял мое место. И пока не потерял бесстрастия — прекрасно справлялся.

В комнате было трое, все они были напряжены и старались не глядеть друг на друга. Озадаченность их была разной природы, однако причиной для спора было одно: не сумели, при всей своей власти, остановить кровопролитие в кругу буянской знати.

— Что прикажете делать? — упавшим вниз живота голосом спросил Перун. — Раз такой у Прави никчемный повелитель, давайте введем демократию, — процедил он сквозь зубы.

— Для начала убери свои молнии. От них в глазах рябит.

Перун подошел к окну и протянул руку в сторону Буян-града. Рождавшиеся зарницы слились в одну изломанную линию, небо над городом громыхнуло в последний раз, и тучи спрятали в себе остатки его гнева. Громовержец развернулся к отцу и сыну и промолвил:

— Я что понять не могу: почему они не обратились ко мне?

— Отец, все проходило по правилам Яви. Мы с Трояном получили приглашения.

Молчание. Перун выжидающе глядел на Тарха. Не дождавшись продолжения, он изрек:

— А вы?

— А мы... понимаешь, все дело в тебе. Ты в последнее время перестал слышать кого-либо.

— Поэтому все надо пускать на самотек? Дать им поубивать друг дружку?

— Ну вот, опять! — Тарх гордо развернулся и направился к двери, напоследок бросив: — Сообщи мне, когда будешь готов не только говорить да гневаться, но и внимать.

— Да я же... я... — Громовержец развел руками и присел на край стола. — Простите меня, сродники мои дорогие! Не хотел я оскорблять никого. И вас — тем паче. Но что делать — не ведаю.

— Слушай, отец. — Тарх остановился, бросил взгляд на деда и, получив его кивок-одобрение, с новой силой заговорил: — Иногда я замечаю в себе твои черты.

И знаешь, в такие мгновения я пугаюсь, потому что вижу, как самодурство твое мешает благоразумию в делах.

Перун стеклянными очами смотрел перед собой и ковырял пальцем край стола. От дубовой доски отлетел большой кусок древесины.

— Виной тому Девана...

— Не важно, что и кто тому виной. Да, сестра предала тебя тогда, но мы же вернули все на круги своя, сдюжили. А уж разлад с людьми не от того идет, пойми.

— Я как сейчас вижу ее глаза... Избалованная девка, чуть не лишила меня жизни оттого лишь, что ей показалось, будто она достойнее нас Правью повелевать будет!

— Отец!

Тарх соколом подлетел к Перуну, схватил его за плечи и стал трясти со всей силы. Но прекратил, как только увидел выступившие слезы. Он всегда считал, что нет в Пятимирии сухаря черствее, чем его отец, однако блестящие капли на ланитах громовержца заставили его в этом усомниться. Большим пальцем Тарх собрал соленые дождевики на щеках, погладил отца по голове и тихо произнес:

— Не печалься. Что было, тому не повториться. Но сейчас нам надо взять себя в руки и вместе решить, как вернуть доверие людей. Сядь на свой трон, громовержец.

Они сели за стол. В комнату успела незаметно пройти Макошь, но не могла проронить ни слова — таким супругу она не видела. Не зная, чего ждать, она молча разлила вино в четыре кубка и притаилась.

— Я сопоставил некоторые события и, думается мне, начал кое-что понимать. Не уверен, что эти ниточки сразу приведут нас к виновникам междоусобицы, но хотя бы размотаем клубки и посмотрим, откуда они тянутся.

Будем распутывать, покамест не разгадаем. — Тарх отхлебнул вина. — Что мы имеем: в трактире убит подданный Эллады.

— При чем здесь убитый Дамианос? — исторг из себя Сварог.

— Прошу тебя, не перебивай. Я и сам пока не все понимаю. Но оно может быть связано, да так, что сразу и не обнаружишь. Итак, Дамианос мертв. Основание деяния и убийца нам неизвестны. Есть домыслы об отравлении: найденная в желудке жидкость попала к нашим лекарям впервые, и назвать точно, что это, они затруднились: капли молочно-белого зелья, похожего на отвар из каких-то цветов, семян или нектара. Природа его сомнительна. Также в казематах содержится арестованная эллинийка, дева-птица Сирина, по сообщению соглядатаев, уединявшаяся с Дамианосом в уборной. Дерзит, показаний не дает, только с толку сбивает — возможно, нарочно. Если принять за истину, что она намеревалась отравить мальчишку, то сделать это она могла именно с помощью зелья.

— Надо вытряхнуть из нее правду, из этой шельмы! — вылетело из уст Сварога.

— Не дается. Я уже пробовал — был облит ушатом оскорблений и проклятий. Вот еще одна пощечина за ужесточение правил: тебе перестают верить. Я ей обещал освобождение...

— То, чего, разумеется, подарить бы ей не смог, — перебила его мачеха. — Даже если бы очень желал.

— Да, Макошь, правда твоя. И она ясна, но порядок не меняет: нужно вновь стать теми, кто будет мил людям. В их мольбах наша сила, не забывайте, и одним страхом их не удержишь. Вернусь к разбору наших следствий: окольно Сирина созналась, что ей известно о зелье,

но подробно узнать, что именно, не удалось. И вроде бы мы зашли в тупик, если бы не одна деталь: зелье мне предложили совершенно другие люди, и произошло это не более недели назад.

— Они хотели тебя отравить?

— Не знаю, отец, может, и так, отвергать это не стану. Полагаю, в малых дозах зелье совершенно безвредно. Я не придал тому значения и, наверно, не вспомнил бы, если бы мои молодцы из Совета не упоминали его в разбирательстве. Подчеркну: я не связываю убийство Дамианоса с сегодняшней попыткой переворота, но зелье — одно и то же, как я смею догадываться.

— Ничего не разберу. Как зелье замешано в бесчинствах во дворце?

— А только лишь так, Перун, что ты отказывался слушать слова мои о твоём брате Стрибоге. Ну вот, ты опять морщишься, а зелье мне предлагали его посланники.

— Это кто еще такие?! — Громовержец вмиг расширепел и вскочил бы, не усади Тарх его обратно в кресло.

— Не горячись, отец. Стрибог распространил свое влияние над Кряжмой и прочими южными территориями. На его урочища ходят все жители тех земель.

— Какая чушь несусветная! — Макошь поторопилась прервать его, видя, каких усилий мужу стоит продолжать эту беседу. — Среди моих девиц на урочищах пересуды ходят, что Стрибог зачем-то те слухи ветром разносит...

— Докладчики твои лукавят, богиня судьбы. — Тарх с азартом поставил на стол пустой кубок. — Князья Калевичи пытались убедить меня вас помирить, отец, объясняя, что имя их пособникам — легион.

Сварог оставил свои любимые четки, вытер рукавом вспотевший лоб и сказал:

— Запутал ты нас, Тарх Перунович. Никак не уясню: Стрибог с зельем этим как повязан?

— Калевичи его мне предложили. На прогулке в лесу как невидаль эдакую. А сегодня их схватил наш Совет — думают, метили они на престол. — Тарх поднялся со стула. — Получается, что хранители зелья, найденного в желудке умершего Дамианоса, задержаны за другое преступление. Мои люди считают: Калевичи подкупили Салтанова гридня, чему есть доказательство в виде кряжменских монет, и они же угрожали мне, что если я не помирю вас со Стрибогом, то худо всем станет.

— И они начали выполнять свои обещания. — Сварог снова взялся за четки и остервенело перемещал бусины.

— Именно. Но пока это всего лишь умозрения, догадки, и, для того чтобы их подтвердить, я лично займусь вопросом князей.

По комнате разнесся звон стекла. Макошь постучала по своему кубку и, когда все обратили на нее внимание, глазами указала, что он пуст. После того как Дажьбог исправил эту вопиющую несправедливость, она молвила:

— А девка-то — что с ней думаешь делать?

Разговор богов прервал стук. В узкую щель приоткрытой двери втиснулся нос прислужника, который сдавленным голосом сообщил:

— Прибыла Деметра. Эллинийская богиня плодородия, земледельцев, хранительница...

— Да впускай уже, не задерживай. — Макошь покинула свой стул, одернула подол платья, натянула дежурную улыбку.

Вместо приветствия запыхавшаяся гостя произнесла:

— Мне сказали, что она здесь. Моя девочка за решеткой?

Чтобы пройти в божницу, нужно было пересечь коридор из хоров и гридницу. Сразу за печью зияла темень, в которой пряталась неприметная дверь с инкрустацией знака Алатыря, ведущая к узкой винтовой лестнице, соединяющей господский и верхний ярусы. В горле изразцовой каменки тлели затухающие угли. «Все так, как должно быть. Ненадобно никому тепла в этом мертвом тереме», — подумала Мила.

Дверь отворилась совсем неслышно, петли сработали четко, открывая вид на небольшую светлицу с окнами, смотрящими на все четыре стороны. Посередине возвышался добротный сколоченный ящик, формой напоминавший рыбацкую лодку. Края его были густо усыпаны резьбой. Мила бросилась к этому последнему ложу своего отца. Глаза его были сомкнуты, как и суровые губы.

— Папа...

Она припала к родным рукам, сложенным на груди, прижалась щекой, будто пыталась своим теплом согреть их. Слез не было, только плыло перед глазами и хотелось скорее вытащить Велимира из этой жесткой и неудобной постели, недостойной стеречь покой сюзерена Северных земель буянских. На его черном бархатном кафтане финифтью блестели пуговицы. В этом наряде он появлялся на ее памяти лишь однажды: когда вернулся из триумфального похода, сумев поразить неприятеля. На фоне черной ткани кожа властителя Новоградского княжества казалась бледнее бледного.

Ладимила без остановки терла хладные длани, надеясь, что он откроет глаза, что проснется и, как прежде, произнесет:

— Мила...

Она оторвалась от мощной груди, не в силах поверить, что слышала свое имя. У княжны возникло чувство, будто в комнате она не одна, и внутри от этого похолодело. Мила отпрянула от бледного тела и встала, поправив помятую обивку дубового гроба.

Позади, между двух окон, высилась женская фигура. Лица под серым балахоном было не разглядеть. Только увидев женщину, юная княжна поняла, кто ее звал. Но кто она? Прислужниц-женщин во дворце сроду не было, врачеватели все тоже были мужчинами.

— Кто вы?

— Не пугайся, Ладимила. Мы виделись очень давно, ты не могла бы меня вспомнить.

Фигура зашевелилась и, будто не шагая, а паря над полом, переместилась ближе, к другой стороне изголовья Велимирова гроба. Мила безотрывно глядела на незнакомку, но не могла угадать ее черт. Та, будто услышав мысли княжны, отбросила накидку и явила Велимировой дочери свое лицо. Мягкий голос ее обладал такой силой, какой Мила никогда не встречала. Он убаюкивал и успокаивал.

— Сиротеть — горькое занятие. И я рада, что мы наконец встретились. — Женщина положила руку на грудь Велимира и продолжила: — Твой отец... был для меня самым дорогим из людей. Пожалуй, что слишком, оттого... — Из ее груди вырвался вздох, но незнакомка не дала перерасти ему во всхлипывание, быстро собрав всю волю, и промолвила: — Оттого я, как и ты, пришла с ним проститься.

— Кто вы?

В глубине Милы зрела ярость. Какая-то проходимица явилась к ее умирающему отцу, чтобы... Что она хочет? Объявить ей, наследнице дворца, что им есть что делить? Сообщить, что все эти годы была его тайной неземной любовью?

Удивительно, но эта женщина источала редкое умиротворение. Поймав в глазах Милы немой вопрос, она убрала руку и поправила прическу, спрятав прядь волос за ухо.

— Даже не можешь представить, как пылко я желала раскрыть себя все эти годы. И только любовь... — Она на секунду прервалась, посмотрев на умершего сюзерена Северных земель. — Любовь, безмерное уважение к твоему отцу и страх за его жизнь не позволяли мне поведать правду. Но моя забота оказалась бессильной перед лицом Главного правила...

— Что вам надобно? — только и смогла выдавить из себя Мила. Ей было не по себе от этого голоса, звучащего, с одной стороны, таким далеким, а с другой — ужасно близким.

Женщина, казалось, не слышала вопросов и вела беседу сама с собой:

— Будь прокляты эти правила, нами же самими и придуманные!

Глаза ее заблестели. Она отвернулась к окну и смотрела на проплывающие облака. После наклонила голову так, что Миле стал виден ее профиль.

— Знаю, что это нелегко. Но ты поймешь, что этот круговорот... Он неизбежен.

— И все мы туда канем, отправимся к Чернобогу. Так?

— Не совсем. Не все.

— Я бы все-таки хотела знать, с кем имею честь...

Женщина нервно зашевелилась и вдруг громко сказала:

— Подойди сюда, к зеркалу. Давай посмотришься.

Мила недоверчиво взглянула на столик у стены, но, поразмыслив и решив, что делать нечего, медленно обошла гроб и стала всматриваться в свое отражение. Никаких изменений ей не виделось, разве что глаза были на мокром месте. Оторвавшись от зеркальной глади, княжна подняла очи и наткнулась на портреты богов, покровительствующих Новому граду. Сварога и... «Постойте...»

Резко развернувшись, Мила впиалась глазами в лицо собеседницы. Она не могла поверить, что перед ней предстала...

— Лада?! Но как же я теперь? Меня же должны...

Княжна заслонила лицо руками и отвернулась от той, с кем не имела права не то что беседовать, но даже смотреть в ее сторону.

Богиня обняла Милу за плечи и еле слышно прошептала:

— Не бойся. Открой глаза. Смотри...

Мила оторвала ладони от лица и подчинилась воле Лады.

— Ты и я... Просто знай, что ты не одна.

Мила не могла поверить своим глазам. В зеркале, за ее спиной, была женщина, обликом повторяющая ее саму, настолько подробно, что их можно было принять за сродниц. Дочь Велимира от чувств закрыла рот рукой и развернулась. Лада ласково взяла в руки ее лицо и промолвила:

— Ты не одна.

Глава 7

Мечь

Главная площадь буянской столицы вязла и тонула в шумной толпе. Чуть только стало известно о произошедшем в малом зале для совещаний, жители ринулись в царский дворец, и остановить их не представлялось никакой возможности. Над колыхающейся оравой возвышался все тот же деревянный помост. На своем веку он исполнял разные роли: здесь выносили благодарности и хулу, славили героев и вершили расправу над преступниками. В тот вечер убранство его сиротело голым настилом, не было видно ни ширм, ни ковров, ни даже флагов, разве что рыжие лучи закатного солнца заливали посеревшие от времени доски алыми всполохами.

Ближе к стенам дворца, за цепью вооруженных стрельцов, полыхало пламя другого рода. Между тремя достойными мужами разгорался пожар спора.

— Салтан, мы не можем лишить их жизни так скоро. — Слова хрипло срывались с пересохших губ Тарха. — Показания их недостаточны...

— Ты хочешь даровать жизнь изменникам?

— Я хочу узнать, почему они пошли на это... Однозначного предположения у нас нет.

Царь вперился взглядом в главу Совета мудрости и правды и произнес:

— Как их пытали?

— Окунанием в воду. Порезами. Здоровяка на дыбе растягивали.

— И ничего? А Ратибор? Он же дохляк и слабак, должен был выдать все, испугавшись одного вида раскаленной кочерги.

— Как язык проглотил. И прижигать мы их, Салтан, не стали. Бесчеловечно это. Ратибор немым сидит. Бредит там себе, тихонько шепчет под нос — не разобрать ничего.

— И разбирать не надо! Нечего с ними возиться — воздать по заслугам сейчас же, и только!

Доселе молчавший Троян приобнял царя. Жест этот хранил в себе желание то ли успокоить, то ли поддержать владыку. Дождавшись мгновения, когда Салтан посмотрит на него, глава Совета поклонения мягко наклонил голову и произнес:

— Давай не будем столь жестокими...

Царь сбросил руку со своего плеча. Ноздри его раздулись, а к голове прилила кровь, расцветив грозное лицо пунцовыми пятнами.

— Чтобы милостью своей разрешить всякому люду на жизнь мою покушаться? Надобно уверить прочно-напрочно народ в том, что посягательство на государев живот обойдется слишком дорого — чтоб никому не повадно было!

Главы Советов переглянулись. Тарх тяжело вздохнул, потупил взор и стал рыскать по брусчатке глазами, не в силах скрыть своего разочарования.

— Да, царь-батюшка. Раз ты все решил, мы перечить не станем. Последнее их желание я уже исполнил.

— Покаялись?

— Молились долго и нудно. Не Перуну и не Сварогу, правда...

— Не важно. Мрази! Посмотрим, кому они взмолятся во время четвертования.

Тарх закончил пересчитывать камни мостовой и поднял изумленные глаза:

— Салтан, одумайся! Отрубить руки да ноги — себзя только марасть. Смертные и виселицы испугаются до дрожи.

Но не слышал Салтан увещеваний Тарха. В его воображении острые ножи уже резали молодые тела князей Калевичей.

— Руки да ноги — это еще что. Оскопить их сначала надо! Чтоб взвыли, как дети малые.

Троян задумчиво сложил руки перед собой, опустил глаза долу и тихо проговорил:

— Не бывать казни, стало быть.

Слабый голос главы Совета поклонения прервал кровавую бойню в царских зрачках.

— Что ты сказал? Повтори!

— Против казни я, царь-батюшка. Для законного убийства подданных нужно согласие каждого из нас троих, ведь так?

Царь напряженно кивнул, раскинув руки — было понятно: медлить с продолжением мысли никак нельзя.

— И коли не хватает у тебя благоразумия послушать нас, глав важнейших Советов буянских, и жажда мести заволокла твои очи, то давай я помогу твоему разуму вернуться на место, — продолжил Троян. — Не будет четвертования в Буяне! Под знаком Перуна их сейчас разрубишь, а наши веряне испугаются и разбегутся по углам.

Салтан в гневе стащил с головы свою золотую, с соболиной оторочкой шапку и протянул Трояну.

— Поверховодить хочешь? На, примерь, не жмет?

Тарх встал между главой Совета поклонения и царем и спокойно произнес:

— Отрубим головы, Салтан. Всем хватит и такой жестокости.

С каждой минутой толпа ревела все неистовее. По галереям улиц царской крепости разносилось эхо, вторящее голосу Трояна. Даже в самых дальних уголках были слышны отдельные слова:

— Измена... Не прощается... Пощады нет, не было и не будет... Да здравствует царь... Инаких мы не примем... И любой будет казнен... Во славу Перуна!

— Во славу Перуна! — взвыло эхо тысячи голосов, а вслед за ним послышалось два коротких и точных удара топором, и новый взрыв разъяренной толпы накрыл столицу Буянского царства.

Редкое утро в буянском порту выдавалось тихим и безлюдным. С первыми рассветными лучами сюда стягивались торговцы, ремесленники, лавочники и зеваки, часто по случаю прибытия какого-то конкретного судна, а иногда — и просто потаскаться среди бочек да сундуков с заморскими товарами, авось что интересное взглядишь да выменяешь за бесценок.

Натруженные загорелые руки бурлаков ловко управлялись с канатами и цепями, швартуя упрямые борты, усталые матросы сбивались в кучки вокруг торгошечных наливаек: животы их бывали увешаны плоскими бочонками с краниками, а за спинами болтались колчаны,

полные стаканов. Моряки и шагу по суше без горячительного не ступали, а то еще не привыкнешь так сразу к ровной земле после морской качки.

Средь разномастной толпы возвышались гордые алые шапки береговых опричников. Они досматривали скарб, опрашивали прибывающих о целях поездки и тех, кто казался им подозрительным, бесцеремонно брали под белы ручки и уводили подальше от людских глаз. Портовые старожилы пусть и не испытывали к этим красным кафтанам никаких нежных чувств, но вполне привыкли к грубым расспросам и неожиданным арестам. Алконост же, впервые оказавшейся здесь в столь ранний час, зрелище это показалось ужасным и пугающим. Она прижала к груди берестянку с письменами от своей портнихи и, постоянно оглядываясь, будто совершает что-то преступное, отправилась на поиски нужного судна.

Резной край борта, тщательно выкрашенный зеленой краской, выдавал происхождение корабля. Не нужно было искать цветные полосы спущенного флага, чтобы понять наверняка: экипаж прибыл из Вавилона. Дева-птица сверила название судна с указаниями портнихи и уверенно зашагала к широкой пристани. На одной из сторон деревянного настила возвышалась пестрая горка из разноцветных сундуков. За ней, как за прилавком, жеманничал ярко одетый мужчина средних лет, без остановки сгибавшийся пополам в поисках нужного товара. «Вот он, купец! Он-то мне и нужен», — поняла Алконост и заняла очередь, растянувшуюся на добрых двенадцать сажень. Кто в ней только не стоял: и прислужницы в форменных одеждах, и портные, и даже придворные девицы, накинувшие на головки башлыки, чтобы никто не узнал да не заподозрил их

в прижимистости — ведь по-настоящему богатые представители родов гривен не считали и покупали те же самые ткани в лавках с широкими окнами да на воскресных базарах у царской площади. Дева-птица весело хмыкнула своей догадке и принялась разглядывать всех вокруг.

Внимание ее привлек седовласый старик, вернее даже не он сам, а его властный и невыносимо резкий голос. Совсем рядом, в нескольких шагах от нее, он отчитывал кого-то из служителей порта — судя по чистому и выглаженному кафтану, чуть ли не смотрителя гавани. В сталкивающихся потоках ругани с одной стороны и неуверенных извинений с другой Алконост не очень уяснила, что послужило причиной этой перепалки. По большей части до нее доносились выкрики старика: «Какого лешего мой корабль отпустили? Кто посмел? Я три луны назад перевозку оплачивал наперед, слышишь! Кому отдали? Да ты знаешь, кто я? Лучше тебе и не знать! Грузы где? А, здесь? Так бы сразу и сказал, балда...»

Очередь почти не двигалась. Кто-то впереди сцепился с торговцем, пытаясь сбить цену, а одна из тех девиц, что не хотела выдавать своего вятшества, потеряв человеческий облик, накинулась на юного портного, когда узнала, что весь отрез шарлахового оттенка парчи отдают ему, да еще и с уступкой в цене. Алконост отвела взгляд от разноцветных сундуков и кофров и снова уставилась на старика. Услыхав о сохранности грузов, он успокоился, выпрямил спину, и лицо его вмиг приобрело приятные черты и даже какое-то благородство. Подле него вертелся громила в темно-сером балахоне, здоровущей ладонью стягивал капюшон у шеи, закрывая лицо, и отчего-то непрерывно дрожал.

— Да не дрожи ты как лист осиновый, Фёдор!

Старец похлопал молодца по спине, отчего тот на миг перестал трястись.

— Сейчас нам товар вынесут, корабль вернут — и сразу в Кряжму. Пойдем-ка с солнцепека, я тебе лекарства накапаю от тревог и волнений. Вон туда, в рощицу!

Времени прошло видимо-невидимо. Когда Алконост наконец добралась до заветных сундуков, солнце кралось к середине небосвода, купец выглядел изможденным, да и ларей осталось совсем немного. Он устало поводит пальцем по берестянке, сощурил один глаз, подкрутил ус и кивнул: мол, всё понял. Через несколько мгновений дева получила вожеленный травяного цвета сундук и, не в силах его поднять, поволокла по пирсу.

Как назло, всех крючников уже разобрали. С горем пополам докатив поклажу до мостовой, ведущей к слободкам, девушка умаялась и присела на свою тяжелую ношу. Люди уже вяло расходились по домам, кто с покупками, а кто без всего. Один из прохожих неожиданно остановился, осмотрел сидящую деву и вязко промолвил:

— Глядишь, коль в порту ничего не нашел, значит, удача по дороге настигнет. Вам помочь?

Девушка радостно вскочила с сундука и хотела было поблагодарить нежданного спасителя, как вдруг ее будто пронзила молния. Это лицо... это красивое, лощеное лицо...

— Да можете ничего не говорить, красавица, только намекните, куда дойти с вашим сундучком надобно!

Девушка отвернулась от молодого повесы и ослабевшим голосом проговорила:

— Прошу вас, оставьте. Я справлюсь.

— Не пристало такой девушке эки тяжести тягать! Он, глядишь, под два пуда будет...

— Я справлюсь! — крикнула Алконост, подхватила сундук, будто он был сущей пушинкой, и понеслась вниз по дороге.

— До новой встречи, пленившая меня своей скромностью красавица! — услышала она до боли знакомый голос.

«Никогда больше, Красибор!» — проговорила она про себя.

В зале совещаний Велимирова дворца было беспокойно. В гриднице собрались все приближенные сюзерена Северных земель. Их было немного, от силы человек десять, но шум стоял такой, будто их была целая толпа.

Перекикивая остальных, вещал Душан, отвечавший при дворе за продовольственные нужды и смотревший за сельскими угожьями:

— Сами посудите! Кто, если не я? Мне как никому доверял наш князь.

— Уймись, старый! Тебе он доверял только навоз по деревням развозить. Кажется, до сих пор пахнет, — твердил ему воевода Колояр, глядя при этом на кого угодно, только не на своего оппонента.

— Душан, ну куда тебе лезть? Ты всю жизнь со скотом — еще заблеешь да замычишь! — не отставал советник по воспитанию Остромысл.

По залу прокатился гнусный смех. Душан встряхнул головой и с новой силой затараторил:

— Я с ними по-хорошему и со всеми добр, как с собой. Не то что вы — только бы унижить кого да урвать побольше.

— Колояр, не хочешь ли ты себя выдвинуть? — поменял русло разговора в сторону воеводы Мстислав,

ответственный за новоградскую казну. — Чую я, что войско тебя только слушать станет, хотя никакой правитель из тебя, конечно, не выйдет.

— Это почему это? — возмутился Колояр.

— Ну а что ты делал? За дисциплиной следил? Приказы передавал? Наказания исполнял? Своей воли не имел и не выказывал никак, только из кустов и шептал, коли в бой отправлен был!

— Ты еще что-нибудь скажи — до дома точно озираясь идти будешь. Авось и стрелу встретишь в свою жирную морду!

Обиженный, Душан запрыгал на стуле, указывая пальцем на злого вояку.

— Вот, точно! Пугать еще мастак. Да не будет от твоего слова последний оруженосец ничего делать, напыщенный ты кабан!

— Судари!.. — Мягкое дуновение голоса пробралось в гридницу быстрее хозяйки. Вошла Мила. Облачена она была в простое платье черного льна, темная материя покрывала светлые волосы, весь смиренный облик ее свидетельствовал о скорби по отцу. Вельможи замолчали. Встать решился только один, самый молодой из присутствующих, и тот был почти невидим в темном углу гридницы. Не найдя другого свободного места за широким столом, Ладимила прошагала к трону сюзерена, тому, что до вчерашнего дня занимал ее отец. Как только белокурая княжна опустилась на него, лишь локти ее коснулись резных подлокотников, один из Велимировых советников, Остромысл, недоуменно повернулся к остальным и спросил полусшепотом:

— А она тут чего каблуки точит?

— Я все слышу, Остромысл!

Взгляды устремились на сюзеренову дочь.

— Прошу прощения, что прервала ваши пламенные речи. Если никто не против — посижу тут и внимательно вас послушаю.

Разгоряченный спором, Душан понадеялся найти в Миле поддержку и, поймав момент неловкого молчания окружающих, залепетал:

— Мы вот, княжна, решаем, кто из нас будет достойной заменой вашего почившего отца...

— А что тут спорить? — прервала его бляение Мила. — Выбор настолько очевиден, что других вариантов и быть не может, вам не кажется?

Два десятка глаз пытались прожечь черную ткань Милиного облачения. Совсем недавно она была кроткой, нелюдистой девчушкой, не способной без стеснения вымолвить и приветствие, а теперь перед вельможами предстала спокойная, уверенная в себе дева, без лишних сомнений делающая заявления такой важности, что каждому из присутствующих стало немного не по себе.

Справившись с секундным оцепенением, воевода Колояр спросил с вызовом:

— И кто же это?

— Я.

Княжна провела указательным пальцем по столу и накрыла одной ладонью другую.

— Разве кровное наследие земель кто-то отменял?

Повисшее молчаливое напряжение разорвал хохот князя Путислава. Щуплый, если не сказать дохлый, мужичонка, ликом напоминавший гуся, крикнул, да так залихватски, что смех разлился по всей гриднице.

Самый молодой из присутствующих мужей, князь Чеслав, Милин друг, товарищ ее детских игр, хлопнул ладонью по столу и громко сказал:

— Судари, прошу иметь уважение!

Смех сошел под стол. Там, в темени дубовых досок, советники толкали друг друга коленями, на поверхности оставив лишь сдержанные полуулыбки и озорные перелядки.

На светлом фоне окна нарисовалась точеная фигура вставшей княжны. Глаз ее было почти не видно, однако в их призрачном блеске читалась несокрушимая решимость, и потому каждый, к кому она поворачивалась, сглатывал свою веселость и становился безмолвным.

Добившись окончательной тишины, Ладимила молвила:

— Не нахожу ничего смешного в том, что Новый град лишился своего мудрейшего правителя. Того, кто был примером для всех нас, недостижимым образцом во всем и, конечно, неподражаемым воителем. Мне невыразимо больно говорить о нем в прошедшем времени. Но скорбеть времени нет: над нами, над нашими Северными землями и народом, как и прежде, висят опасности: набеги каторжников и пиратов-нордов, тяготы неурожая, свирепство мороза и засилье сырости. Люди всегда чем-то недовольны, а посему главным нашим оружием, как мне кажется, на первое время должна стать человечность по отношению к нашим подданным. Внутренние усобицы станут для них слишком сильным потрясением. От ваших споров мне-то тошно, а прознай о них народ — это приведет к разобщению и краху, да такому, что никаким внешним силам мы сопротивляться больше не сможем. Чем живут населенцы Новоградского княжества? Своей землей, своим скотом и наделами. Им должно быть предельно понятно каждое наше решение. И, как в крестьянской семье

отец передает своим детям все, что знал, чем владел и с чем управлялся, так и с тронном должно произойти.

— Ваше сиятельство, во всем вы правы. Ладно так все сложили. Как по книге. Но перед нами не книга, перед нами целое княжество — живой организм, но до этого, видать... У вас за плечами, если я не ошибаюсь, семнадцать весен, так? — зазудел воевода.

— Восемнадцать. Вы прекрасно справлялись с нашими воинами, уважаемый Колояр. Я лично видела, как они вылизывали языками сапоги тем, кто старше в строю. И, опережая выдвижение вас на княжение, смею предвидеть: ваша жестокость людей лишь разозлит, а вот умеете ли вы иначе — что-то я сомневаюсь.

— Княжна! — Остромысл поднялся со стула и вкрадчиво заговорил: — Согласен, коль к власти придет военный, то наш люд вззоет, не успеет новый владыка и шагу ступить. Я, знаете ли, уверен в нашем согласии с тем, что свет учения озарит наш народ и сделает его покладистым и податливым, что драгоценная глина...

— Не пойму: что вам мешало озарять народ светом учения все эти годы на вашем посту? Все двери были открыты. И окна. Запасы — все книгохранилище. Но лень всех наук приятнее, не так ли?

Остромысл хотел было что-то возразить, но его прервал князь Мстислав:

— Что мы спорим без толку? В ту пору, когда Пятимирием правят деньги, только они могут что-то решать. И они должны быть во главе всего, судари. — Хранитель казны скользнул взглядом по Ладимиле и быстро исправился: — Вы согласны, княжна? И умное их расходование пойдет на пользу не только Новому граду, но и всему Буяну!

— Ваши дочери и так прекрасно одеваются. Поверьте, таких шелков я не видела даже на балах в столице. — Мила подошла вплотную к недовольному князю, наклонилась и стала шептать на ухо: — А какими яхонтами они хвастались этим летом! Неужто на ваше жалованье можно так достойно баловать своих кровинушек ненаглядных? Наверное, стань вы царем, народ будет одарен с ног до головы всем, что купцам не жалко отдать за ваше покровительство?

Князь Мстислав вмиг побледнел и от испуга стал неистово икать. В гридницу влетела запыхавшаяся прислужница, в руках ее был поднос с кубками и графином с вином. Увидев понурых вельмож, она в нерешительности застыла и стала оглядываться, будто собираясь ретироваться. Мила подняла руку и остановила ход ее сомнений:

— Судари сами справятся. Спасибо. Ступай.

Судари справились. В горле пересохло почти у всех.

Сделав небольшой глоток, гусеподобный князь Путислав встал, откашлялся в сторону и проговорил:

— Дело говоришь, княжна. Ты и замуж пойдешь высоко, и мудра, и сердечна, и расчетом владеешь притом. Но народ-то у нас дикий. Камнями же забросают, посмей ты только им сказать, что ими будет управлять... как бы это сказать... зла не держи только, я ж просто как они рассуждать пытаюсь. Ну... не муж... а несовершенно человек... Женщина.

— А мы поддержим.

Чеслав не пил и не садился, а только держал наготове свитки, оставленные Велимиром.

— Если главы всех Советов новоградских будут во время объявления рядом и разъяснят, кто и за что уважает законную наследницу, люд наш удивится,

но смирится. И подивится всякий тем сильнее, как был неправ, размышляя, что женщина неспособна привести свой народ к процветанию.

Глаза его искрились, и он безотрывно глядел на княжну — так внимательно и не моргая, что Миле даже стало не по себе от этого взгляда.

— Несовершенный человек — это тот, кто не достиг совершенства. Мы все здесь такие. Так что давайте поднимем наши кубки и сдвинем их за нового сюзерена Северных земель!

За окном белокаменного Сварожьего терема тревожно качались березы. Их плакучие плети, обыкновенно ласкавшие нижний ряд меловой кладки, били в окна, как в набат, сообщая хозяину дома о том, что та, кого он ждал, вернулась.

Бог огня застыл у дубового подоконника. Незнакомец мог бы предположить, что Сварога манят бескрайние цветочные луга, уходящие за самый горизонт, что он следит за полетом шмеля или наблюдает за безмолвным танцем спелых колосьев. Но Лада изучила в нем каждую пядь, и эти напряженные мощные плечи ясно давали понять: им с мужем предстоит разговор, который она откладывала целых восемнадцать лет.

— Возвратилась?

— Как видишь.

— Вот и славно!

Холм его плеча поджался к могучей шее еще сильнее, будто ответ супруги заставил его напрячься пуше прежнего.

Ее вдруг обуяло нестерпимое желание броситься на эту широкую грудь, гладить выступающие бугорки

мускулов, ладонями своими расслаблять их натугу, беззвучно, пальцами, сообщать, что в ее сердце нет места обиде и что она готова вместе преодолевать любые невзгоды, во всем поддерживая своего Сварога. Она сделала шаг, а дальше идти не смогла — все-таки было между ними что-то неразрешенное, то, что мешало взять и прикоснуться к мужу. Была ли в этом ее вина? Никто не смог бы ответить на этот вопрос. Одно она знала точно: распутывать этот клубок выпало ей. Лада взглянула на свою ладонь и тихо промолвила:

— Хочу знать... — Она проглотила подступающий ком, тяжело вздохнула и прохрипела: — Почему сейчас?

Небесный отец развернулся и уставился на жену. Лицо его было крайне сосредоточенно в своем беспокойстве, в нем одновременно сошлись досада и растерянность, и эта горькая смесь придавала ему облик кого-то чужого, незнакомого.

— Это не имеет значения. Ты здесь. И это главное.

Сварог попытался улыбнуться и неловко погладил Ладу по щеке. Она мягко отстранилась, очень четко осознавая, что он вознамерился вновь пойти простым путем: замолчать, спрятать, родить очередную недосказанность. Соучаствовать в этом никак нельзя, каждому из них надо выговориться, признать свои грехи. Но как решиться? В попытках собраться с мыслями Лада бросилась искать любое занятие. На столе посередине светлицы в вазе, формой напоминавшей лебедя, громоздились ягоды и фрукты. В их саду плодов было видимо-невидимо, есть их никто не ел, и лежали-то они обычно для красоты и уюта. Богиня любви ринулась к съедобному украшению, схватила нож, и его лезвие безжалостно впилося в мякоть ярко-красного яблока.

— Ты мне скажи. Поведай.

Лада разделила яблоко на две половины.

— Что ты теперь с ней сделаешь?

Сварог медленно добрал до стола и стал напротив жены. Ему явно было что сказать, но он как будто сознательно выдерживал в себе слова, чтобы доставить супруге, уличенной в неверности, как можно больше страданий.

— С твоей дочерью?

Великан получил утвердительный кивок жены, ухмыльнулся, с неприятным скрежетом ножек по половикам отодвинул стул и опустил на него.

— Дай подумать. Что можно сделать с девкой, ставшей плодом преступного разврата?

— Сварог!

Лада вонзила нож в половинку яблока, отщепив от нее полумесяц, обернутый кожурой.

Супруг протянул свою огромную руку, медленно поднял со стола дольку и отправил ее в рот. Вперился в жену испытующим взглядом.

Борясь с дрожью в пальцах, Лада продолжила нарезать яблоко.

— Ни слова вовек я не сказала о твоих Сварожичах, — проговорила она, старательно пряча глаза.

Хрустящие звуки, доносившиеся из божественного рта, прервались. Не успев прожевать яблоко, бог огня проглотил большие куски и приподнялся со стула.

— А ты что-то о них хотела сказать?

— Только лишь то, что я их не рожала. И в чудодейственные удары твоего молота об Алатырь-камень может поверить кто угодно, но не я.

— Ты еще скажи, что вообще никого не рожала.

— Почему же...

Яблоко было разделено на восемь долек. Пять тоненьких — они получились из одной половины — и три потолще — из второй. Лада аккуратно положила нож и принялась считать нарезанное.

— У нас чудесные дети. Смотри: Перуна ты уже проглотил.

Она положила посередине между ними одну дольку. Вскоре к ней добавились вторая, третья и так далее.

— Леля. Жива. Мара. Лель. Полель. А теперь называй ты.

Она придвинула оставшиеся три куса яблока к ладони супруга. Ноздри его раздувались — ответа все не было. Беспомощное молчание было для Лады хорошим знаком. Оно давало ей возможность разрубить этот узел впрямь и навсегда.

— Ну же, можешь съесть, если голоден. Да и эта половина слаще. Тебе помочь?

— Спасибо, Лада.

Челюсти снова зашевелились. Две дольки безвозвратно превращались в кашу за его тонкими устами, а третья одиноко лежала под рукой.

Богиня семьи кивнула на оставшийся кусок яблока и открыла последний козырь:

— Немизу зачем обижаешь?

Сварог схватил темнеющий полумесяц яблока и швырнул им в открытые створки окна.

— Она мне не дочь! Стрибог да Семаргл — да, сыновья, но Немиза... Она какая-то проходимка, найденная Марой после того, как наших девочек околдовали!

Руки у Лады больше не дрожали. «Как же, решил сбить с толку, напомнить о том, как дочерей наших, Живу, Лелю и Мару, похитили да чуть не сгубили. Не

получится, Сварог, я не дура — на твои приемы покупаться снова!» Она понимающе кивнула и изрекла:

— «Родились из искр, от ударов молота по камню Алатырю»... Может, молот с искрами попал еще куда, а ты и не заметил?

Ладу обдало жаром его дыхания. От глубокого вздоха мышцы его налились невиданной силой, грудь раздуло так, что свет от окон еле пробивался в середину комнаты... Свирепые глаза его жаждали одного: прекратить это мучение, прервать пытку греховными воспоминаниями, забыть о сладком плоде неверности навсегда. Взглядом он вернулся к вазе с фруктами, схватил вишню на плодоножке и поднес ее к самому Ладиному лицу.

— Я достаточно внимателен, Лада. — Вишня коснулась ее губ. — Ничего твоей... Ладимиле не будет. Полюбим ее как родную дочь. Она не виновата в том, что... Ты... Съешь ягоду — и никогда больше не возвратимся к минувшему, ладно?

— Можешь идти!

Сирин подняла голову и раскрыла глаза. Беспроглядный мрак не только скрывал предметы вокруг — он безжалостно лишал арестантов возможности считать дни и часы, проведенные в этих затхлых казематах. Лязг металла бил по ушам, и во тьме только и видно было, что отблески керосиновой лампы на железных прутьях. Ей не приснилось, это было наяву.

— Ступай, кому говорю!

Ставни клетки были открыты. Нетерпеливый целовальник шаркал ботинками и шумно всасывал воздух, обнажая хронический насморк, всем своим видом давая

понять, что ждать долго он не намерен. Дева судорожно схватила то небольшое, что было при ней, вскочила на некрепкие ноги. Голова закружилась. Что ей уготовано дальше? Все слишком быстро. Отведут ли ее на дыбу? Или будут окунать в бочку с ледяной водой, пока из мученного тела не улетит душа?

Трепет сомнений, как стаю воробьев, разогнал грубый голос охранника:

— Сюда подойди, девица.

Делать нечего. Дева-птица выпорхнула из своей черной клетки и покорно подошла к целовальнику. Это был не тот толстяк, что обещал помочь ей с освобождением за маленькую услугу, а совсем иной, сухопарый и хмурый. В его глазах прыгал огонек от масляной лампы, но сами очи были бесстрастны. «Девица»... Значит, шансы на то, что она сможет его убедить пощадить ее, крайне малы. Вот сказал бы он «красавица» или «милая» или добавил перед «девицей» хотя бы «красна», тогда можно было рассчитывать на снисхождение, — такие вещи она научилась распознавать как никто другой.

«Дело дрянь», — прошептала про себя Сирина. Сколько всего незаконного ей удавалось сотворить и не понести наказания? Пожалуй, никто из богов и не сочтает. Ей не бывало стыдно, она редко сожалела о содеянном. Но сейчас чувствовала приближение расплаты.

— Тебе по коридору прямо, пока в угол не упруешься. Там налево, по ступенькам вверх. Ну и направо плавно ход пойдешь, пока дверью не кончится. Там и выходи.

Дева-птица обреченно вздохнула и попыталась в последний раз произвести впечатление на охранника. За это наказание ее вряд ли настигнет. Она подняла

скованные цепью руки над собой, прогнулась так, что в лопатках захрустели косточки. Повернулась чуть боком, чтобы лампа осветила ее теплый, зазывный стан.

— Кхм! — кашлянул целовальник. — Ты иди давай, кошка экая.

Не получилось. Но хотя бы спинку размяла. Что ж, пусть будет так, как суждено. Сирина поплелась в указанную сторону. Не пройдя и пяти шагов, она услышала:

— Погоди, казенный металл куда понесла!

Девушка застыла в непонимании. Что она могла унести со связанными руками?

— Ты меня в чем, клоп, обвиняешь? В воровстве? Что я, жерди зубами обглодала, по-твоему?

— Да нет, глупая! Кандалы дай сниму — с ними вряд ли удобно на свободе будет.

Ключ щелкнул в замке — и ее запястья в одно мгновение освободились от тяжелой ноши. Дева посмотрела на свои руки и подняла взгляд на охранника, не зная, что сказать. Он же изобразил улыбку, отчего лицо его стало похоже на смятую тряпку, и по-доброму проговорил:

— Не благодари. Беги давай на свет людской.

Обыкновенно солнечный и радужный, Сад наслаждений погрузился в тревожный и траурный сон. Не было здесь слышно ничего: ни возбужденного перешептывания дев, ни волнующих звуков музыки. Даже глицинии с акациями и те не шелестели листвой. Все замерло, впало в летаргию и ждало знака, разрешения продолжить праздновать жизнь каждый день.

Гвидон нашел хозяина Сада в центральной беседке, той, что была со всех сторон укрыта пятипалыми листьями винограда.

— Брат...

Елисей обернулся, и во взгляде его была та свирепость, какая бывает у загнанного зверя, готовящегося к финальному броску перед смертью. Лицо царевича исказил хищный оскал, а вслед за ним вырвались хриплые слова:

— Нет у меня братьев! — Он вновь отвернулся к выстриженному окошку. Покачиваясь, держался за перекладину опоры, потом, набрав полные легкие замершего воздуха, с силой его выдавил: — Вчера утром я думал, что у меня их трое, но теперь ни одного не осталось!

Старший из сыновей Салтана стоял неподвижно. Он лишь снял с головы шапку, сжал ее обеими руками и тихо промолвил:

— Мне очень жаль...

— Очень жаль?! — Елисей завелся не на шутку. — Очень жаль? Какой ты жалостливый! Со мной ты эту партию не разыграешь.

— Ты не понимаешь, брат...

— Не смей меня называть так! — сорвался с Елисе-вых губ почти истерический крик. — Моим братьям, князьям Калевичам, сегодня отрубили головы, и все благодаря тебе!

— Оклемайся, цесаревич! Вижу, горе заволокло твои глаза, душа твоя не мыслит жизни без молодых князей... Но они посмели против нас...

— Хватит, — прошептал Елисей. В одном этом слове было столько боли, что не заметить ее было невозможно.

Гвидон замолчал и жестом показал, что готов внимать, если брат так желает.

— Твоя игра прозрачна и ясна, что воды Алатыря. Только темна, что борода Чернобога! Подставить моих сородичей под личиной спасения жизни царской, чтобы самому вознестись на престол! Думаешь, разгадать твои ходы было сложно? Впрочем, что ты там себе думаешь — совершенно не важно. Прощения тебе не будет ни здесь, ни — я уж постараюсь — в Прави и Нави!

Закончив сыпать угрозами, младший брат гордо вскинул подбородок и направился в сторону своих покоев. Неожиданно локоть его оказался в руке Гвидона. От изумления глаза младшего царевича выпучились, превратившись в белесые кругляшки размером с пятигривенники, испещренные красными прожилками. На Елисеевом языке вертелись разные грубости и ругательства, но парализующий гнев никак не давал им слететь в сторону посмевшегося к нему прикоснуться брата.

Гвидон же спокойно проговорил:

— Прощения ждать я не намерен. Но прошу другого: дослушать до конца.

Локоть выскользнул из мощной ладони. Елисей потер сустав и уставился на обидчика жадным взглядом. После отвел глаза и смиренно кивнул — мол, выкладывай, только коротко.

— Цели братьев твоих названных не ведаю, но одно знаю: кровь Салтанова пролиться должна была. Чего ради — чтобы нас в усобицу ввести или напугать до смерти, — теперь можно только гадать. Князей не спросишь — они мертвы. Но не для того они казнены, чтобы мне в борьбе за власть помочь. Наказаны они за помыслы свои грязные, чуть не лишившие жизни нас с тобой.

Ты был хмельной, тебя предупреждать казалось бессмысленным. Но отбирать их жизни в мои планы не входило! Лишь нас спасти, от угрозы уберечь. В доказательство тому спешу тебя уверить: от трона откажусь в твою пользу по первому требованию. Коль хочешь царствовать — Буян твой.

Елисей оставил гладить синяк на локте, поднял глаза, и взгляд его обратился внутрь. Мысли, как ядра, пущенные из праща*, летали в его голове, сменяя друг друга, роились, как пчелы. Раз за разом он намеревался что-то сказать, но все попытки эти останавливались вопросом: «Тогда зачем? Зачем все это?» Наконец он тихо промолвил:

— Почему ты знал, что они намеревались... сделать с нами то, о чем ты говоришь?

— Я знаю больше многих, Елисей. Тому есть причины, и они...

В нескольких саженьях от престолонаследников зашевелились кусты, и этот тихий звук вмиг заставил Гвидона замолчать. На мосток у беседки вышла служанка, хорошенькая девушка, поклонилась до земли и походкой, какая бывает у горных ланей, ушла восвояси. Оба царевича проводили ее взглядами, но если один из них источал животный жар, азарт, то второй был холоден, как северный ветер, что гнал ее во все паруса. Гвидон покашлял в ладонь, Елисей же жестом потребовал продолжения, но в ответ услышал:

— Не здесь и не сейчас, это важно и не стерпит лишних ушей. — Гвидон поклонился, отошел на несколько шагов в сторону калитки, приостановился и бросил через спину: — Не держи зла, царевич.

* Пращ — орудие, предназначенное для метания камней.

За всю прощальную церемонию Мила не проронила ни слезинки. Не то что ей не было горько — так паршиво она, наверное, никогда себя не чувствовала. Но после Ладиных нежных рук, ее вкрадчивого голоса, рождавшего откровения, в которые было сложно поверить, в ней, княжне, поселилось что-то совершенно новое. То, что не позволяло впредь вырываться наружу мягкосердечию. То, что не допускало и мысли о ее виновности в случившемся. Тонкое лицо пряталось в складках черной ткани, и ни один самый зоркий глаз не мог разглядеть ее сухих очей. Стало быть, к лучшему: никому не придет в голову обвинять сюзеренову дочь в отсутствии чувств. Не раскроешь же каждому, что ей довелось узнать только что, суток не минуло еще.

Ритуал по всему царству был един: лодка с телом покойника отпускаясь на милость течения, и там, где она захотела пристать, должно было насыпать курган. Все, кто желал поучаствовать в поминании, отправлялись вслед за челном. И чем более уважаемым был почивший, тем выше вырастал курган.

Тем днем вдоль русла реки потянулась цепочка новгородских мирян. Каждый из них, кто в слезах, а кто просто горем опоенный, поспешал успеть за лодкой и бросить свою горсть земли, ну и Сварогу помолиться.

Вместо курганного паломничества в толпе плакальщиков княжна вернулась в крепость и неподвижно просидела в божнице несколько часов. Она не проронила ни слова, и никто и предполагать не мог, чем наследница была занята — молилась ли или, может быть, тихо плакала. По всему дворцу были расставлены высокие вазы с яркими осенними цветами — поговаривали, что

их доставили из самих Сварожьих угодий, — всюду виднелись наспех созванные опричники. Усиление потребовалось срочно: после прощания с местным владыкой населенцы поворачивали назад — в город, к самому дворцу, стоять под стенами да ждать новостей. Всем не терпелось узнать, кто будет править княжеством вместо мудрого Велимира.

Вдруг княжна услышала шум за дверью. Время тянулось мучительно долго, и никто из вельмож никак не приходил сообщить, что все готово к объявлению перед народом. Несмотря на возню снаружи, внутри никто не заглядывал. Не в силах дольше терпеть, Мила сама отворила створки и чуть не ахнула от неожиданности:

— Добродея!

Они обнялись прямо в дверях, а охранники переглянулись и, недовольно крякая, разошлись по своим углам, пряча копыя за пазухи.

Прикрыв резное полотно, княжна бросилась к любимой служанке с расспросами:

— Где же ты пропадала все эти дни, сколько уж их минуло?..

— Милая моя!.. Ой, что это я... сударыня! — Добродея не могла сдержать слез. — Дней я не считала, да и что считать, когда горе-беда такая!

Они снова обнялись, и теперь было совсем не распознать, кому из них сильнее была нужна поддержка в то мгновение. Мила поймала подушечками пальцев подступающую влагу, встряхнула белоснежными локонами и тихо проговорила:

— Может, чаю? С нашими травами, а? Прошло совсем немного, а кажется, не пила такой вкусности тысячу лет!

Самовар клубился паром, медом блестели пряники, а чайники сбегали из сита, кружились в водовороте кипятка, но, разобравшись с течением, ловко выныривали и норовили прилипнуть к самому нёбу. Первая волна радости от долгожданной встречи схлынула, и теперь между женщинами воцарилось безмолвие. Мила много о чем хотела расспросить свою няню, но событий не торопила, а лишь разглядывала ее. Сложно было узнать прежнюю Добродею: лицо ее осунулось, плечи сторбились, а глаза стали полны такой тоски, будто все живое из них выкачали, оставив только талую воду после весеннего паводка да закрутили воронкой волнения. Уловив эту тревогу, Мила положила руку на Добродееву ладонь и прошептала:

— Отчего ты сама не своя, Добродееюшка?

Та сжала и без того узкие губы, подбородок ее затрясся, и вместе с брызгами слез у нее вырвался стон такой силы, что вмиг разбежался эхом по всем дворцовым закоулкам.

— Ну-ну, право, что судьбу гневить... все как-нибудь образуется, не так ли? — Мила сама едва ли в это верила, но в тот момент чувствовала, что хоть кто-то должен оставаться в твердой воле и не сдаваться в плен чувству утраты.

— Не о том я плачу, милая моя... — Добродея подняла глаза, но, найдя взглядом очи княжны, тут же отвернулась, сделала глубокий вздох, чуть себя успокоив, и тихо заговорила: — Не знаю, как вас просить о прощении, сударыня. Это ведь я виновата.

Мила продолжила сидеть в непонимании, глядя прямо на служанку.

Та развернулась и с отчаянием добавила:

— Да и сама себя я теперь простить не смогу вовек.

Накрыв лоб рукой, будто проверяя, не настиг ли ее нечаянный приступ жара, Мила прошептала:

— Что ты... что ты хочешь мне сказать? В чем признаться? Я решительно не понимаю...

— Я все знала, — спешно перебила ее Добродея. — Тайна вашего рождения была известна мне с самого начала. И не было во всей земле, во всем Пятимирии жинки более гордой, чем я, только лишь тем, что за вами приставлена была приглядывать. И под страхом смерти и вечных страданий никому бы я не выдала то, что обещала хранить в секрете.

Княжна поймала во взгляде своей няни ту нежность, за которую любила ее всем сердцем.

А та продолжала:

— Вы росли, хорошели, мудрели и всем своим обликом больше и больше походили на мать. Я молчала, наблюдала да радовалась, какая красавица Лада... Лади... Ладимилочка, лебедушка белая на моем попечении. Никому не говорила. И только вот в столице... — Она резко зажмурилась. Было отчетливо видно, как тяжело ей даются эти слова. — Когда нас в порту разлучили насильно, помните? Меня же как обухом по голове ударили, и что дальше было — помнится смутно. Посадили, кажется, в телегу, везли-везли куда-то и привезли в хату белокаменную. Там со связанными руками на стул усадили и давай о жизни в Новом граде спрашивать. Обо всем в подробностях. А я сижусь, слюну глотаю да помалкиваю. В ход тут палки пошли, но я молчком все эти невзгоды снесла. Знала бы, что обещание мое все равно сорвут, молила бы о том, чтоб погубили меня теми палками...

— Да как они смеют... Кто они? Тарховы целовальники?

— Не могу знать, княжна. Одеты они не по форме были, я оттого и не подумала, что они из Совета какого. Да и что уж сейчас кулаками в ту сторону махать... Молчала я под палками, писка единого не проронила. Они меня так и оставили, а во рту ссохлось все, уж и влаги никакой не осталось. Заходит тут старик, глаза-пуговицы, и протягивает мне чарку. Думала, что самый добрый из них, сжалился над теткой деревенской. Оказалось, самый хитрый. Что в той чарке было — одной Макоши известно, по вкусу — что сливки парные, а запах такой... приторно-сладкий, будто цветов черемухи накидали. И чуть я только хлебнула — по всему телу стали волны подниматься, в голову ударили, змеями внутрь заползли. Дрожь меня била, да не от холода, а от чего-то непередаваемого... И чувство это побродило внутри да спустилось туда... между ног. И как засвербело! Я, знаешь ли, такой... чесотки никогда не испытывала. А руки-то связаны, вот я и извивалась, что змея. Старик как увидел меня такую, так подсел да своих пособников позвал... Было их там трое или четверо, девица молодая одна в круге их. А мне жарко до ужаса, я вся в поту, они меня и раздели да в уши дуют и вопросы свои приговаривают, трогают все места. И девка эта руками своими... И сопротивляться не могу, чресла не чешутся уже — горят! Ой, право, княжна, это была пытка на грани с таким блаженством, что я сдержать себя не имела силы. Вот и рассказала, пока они меня мучили, а как в себя пришла, стыдно стало так, что и словами не передать.

Мила понимающе кивнула.

Сочтя этот жест знаком снисхождения, служанка бросилась на колени и громко запричитала:

— Не прощу себя никогда за то, что слабость моя к смерти владыки нашего привела!

Княжне пришлось обнять Добродею, чтобы поднять ее на ноги. Она погладила заплаканное лицо и прижала его к своему плечу.

— Не кори себя, моя золотая. Кем бы ни были эти жестокие люди, одно понятно: они искусны в своем умении добиваться желаемого. Отмщение за ними придет, я верю, но думать об этом сейчас не время. Сохранить мир в нашем родном Новом граде — вот над чем должно сейчас трудиться, и это занимает меня больше всего остального!

— Верой и правдой буду вам служить, моя княжна, и, если потребуете, отрежу себе язык, чтобы не болтать лишнего!

Последние слова вызвали у Милы мягкую улыбку. Она снова погладила ее по волосам и взглянула в узкий створ окна.

— Княжна... — обратилась к ней служанка. — Раз вы меня при языке оставили, могу спросить? — И, получив молчаливое согласие, прошептала: — Как вам матушка ваша?

В окне был виден кусочек площади. Мостовая изнемогала от нашествия мирян, новоградцы толкались, пытаясь проникнуть поближе ко входу во дворец. Понятное дело, все это сопровождалось недовольными криками. Мила повернулась к служанке и проговорила:

— Я... ты знаешь, я ведь не сразу поняла, кто передо мной. А как только узрела нашу схожесть, почувствовала наше родство — да что там! — услышала ее голос, ощутила что-то такое внутри, чего раньше никогда не испытывала. И пусть меня снедает скорбь, будущее мое туманно и сомнения эти терзают меня, тоски внутри

нет совсем. Я как будто вмиг стала другой, но кто я теперь — не ведаю...

— То ли еще будет, княжна. То ли еще будет!

День в столице Буянского княжества был ослепительным: ни тучки, ни облачка. И особенно ярким он показался Сирина в то мгновение, когда она наконец покинула застенки и вышла на душную улицу. Дева вмиг сощурила глаза в надежде поскорее привыкнуть к свету. Ее преследовала одна безобидная напасть с самого детства: в родной Элладке солнце пылало беспощадно, кристаллизуя чистейшего оттенка лазурь на небосводе, но не жалея пастбищ и лугов и сжигая их свежую зелень в охристый пепел. А Сирин относилась к тем «счастливицам», которые от резкого света принимались чихать. Вот и сейчас, почувствовав предупредительную щекотку в носу, она стремительно поднесла палец к самым ноздрям, что, впрочем, не уберегло ее от громкого чиха. Раскрыв глаза, Сирин заметила темный силуэт прямо перед собой. Незнакомка вдруг заговорила:

— Как ты изменилась, девочка моя! И не узнать тебя.

Зрачки еще не привыкли к блеску погожего дня, фигура не обрела в ее глазах твердых черт, но глубокий голос из-под тени капюшона вернул Сирин туда, где жили сокровенные страхи и всепроникающее отчаяние. Сомнений быть не могло.

— Деметра...

— Ты не представляешь, чего мне стоило уговорить их отпустить тебя, Сирин.

Дева-птица наконец сумела рассмотреть свою богиню — спустя столько лет. Та ничуть не изменилась: те же цвета спелой оливы грустные глаза, впалые щеки,

четкие линии, очерчивающие тяжелые скулы и подбородок, ломаная пурпурная нить недовольных губ на землистом лице. Высокий лоб прятался под той же черной тканью, что она носит, не снимая, с тех пор как...

— Как же мне жаль вашу дочь! Я так и не простила себя за то, что мы тогда не уследили...

— Брось. Не надо этих слов.

Богиня откинула край материи от лица, поднесла к самому носу один из пальцев, предварительно щелкнув крышкой объемного перстня, и сделала резкий вдох. Зрачки ее на секунду закатились за верхние веки, а сразу после на лицо сошла волна блаженства. Черты ее смягчились, уголки губ поползли вверх, и Деметра прошептала:

— Жалеть не надо, Сирина. Она сама. Сама захотела и сбежала с Аидом. Мне Гермес помог, отыскал ее, а она там, оказывается, живет в счастливом покое, пока я места себе не нахожу!

Деве-птице вдруг стало невыносимо тяжело дышать. «Как это “сама”?» Поверить в услышанное было решительно невозможно. От нахлынувшего бессилия Сирина оперлась о каменную кладку стены и обняла себя руками, будто тело ее настиг жар. Ее лучшая подруга, прекрасная Персефона по собственному хотению сбежала с Аидом — чудовищем из подземного мира. Да будь он хоть трижды царем того царства — сбежала за счастьем, а ей ничего не сказала!

— Но, знаешь, каритсаки му*, я ее простила. Простила Персефону. Она же отчего мне ничего не поведала? Оттого что побоялась моего гнева, что я запрещать буду... Глупая!.. Но страдания заставили меня осмыслить

* Девочка моя (греч.).

всю мою жизнь, мои чаяния и поступки, понять, как я бываю жестока, даже с самыми близкими! И ты да и все дочкины сирены моей пощады не знали... Но то была не я! Горе заволокло мои глаза, потому и не ведала я, что творю, разум покинул меня, уступив место ярости и жажде отмщения... Только бы найти ее, мою Персефону любимую, дочь ненаглядную! Искала день и ночь, везде побывала, куда только ноги мои доходили... и вы тут вертитесь! Какие же вы подруги, раз за дочерью моей драгоценной уследить не сумели? Конечно, я сорвалась. Отправить под плаху велела. Но сжалилась от ваших обещаний да уверений, что, будь вы птицами, с высоты полета нашли бы доченьку мою в одно утро... Но не отыскали! А как же отыскать, коли она внизу с Аидом прячется!

Да, жестокости богине было не занимать. У Сирина пересохло во рту. Собрав последние силы, она оторвалась от стены и слабо проговорила:

— А меня? Меня, Деметра, вы простили?

Действие порошкового снадобья, несущего доброту, вероятно, закончилось. К усталым переспелым глазам-оливкам богини вернулся привычный колючий взгляд, а подбородок выпятился в искреннем недовольстве всем сущим.

— Видишь — тебя отпустили? Час битый пришлось этих буйанских уговаривать. А благодарности никакой. Мальчишка тот, что помер, и так сюда сослан был, в этот край невеж, чтоб у нас ничего не начудил. А сгинул — так и с плеч гора...

— Не знаю, как и выразить свою признательность, о всемогущая Деметра!

Сирина хотела было для пушего эффекта броситься ей в ноги, но посчитала, что это будет излишне фальшиво.

Поймав острый взгляд богини, она почувствовала, как внутри все сжалось. Но от возникшего ощущения, что новой встречи с Деметрой может не случиться, она вся подобралась, глубоко вздохнула и поторопилась спросить о том, что беспокоило ее все эти годы:

— Благодарность моя за освобождение из тюрьмы не знает границ. Но могу ли я просить еще об одном одолжении — избавить меня от проклятия?

— Какого проклятия?.. А, ты об этом... да не было его никогда.

— Как не было?

Земля с новой силой стала уходить из-под ног. Хорошо, что рядом по-прежнему высилась стена терема Совета мудрости и правды. Схватившись за нее, Сирина опустила голову и, глядя исподлобья, прошептала:

— Проклятие было... оно же действовало!

— То был порыв злости, глупая! Я вам сказала первое, что пришло в голову, а вы и поверили. А что мне было делать? Обещания вы не сдержали, нужно было вас как-то проучить. Вы должны были понимать, что я в печали. Отошла же ведь. — Деметра всплеснула руками и неприятно ухмыльнулась: — А проклятия не было, что ты! Не умрут твои возлюбленные от того, что тобой овладеют, да с ума не сойдут!

Богиня хмыкнула, потеряла нос, развернулась и направилась по мостовой в сторону порта.

Услыхав звук ее шагов, дева-птица с трудом разогнулась, оторвалась от стены, и из нее исторгся почти утробный стон:

— Но ведь умирали!

— Это просто совпадение, девочка моя. Не проклинала я вас!

Из-за стены выскочило вездесущее солнце и полоснуло Сирина своим лучом. Глаза мгновенно защипало, и не успела девушка что-либо предпринять, как чихнула на всю площадь.

— А ты сомневалась! — весело крикнула уходящая Деметра. — Правду говорю!

— Гляжу, во внеурочный час к Верховному обращаешься?

Салтан обернулся на голос, эхом разносящийся по пустой божнице Перунова дома.

— Зачем звал меня, владыка буянский?

В широком проеме открытых дверей высилась фигура Тарха.

— Вы с Трояном правы были, — проговорил Салтан, поднимаясь с колен. Он еле коснулся постамента, несущего на себе самое главное в этом молитвенном зале — осколок Алатырь-камня, кристалл размером с великанскую руку. Тот переливался ежевичной синью, жадно поглощая дохлые лучи света, падающие через зенитное окно, отчего божница была темнее ночи. — Зря покинул я нашего бога, оставил его без своих молитв. За то и карает он меня, посылая испытания на мою седую голову!

— Едва ли отец стал бы тебя испытывать, Салтан, — усмехнулся Тарх. — Если нахлынувшие невзгоды и есть плод чьих-то чаяний, то не Перун в том повинен и не Макошь, знаю точно. Кто бы мог за ними стоять? Мне неведомо. — Глава Совета обогнул святыню и добрался до стола, полного корзин и свертков. — Чем решено задабривать? Авось и мне что приглянется?

— Коли ты узел моих сомнений разрубить сумеешь, отдам все, что видишь, без остатка.

Под отрезами расписных тканей в корзинах обнаружались колбаски, творог, большие бутылки вина и браги. Другие лукошки были полны плодов — ароматных фруктов и ягод. «Кислые, наверное, северные». От одной мысли рот Тарха скривился и наполнился слюной.

— Даже и не знаю, что из этих бесценных даров выбрать.

— Шутки в сторону, Тарх Перунович. Дума крепкая меня гложет.

Кристалл Алатыря вспыхнул ярким светом, заставив главу Совета мудрости и правды взглянуть на себя. Он отпрянул от корзин и проговорил:

— Мне и гадать не надо, что занимает твои мысли. Ты хочешь знать, кого я считаю более достойным — Гвидона или Елисея?

— Достоинство — качество очень относительное и уж точно не главное для правителя. Каждый из них сам с собой договориться сумеет — в этом сомнений у меня никаких. Но вот кому отдать трон?..

— Мне показалось, что казнью князей Калевичей мы однозначно даем понять всему Пятимирию, что Гвидон выступил твоим защитником. Следовательно, что́ остается?

— А если он меня обманул?

— Это возможно, — ни секунды не размышляя, выпалил Тарх.

— Даже если он действовал по совести и правда сумел разгадать хитрый план князей, есть одно обстоятельство, переступить которое — значит для меня нарушить слово.

— Ты обещал свой трон кому-то? — Тарх застыл в изумлении.

— Именно так. Обязался перед Ильмерой, поклялся практически, что наследником должен стать Елисей...

И вот что не дает покоя моим сединам: как только младший брат взойдет на престол, он в один момент уничтожит старшего, да и его мать в придачу, из мести уничтожит!

— Гвидона — в Кряжму! Ты же Довислова уже отстранил?

— Да, погнал его в шею. Раз за детьми своими приглядеть не в состоянии, то зачем ему княжеством управлять? Но для Гвидона то гибельное место: народ против него настроить будет слишком просто. В круге опричников держать его? Ну что за жизнь для моего сына?!

Вдруг каменное основание святыни издало невзрачный треск. Осколок Алатыря засверкал, заискрился, а после стих и стал пульсировать, мерцая, будто управляя дыханием. Тарх подошел к постаменту, кусая губы, и долго смотрел на холодное сияние камня. После глаза его округлились, а рот исказила кривая улыбка. Он обернулся к царю и выпалил:

— Все проще простого, Салтан! Посылай за писчим!

Открывшаяся дверь впустила в читальный зал книгохранилища не только Армауна: вместе со старцем в помещение ворвался порыв ретивого воздуха. Он шмыгнул под пузатый стол, облетел все четыре его массивные ножки и вслед за этим резко взобрался под самый потолок, в высоте которого по-хулигански раскачал желтые светильники. Тени от их перегородок запрыгали по всем столам и полкам, плясом своим расцвечивая здешний монотонный порядок. Непривычная игра световых зайчиков заставила Гамаюн оторваться от толстенного фолианта, который она листала битый час под

любимой цветастой паутиной витража, сплетенной на высоком окне.

— Салиму!*

Отчего-то дева-птица нестерпимо захотела обнять почтенного Армауна, но пресекла свое желание и насупившись поклонилась. Тот улыбнулся и мельком глянул на обложку ее книги.

— Все читаешь о доменных печах северян?

— Да, никак не возьму в толк, как пламя в них может гореть, не прерываясь, на протяжении стольких лет! Неужто Локи, при всей его бурлящей жизни, непрерывно следит за тем, чтобы жар не угасал? И золой не забиваются продухи, и никакой косой ливень не зальет того огня? Волшебство, да и только! Но в книге лишь хвальбы да перечень того, как печь помогает кузнецам ковать невиданной красоты орудия! Ни слова об устройстве!

— Чутье у тебя, Гамаюн. — Старик озорно зыркнул и проговорил: — Не далече как сегодня на повестке Розмыслов... Подожди, ты же слышала? Какой счет буянцам, обреченным на казнь за попытки выкрасть тайну доменной печи?

— Нет, сударь, я от таких вестей стараюсь оберегаться. Видимо, сегодня снова кто-то попался?

— Счет тот за два десятка перевалил. И за каждой казнью следовали канитель и обвинения в адрес царя буянского. Мне по секрету рассказали, что больше повешенных не предвидится.

Гамаюн на какое-то мгновение задумалась, но, не найдя ни единого предположения о том, что могло стать причиной окончания этой вражды, произнесла:

* Вавилонское приветствие.

— Меньше смертей — меньше печалей. Это прекрасная новость, что еще добавить?..

— Не смогу раскрыть, какой ценой, но поделюсь: Розмыслам теперь известно, как создать такую печь!

Глаза девы-птицы округлились, от неожиданности она прикрыла ладонью рот, после рука ее сползла на ключицы, а уголки губ разлетелись в улыбке.

— Прямо у нас в Буяне? — радостно прошептала она.

— Да. И открывают ее уже послезавтра! Тайна оказалась простым решением: в суглинке вырывают колодец под стальной чан — такое своеобразное кострище. Внизу продухи — ну это понятно, от них трубки на поверхность. Это ты и так знаешь. Но главное! В середине круга приходит еще одна соломина, по которой подают горючие испарения из недр. Их-то и поджигают.

— Решение и правда нехитрое. И как только норды догадались быстрее наших?

Старик сощурил глаза и покачал головой.

— Забавно, что «нашими» мы называем тех, чья земля нас приютила, а не тех, кого оставили в родном краю...

Гамаюн поймала этот то ли упрек, то ли наблюдение и зарделась. И тут же ее мысли всколыхнуло воспоминание о последних соотечественниках, которых ей довелось видеть.

— Благоразумный, — буркнула она, обратившись к собеседнику, — гости еще не оставили вас?

— Да, это я к чему, — будто не слыша ее, заговорил старик: — «Гости», как ты их называешь, открыли мне другой секрет. Алхимический. При сбраживании жидкости они используют в дополнение к основному прибору охлаждающий сосуд, что позволяет перегонять чистую огненную воду... — Он подошел близко-близко

и очень тихо зашептал: — О, как бы мне хотелось вырвать сердца из их жалких, тщедушных туловищ! Мы оба из южных широт, кровь в наших венах бежит горячая, кипучая... И перед тем, как решить, какой участи достойно это вылюдье, стоит остудить вино внутри нас, охладить рассудок. Я не смыкаю глаз с тех пор, как ты мне все поведала. Исправить несправедливость, с тобой произошедшую, мы не в силах. Но отомстить... И сделать это умно, изящно — вот что крутится в моей голове.

Гамаюн впиалась плотоядным взглядом в старика и отчеканила:

— Да, жажда мести и во мне разжигает огонь такой силы, что ни в какой доменной печи отродясь не видели!

Восхищение ученицей обуяло старика. Он все боялся, что скромница откажется участвовать в его плане, пойдет на попятную, испугается согрешить, в конце концов. Но нет. Наследственность — упорная сила, ведь даже в кроткой Гамаюн она смогла разбудить алчущую страсть отца и непробиваемую гордыню матери.

— Вавилонские «гости» по моему приглашению пойдут посмотреть на печь сразу после открытия, в полдень. Полагаю, их там будет ждать совсем не тот огонь, на который они рассчитывают, верно?

Главная крепость самого северного из буянских княжеств, казалось, никогда не видывала столько людей одновременно. Обычно объявления делались с кремлевской стены, все ворота затворялись, а подступы отрезались поднятыми мостами. Миряне теснились кучками внизу, на широком, ровном лугу. В этот же раз подготовиться не успели, и люд заполнил каждый

клочок вытоптанной земли. Разве что удалось расставить опричников кольцом, в котором ступенями возвышалось парадное крыльцо, ведущее во дворец.

— С него и придется вещать, княжна. — Чеслав вел ее через гридницу, по коридорам и вниз, к самому входу. Пока они шли, Мила украдкой рассматривала друга детства. Высокий, почти белобрысый, на два года старше нее. И держится так прямо, так достойно. В ее памяти он оставался шкодившим мальчишкой со смешными веснушками и нелепой щербинкой меж передних зубов. Теперь же он виделся ей совсем другим. Крепким и... надежным. Она невольно сравнила его статную красоту с царскими сыновьями. Пожалуй, ни в чем он не уступал Елисею. И Гвидону... разве что синие глаза были тревожны — видимо, в их глубине пряталась сумятица неопределенности, что терзает его сердце и разум. Миле вспомнились зеленые очи старшего царского сына, и она тотчас же встряхнула головой, чтобы отделаться от наваждения. Вернувшись в реальность, в серый коридор дворца Новоградской крепости, она обнаружила подле себя все того же Чеслава. За это время он успел рассказать, что они условились с остальными знатными советниками Велимира встретиться на площади. Они и правда были уже на месте: их животы торчали над ступенями, вторя пузатым округлостям балясин. Чеслав выглянул за дверь — убедиться, что все явились, — и коротко спросил:

— Готова, Мила?

Сцепив руки, она кивнула. Резко отворенная дверь окрасила складки ее темного одеяния в цвет рдеющего неба, и, будто бы взволновавшись этим зрелищем, толпа заняла сильнее и ретивее, обдавая паперть дыханием своего брожения. Преодолевая смятение, Мила

шагнула на середину крыльца, и шаг этот был до того неуверенный, что можно было предположить, будто видела она перед собой не ровные доски, а лесное болото, покрытое пугающей тиной. Слова застряли в горле и никак не хотели освобождаться. В попытках утихомирить подступающий ужас отчаяния юная княжна пробежала взглядом по вельможам. Первой преградой стала ледяная твердь зениц Колояра, после — топь волоки очей Путислава. Остальные же лениво переговаривались, не уделяя Велимировой дочери никакого внимания. Гусеподобный тайный советник зашипел, отчего все остальные замолчали и уставились на Ладимицу, а Колояр властно вскинул обе руки и медленно провел ими сверху вниз. Шум толпы почтительно погас.

— Княжна, твое слово, — прошептал Чеслав ей на ухо и отступил за спину.

«Твое слово», — раз за разом повторялось в голове, металось в бешеном темпе, распугивая все мысли. Мила закрыла глаза и усилием воли поймала чужую фразу. Ресницы широко распахнулись, а из нежных губ полилась подготовленная речь:

— Сюзерен нашего правителя и мой отец, Велимир Великий, ушел от нас. Его забрали боги по одной им известной воле.

Она взглянула на пузатых вельмож, проверяя, не дернется ли чей-то ус или бровь, обнажая осведомленность в истинной причине отцовской смерти.

Они лишь молча закивали, изображая безраздельное сочувствие.

— Мне горько говорить о том, что моего отца, Велимира, больше нет с нами. Тоска по нему разрывает мне сердце. Я безмерно благодарю каждого из вас за то, что молитесь о нем. Я видела, сколько людей пришло

прощаться с ним к реке. Не передать, как я тронута вашим участием. — Мила почуяла подступающие слезы и встряхнула головой. — Но нам всем нужно с помощью богов и с твердой волей пренебречь своими чувствами и решить, что будет дальше с княжеством.

Она снова посмотрела на советников — те помалкивали и вместе с простолюдинами ждали ее следующих слов.

— Справиться с горем невыносимо сложно, но за нами наш народ. Во всем Пятимирии, волей наших богов и стараниями правителей, грядут перемены. Новоград тоже не останется прежним.

— Кто будет вместо Велимира? — долетел до нее недовольный выкрик из толпы. Люди снова шумели, переругивались и перешептывались.

Помолчав, княжна продолжила:

— Во времена перемен лучше для всех, чтобы власть над ними была в наших руках. — Миле пришлось говорить тверже, чтобы ее слышали. — Поэтому мы с достопочтенными советниками моего покойного отца решили...

— Кто править будет?! — разрезал воздух, перебив и без того смятенную княжну, голос крестьянина. Вслед за ним, как рожь в поле, зашаталась стена опричников, с трудом сдерживая натиск мирской орды. Полетели возмущенные выкрики: «Кто наш новый владыка?», «Кто царя наместник?»

Выпрямив спину и глотнув достаточно воздуха, Мила произнесла настолько громко, насколько могла:

— Новый сюзерен перед вами. По закону буянскому наследник — это я!

Волнение вмиг обернулось ревом. Опричники выкинули копья, чтобы хоть как-то сдержать людской

напор. По телу княжны пробежал холодок, словно оцепенение, доселе прятавшееся где-то за углом, наконец пробралось в нее и теперь радостно вычерпывало оставшуюся волю. Желание убежать подальше с этой людной площади заставило развернуться к единственному другу детства, который стоял позади нее. Но вместо решительности и уверенности в его глазах Мила обнаружила чистейший ужас. Чеслав шагнул к молодой княжне — он выглядел подавленно, судорожно сглатывал слюну, отчего кадык его то и дело шевелился. Проследив за его стеклянным взглядом, княжна повернулась обратно к площади и обомлела: ступени были пусты.

— Куда они делись? Что происходит? — закричала она то ли Чеславу, то ли опричникам. Они обернулись на ее громкий призыв, но тут же откуда-то сверху слышался оглушительный свист. Он рождался ближе к небу, на кремлевской стене, и, подняв глаза, все присутствующие на площади увидели советников почившего сюзерена Северных земель.

— Не бывать тому! — прогорланил Колояр. И остальные вельможи одобрительно закивали.

Вдруг из бурлящей негодованием толпы вслед за выкриками в стену терема полетел камень. Мила в страхе отпрыгнула с центра паперти, и туда тотчас приземлился булыжник.

Свист повторился. Они с Чеславом одновременно посмотрели на крепостную стену, туда, где в окружении поджарых стрельцов и толстопузых вельмож гордо высился Колояр.

— Воля моя добрая такова: уходи сама, и тогда жива будешь и невредима! — прокричал он. — Видишь — не примет тебя народ. Не нужна нам баба на троне!

Народ взвыл, вторя воеводе:

— Не нужна! Не нужна! Не нужна!

Мила обернулась к своему единственному соратнику. Лицо его было крайне испуганным. Она поймала его взгляд и сказала:

— Ты можешь идти к ним, если хочешь.

Голова Чеслава закачалась, а уста исторгли какой-то звук, но за шумом толпы слов его было не разобрать. Он не ушел. Мила повернулась к толпе, подняла руки и медленно опустила их. На площади снова поселилось безмолвие, но на этот раз хилое и неустойчивое, будто мыльный пузырь обволакивал всех недовольных, и от напряжения он мог разорваться в любое мгновение. Она снова шагнула на середину паперти, равняясь на свежую отметину, оставленную булыжником, бросила короткий взгляд вверх и громко прокричала:

— Есть закон, и он превыше человеческой алчности. Я законная наследница и, нравится вам или нет, стану сюзереном Северных земель!

Площадь обуяла буря. Не только оболочка пузыря лопнула под напором негодования — кольцо охранников тоже распалось, и их приметные кафтаны растворились в многоцветном месиве из горожан. Звуки слились в единый непрерывный гул, шум прибоя, несущего разрушение. На вышках фортов с упругим звоном натянулись тетивы луков, и, услышав призывный горн, стрельцы выпустили свои стрелы в центр паперти. Наперегонки с их наконечниками в Велимиров терем полетели булыжники мостовой, уставшие лежать на сырой земле и алчно жаждущие тоже оставить след в этот алый северный вечер.

Мила развела руки в стороны, подняв их на уровень плеч, и закрыла свои горечавковые глаза. Еще минуту назад ей было страшно. А теперь... Перед глазами

княжны пролетали разные мгновения жизни: вот отец играет с ней, назначает ее кукол на должности в выдуманном царстве ее светлицы; вот он накрывает ее теплым шерстяным одеялом в памятную холодную ночь — ему кажется, что его маленькая княжна уже уснула сказочным сном, но она лишь прикрыла глаза, чтобы видеть его таким, каким он бывал, только когда ни одно око на него не глядело: мягким, спокойным, добрым. И рассказывает о волшебном мгновении: в нем прекрасный царевич подхватит ее на руки и понесет через порог в терем, а дальше... а дальше будет свадьба, пышнее которой не видывало Пятиимрие. Она словно оказалась на этой свадьбе, увидела роскошно убранные столы посреди цветущего луга. Гости водят хоровод, внутри него она, вся в белом, а напротив — жених, глаза его сверкают... Мила снова старалась изо всех сил разглядеть их, увидеть, кто он... И вдруг услышала свое имя. Ее звала Лада. Княжна ощутила ее прикосновение к своему лицу, и ей стало ужасно тепло, она хотела бы нежиться в этих мягких ладонях целую вечность. Преисполненный любви голос, такой мягкий и глубокий, прозвучал вновь:

— Открой глаза! Смотри! Ты не одна!

STONE HEDGE

Глава 8

У любви свои законы

Новоградский кремль озарила вспышка света. Яркость его была такой силы, что горожанам, набившимся в крепостные стены, пришлось отворачивать головы и закрываться руками от внезапного сияния. Источник свечения, столб, вонзался в землю и протыкал облака в небе, уходя своим стержнем куда-то далеко-далеко. Виден он был не только с окрестных лугов и деревень, но и из любой точки Пятимирия — до того бесконечным он казался. Камни и стрелы сгорели, обуглились да попадали оземь, не сумев ни достичь своей цели, ни разрушить неожиданной преграды. Все замерло в удивлении, новоградцы застыли, ослепленные увиденным.

Свет потихоньку стал рассеиваться, распадаться на частички невесомой пылицы, переливающейся на солнце, кружащей в танце над городом. Стройная колонна, соединяющая небо и землю, растворилась в сумеречной сини, заколовращалась мерцающим вихрем, открыв взорам людей княжну. Та поднялась в поднебесье, воспарила над самыми высокими крышами, будто подхваченная мириадами светлячков. Карусель маленьких светил завертела ее, и через несколько оборотов прекрасная

девушка уже перестала быть собой. Хотя — кто знает? — быть может, в то мгновение народ Нового града впервые узрел истинную сущность Милы — белоснежной Лебеди, да такой красоты, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Птица та замахала крыльями, разметая волшебную пыльцу, и вскоре световой столб остался только в памяти северных людей, мерцание свое подарив камням в короне Лебеди.

Сколько длился этот огнепад, никто точно сказать не смог бы. Казалось, даже вечер застыл и не нагонял на те широты привычную темень, ошарашенный увиденным. Следов представления осталось не много: обожженный круг в несколько сажен длиной на седых половицах крыльца, угольки булыжников да пара подымливающих балясин. Сияющая белизной оперения птица опустила в тот круг, взмахнула крыльями и обернулась снова княжной, только вот облачение было уже совсем иным: вместо черной траурной накидки стан ее украшало платье, будто из перьев по ее холмам сотканное, за плечами бархатились величественные серебристые крылья, а в волосах сверкали кристаллы короны, храня в себе хрустальную чистоту.

Мила распахнула глаза. Через пепеляющую дымку она глядела на город, в котором каждый преклонил свое колено перед ней, прекрасной Лебедью.

Все писари столичного двора были созваны к Салтану в полуночной тьме. Они старательно сопели, чернильницы булькали, наконечники перьев скрипели, выводя заветные вензеля, закорючки и черточки. Все очень торопились, но писали ровно, не нарушая курсива, без клякс и прочих несовершенств — царский указ,

в конце концов! По дальней стене разместились сонные прислужники с особо важной миссией: дуть на свежие буквы, а потом, когда мельчайшие капельки чернил наконец соизволят высохнуть, свернуть каждый свиток да перевязать лентой фиалкового атласа. После свитки по одному поступали на стол к сургутчику, закреплявшему ленты царским оттиском, а перед самой отправкой их неровные края ловко обрезал помощник Салтана. Форма должна в точности отражать содержание.

Свитки поочередно погружали в прозрачный тубус, педаль с легким скрипом выжимали донельзя, и нажатием на выпуклую деревянную кнопку, инкрустированную царскими аметистами, отправляли указы по трубкам. Они летели, как птицы, под звон пружин, пробирались во все комнаты дворца и, достигнув цели — стеклянных желобов, торчащих у самых изголовий, — будили своим шелестом придворных. Механизм этот работал исправно, но никогда не использовался в столь поздний час. Однако той ночью, получив свитки, вельможи и прочие знатные люди теряли всякое желание ко сну. Они перечитывали указ снова и снова, звали слуг, стучались к соседям, выясняя, не закралась ли в их копию какая ошибка, не пропустили ли они спросонья какого имени. Все письма были как одно. За слугами будили голубей, цепляли к их ножкам белоснежные свитки да гнали в ночь, к берегам уездных станиц и городов, во все концы Буянского княжества. К рассвету о новости, кажется, слышала каждая мышь-полевка, и не только слышала, но и могла повторить досконально:

«Княжна Ладимила из Нового града, дочь покойного Велимира Первого, сюзерена Северных земель,

выбрана невестой наследника престола, сына Салтана Великого, владыки всего Буяна и прочих княжеств славянских. О дне свадьбы будет сообщено дополнительно».

Перун бывал неистовым не только в гневе. В то утро каменная кладка стен, что таили за собой его светлицу, дрожала, вторя трепету Макоши, обхватившей руками и ногами его мощную спину. Их близость с самого первого дня была противостоянием. Он неизменно грубо хватал ее за руки, сдирал одежду и больно сжимал груди, впиваясь зубами в темные ореолы их выступов. После так же резко, требовательно, бесцеремонно и иногда неуклюже брал ее, размашистыми движениями своими стараясь выбить из нее крик. Именно он, этот сдавленный стон, действовал на него как заклинание, приводил в иступление и заставлял дергаться во всплеске удовольствия. Она же вела свою игру: никогда не жаловалась, не просила прекратить, даже когда супруг бывал излишне груб, почти жесток к ее плоти, сносила шлепки и любой напор утром, днем и ночью. Но, прознав про заветный крик — тот самый спусковой крючок, работающий безотказно, — стала использовать его как лакомство при выезде породистых скакунов. Сношения с предыдущими женщинами не принесли Перуну должного навыка — богиня судьбы знала об этом как никто. Их было всего две: Дива-Додола*, первая любовь, родившая громовержцу Девану, понесла рано

* Богиня летней влаги, первая жена Перуна. Была похищена Велесом и удерживалась им взаперти. После рождения бога Ярило вернулась к мужу, но он не смог принять ее.

и за то время, что они были вместе, вероятно, не сумела ничему обучить своего супруга. А когда она пропала, без вести унеслась в неведомые дали (в том повинен был Велес, родной дядька громовержца, возжелавший запретную Додолу и схоронивший ее в своей избушке в темном лесу), Перун нашел утешение в земной девке, но та совсем слова не имела и только и делала, что всхлипывала да мычала. А как Дажьбога родила, так и преставилась. Додолу Велес отпустил, но не встретили ее объятиями — не снесший ее опороченности громовержец обернул ее божьей коровкой и отпустил летать по свету Пятимирия. Понятно, что любовник из Перуна был сырой, хоть и способный. Мудрая Макошь взялась за любовное образование супруга без всякого на то разрешения, и, надо сказать, ее метод оказался действенным. Направляя благоверного руками, замедляя темп его движений, водя пальцами по заповедным уголкам его могучего тела и — главное — не торопясь исторгнуть крик, такой важный для него, богиня добилась своего: непоколебимый тиран, грозный владыка Прави стал послушным учеником, готовым сделать для жены все, что бы она ни попросила. Она могла часами заставлять Перуна убаживать себя, не проронив ни звука, а он старательно гладил ее чресла, опускал свою величественную голову к ее бедрам и целовал, целовал, целовал... Пока не срывал победный стон, приводящий обоих к неземному блаженству.

После крика стены дрожать перестали. Опочивальня наполнилась нежной истомой. Нагой Перун повалился на подушки и сомкнул очи, а Макошь припала к его могучему плечу и принялась водить пальцем по набухшим венам. Она давно перестала вести счет своим любовным победам, воспринимала их как нечто

само собой разумеющееся. Но наполнялась в такие моменты негой и дурашливым счастьем, которым неодолимо хотелось поделиться с мужем. А в то утро особенно: вестей для обсуждения было видимо-невидимо.

— Поздравляю тебя с новой сестрой, громовержец!

Тон ее не подразумевал никакой серьезности. Она говорила о Миле как о каком-то приобретении — новом украшении или лошади. Полуприкрытые глаза Перуна скосились на супругу, но не обнажили никакого интереса к теме разговора, потом веки его снова захлопнулись, и он остался лежать безмолвно.

— Поговаривают, она хорошенькая. Да еще и Буяном править будет. Вступил бы ты в схватку за ее прелесть, не будь на твоём пути Салтановых сыновей?

— Ликом своим она точь-в-точь Лада, только юнее — так говорят все, кто видел обеих. — Перун улыбнулся, вспомнив, как случайно подслушал перешептывание слуг. — Пожалуй, что брат с сестрой не должны сношаться. Какой бы хорошенькой она ни была.

— Стрибог же взял Немизу в жены. И детей вон сколько...

Перун приподнялся на локте, и голос его мгновенно посерьезнел:

— Да не сестра она нам! Подруга Мары, которую та величает сестренкой. Но ни по крови, ни по чему — не наша она, не наша.

Сглотнув мужнин ответ, богиня судьбы оставила постель и подошла к окну, ее стан в лучах солнечного света был подобен амфоре.

— Мне иногда думается, если бы вы дружили со Стрибогом, я бы смогла у нее выведать все секреты...

Перун снова упал в подушки и устало отчеканил:

— Я утомился повторять. Никто его не гнал. Всю жизнь, сколько его помню, он всех сторонился. В наших игральных схватках не участвовал, в пирах всегда занимал дальний стул и, как только смог, сбежал, улетел, как будто развеялся на своих ветрах. Сам с собой всегда что-то решал, а мы только и успевали, что строить догадки.

Минутное безмолвие, вероятно, пробудило в громовержце противоречивые мысли. Он поделился с женой своими соображениями:

— Знаешь, Макошь, раньше же он всегда прилетал на помощь. И на Чернобога, когда тот заартачился, походом со мной ходил, и от Скипер-змея меня спасал... И кто, если не он, от моей же Деваны-дочери меня уберег? Он, братец Стрибог... Но потом отстранился, ушел, растворился, как всегда. Обиду, что ли, держит какую. И мне подумалось: что, если он прав? Неблагодарен я? Не кланялся ему за все старания и безграничную любовь? Не был справедлив с братом? Властью не делился, принимая его помощь как должное?

— Не сомневайся в своей правоте, громовержец.

Супруга вернулась к резному изголовью.

— Ты нынче на троне, и он тебе обязан подчиняться, коль в Прави существует наряду со всеми остальными. А он за твоей спиной лишь козни строит, смертных в свою веру обращает, отбирает их у нас.

— Вот чую сердцем: не он это. Не его манера. Вот молча обидеться — да, то Стрибог, но мстить — это не его стезя.

— Ты... не вини себя. Коли и обиделся, так его беда. Ты владыка, тебя любить надо таким, каким ты создан, — цельным, грубым, нерушимым. А коль ты прогибаться будешь, уступать, пусть и своему брату, тебя

любить и ценить перестанут, глаза на других косить начнут...

— Любить меня, говоришь, надо грубым?

Перун схватил жену за запястье и притянул к своим бедрам.

— Мудрости тебе не занимать, богиня судьбы!

Стены башни затряслись с новой силой.

— Как не узнал? — чуть не подпрыгнув на месте, спросила Гамаюн.

— Мерзавец! Обратился ко мне как к незнакомке! Ну а я, чтобы не зарыдать да не осыпать его крепкими словами, подхватила свой сундук и понеслась со всех ног, — жарко отвечала Алконост.

Казалось, даже журчащий фонтан перестал выплевывать воду, захлебнувшись от возмущения. Зеркальная гладь в каменной чаше замерла и не шевелилась, боясь упустить какое важное слово. Да и щербетные кудри миндаля притаились, внимая речи дев-птиц, прогнав и без того слабый ветер с площади Семи звездословов.

Надежда встретиться с подругами на их условленном месте, в тени цветущих деревьев, приводила Алконост и Гамаюн на площадь каждый полдень. Наверное, можно было отчаяться, оставить этот помысел как несбыточную мечту, принять его за наваждение и отказаться от него. В конце концов, им было доподлинно известно, какие заботы и печали увезли так далеко Милу, и очевидно, какая сила прячет от них Сирина, но есть удивительная черта у некоторых женщин: надеяться — вопреки всему, надеяться и ждать. Девы-птицы несли свой караул каждый день. И они дождались.

— Сирина!

Над мостовой закружились три пары блестящих крыльев и порхали до тех пор, пока их хозяйки вдоволь не наобнимались.

— Ты так исхудала! Щеки впали — погляди, Гамаюн! — забыв о своих горестях, причитала бледная Алконост. — Тебя там пытали? Кушать не давали, да?

Недавняя узница была немногословна. Она тепло улыбалась, но вела себя сдержанно, на все вопросы отвечала таинственно и односложно, будто вернулась из речного путешествия, десятого по счету, а не из тюрьмы.

— А и правильно, не будем тебя туда мыслями возвращать. Хоть жива-здорова да краса твоя на месте! — тараторила Алконост, поправляя складки на одежде вновь обретенной подруги.

Гречанка лишь закинула голову, легонько фыркнула, сомкнув очи, и глубоко вздохнула. После, снова распахнув ресницы, пристально оглядела дев. Губы ее шевелились, но не открывались, словно внутри, под самым нёбом, зарождались слова, наполнялись соком смысла, и наконец, готовые выпорхнуть в мир, полились из нее ручейком:

— Шла сюда и думала: «Не будет никого. Ну где это слыхано, чтобы в Буяне хоть кто-то соблюдал договоренности!» — По мостовой прокатился залиvistый смех. Дав ему спрятаться в щели между булыжниками, дева-птица проговорила: — Как вы, мои добрые? Об успехах Милы я слыхала. Подивилась да задумалась, что повидать ее теперь придется только на свадьбе. Не забыла б она нас в суматохе власти!

— Как Красибор свою ненаглядную забыл! — неожиданно проголосила Гамаюн, сбив с панталыку Сирин.

Деревья зашуршали, пряча в своей плотной листве секреты дев. Фонтан тоже откашлялся и зазвенел пуще обычного. За звуками разлетающихся капель ни одно зоркое ухо не должно было различить птичьих мелодий, которые от начала и до конца рассказывали историю бедняжки Алконост. Сирин, слушая эту историю во всех подробностях, внимала, щуря глаза и потирая висок, будто ее настигла внезапная головная боль.

Закончив сказ, Гамаюн подытожила:

— Вообрази — каков подлец! А скольких жертв ему удалось заманить в свои пустые сети — уверена, и богам не сосчитать!

— Думать даже не хочу... — мотала головой из стороны в сторону белокурая Алконост. — Или я так поменялась, или же он ослеп совсем от самомнения!

— Девицы! — неожиданно требовательно произнесла Сирин. Лепет такого толка ей был непривычен, оттого и хотелось его прервать как можно скорее. — Он не виноват ни в чем. Никаких сомнений.

Сказать, что ее слова вызвали в девах изумление, означало бы ничего не сказать. Два красивых лица вытянулись, глаза их налились и округлились, а уста раскрылись, как лепестки ириса в погожий день. Насладившись сполна этим зрелищем, Сирин молвила:

— Алконост, судьба свела нас совсем недавно. Стоит ли говорить, что я о тебе только и знала до сегодняшнего дня, что ты обладаешь редким даром?

— И я им пользуюсь непрестанно! Даже и представить не могу, что бы я делала, если бы не пела! Только благодаря этому я могу вот так запросто обратиться хоть к царевне, хоть к князю какому... И проводить дни и ночи напролет с вами, мои чудесные, не думая, где взять краюшку хлеба. И все только он — мой голос...

— Именно. Твой голос. Он... он волшебный.

— Спасибо... Честно признаться, думала всегда о тебе перун весть что. Ну, мол, ты черствая, ну такая — лиш- ний раз слова доброго не скажешь, а тут — столько теплоты!

Девушки снова обнялись.

— Но как связаны мой голос и негодяй Красибор?

С губ Сирина сошла улыбка, зеницы ее сузились, сама она тихонько наклонилась вперед, жестом призывая де- виц последовать ее примеру. Сверху их союз напоминал венок из разномастных перьев, какие плели на праздни- ки в Западных землях. Самая опытная из дев зашептала:

— Все связано. Давно уже мое ремесло заставило меня подмечать связи даже там, где их, казалось бы, искать не стоит. С годами я обучилась подергивать глаза поволокой так, что ни один зоркий сокол и не скажет, что я вечно настороже. Таково уж мое бремя. Тогда, в «Брячине», я впервые услышала твою песню, твой истинный, глубинный голос, и сразу поняла, как- ким бременем отмечена твоя душа.

— Кажется, я начинаю догадываться... — прогово- рила Гамаюн. — Точно, как же я раньше...

— Что не так с моим голосом-то? — неожиданно громко возмутилась Алконост, не в силах сдерживать свое нетерпение. Сложно сохранять спокойствие, ког- да обсуждают самое интересное из всего, что может быть, — тебя саму!

Две темноволосые птицы переглянулись, обменяв- шись огоньками во взглядах, а после, глядя на обеску- раженную Алконост, хором сказали:

— Он тебя забыл.

Белокурая дева-птица раскинула руки в вопроситель- ном жесте, а крылья ее нервно хлопнули по лопаткам,

обдав свежим бризом розовые лепестки миндаля. Она безмолвно, но выразительно требовала объяснений — и получила их.

— Уж не знаю, от каких богов, но у тебя есть одна способность, Алконост, — начала Сирина.

И тут же подхватила Гамаюн:

— Своим голосом ты можешь освободить от воспоминаний... грустных или веселых, приятных и тех, что хочется прогнать скорее... Да! Это же очевидно! Я должна была раньше догадаться!

Глаза Сирина горели ясным пламенем, а уста жгли сердце Алконост:

— Освободить от воспоминаний, да... И чем сильнее вскрик, тем глубже... Поэтому твой суженый... Ты же кричала?

— Ну... тогда, когда он... ну да, от боли...

— От боли или наслаждения — не имеет значения, — напирала темноокая дева-птица. — Он... все забыл.

— Потому не виноват! — Гамаюн с хлопком сложила ладони перед собой, давая понять, что все сошлось.

Алконост вдруг стало ужасно душно. Она закрыла глаза руками. Гамаюн гладила ее плечи, а Сирина опустилась на колени прямо на землю перед ней и ласково произнесла:

— Представить не могу, какой рой бушует в твоей голове, в твоём сердце сейчас. Скажу одно... Даже не так — поделюсь: вчера я узнала, что мне можно любить. Что мне всегда было позволено любить и быть любимой, а я, думая, что чувство это под запретом, и не старалась познать его. Наоборот — бежала со всех ног, если внутри начинало просыпаться что-то... невыразимое. Оказывается, зря. И теперь я намерена оставить позади все эти дни, недели, месяцы, годы без любви... Знаю, для

тебя наше общее открытие — что обух по голове, но, будь я на твоём месте, не медлила бы ни минуты!

Стерев с лица русла соленых рек, Алконост поднялась с каменной ограды фонтана, одернула подол, поцеловала своих верных подруг и убежала восвояси. Туда, где ее ждало счастье из прошлого.

— Зря корабль снаряжали, я же теперь сама могу! — Мила бросила взгляд за спину, словно проверяя, не пропали ли за ночь крылья, а лицо ее расцветила легкая улыбка, какая бывает у дев, совсем недавно обнаруживших в себе власть женственности.

— Так в ночи прибыли ваши одежды, что отправляя из стольнего града, царевна. — Последние слова Добродея произнесла нарочито громко и до того отчетливо, что они стали прыгать эхом по всему новгородскому порту. Мол, какие шутки? Перед вами, судари, уже не просто сюзеренова дочь, а царская невеста из плоти и крови. — Вот мы их обратно и воротаем. Еще дары наши северные — ну, что насобирать успели: свеклы с два пуда, ревеня дюжину охапок, грибов вот тоже в корзинах — там в столице таких не сыщешь, они только под сырым туманом во мху нарождаются!

Улыбку сдуло с Милиного лица. Оглядев палубу с пирса, она неожиданно скомандовала:

— Так не годится... Выгружайте весь провиант! Живо, все бочки до одной!

В этой грациозной деве-птице со строгим взглядом терялись черты прежней Милы. Сложно сказать, что поменяло ее сильнее: то ли серебро крыльев, то ли блеск драгоценной короны. А может быть, озера ее

глаз вскипели, почуяв жар огненного столпа, а после охладились и застыли, став острыми ледниками. Таких зениц избегают, чтобы не пораниться ненароком, и уж точно ни одно здравомыслящее существо не будет вступать в спор с их обладателем.

Бесхитростность управляла Добродеей всю ее жизнь. Вот и теперь она не могла скрыть досады от того, что ее старания беспричинно обесценены. Да еще кем! Родной царевной, доченькой почти. Та поймала зарождающуюся обиду в глазах служанки и поспешила объясниться:

— В Буяне найдут, чем угостить знатных особ. А здесь вон сколько голодающих. И урожай, наверное, небогат, коль лето сыро было, так ведь? — Не дожидаясь ответа, она проследила за очередной бочкой, которую пронесли мимо нее, и довольно хмыкнула: — Да, никаких сомнений — здесь нужды в съестных припасах больше. Людям вон раздайте — скажете, что от богов подаяние! А платья отправляйте, пусть будут. А то новой служанке заняться будет нечем. Я ее за глажку поставлю — пусть утюжит каждую складочку!

Чепец Добродеи, давно норовивший сбежать, съехал на шею, обнажив ее седеющие пряди. Она задергалась, хлопая по спине руками до тех пор, пока не поймала его, и, вернув на место, проронила:

— Какая такая новая служанка? А я, стало быть, не нужна совсем?

Походный плащ, покрывающий Добродеины плечи, до того мгновения ускользал от внимания Милы. Она отвела любимую няню в сторонку и мягко проговорила:

— Что ты, Добродеюшка. Ты очень нужна. Здесь. Ты ведь тут, в нашем дворце, каждую мышку знаешь,

с каждой птичкой разговор ведешь задушевный. А там... Обо мне не беспокойся — дорога мне теперь знакома, и в обиду я себя не дам. За дворцом следи да Чеславу помогай, хорошо, душа моя?

Мила развела руки в стороны, и служанка охотно бросилась в ее объятия, безмолвно соглашаясь с новым порядком. Не в силах сдержать слез прощания, она схватилась за платок и стала судорожно вытирать окропленные солеными каплями перья. Уж были они суше пустынных дюн, а она все гладила царевну, любимую девочку, ставшую ее единственным дитяtkом восемнадцать лет назад.

Над портом прогудел рог, возвещавший об отплытии корабля. Бурлаки ухнули, судно накренилось, паруса натянулись, и ладья, груженная приданым царской невесты, устремилась к столичным берегам. Вскоре народ разошелся, но одна фигура на пирсе виднелась по-прежнему. Мягкой поступью Мила подобралась к одинокой спине и проговорила:

— С крючниками расплатился, как я просила?

Она заглянула в глаза собеседника и, поймав кивок, принялась смотреть туда же, куда и он.

— Помню, они все на дворежном довольствии, но тяжко простым людям жить. Я это всегда видела и теперь вижу, не ослепит меня злато дворцовых вензелей, не скроет от меня истину парча тяжелых штор, а спинка трона не станет моими шорами. Отныне я в любой момент сама поднимусь над сушей и водой и разгляжу все сверху!

Она взмахнула крыльями и зависла над водой, всматриваясь в лицо Чеслава. Лик его был опален, столб огня оставил на нем отметину — неровную линию, разрезающую чело пополам. Не сказать, чтобы Мила

успела привыкнуть к его новому облику, но старалась не придавать ему никакого значения. Впрочем, беззаботного мальчишку с россыпью веснушек в этом суровом мужчине с обожженным лицом признать было трудно.

— Отчего ты невесел, друг мой? Вижу печаль в твоих очах. Неужто ты не рад стать наместником царя в родном краю? Служить сюзереном, получить власть, о какой и не мечтают?

— Не оттого я грустен. — На царевну упал тяжелый взгляд. — А оттого, что ты улетаешь. Все то время, что мы были здесь с тобой, гордыня моя не давала шанса признаться: мне тебя не хватало, я считал каждый день, что тебя не было, проклинал судьбу и беззаветно верил, что ты вернешься. И ты вернулась. А теперь...

— Поверь, Буян был ссылкой для меня. Ссылкой, отказываться от которой я не имела права. Я тоже по тебе скучала и хотела бы остаться здесь, в краю своего беззаботного детства, только и зная, что выбегать на долгие прогулки на душистом лугу, прятать взор в книгах да греться у печи. Это то, что мне любо и дорого. И часы общения с тобой... Но мы не должны забывать, нам нельзя... Титулы наши и знатное происхождение нам даны не просто так. Мы обязаны властвовать. Вести народ за собой. Повелевать... мудро и бережно храня заветы отцов.

— Ты права, Мила. Лети, царевна, тебя уж заждались в столичном крае!

Дева кивнула и взмахнула крыльями. Перед тем как оставить Новый град, она обернулась и задала другу детства последний вопрос — тот, что не давал ей покоя:

— Скажи, Чеслав, почему ты не ушел, не повернулся спиной и не вскарабкался к остальным советникам

на башню? Ты же ясно понимал, что обезумевший люд может меня попросту затоптать, камнями забить, а лучники, сразив Велимирову дочь, направили бы стрелы в твою сторону.

— Просто то, что остальные узрели вчера на площади, я увидел раньше. Гораздо раньше.

Дева-птица спустилась ниже и подлетела к пирсу, на котором топтался Чеслав.

— Как же объяснить... Это было во сне. Не мог я словами описать те картины, что настигали меня в мутных сновидениях. А если бы и попытался — меня бы засмеяли, потому что поверить в это невозможно, коль сам не узрешь. Но всегда — слышишь? — с самого детства, когда я глядел в твои очи, видел тот столб света и не сомневался ни дня, что этот знак нельзя предать. Даже когда меня порол твой отец, а ты смотрела... Помнишь?

Царевна неуверенно кивнула, хотя прекрасно знала, о чем говорил друг детства. Маленькая шалость, обернувшаяся давкой у стен крепости. Она кивнула сильнее, для убедительности.

— Мне было больно и очень обидно. Но я чувствовал, что, смотря в твои очи, готов вытерпеть все что угодно.

— Чеслав...

— А они не знали. — Он махнул рукой в сторону крепости, коснулся своего шрама и тотчас оторвал от лица ладонь. — С ними, к слову, что делать-то?

— Мне нет до них никакого дела. Важно то, что ты остался моим другом, милый Чеслав.

Она подлетела к нему близко-близко и коснулась губами нетронутой огнем щеки.

— Решай сам, достопочтенный сюзерен Северных земель.

Серебристые крылья взметнули полотном перьев царевну ввысь и унесли ее далеко-далеко.

— Другом, только другом... — еле слышно повторил молодой наместник.

Не успели камни мостовой забыть о поступи сладкоголосой Алконост, как оставшихся на площади девушек настиг звук чужих шагов.

— Отродясь у этого фонтана никого не видывал. Смотри, Финя, кто тут у нас на водопой приземлился.

Между ширмами из цветущего миндаля мелькнули ноги в баклажановом шелке. Кто-то, пока неведомый, покружил у деревьев, будто играл в прятки, но, словно бы раскрытый водой, явил себя девам-птицам. Они поклонились, но каждая по-своему. Гамаюн, смиренно опустив голову, прижала подбородок к груди, одной рукой поддерживая корсет, а второй устремившись к мыскам туфель. Сирина же, не сводя глаз с царского сына, лишь сделала шагок назад, присела, приподняв полы юбки, и томно проговорила:

— Доброго вам дня, цесаревич Елисей!

Финист тоже выбрался из цветущего лабиринта и коротко кивнул подругам, намереваясь продолжить прогулку.

— День точно будет добрый, коль я встретил таких... ослепительных дев на своем брэнном пути! — разразился комплиментом Елисей. Он расставил ноги и машинально погладил рукоять своего кортика.

— О, не более ослепительных, чем кристаллы в вашем ореоле, царевич.

Корона в самом деле венчала голову Салтанова сына. Она сверкала золотыми бликами, а крупные

камни — шпинели, сапфиры и аметисты — рубили плоскостью огранки дневной свет, разбрасывая разноцветных солнечных зайчиков по всей площади.

— О, красота ее и блеск не сравнимы с вашей природной...

Казалось, что приторные слова ложились на все поверхности сахарной пудрой, а жаркое солнце норовило расплавить эту сладкую пыль, превратив ее в толстый слой липкой карамели. Финист и Гамаюн были не в силах спрятать смущение, и это лишь раззадорило царевича. Он подобрался ближе к девам-птицам и, будто бы обращаясь к своему опричнику, произнес:

— Не пойму, как могло выйти такое недоразумение? Такие... прелестницы в городе, а я и не ведаю об этом. Небось прилетели только-только, а?

Верный наперсник не сумел проявить должной сноровки — его опередила дева-птица с горящими глазами.

— Перед вами верноподданные девица Сирина и девица Гамаюн, царевич!

Она опять жеманно присела, заставив и подружку Гамаюн снова согнуться в поклоне. Завершив с формальностями, она пролепетала:

— Чистое наслаждение видеть вас, да еще так близко...

— Чистое наслаждение вас ждет в моем Саду, девица Сирина. Приходите вечером — во дворце нет места краше. — Он обернулся к Финисту искомандовал: — Вели пропустить... Сирина и... простите, я запомнил...

— Не важно, ваше высочество, я все равно не смогу быть, к моему стыду и сожалению, — пряча глаза долу, проговорила амитийская красавица. — Дела!

Камни на короне снова расстреляли площадь разноцветными бликами и скрылись за каменной стеной

одного из семи углов. Финист замер в нерешительности перед девами-птицами, собравшись было что-то сказать, но лишь сорвал шапку, махнул ею на прощание и побежал догонять довольного царевича.

В мрачном коридоре казематов слышались шаги. Дверь резко распахнулась, и из нее выскочил старшина.

— Ваше светлейшество, разрешите доложить! Рыбой молчит подозреваемый, говорить отказывается!

— Пытали?

— Как можно? То ж князь Вескинский...

— Не ищите преград там, где их нет, — сколько повторять? К столбу привяжите его. Поживей давайте!

Своды комнаты за дверью заполняли возмущенные крики, заглохшие, впрочем, довольно быстро, и спустя несколько секунд из проема высунулись двое целовальников.

— Все готово, Тарх Перунович! Можно приступать?

— Оставьте это мне. Здесь надо бы поаккуратнее. Ступайте трапезничать, обеда час, я сам все сделаю.

Глава Совета мудрости и правды шагнул в комнату для допросов и лязгнул засовом. Единственное окно, закатившееся под самый свод, было заколочено, и сырую мглу помещения разрезал лишь тусклый свет масляной лампы, покоящейся на столе. Вокруг нее были разложены вещи допрашиваемого: пояс, кошель да бархатный мешочек, а рядом затаились те, кто видел в этой комнатке больше всех, — облезлое гусиное перо и пузатая чернильница со сколом на горлышке. Тарх подхватил ланternу и чуть в стороне обнаружил привязанного к столбу князя.

— Никола? — вытянув лицо, проговорил он. — Какая неожиданная и приятная встреча! Как сам будешь? Не обижают ли тебя?

Связанный Радимич что-то протяжно промычал.

— Так у нас с тобой ничего не выйдет. Не понял ничего из того, что ты сказал!

Тот разъяренно жевал отрез ткани, который использовался как кляп, и гневно пыхтел. Когда князь устал кусать тряпку, Тарх подошел к нему ближе, расположил ланternу на торчащем в стене крюке и вытащил кляп из его рта. Радимич немедленно разразился потоком брани и угроз:

— Требую отпустить меня немедленно! Донесу царю!

— Знаешь, у меня были опасения, что зловонный колодец прикрыли не просто так. Заткнуть его, думаешь?

— Можешь делать что хочешь, ничего я не скажу. Кто ты такой, чтобы меня тут держать, истязать да связывать!

Тарх прошелся вдоль стены, увешанной от пола до потолка орудиями пыток. На каменной кладке блестел металл ножиц, кортиков и шил, бросали тени деревянные колеса и чугунные кандалы, а от легких прикосновений главы Совета мудрости и правды цепи устроили почти что праздничный перезвон.

— Да я и не претендую... жалуйся хоть Перуну, я пока своего не выясню — ты отсюда не выйдешь. А так молчи сколько влезет. — Тарх погладил воронку для свинца и улыбнулся: — Я ж не против, да и не тороплюсь никуда.

В подтверждение своих слов полубог сел за стол и закинул ногу на ногу.

— Мне воистину сказать нечего. Твои целовальники все как на подбор тупые, — прохрипел Радимич.

— Понимаешь, как мне тяжело? Других же не сыскать. Были бы все такие, как ты, — умные и достойные!

Радимич вперился взглядом в Тарха, пытаясь разобраться, к чему тот клонит, а Тарх продолжал:

— Ну а посему работаем с теми, кого боги послали. Чтобы не задерживать друг друга, ты мне просто скажи: зачем зельем грека травили?

— Каким еще зельем?

— Не придуривайся, Никола! — нарочито лениво протянул Тарх. Он вызволил склянку, полную мутной жидкости, из бархатного мешочка. — Тем, что в мошне носишь, да с таким усердием завернутое, будто амулет какой. Тем, что друзья твои, Калевичи, опричнику Салтанову дали, чтоб убился в случае неудачи!

— Не друзья они мне, Калевичи эти.

— Значит, про зелье отрицать не станешь?

— А что отрицать? Его теперича все с собой носят, кто позволить себе может. Видишь, даже опричникам монет хватает — бегут новый пузырек доставать, едва старый закончится.

— Погоди, оно не яд, стало быть?

— Что ты! Какой яд? Оно... как правильно? Равно сильно блаженству. Примешь — и сразу хочется любить ближнего. Наслаждаться красотой. И еще хлебнуть, когда чары его спадут.

Тарх встряхнул флакон с варевом и поднял его на свет. Кремового цвета осадок охотно растворялся в жидкости.

— Получается, когда мне Калевичи его в нос пихали, они не отравить меня хотели?

Под фонарем раздался смех.

— Ну что ты! Разделить удовольствие. А если девки рядом, то и подавно глотнуть хочется. От них как будто

пахнуть начинает так, что сразу... желание даже в старике дряхлом проснется.

Глава Совета дождался, пока жидкость в пузырьке успокоится, и отрезал:

— Не верю!

— А что мне врать? Прими — и сам узнаешь!

— Это ты прими доказательства ради.

Тарх поднялся со стула и прошагал к столбу, разглядывая лицо князя.

— Сомнения в глазах твоих?

— Да я всегда за. Вот только руки связаны, а так принял бы хоть весь пузырек.

Тарх открыл пробку и поднес флакон к устам Николы. Тот выставил язык и поймал им капли зелья, проглотив все до конца.

Убедившись, что склянка пуста, сын Перуна отошел положить ее обратно на стол, после чего заговорил:

— Замечательно! С зельем мы разобрались. Пусть и не ожидал я, что им травить никто никого не собирался. Но ладно, пусть так. Расскажи теперь, Никола, как на ум вам заговор пришел?

Тем временем Радимич заметно покраснел, лоб его покрылся испариной, тело подрагивало и выламывалось, принимая неестественные позы.

— Смотрю, неудобны тебе мои вопросы. Ответь честно — и не придется мучиться долго, — предложил Тарх.

Князь продолжал крутиться вокруг столба, жадно вдыхая воздух.

— Дышать сложно, Тарх...

Тарх подлетел к узнику и стал нагонять ветер ладонью:

— Отрава все-таки!

«Какого лешего! — пронеслось в мыслях главы Совета. — Позволил единственному свидетелю свести счеты с жизнью, да прямо на моих же глазах. Глупец! Глупец!»

— Не отравляй... просто жарко. Молю тебя — сорви с меня кафтан иль распори его!

Роговые пуговицы покорно поддавались пальцам Тарха, помогая освобождать тело молодого князя от пут одежды. Льняной ворот прекратил обнимать крепкую шею, обнажив набухшие вены, посередине ее торчал кадык, вскакивавший от каждого глотка слюны. Тархову взору поочередно открывались четкие линии ключиц, налитая юношеская грудь с темными твердыми пиками, мощные шарообразные плечи, а после — объемные руки, прорисованные точными мазками тренированных мускулов. Ткань безвольно повисла на запястьях связанного Радимича.

— Воды...

Тарх поднес к губам князя кубок, полный жидкости. Тот с жадностью впился в него, замочив все вокруг. По глади загорелой кожи побежали проворные капли, рисуя в полумраке извилистые линии, переливающиеся в отсветах масляной лампы. Осушив кубок, Радимич прикрыл глаза и кивнул главе Совета в знак благодарности. Тот продолжил свой допрос:

— Так чего вы хотели добиться этой смутой? Убить Салтана? Посадить на трон Елисея раньше положенного? Отвечай!

Было неясно, слышит ли его Радимич. Тело его горело, а спиной он терся о столб, словно пытался обхватить его лопатками. Убедившись в том, что князь в сознании, Перунов сын спокойно проговорил:

— Отвечать-то будешь?

Князь помотал головой из стороны в сторону, сбрасывая с нее капли пота. Это все, на что он был способен в ту минуту.

— Ладно, — сказал Тарх и обнажил ехидную ухмылку. — Один я здесь не справлюсь.

Дверь, ведущая в каземат, снова скрипнула и с грохотом закрылась. Тусклый свет лампы обнаружил двух посетителей: Тарха и молодую женщину, одетую в простое, но открытое платье.

— Убить Салтана хотели, говоришь? — без всяких прелюдий продолжил допрос глава Совета мудрости и правды.

Одновременно с вопросом Тарх обнаружил причину беспокойства своего молодого узника. Ткань его штанов бесстыдно оттопырилась, а сам он еле дышал, не в силах справиться с нахлынувшими чувствами. Полубог хмыкнул и встретился взглядом с посетительницей. Она уверенно кивнула и подобралась ближе к безвольному телу. Тут же скользнула рукой по натянутой материи, отчего князь выгнулся, вжался задом в столб и завопил, раздирая подземелье нечеловеческим криком.

— Кого на трон хотели посадить, Никола? — вещал Тарх, не сводя глаз с девичьей ладони, сжимающей княжье достоинство сквозь ткань.

— Калевичи все замыслили, я лишь хотел... — Он боролся с одышкой. — Хотел... Пожалуйста, сними с меня порты к лешему!

Тарх ухмыльнулся и скомандовал девице:

— Будь добра.

Девушка медленно развязала шнурок портов Николы, освободив его жаркие бедра от лишней ткани.

После пробежала взором по рдеющему телу вниз и провела пальцем по причинному месту.

— Продолжай! — боясь вздохнуть лишний раз, прошептал юноша.

— Это ты продолжай, князь, — спокойно сказал Тарх.

Вместе с движением ладони из Николы полились сбивчивые фразы:

— Они предложили все обставить так: подкупить опричника, чтобы он заколол Салтана. — Девичьи пальцы сжали самый его корень, отчего князь почти заснул. Усилием воли вернув себе дар речи, он продолжил: — Что предполагалось делать дальше, я точно и не ведаю...

Ходящая вверх-вниз рука резко остановилась и улетела от княжьих бедер. Тот неистово затопал ногами и почти заплакал, умоляя продолжить этот грязный обряд.

— Если ты не знаешь, что там дальше задумывалось, то я, наверное, пойду?

Глава Совета вскинул брови и посмотрел на свою помощницу. Та терпеливо ждала его поручений, будто бы и не слышала стонов Николы.

— Нет-нет, я, кажется, что-то припоминаю.

Ладонь вернулась на прежнее место. Князь набрал воздуха и глухим голосом заговорил:

— Кого-то из братьев убить тоже хотели, наверное Елисея... — Никола быстро задышал, готовый кричать в сладостной истоме, но девица остановила его порыв, оторвав руку. Тот будто в момент протрезвел и, сглотнув слюну, просипел: — Пожалуйста, еще чуть-чуть!

— «Наверное, Елисея». Нам всем — тебе и мне — нужна определенность, не хотелось бы остановиться в шаге от победы!

Покрытый испариной князь тяжело дышал и изгибался всем телом. Он плакал, дрожал, ему было противно в это мгновение думать о чем-либо, да и совершенно неумоготу терпеть, и он лишь умоляюще шепнул:

— Повели ей не останавливаться, о благочестивый Тарх Перунович!

Вновь переглянувшись с начальником, девица продолжила свое нехитрое дело под аккомпанемент княжских слов:

— Убить Елисея или Гвидона, кого именно — было неважно, потому что второго, того, кто из них остался бы живым, можно было назвать царевубийцей и сгноить здесь, в казематах. Так Немиза завещала.

Объемные полосы его накачанного живота вновь стали сокращаться, а сам он подался бедрами вперед насколько мог. Но Тарх снова не допустил скорого разрешения, потянув девушку за плечо и тем самым вовремя убрав ее ладонь. Князь завыл белугой.

— Погоди, а Немиза тут при чем?

— Я так взорвусь, не медлите, умоляю!

— Чем быстрее все расскажешь, тем скорее со всем покончим.

Князь затараторил, пытаясь задать нужный темп девичьей ладони:

— Чтобы получить зелье, надо обратиться к торгашам. Они выдают тебе его за монеты, но еще нужно ручательство за тебя, что ты в Стрибожий дом ходок и там ему да Немизе подаяния носишь, — тогда тебе и продадут. — Он проговорил это почти не дыша, поскольку не мог ни о чем думать: все ощущения сконцентрировались вокруг его мужского достоинства.

Впрочем, никакого достоинства в нем не осталось, одно лишь желание излить свою похоть. Поймав это

мгновение в очередной раз, безмолвная посетительница бросила детородный орган на произвол судьбы. Тарх кивнул ей и приказал убираться, скосив взор на дверь. Ему вдруг стало невыносимо стыдно за то, что он позволил себе сделать с князем. Как будто в него вселился кто-то совсем другой — но тому Тарху эта игра доставляла ни с чем не сравнимое удовольствие.

Князь висел на столбе в совершенном исступлении. Как бешеная собака, он дергал бедрами, рычал и бранился, одновременно рыдая и истекая соленым потом. Тарх взглянул на пыхтящего Радимича и проговорил:

— Спасибо, князь, ты меня полностью удовлетворил.

Дверь за ним бесцеремонно захлопнулась. В коридоре еще долго эхом раздавались крики обезумевшего Вескинского князя. «Хорошие люди кляп изобрели», — подумал Тарх, шагая в свой кабинет.

Четыре окна — слишком много для такой маленькой комнаты. Свет из них проникает в каждую щелочку, каждую трещинку, и ничему здесь от него не скрыться. Однако же послеобеденная дрема — больно могущественная чаровница, она заволоклет собой самый крепкий рассудок, и спастись от нее сложно даже в светлице, формой напоминающей свечной фонарь, посреди ясного дня.

Алконост растянулась поперек кровати и всматривалась в знакомую обстановку. Балки сходились в единой точке, из которой спускалась лампа на пять свечей, болтаясь прямо над постелью. Под одним из окон притулился пыльный стол с сиротливо брошенным

креслом. Наверняка оно все так же ворчливо скрипит и шатается, как тогда: ножка из ясеня рассохлась, требует замены, но хозяину совсем не до починки мебели. Впрочем, в ту минуту он и вовсе мирно сопел на плече у белокрылой красавицы, одурманенный дневным сном.

Дева поглядела на его взъерошенные кудри и вспомнила о своих мечтаниях. Как она любила своего виноградаря! Как мечтала о близости — не сердечной, духовной, какая меж ними, как ей казалось, натянулась неистираемой шелковой нитью, а о самой изменно-плотской... Фантазии эти не давали ей спать долгими ночами. От одной мысли о Красиборе ей становилось жарко, она невольно сжимала бедра и в своем воображении предавалась самой отчаянной любви. В такие моменты, когда прилив лихорадочного сладострастия заполнял нутро, в ее видения приходил он, такой могучий и непоколебимый, брал ее, как пушинку, на руки и относил на шелка. Зацеловывал каждую пядь ее кожи, гладил спину и плечи, шею и груди, руки его ныряли в самые укромные уголки ее тела, а после... Это «после» случилось совсем иным. И таким оно было быстротечным и блеклым, что она и охнуть-то успела лишь от неожиданности. Резкие движения, рваный темп — кажется, еще синяки на ляжках останутся. Она чувствовала его старания, хотя мечтала о сладострастии; он задыхался от собственного напора, а не от вожделения. И пусть ей не с кем было сравнивать, отчего-то происходящее казалось деве-птице унылым. А кричал он так, будто давал сигнал войску идти в атаку. Финальный рывок его был до того грубым, что Алконост проголосила, видимо, как тогда, в ночь перед свадьбой. В ночь перед их несостоявшейся свадьбой. Не помня себя

от горя, она бросилась тогда в окно и стала птицей, а ведь мечтала быть женой...

Из воспоминаний она снова возвратилась в комнату. Гобеленовое панно все с тем же сюжетом: рыбак в камышах, а за ним хитрая кошка, что проворнее мужичка тянет из воды рыбку. Алконост непроизвольно погладила несостоявшегося мужа по голове, а сама мысленно перенеслась в маленький сруб на берегу реки, вспомнив своих добрых спасителей. Где они сейчас? Так же ли дружны, здоровы, сыты? Ей нестерпимо захотелось вновь их увидеть, расцеловать до одури, стиснуть в объятиях... От движения ее рук мужчина вздрогнул и принялся лениво шевелиться. Он прошел рукой по ее бедру, скользнул ладонью глубже, пробежался по талии и уперся в налитую грудь. С шумом втянул воздух, оперся на локоть и приподнял голову, щуря глаза от яркого света. Счастливая безмятежность его лица вмиг стерлась и обернулась озадаченностью. Он сел на край постели и закрыл глаза руками. Дева-птица тоже приподнялась и тихонько произнесла:

— Сон приснился нехороший или что, Красибор?

Ответ она знала и без него. Юноша отвел руки, и ей стали видны горячие слезы. Справиться с их потоком он был не в силах. Так встречают товарищей с войны и провожают самых близких в последний путь. Захлебываясь слезами, он уткнулся в плечо Алконост и завыл. Ей оставалось лишь гладить его, как расстроенное дитя, и приговаривать:

— Все хорошо, милый, все хорошо! — А сама качала головой, понимая, что ничего хорошего их не ждет.

Откуда у смертных эта странная привычка: озвучивать порой совсем не то, что крутится в их головах? Алконост надеялась лишь на одно: что он сам все поймет без слов.

Дева-птица никогда не думала, что будет ощущать свою беспомощность, пытаясь объясниться с плачущим мужчиной. Поэтому затаилась и робко ждала в нем перемены.

Выплакав целое соленое море, Красибор утер щеки и осторожно поцеловал деву-птицу в ключицу. После поднял взор, нашел ее очи и еле слышно прошептал:

— Прости меня, любимая моя! Не ведаю, что со мной стало, отчего я забыть тебя посмел, тебя и твой волшебный голос. Как мог!

Алконост потупила взор и облизала губы. Этого мгновения она ждала много дней и ночей. Раскакаяния. Извинений. Признания... И что теперь?

— Я отдам тебе всю свою нежность, посвящу твоим васильковым очам остаток своей непутевой жизни, сделаю тебя самой сча...

Она коснулась пальцем его влажных губ, заставив их сомкнуться. Прислушалась к себе. Внутри не было ничего. Одна пустота. Скользнув по нему взглядом, она собралась с духом и выпалила:

— Прощаю тебя, Красибор. Я... — Она не смогла договорить. Все силы куда-то делись.

Для себя она все решила уже час назад, когда глядела на балки под потолком. Там, за ними, синее небо. Вечная весна самого красивого города Пятимирия. А здесь, внутри... пыльный гобелен и маленький мальчик, только и знающий, что гнать кислое вино из фамильного винограда да ухлестывать за хорошенькими девицами. Зарница ее желания принадлежать ему одному горела так долго, что истлела до золы. Представив, какую бурю в нем могут вызвать ее слова, продолжать фразу она не стала. Лишь провела рукой по его ладному лицу, а после, еле касаясь губами, поцеловала. Тут

же вскочила, набросила платье, подхватила свои черевички и выпорхнула в окно, крикнув напоследок:

— Теперь и ты будешь помнить! Прощай!

Ветер уверенно пробирался в крылья, в каждое перышко, в каждую пушинку, наполняя их свежестью и давая опору, необходимую для полета. Это чувство, доселе незнакомое, вытесняло из головы новоиспеченной царевны все мысли. За спиной уже давно осталась серость Новоградского княжества. Мила нырнула в облака и, преодолев их сырое нутро, оказалась в кристально чистой бирюзе неба, спрятанной от ее соплеменников хмурыми сгустками. Через какой-то час пути тучи разбежались, и с высоты стало видно широкое русло, одно на две реки — Западную и Восточную. Водораздел пенился гребнем, обнажая вечное противостояние Агидели и Даны, не согласных уступать водам друг друга ни пяди своих владений. Какой красоты было зрелище сверху! Мила зачарованно глядела по сторонам. На востоке водную гладь обрамляли дубовые леса. Прижавшись к кормящей матери-реке, они бросали густую тень, становясь домом для оленей, кабанов, зайчиков, лисиц и множества других лесных обитателей. Среди их стволов бродили мавки, лешие и кикиморы — те, кого к селениям не пускали из-за их нечеловеческой природы и дикости. За дубровником земля поросла густыми дебрями колючих кустов, пробраться через которые было под силу лишь бесплотным духам: кольчужное одеяние и то застряло бы в тех зарослях. А за шипами кустарника — бескрайняя пустыня, уходящая за горизонт. То и дело в охристой вышивке торчали всполохами куцые деревья, под которыми

стояли натянутые шатры — там отдыхали кочевники, отвергнутые прочими людьми. Боги их пьют из луж да питаются падалью. А уж про людей-то и подавно думать нечего. Страшно.

Царевна оглянулась в сторону запада. Вместо выжженного песка по земле раскинулись пестрые долины, фасолины озер подбивались светлыми рощами сосен и ясеней, сгущаясь кое-где еловником, скрывающим за собой непроходимые топи вескинских болот. Края те были глухие и нелюдимые. Может, и жили там твари какие, русалки да водяные, но Миле о том было неизвестно, она лишь предавалась новым ощущениям — изучать земли из поднебесья. Земли, что скоро станут ее владениями, ее, владычицы всего Буяна.

Путь ее был приятен, хоть и далек. Царевна усердно махала крыльями, ловила перьями ветер и наслаждалась теми мгновениями, когда удавалось просто парить над бескрайними просторами благодатных земель. Чтобы прогнать от себя тревожные мысли, Мила сосредоточилась на полете. Она стала считать тех, кто поднимал ее в небеса. Стрибожьи дети принимали ее по-разному: кто ласкал ее гладкое тело, шепча нежности каждому перышку, кто дул поперек, противясь полету крылатой красавицы, кто гнал в спину, завидуя красоте и стати, а кто и замирал, завидев царственную деву-птицу на своем отрезке. Мила насчитала их семеро. На семи ветрах она беззаботно нежилась, падала и поднималась, но не прекращала путь в столицу Буянского царства.

У закатного часа есть волшебные чары. словно светило, перед тем как умереть, озаряет все вокруг неповторимой красотой, чтобы уходящий день запомнился как

исключительно прекрасный. Золотой час прокрался в чернильные перья Сирина и переливался в них магическими красками: от мистической зелени изумруда через горделивую синь сапфира в благородную аметистовую бесконечность и обратно. Плетистые страстоцветы, безмолвные свидетели этого завораживающего представления, поспешили склонить свои пушистые головки перед красавицей. Казалось, даже калитка скрипнула тише обычного, засмотревшись на ее стройный стан и волнующие изгибы. В передней комнате, отделенной, как театральные подмостки, бархатом рубиновых штормов, не было ни души. Сразу же откуда ни возмись выскочила прислужница, и в руке вечерней гостьи мгновенно оказался кубок, полный вина. Ждать пришлось недолго: чуть только кубок опустел на треть, из-за занавеса появился сам хозяин Сада.

— Раз солнце закатилось, настал черед сиять другим светилам! — вымолвил Елисей, коснувшись устами руки птицы Сирина.

Потом провел за собой в самое сердце Сада — шестигранную беседку. Пятипалый виноград неохотно впускал предсумеречное зарево в свои владения, но лучи, что пробивались сквозь резную вуаль листвы, жадно падали на смуглую кожу. Огромный лемотрин-камень, притаившийся на груди царевича, бесстыдно выглядывал из-под одежд.

Стол был уставлен яствами. Мохнатые грозди вистерии нависли над блюдами, норовя залезть в каждую тарелку, но их плети были слишком коротки, чтобы дотянуться даже до горы зажаренной целиком рыбы. От досады, а проще говоря от зависти, им только и оставалось, что осыпать трапезничающих розовой пылью. Впрочем, участникам тесного застолья не было

никакого дела ни до вистерий, ни до пыльцы, ни до зависти. Верно, окажись они тогда на камнях среди пустыни, точно так же глядели бы друг на друга, не отрываясь, без малейшего налета стыдливости или смущения.

— Ваша корона... она великолепна! — произнесла Сирин, расправившись с очередным яством.

Буянский престолонаследник молча поднялся из-за стола, подошел к девице и водрузил символ монаршего величия ей на голову. К слову сказать, убор тот был безделушкой, среди драгоценностей Салтанова рода не значился, а был подарен Елисею кем-то из послов после какого-то шумного бала.

— Отныне ты царица сегодняшнего вечера, девица Сирин! — проговорив это, он принялся оглаживать ее, спускаясь по точеной шее к открытым плечам.

Однако дева-птица остановила его на этом чувственном пути, мягко отведя нетерпеливые руки царевича. Следом послышался ее голос:

— В благодарность за этот воистину царский подарок разрешите и вас одарить, Елисей Салтанович! — Поднявшись и не найдя в очах цесаревича никакого сопротивления, Сирин сняла платок цвета сливы, подпоясывавший ее платье. — Отказ не принимается!

Получив безмолвное разрешение делать все, что заблагорассудится, дева-птица завязала глаза царевичу шелком платка и поднесла к его губам пузырек с зельем. Послушно хлебнув варева, тот поводил языком по нёбу и, распробовав его на вкус, изрек:

— Не ведаю, что за сладость такая. Но приятна до одури!

— Сыграем в игру, — сказала Сирин, допив зелье из бутылка. — Не снимай повязки, пока счет до десяти

не доведешь. А потом найди меня, цесаревич! — Последнее она уронила прямо ему в губы и оставила одного.

— Один!

Беседка выпустила пленницу в Сад.

— Два!

В белоснежной купели затаилось водяное зеркало. В его безмятежности плавали перистые облака, глядящие на город, пока хоть что-то было видно. Дева невольно поймала свое отражение и поправила волосы.

— Три!

За увитым розами плетнем болтались крепкие кандалы, скучающие в своем бездействии.

— Четыре!

Натянутое меж двух мощных тополей льняное одеяло приглашало поваляться без прочих обязательств.

— Пять!

Ночные фиалки раскрылись без остатка, не в силах упустить зарождающийся спектакль.

— Шесть!

«Качели!» Одетые в невесомую ткань, они висели на опоре, не шевелясь, будто сами участвовали в этой нехитрой игре. «Вместе прятаться веселей», — пролетело в голове Сирина, и она скрылась под воздушным палантином.

— Семь!

Повязка оказалась сорвана раньше срока. Лицо царевича обрело почти животный оскал, желание поднялось из самых его мужских глубин, и было оно такой силы, что препятствовать ему не было мочи, потому Елисей устремился на поиски, считая на ходу:

— Восемь!

По плечам больно хлестнули виноградные плети. Остервенело отбросив их, царевич ринулся дальше:

— Девять!

Гранитная чаша, полная прохладной воды, появилась из-за кустов. «Как ты некстати, знала бы!» — раздраженно подумал Елисей. Фонтан, выложенный сланцами, дразнился и сердил царевича пуще каменной ванны. Преодолев их да наступив на зрителей-фиалок, испустивших дух и дивный аромат, он забежал в укромный угол Сада:

— Десять!

Над буянской столицей потемнели небеса. Ничегошеньки не видать было в сени деревьев. Только самоцветы-украшения блестели под натянутой тканью. Подбравшись к качелям-истуканам и откинув палантин, Елисей произнес:

— Ты раскрыта!

Доносчица-корона подыграла молодому царевичу. Камни ее сверкали вместо звезд — можно было заметить, как самоцветы изменились от короткого знакомства с Сирином: все те, что были красными, как кровь, запеклись и потемнели, но сиять не перестали.

— Что полагается победителю? — жадно выговорил он.

Пальцем натянув бретельку, дева-птица еле слышно шепнула:

— Все! — И платье, струясь, спало к ее ногам.

Терпение лопнуло одновременно. Елисей впился в ее уста, алчно сполз по тонкой шее к самым грудям. На голову его легли девичьи руки и легонько подтолкнули, призывая быть смелее, исследовать заповедные уголки желанного тела.

Никогда еще Сирина не встречала такого мастера доставлять наслаждение. Охотник он был знатный, умел, как никто до него, обращаться с оружием. Кончик

языка его скакал быстрее лани, забегал, куда только получалось, то легонько касаясь манящих изгибов, то настойчиво протискиваясь внутрь, во влажную ароматную глубину. Продержаться под сладостной пыткой долго не удалось: не прошло и пяти минут, как колени девы задрожали, а бедра инстинктивно сжались. Воздух Сада наслаждений пронзил сладостный стон. Мокрый от всего, что случилось внизу, Елисей поднялся на ноги и поделился добычей с Сирин, подарив ей долгий поцелуй.

Пришел ее черед удивлять. Дева-птица зацепила взглядом лежащую неподалеку мраморную плиту. Камень хранил тепло уходящего дня, поверхность его блестела и манила чистотой. Атакуя поцелуями, Сирин дотолкала царевича до плиты и усадила на нее. Девичьи ладони гладили его лицо, спустились к груди и надавили на бархат его кожи. Елисей безропотно поддался, опустившись спиной на белоснежную поверхность, — так, как и было задумано королевой вечера. Рубаха на нем вмиг разлетелась, он и не думал, что в хрупкой девушке могла прятаться такая силища. Лишив его торс покрова, она припала к нему губами, кусала возбужденные темные выступы сосков, а после нащупала меж них камень. Тот самый, за который бились правители чужих земель. Лемотрин погрузился в ее рот, цепочка натянулась на мачте-шее. Сирин взглянула Елисею прямо в глаза. От одного этого зрелища он готов был испытать взрыв чувств. «Рано, слишком рано», — остановил он свой скорый позыв, не сводя взора с Сирин.

Она точно не знала, что испытывают мужчины, пережившие ее умелые ласки. Их красноречия было явно недостаточно, чтобы живо описать весь тот каскад эмоций, что им доводилось получать от близости с ней. Все,

что она раньше слышала от своих многочисленных любовников, сводилось к тому, что ее уста творили неземные чудеса с их мужским достоинством. Елисей был юношей избалованным, но даже он, глядя, как кудесница задерживает дыхание и, словно на полозьях, скользит вдоль его немаленького орудия, держал вдох вместе с ней. Шевелить руками или другими частями тела он не смел. Сирин и так безошибочно разгадывала каждое его желание и мгновенно его исполняла. Чувствуя, как подступает его сладостный финал, она замедлялась и переходила от скипетра к державе, заставляя цесаревича выть от удовольствия, будто лесной зверь. Насладившись его вкусом, дева-птица взмахнула крыльями, оторвалась от земли и метко приземлилась лоном прямо на царственный шпиль. Возбуждение выплеснулось из обоих любовников, схватило их за гривки и притащило к одновременному разрешению чувств.

Девушка лежала и сквозь дрему ощущала что-то такое, чего раньше никогда не испытывала. Она сбросила с себя путы сна и принялась вглядываться в лик сопящего царевича. К горлу подступил ком, а по всему телу разлилась волна неведомого чувства. То была даже не волна — целое море, безбрежный океан нежности, в котором она парила так свободно и легко. Она прильнула к его наливной груди, прикрыла глаза и улыбнулась.

Воздушные грозди вистерии, любопытные глазки растоптанных фиалок да обидчивые плети девичьего винограда не засыпали до утра, внимая шепоту влюбленных и шелесту их жарких губ. Только страстоцвет спал счастливым сном: его цветки тратили каждый день, от рассвета до заката, на подобные любовные шалости.

Сумерки без остатка растворились в темноте ночного неба. Помимо мигающих звезд, над буянской столицей сверкал лишь шпиль Салтанова дворца, полотном своим деля потоки и разрезая залетные ветра. Завидев золотой блеск острия, Мила замахала крыльями пуще прежнего. Вместо недавней спутницы, усталости, на нее обрушилось неодолимое желание поскорее рассмотреть столицу сверху. Не зря Велимир величал ее самой нетерпеливой из княжеских дочерей: дева-птица полетела что было мочи. Ей стали видны гирлянды нарядных фонарей, освещающие все проулки, все переулки — те хитрые изгибы, что путали не привыкшую к ним княжну и вечно приводили не туда. Теперь маршруты передвижения знатных обитателей крепости по лабиринту ходов — от неожиданно широкой площади к тесной галерее, от Совета к Совету — перестали быть загадкой. Она глядела на царский муравейник, как гадалка на раскрытую ладонь, и наслаждалась своим новым знанием. Дева-птица сбросила высоту, нырнула к очередному черепичному коньку и случайно смутила чугунного петушка. Флюгерок, обманутый внезапной встречей и порывом ветра, закрутился в бешеном вихре. За скатом крыши лежала площадь Семи звездословов. У Милы внутри все сжалось от мыслей о любимых подругах. Где же они сейчас, живы ли, здоровы? Спят ли добрым сном, не тоскуют ли по ней, не забыли ли свою непутевую царевну? Мила твердо решила: завтра непременно пойдет раньше обычного на площадь, под тень цветущего миндаля, присядет на парапет фонтана и станет встречать каждую из дев самыми крепкими объятиями из тех, на какие она только способна.

Сразу за каменной стеной от площади скучали ее хоромы. Дивия-луна выкатилась на небосвод, встречая царевну и озаряя ее путь своим холодным светом. Из ночной мглы проступали очертания лишь тех, кто желал выставить себя напоказ. Тем же, кто думал спрятаться от посторонних взглядов, не составляло труда накрыться покрывалом ночи. Пузатые балясины были из первых: они что было сил выкатили свои животы, словно соревнуясь, у кого из них круглее формы на балконе под луной, и их молчаливая борьба рассмешила царевну.

«Точно! Через дверь зачем? Аксиною лишь будить. Или не ее — может, сменили прислужницу, раз меня проворонила. Дело одно: пусть в сон кутается, сладким храпом укрывается — ворошить ее не буду. В свою светлицу войду через балкон, а им с утра нечаянная радость будет».

Сюрприз ждал и царевну. Не успела она ступить на балкон да сложить белоснежные крылья, как услышала свое имя:

— Мила!

Царевна развернулась и замерла, вглядываясь в темноту. Тонкие серебристые листья вербы отбирали все лунное сияние, не пуская свет в подол дерева. Идеальное укрытие.

— Вы так изменились, царевна!

— Кто здесь? — Мыслями она еще летела, лишь ногами приземлилась, и совсем не была уверена в желании поддерживать беседу в столь поздний час. Даже если это был...

— Гвидон, ваше высочество.

Из тени дерева выступил молодой мужчина в зеленом кафтане. Лацканы и манжеты его были до того густо

украшены самоцветами, что блеск их ослеплял ночную мглу. Сильнее них сверкали очи, оторвать взгляд от которых было невыносимо сложно. Справившись с чарующей зеленью глаз-коловоротов, Ладимила вновь обрела голос:

— Доброй вам ночи, царевич!

Она наконец спрятала крылья и поклонилась долу. Ей вдруг подумалось, что стоять выше царского сына невежливо.

— Я сейчас спущусь, — залепетала она и бросилась было к балконной двери, забыв от этого сбивчивого разговора о своих крыльях, о том, что она птица.

Однако слова Гвидона остановили ее метания:

— Не утруждайте себя, Мила. Вы наверняка устали, да и я поднялся бы сам, будь на то мое желание. Но я хотел лишь поклониться в приветствии и убедиться в том, что... — Голос его замер в ночной тиши.

Секунды падали меж ними, как камни со скалы, и она уже не могла сосчитать, сколько прошло времени.

«В том, что... В чем?» — крутилось в Милиной голове без остановки. Она ждала любого ответа — если не словами, то хотя бы взглядом, этими манящими, теплыми глазами.

— Я хотел признаться вам в одном... точнее, рассказать об одном событии, которое перевернуло мою жизнь. Я лишь должен получить ваше на то согласие. И если вы слишком утомлены дорогой, то, конечно, мы можем позже...

— Нет, не надо позже! — прервала его царевна.

Она и не знала, что думать. Терпение никогда не было ее сильной стороной, а уж когда в воздухе повисала интрига...

Впрочем, голос Гвидона вырвал ее из размышлений:

— Даже и не знаю, как... Ладно. Как получится. — Он сделал глубокий вдох и проговорил: — В тот самый миг, когда вы заступились за меня в подземном коридоре — из жалости, верно, и все же... я осознал, кто вы для меня. Вы та, за кого я готов пойти на что угодно. Свет очей ваших той редкой породы... — Гвидон снова на секунду замолчал, и в темноте лишь было видно, как он отвел глаза. — Той породы, не влюбиться в которую немыслимо. Но я не влюбился, нет. И не был ослеплен этим светом вашей доброты. Мне довелось испытать что-то совершенно другое. А когда вы улетели, я думал о вас ежесекундно, несмотря на всякое, что здесь происходило...

— Да, я слышала о попытке смуты.

— Никакой камнепад напастей, никакое полчище страстей не заставили бы меня отказаться от чувства, которое рождается от одного взгляда в вашу сторону. И если бы я знал, если бы мог...

Вдруг этот широкоплечий молодой мужчина спрятал глаза за рукавом кафтана. Железная его выправка плохо скрывала смерч, захвативший душу, он держался из последних сил, чтобы не поддаться эмоциям. И, опасаясь, как бы пресноводные озера его зениц не разлились солеными ручьями, он заговорил как можно быстрее:

— Та любовь, что родилась во мне, безвозвратна. Отказаться от нее я никак не смогу. Знаю наверняка, и ни одна душа, живая иль мертвая, не сумеет убедить меня отринуть это чувство!

Мила лишь кивнула, завороченная неземной статью Гвидона. Его влажные глаза вымочили и ее очи, и теперь они с царевичем в унисон шмыгали носами, спасаясь от нечаянной грозы. Ее настигло странное желание — быть ближе к тому, на кого она не могла насмотреться. В ней словно назрело нечто невыразимое, и чувство это

обволакивало каждую клеточку ее тела, наполняло ее душу нежностью и неведанной силой. Мила встала на колени. Она жадно глядела на царевича, держась за балясины балкона.

— Я и пришел, чтобы сказать об этом, — глухо проронил полуночный собеседник. — А еще поделиться тем, что мне покоя не дает жестокость моей участи. Простите!

Доселе царевна ловила каждый его звук, но в тот момент невидимая нить меж ними натянулась, издав жалобный писк.

— Но в чем жестокость, Гвидон? Могу я так вас называть?

— Ваше высочество, вы царская невеста, вам дозволено все... А жестокость... Увидев вас сейчас, сегодня, я убедился, что это даже не жестокость, а беспощадность. Но такова наша жизнь на земле. Вы станете женой другого, а я...

— Но почему? Чем уязвила я вас? — Она искренне не понимала его слов. Ей не хотелось верить в то, что он допускает хотя бы мысль...

— Не вы. Я сам. Трон отдал брату. Пообещал в подтверждение того, что не зря убил его сродников, не за престол, а за жизнь нашу... впрочем, не важно, что и почему. Он будет царь, а вы — царица. Я же... обречен на одиночество. Но мое одиночество станет в сотни раз прекраснее, коль я останусь здесь, при дворе, просто наблюдать иногда за вашей поступью, исподволь ловить ваш небесный взгляд да наслаждаться вашими жестами, полными доброты. И, как бы мне ни мечталось о большем, это все, что мне отпущено. Я принимаю этот порядок, пусть не без горечи, пусть... Отдыхайте, царевна, вам надо поспать.

Мила глядела вслед уходящему царевичу и была не в силах подняться на ноги. С балкона на спящую траву падали звонкие капельки, но то была не поторопившаяся роса. То было горе-горюшко девичье, незнамо отчего так крепко обнимавшее будущую царевну Ладимилу.

STONE HEDGE

Глава 9

Время истины

Оправившись от сна, лес задышал под первыми рас-светными лучами. Между деревьями разлеглось дымное марево, а выше, у самых сосновых зонтиков, зашебетали сонные птицы. В плотных подушках мха повскакивали, как часовые, голубые пролески, проверяя, не идет ли кто. Их соседи-ландыши самозабвенно зазвенели своими колокольчиками, будя опаздывающих на работу муравьишек. Разноцветные хохлатки, скинув капельки росы, принялись разбрасывать медовый аромат, и все пчелы и шмели зажужжали на опушках, предвкушая скорый завтрак. Жизнь в роще закипела не хуже, чем в богатом купеческом городе.

— Стоят спокойно, не рыпнутся даже, ай какие!

Двое мужчин в грязных лохмотьях засмотрелись на породистых скакунов, привязанных к сосновым стволам глубоко в чаще. Оборванцев можно было ненароком принять за разбойников, вот только лукошки в руках выдавали в них самых обыкновенных грибников.

— Красавцы... — только и нашел что восхититься второй мужик.

Они довольно переглянулись, и первый, озираясь, перебежал к следующему дереву, поближе к лошадям.

— А вокруг ни души! Получше грибов-то будут.

Корзинка опустилась к ногам. Второй подошел, заглянул в нее и проговорил:

— Да ты грибов и не нашел ничегошеньки! Потому на коняшек заглядываешься. — Он бросил несколько влажных шляпок в лукошко товарища и отрезал: — На вон, бери, а на чужое не смотри. Мало ли кем привязаны!

— Ты дурачок, что ль? На базаре грибы почему берут? Напомни!

Товарищ, сложив руки перед собой, молчал. Несмотря на непроницаемое выражение лица, глаза его выдавали: он что-то оживленно вспоминал.

— То-то же! А лошадок я знаю, кому отвести. На полжизни за таких нам отсыпят.

Второй держался молчаливо, лишь лаптем пинал горку муравейника. По соседству обнаружился целый рассадник боровиков, и он инстинктивно потянулся с ножиком за грибами, чтобы забрать добычу. Шляпки их оказались совсем гнилыми. Вытерев о штаны слизкую грязь, он вскинул взгляд на лошадей и ядовито выдавил:

— А если узнают, кто вор?

Первый только и ждал начала торговли. Он заговорщицки улыбнулся и прошептал, вживаясь в роль умелого конокрада:

— Не узнают. Сейчас осмотрим местность и уйдем с золотыми копытцами!

Лукошки сиротливо упокоились на мшистом ковре, тоскливо вглядываясь в то, как два мужичонка перекатывались вокруг горделивых скакунов, до того

чистопородных, что даже взгляда на грибников не бросили.

Убедившись, что в чаше вправду никто не прячется, новоявленные разбойники подобрались к лошадям и схватились за удила. Кони дружно взбрыкнули из-за впившегося в их рты металла.

— Отвязывай давай, нет времени!

Узлы никак не поддавались грязным пальцам второго. Тот с самозабвенным упорством корпел над переплетом вошеного жгута. Соучастник его не выдержал этой муки, выхватил грибной нож и перерубил оба каната одним взмахом.

— Тебя только за Марой посылать! — разгоряченно бросил он.

Грязные подошвы с налипшей хвоей опустились в полированные ложбины стремян, и вслед за ними на коней взгромоздились грибники. Отсюда, свысока, похитителям стал виден край озера, облепленного редким лесом. На песчаном берегу они тотчас увидели другую пару мужчин — те стояли спинами к лесу, глядели на озеро и, должно быть, говорили о чем-то очень важном. Вернее, вещал один, а второй лишь подбирал плоские камни, бросал их в воду так, чтобы они как можно дольше пускали круги и тонули. Одежда исключала всякие сомнения: всадники были людьми знатными.

— Может, не будем уводить лошадок?

Второй коснулся сиреневых камней, блестящих на поверхности сбруи.

— Царские, не иначе... Смотри, какие великородные обьезжают!

— Ни шагу назад! — только и успел проголосить его подельник, прежде чем скакун с диким ржанием выкинул его из седла, встав на дыбы.

— А Миле-то мы весточку не оставили!

Алконост остановилась как вкопанная посреди цветущего луга. Ее подруга Гамаюн прошла еще несколько шагов и тоже замерла на тропинке, ведущей к широкому косогору. У обеих дев за спинами висели котомки, судя по их неровной поступи — довольно увесистые. Летать с такими было невозможно. Вдруг белокрылая птица ответила сама себе:

— А и ладно! Чтой-то я занервничала? Она нас и не побежала б привечать первым делом, если бы и вернулась, да? У нее же теперь жених есть — Гвидон, Елисей, еще какой леший знатный — за кого она там сосватана-то?

— За наследника, насколько мне известно. Без прочих уточнений.

— Ну да. Одного из двух Салтановичей. Красавчиков... Белокрылая сорвала на ходу василек.

— Я ей при знакомстве такие дарила, слышишь? Как ее глаза цвет, точь-в-точь!

Косогор бежал под ногами. Разнотравье волновалось от ветра, он клонил соцветия то на юг, то на восток, вызывая в поле качку, как на море. Тропа вилась кверху и вот наконец достигла вершины холма. Отсюда, как на ладони, видна была вся долина: по границе — горы, одетые в сливочные шапки, а подле них, у самого начала восхождения, зияющая чернь — урочище, полное угля. Теперь остановилась Гамаюн, подав подруге знак рукой. Она огляделась и указала:

— Вон то дерево! Прячемся. Только под ноги смотри внимательно.

Широкий ствол векового дуба будто сознательно толстел для этой встречи. Скрыться за ним не представляло особого труда. Кора его вся растрескалась от ветров,

а по северной стороне полез прыга-ягель. В шапку кроны впивалась обескровленная ветвь, на которую тут же и взлетела красавица Алконост, отдав свою котомку Гамаюн.

— Сцена сегодня просто роскошная! И вид с нее — загляденье!

— Зрители не забудут этого представления! Или забудут?

Они похихикали и принялись за дело. Времени было в обрез. Девы натягивали тонкие веревки, перехватывали их кольцами, цепляя крюками к шершавой коре. Расправившись с возведением ловушек в считанные минуты, они принялись ждать. Алконост, сидя на ветке, болтала ногами в высоких кожаных сапожках, а темноокая Гамаюн бродила взад-вперед позади дуба, думая о чем-то своем. Иногда она замирала, шумно выдыхала воздух и вышагивала вокруг дерева. Устав от ходьбы, дева присела, прислонившись к дубу. В густых зарослях овсяницы, вдаль от прочих маков и ромашек, ей помешался знакомый глазок. Она раздвинула травинки, нагнулась к самой земле и увидела ветреницу, точно такую, как тогда, у звонкого ручья на южном мысе.

В тот же момент из-под кроны послышался возбужденный шепот Алконост:

— Идут! Идут!

Гамаюн вжалась в ствол и перестала дышать, вслушиваясь в звуки шагов.

— Так ты не спал, царевич, ни секундочки? Птицу Сирин до утра... провожал?

Пройдя мимо Финиста, царевич скинул свой расшитый кафтан и порты, оставшись в широкой рубахе,

грохнулся в постель и укутался в бескрайнее одеяло. Было заметно, что его потряхивает.

«Все ясно. Прилетела птица-перепел», — закралось в голову соратника привычное подозрение. Впрочем, никакого хмельного аромата за царевичем не тянулось, да и выглядел он слишком озабоченным для человека, празднующего очередную любовную победу.

— Лоб дай потрогать! — Финист умело прислонил ладонь к царскому челу и тотчас присвистнул: — Да у тебя жар, царевич! Где ж ты гулял до самого рассвета!

Из-под одеяла послышался неясный протяжный гул, и все, что можно было из него разобрать, было слово «отстань».

В такие моменты последним, кого слушал Финист, был царевич. Он сбегал к кухаркам, послал за знахарем и через какие-то полчаса триумфально вернулся в сопровождении тележки, полной яств. Присев на край кровати, тихонько прошептал:

— Елисей, попробуй хоть краюшку, хоть кусочек скушай! Или вот — горячего попей. Тебе здесь иван-чая с медом заварили да сливки парные влили, как ты привык!

Одеяло тревожно вздрагивало, поднималось вместе с неровным дыханием царской груди, а после медленно возвращалось на место. Не расслышав даже ворчливого бурчания, Финист пошел на крайние меры: откинул край одеяла, впустив холодный воздух к разгоряченному телу. За то время, что наперсник хлопотал с завтраком да звал лекаря, лицо царевича заметно изменилось: глаза будто потяжелели и впали, под ними появились темные круги; щеки потеряли весь румянец, накрылись мертвенной бесцветностью. Да и всем своим ликом он напоминал скорее покойника, чем живого юношу. Губы

его еле слышно шелестели, а тело была беспокойная дрожь. Финист схватил чарку с водой и поднес к пересохшим царским губам. Влага придала немного сил голосу наследника — достаточно для того, чтобы опричник отчетливо услышал:

— Зелья... зелья мне принеси. Без него погибаю!

— Так, если рассудить, у нас этого добра — что грязи! Чуть где лунку пробуришь, так сразу ядовитые испарения поднимаются, а их вон как — на дело пускать надобно! Ай да норды, ай да сукины дети! — кричал идущим вслед соплеменникам бородатый амитиец.

За плечами его спутников пылила гора угля, а за ней пряталась впадина доменной печи — главного новшества Совета размыслов.

— Доброта твоя не знает границ! Все тайны нам рассказал, вот что значит — родная кровь благородная! — подхватил слова первого другой мужичок и хлопал Армауна по плечу.

— Всякое дело, будь то зло или добро, должно быть разумно отплачено, — ответил, улыбаясь, старик.

Он чуть отпустил спутников вперед, и, как только они отвернулись от него, лицо его мгновенно потеряло всякий налет добродушия. Он хлестнул рукой по шее, взглянул на ладонь — комара убил. Значит, хватка не потеряна. Еще можно жить.

Четыре фигуры шатались по цветочному полю. Тропинка уверенно петляла, не оставляя шанса свернуть в сторону. Шедший впереди бородач глухо крикнул:

— Дедушка, далеко ли до мыса-то? У нас брага твоя закончилась вся почти.

В подтверждение своих слов он поднял бутылку над головой и перевернул вверх дном. Пара последних капель сбежала из емкости.

— Дорóгой этой пойдем и быстрее дома окажемся, дружочки, — спокойно ответил Армаун.

Одинокий дуб, стоящий на краю возвышенности, оказался очень близко, словно сам подошел. Завидев его, старец понял наверняка: там, в его тени, все и случится.

Захмелевшие амитийцы добрели до дерева и встали истуканами. Добравшись до них сзади, Армаун скривился в усмешке: три пары восхищенных глаз устремились в сторону засохшей ветки, на которой сидела обнаженная дева-птица. Она зазывно смотрела на возбужденных самцов и тихо напевала какую-то мелодию. Ученый отвел взгляд, подошел к мужчинам и шепнул:

— Что стоите? Она только вас и ждет!

Стремглав они бросились к дубу. Ветка оказалась высока, однако расстояние до земли было не главным препятствием. Одна за другой шелкнули растяжки, взметая в небо их разгоряченные тела. Они и ахнуть не успели, как оказались подвешенными на том самом дубе. Болтаясь вниз головой, мужчины бранились и извивались в попытках вырваться из неожиданного плена. Старания эти прервала Гамаюн, выйдя из-за дуба. В руке ее сверкнул нож.

Качающиеся коконы сменили тон, принялись жалобно скулить, выть и всячески умолять оставить их в живых. Сначала Гамаюн наградила каждое перевернутое лицо смачным плевком. После извлекла шарики незастывшей глины из мешочка, раскатала их в четыре колбаски, две из которых протянула почтенному

старцу. Заткнув ими уши, они одновременно взглянули вверх, на уже прикрывшую свою наготу Алконост. Та послушно кивнула и запела своим дивным голосом.

Равнину заполнили истошные вопли. Но они быстро стихли, и вместо них полилась редкой красоты песня, касаясь каждой травинки, каждого цветочка на этом беззаботном разноцветном лугу.

Выйдя за пределы Сада, Финист замешкался. Где же берут это злополучное зелье?

Попытать удачи можно в порту. Там всегда можно купить всякое: и то, что в городских лавках продается, и то, что нигде не найдешь. Но знать бы, кто торгует запрещенным снадобьем! А у всех подряд спрашивать — только смуту разводить да подозрения понапрасну рождать. Финисту предстояло отыскать необходимое как можно тише, не привлекая к себе лишнего внимания. Все, у кого можно было спросить, находились далеко: Калевичи отправлены в Навь, в царство Чернобога, Радимич — в казематах, Николичи спешно уплыли... Фёдор, опричник мертвых князей, и вовсе исчез без следа, как корова слизала. Быть может, бежал в родные земли или был задержан Советом мудрости и правды. Искать сейчас Тарха — та еще задачка, да и, может, ни к чему, коль Фёдор не у них в сыром подземелье.

— Постой... — сказал он вслух сам себе. — Калачник... там, за ширмой, точно!

Крыльями в городе он не пользовался никогда. Никаких указов с ограничениями людей-птиц и прочих оборотней в их возможностях не оглашалось, но так уж в Буяне сложилось, что полеты над слободками, а тем

более над Салтановым дворцом считались недопустимыми. Добежав до дальней крепостной стены, Финист расправил крылья и мигом очутился в ремесленной слободе у слобной завитушки — вывески калачника. Поправил кафтан, глядя в окно витрины, убрал назад растрепавшиеся пряди и скользнул в высокую дверь.

Здесьшний аромат был тем еще пронырой: его вдыхал и наслаждался им каждый, вне зависимости от предпочтений или сословия. Только испеклись сладкие улитки, и их запах лопался в воздухе соблазнительной корицей. Хозяин лавки возился с рогаликами, складывая их в корзины разного размера. Вдоль прилавка сгруппировались несколько людей. Финисту не сразу стали видны их лица, он шурился и всматривался в них, но после яркого солнца в темноте калачной глаза отказывались рисовать четкие линии.

«Вот бы никого из знакомых не увидеть», — осторожноничал он в своих мыслях.

Вспомнилось ему, как он оказался здесь в прошлый раз. Нахалка Аксинья, которой нынче немило жилось, раз она княжну без надзора оставила, царское повеление нарушив... Речи калачника, когда они наедине остались, — вроде тот и чепуху молол, что муку пшеничную, а вроде и зерно в них было, да пойдн пойми, во что бы оно могло вырасти... Тогда здесь пахло дрожжевым тестом и карамелью, а теперь вот — южными пряностями. В животе предательски заурчало. Сам-то Финист не успел и краюшки перехватить.

Лица стали отчетливо незнакомые. Мысленно выдохнув, опричник царевича улучил момент, когда пекарь принялся рыться в корзине, а посетители все как один отвлеклись на треск полена в печи, и юркнул за ширму. Он не прогадал: в темном углу, на стуле с широкими

подлокотниками вправду сидел человек, и весь его облик говорил о том, что он торговал далеко не сдобными булочками. За ним, на верхней полке, стоял свечной фонарь с умирающим огарком.

— Садись, мил человек. Погадаем тебе.

Скрипучий старческий голос отозвался где-то далеко в голове Елисеева опричника. Лица гадателя было никак не рассмотреть — плотный мрак скрывал его от самых зорких очей. Финист нащупал спинку кресла и безропотно сел. На ту часть стола, что ловила нахальный солнечный луч, пробивающийся через узкий просвет между шторами, опустилась деревянная карта. Скрытый пеленой тени старик рассмотрел изображение и хмыкнул:

— Радуга... Ты пришел туда, куда хотел. Что на душе твоей?

Рука зашевелилась в темноте, и после недолгого шуршания рядом с первой оказалась вторая руна, на которой была начертана стрела, направленная острием вверх.

— Треба... Не просто так ты шел сюда, путник. Желаеть от меня ты чего-то. Чего же?

Вопреки черной мгле, скрипучий голос, сам того не ведая, уже нарисовал Финисту портрет старика, да до того филигранно, что любой живописец бы позавидовал. Опричник намеренно низко проговорил:

— Третью руну жду. Узнаешь!

На стол возвратилась морщинистая рука, а луч света выхватил блеск исполинского перстня. Под сиянием самоцветов проступала руна ветра.

— Не могу поверить... — прошептал обычным голосом Финист, забыв о маскировке.

— Рунам можно не верить, они всего лишь ловят правду да столбят ее, что стрела меткого лучника. А это

уж твое дело, мил человек, как к ним относиться. — Ладонь смахнула все три дощечки обратно в темень. — Сколько тебе, говори.

Старик потянулся к тлеющему огарку и зажег об него новую свечу. Свет ее разгорался не быстро, но Финист уже знал, кого увидит перед собой. Закончив со свечой, старик порылся в кошмине и извлек стеклянные пузырьки. Выставил их рядком, так, что получилась целая вереница склянок.

— Не могу поверить, что ты этим занимаешься, отец.

Старик замер. После всмотрелся в собеседника, но пламени свечи не хватало его мутному взору. Он подскочил к окну и отдернул штору, пролив свет на Финиста.

— Давай две. Цена мне известна. Не поминай лихом.

О стол брякнулись гривны. Опричник встал из кресла, спрятал склянки и развернулся к выходу. Его остановил шепот Казимира:

— Сынок, это не всё.

— Мне хватило этих минут, отец. Больше видеть тебя не желаю.

— Это не всё. — Сморщенная рука опустилась на плечо юноши. — Ты должен проговорить...

— Что еще?

— «Во славу Стрибога и Немизы», сынок.

— Обойдутся гривнами, — отрезал Финист и выскочил из лавки.

Березовая роща у Сварожьего терема отдыхала в полуденный час. В ее ажурной тени можно было укрыться в любую жару. Подлесок не наглел и рос так, чтобы

тропы оставались проходимыми. Впрочем, береза такое дерево: корни ее ревниво забирают всю влагу, осушая землю вокруг, потому среди пятнистых стволов рощи мало кто селился. Подорожникам, привыкшим к засухе, в тени было неуютно. А кто еще оставался? Разве что сизые иголки овсяницы да разноцветные трубочки хохлатки — те, кто мирился с деспотией матери-березы и не стремился отобрать у нее то, что полагалось ей одной.

На небольшой лужайке меж деревьев сиял своей белизной круглый столик, покрытый кружевом скатерти. Ножек у него будто и не было, он словно парил над разнотравьем. Быть может, он бы и упорхнул, не будь на нем увесистого хрустального блюда с горой яблок. Вот невесомые чашки из прозрачного фарфора могли себе позволить полет: они мерно поднимались в руках благородных богинь, дразня завистливые кружева ска-терти.

— Ладушка, повели принести фиников заморских!

Богиня верности все прекрасно слышала, но не прикоснулась к колокольчику, а лишь ответила:

— Нет у нас ни заморских фруктов, ни ягод.

Макошь ленно перевела взгляд с одной березы на дру-гую и почти пропела:

— Тогда пирога какого аль коврижку маковую. Что чаем пустым давиться!

— Не велела я печь ничего сегодня. Глядишь, не праздник на дворе, да и урожай был скуп в Буяне.

Взгляд Перуновой жены уткнулся в свекровь. Она развела руками, оставив чашку на кружевах, а брови ее поднялись удивленными дугами.

— Ладушка, какой праздник, какой урожай? Давно ли нас, верховных богинь, должны заботить новости

из Яви? Я как ни приду, у вас полная чаша, стол накрыт, ломится от яств, да со всего Пятимирия гостинцев полно. А ты мне про урожай.

Она сняла верхушку пирамиды из яблок, понюхала рдеющий плод и бросила его в чашу.

— На что нам люди? Приносят же они дары да подаяния. Купцы везут товар из всех портов: то ткани алые, то жемчуга, то золото. А про еду... Диковинна речь твоя — что обсуждать еду? Ею всегда забиты сундуки и бочки, со всех концов материка, с любого острова с лихвой и прямо к нашему столу! Разве что с богами других стран у нас вражда, так вроде даже с Гермесом все уладили, спасибо доброй нашей Деметре — утихомирила торгоша!

Лада встала и молча отправилась в чашу. Через несколько минут она вернулась с брошенным яблоком. Потерла о ткань платья, а после, водрузив его обратно на вершину фруктовой пирамиды, сказала:

— Коли будем мы настолько глупы, чтобы не видеть, что окружный порядок измениться норовит, пребывать в безоблачном забытии да счет людей своих забудем, то грядет темный час для нас. Все потеряем, Макошь. Смотрю в твой лик и вижу перемены...

Зеркальце богини судьбы подлетело с пояса к самому лицу. Оно послушно отражало каждый сантиметр божественной кожи.

— Что ты увидела? В чем перемена? Я не нахожу!

С упорством следопыта богиня изучала лоб и скулы, веки и подбородок, вертясь перед круглым резным зеркалом. Отражение накрыла рука Лады. Почти баюкающим голосом та произнесла:

— Ты безмерно прелестна, как в тот день, когда мы с тобой все решили. Но хоть судьбой людской заведешь

ты, от меня не скрыть неминуемого будущего: коль будем так же продолжать, скоро силы веры людской не хватит ни на что, даже на поддержание твоей свежести. А коль недостаток силы на лице твоём отразится, снова станешь горбатой старухой, какую в своем доме смогло бы терпеть лишь слепое веретено!

Макошь порывисто вскочила и отвернулась. Очи ее заволокли слезы. Она снова вперилась в зеркало, надеясь не увидеть в нем прежнюю себя: седую, дряхлую ягиню. Разглядев взамен морщин персиковый румянец, она спросила:

— За что ты так жестока со мной, Лада?

— Я не жестока. Просьба моя малая: подумать о себе и муже да перестать у него кланчить всякое...

— Да что «всякое»? Разве я прошу чего лишнего? Платье новое — всего раз в день, а то и реже, самоцветы — в неделю раз. А еда... Без разнообразия в блюдах мы и не боги совсем! Настроение наше — оно должно меняться неожиданно, а что для него лучше, как не яства, скажи?

Лада стояла молча, сложив руки перед собой, потупив взор. Веки ее были напряжены, ресницы подрагивали. Без лишних слов было видно, как тяжела ей эта беседа. Сделав несколько глубоких вдохов, она произнесла:

— Варенья яблочного принести тебе?

Богиня судьбы цыкнула языком и покачала головой:

— Дожили!

Всматриваясь в верхушки берез, Лада тихонько заговорила:

— Не ценим мы того, что имеем. — Взор ее вернулся к невестке. — А зря, Макошь. Не видела ли ты, как в храмах Перуна да Сварога поток уменьшился?

— Чушь!

— Это именно то, о чем я говорила. Ты далека от правды. Не хочешь ее видеть.

— Но мои вещуньи...

— Лгуньи! — неожиданно резко перебила ее Лада. Но тут же попыталась сгладить свой выпад: — Они хорошие, да только лгать им приходится, а все из-за твоих неумных желаний!

Она хлебнула чаю, снова сделала глубокий вдох и закрыла глаза. Помолчав какое-то время и отдышавшись, продолжила:

— Что в Перунов дом, что в твои храмы, что в наши со Сварогом капища люд перестал тянуться. А знаешь, где эти люди?

— Но мне по-прежнему приносят и шелка, и фрукты — все, что я попрошу...

— Это мы последними запасами делимся, как же тебе втемашить-то?! Перун у отца попросил, а он сыну отказать не может. А твои запросы... Впрочем, не хотела я тебя обижать, милая Макошь, а лишь посоветоваться да решить, что нам дальше делать. К Немизе наши девки ушли, а мужики, и знатные притом, Стрибогу кланяются.

Такой озадаченной Макошь не видывали давно. Она невольно схватила яблоко и откусила. После внимательно его оглядела, вертя в руке, сделала еще один укус и медленно прохрустела белесой мякотью:

— Вкусные какие яблоки-то у вас! Сладкие!

— Яблоки сладки, а вот жизнь скоро горькой станет, коль мы не пойдем, как людей воротить от Немизы. Понимаешь?

— Откуда же она взялась, эта дрянь?! — проговорила богиня судьбы, принявшись за следующий плод.

— Разбирательство можно прекращать.

Оставив размашистую роспись, Тарх взмахнул листком бумаги, чтобы чернила скорее высохли, и передал подчиненному-целовальнику. Тот мельком пробежался по письменам и горько выдавил из себя:

— Эх, мы были в полуаршине от победы, почти докопались до сути, виновницу отыскали...

— Ты о птице Сириин? Ее вину или хотя бы касательство доказать не получилось. И потом, за нее вступилась иноземная богиня, а этого, знаешь ли, достаточно, чтобы покрыть любой проступок.

Дружинник качал головой, рассматривая документ. В его очах, как полено в печи, догорала лучина надежды. Лишь взгляд коснулся широкой подписи Тарха — тлеющие угли будто окатило ледяной водой. Огонек в его глазах совсем потух. Голосом, лишенным всякой жизни, он произнес:

— Как скажете, ваше светлейшество. Тело родственникам отгрузили, все чин по чину, документ отнесу в нашу картотеку. Будут ли на сегодня другие указания?

— Ступай. Рвение твое ценю, но видишь — тут не пригодилось!

Едва дверь за целовальником закрылась, а Тарх, ослабившись, откинулся на спинку стула, как в его кабинет влетел запыхавшийся Финист. Было видно, что опричник спешил во все крылья и ноги. Добравшись, он наконец выпалил:

— Тарх Перунович, я за советом!

— Какая надобность несет тебя так споро?

Тарх поднялся из-за рабочего стола и облокотился о его поверхность обеими руками.

— Жениться, небось, надумал?

Наперсник Елисея сощурился, словно не понимая, о чем его спрашивают. Когда растормошенная голова наконец осознала Тарховы слова, он сконфузился и промычал:

— Нет, что вы, куда мне жениться? У меня служба, царевич, опять же...

— Так вслед за царевичем и женись. Опричники часто так делают.

Финист на мгновение оторопел. Он не имел обыкновения побаиваться царевых советников, ощущая себя равным им, но в компании Тарха ему бывало неуютно. Ждать чего-то хорошего от главного карателя Буяна было бы глупостью, да и спорить с ним представлялось Финисту не лучшей идеей.

— Значит, придется жениться. — Юноша сделал глубокий вдох. — Елисей захворал, и я беспокоюсь... Беспокоюсь, что хворь эта может быть связана с попыткой смуты.

— Продолжай, — велел Тарх.

— У опричника Салтанова, того, что предал за монеты, у него же нашли зелье?

— Нашли, допустим.

— Я думал, от Калевичей оно здесь в Буяне распространяется. Но ошибся, а сегодня узнал правду!

Память унесла Тарха десятью аршинами ниже, под землю, в тот день и час, когда он опоил снадобьем пленного князя и пригласил распутную девку надругаться над обездвиженным Радимичем. Опустившись обратно в объятия кресла и прогоняя стыд от воспоминаний о пытке, он промолвил:

— Зелье-то тут при чем? Путаешь меня, мысли смущаешь... О чем та правда, что ты отыскал?

— Вот все по порядку: насколько я могу ведать, мятеж замыслили князя из Кряжмы. Подкупили опричника государева, чтобы им помогал. Его, несчастного, во время смуты порешил Гвидон-царевич, а княжеские братья без голов на лобном месте остались. И думал я: то зелье, что они вечерами в Саду наслаждений пили и которым Елисея угощали, они с собою привезли. Но не они! И то не абы какое снадобье — оно для обрядов веры ненашенской сварено! — Вытерев влажные ладони о порты, он продолжал: — Елисей всю ночь вчера с девицей развлекался. И под утро, возвратившись незнамо откуда, в постель свалился, а самого знобит и лихорадит. Я за врачом тут же — думаю, простыл царевич, по ночам-то шататься, а он меня подозвал да шепнул: «Зелья мне, Финя, неси». Ну я к калачнику — у него в перший раз Фёдор, Калевичей дружинник, мне пузырьки отдавал. А там — ширма, и за ней...

Он замолк и вперился глазами в бутылку на краю стола.

— Попить можно?

— Да-да, вот, вина налей себе.

Опричник царевича булькнул красной жидкостью, вмиг осушил кубок. Пробежал кончиком языка по губам, лоя остаток вина, и полился совсем другой его голос, тихий и надломленный:

— За ширмой той был мой отец.

— Отец? Мыслил я: ты сирота круглая.

— Я тоже так хотел думать, но... — Финист замешкался, соображая, не хлебнуть ли еще, но счел это неуместным. Вернувшись к своему рассказу, он произнес: — Отроком я бежал от него, когда выведал, что он втайне от всех кланяется Чернобогу.

Глава Совета зажмурился, протер глаза и выдал:

— Финя, я совсем нить потерял. Елисей тебя за зельем послал, а ты отца нашел, так, что ли?

— И зелье тоже. Оказалось, им отец торгует. Я две склянки взял и попрощался, а он мне: «Ты во славу Стрибога и Немизы проговори и ступай». Зелье я унес, но сразу вздумалось: а не яд ли в нем? Раз Калевичи род Салтанов прервать хотели, изничтожить наследников, но план их сорвался. И теперь их последователи мстить могут да убить всех попытаются. Вчера девицу Сирина подослали с тем зельем, а сегодня Елисей без него уже не может — глядишь, зачахнет, пристрастившись.

— Сирина?

— Да, темнокрылая птица, краса — что летний зной...

— И тут она! Блудница.

Оба замолчали. Им было что обдумать. Не нарушая тишины, Финист достал из кошмы склянки и протянул Тарху.

— Одну мне давай, а другую царевичу по чуть-чуть, если просит, — распорядился Тарх. — Вреда в нем не много — наши знахари изучили. Елисей если девку захочет — веди срочно, но только не Сирина. От ее вороного крыла беды одни — смерть за ней ходит.

— Так точно, ваше светлейшество!

— А отец твой, получается, веру поменял?

Финист, собравшийся было уходить, остановился в дверях и почесал голову.

— А я и размыслить не успел. Раньше Чернобогу с Марой служил, теперь, получается...

— Немизе со Стрибогом. Да-да, поменял, значит. Беги скорей Елисея отпаивать!

За опричником хлопнула дверь.

— Или не менял он ничего? Кто его разберет... — проговорил Тарх сам себе.

Ладонь капитана сложилась в кулак, спрятав несколько золотых монет. Этот временный тайник в то же мгновение накрыла испещренная морщинами рука Армауна, помогая новому обладателю злата усвоить все указания без исключений.

— Можете до самого Вавилона в трюме их оставить — ничего им не будет. Бочку с водой поставьте да ведро под нужник — ну, вы лучше меня это знаете. И, как придете, депешу сразу визирю отправляйте, хорошо?

Капитан кивнул, и старик повернулся к девамптицам:

— Дописали, девицы?

— Да, сударь, начисто перечтем сейчас и заворачиваем! — крикнула Алконост и заглянула в берестяной свиток, над которым порхало перо Гамаюн, оставляя замысловатую вязь. — Ну скоро ли?

— Тархову подпись только поставлю, и можем отправлять.

— А ты прочитай, складно ли получилось?

Острые закончили царапать белую поверхность, напоследок оставив точку-мушку, и Гамаюн медленно поднесла свиток к глазам и начала читать:

Многоуважаемый визирь Амитийского государства!

Пишет Вам Тарх Перунович, глава Совета мудрости и правды из Буянского царства.

Не пристало нам с Вами вершить такую чепуху, да вот, боюсь, неурядица вышла. В надежде достичь разума, несомненно, согласно правилу «не навреди иноземцу», которому мы неукоснительно следуем без малого триста лет, пишу Вам.

Обрисую происшествие: трое господ, прибывших из Вашего славного государства, представились купцами. Коли сундуков с собой они не привезли, то на базарах наших ждали гостей иностранных с золотыми монетами, товар наш с честью да хвальбой продавать, чтобы поехал он за моря далекие. Но не видать господ было ни в лавках, ни на ярмарках, не дождались наши торговцы своих барышей. И спроса никакого с амитийских гостей не было бы, коль не занялись бы они преступными делами, не учинили бы разбой да насилие на наших землях. Грабили стариков, выносили все ценное, что находили в их домах. Домогались средь бела дня до наших красных девиц по деревням. Народ наш радушен, коль и к нему с душой, а коль с ножом — добра не жди. Мужей амитийских схватили, связали да и самосуд устроили. На телеге к нам прикатили скопцов уже, и, чуть они оклемались, сразу на службу проситься стали — мол, много тайн государственных раскрыть могут, если жалованье им достойное положат.

Нам чужие тайны не нужны — своих всех не упомнить. Не стали слушать мы прохвостов, подумали, раз Ваши они подданные, Вашим богам и решать, что им судьбой отмерено. За девок наших они уже расплатились, а вот какую плату за измену брать — дело Ваше.

С превеликим уважением, Тарх

Салтанова охрана раскрыла створы резных дверей и впустила в царские покои Ильмеру. Привычным шагом она обошла опочивальню и, подойдя к сундуку-поставцу — хранилищу винных припасов, — собралась было выбрать напиток на вечер, но внезапно зацепилась взглядом

за копну всклокоченных волос, торчащих из-за спинки стула. Сидевшая в кресле женщина смотрела в окно, на крыши домов буянской столицы.

Царица нарочито кашлянула, наполняя свой бокал. Лохмы не шевельнулись. Тогда жена владыки всего Буяна прошла в зад-вперед вдоль длинного стола, до того громко топая, что поступь эту расслышал бы даже глухой от рождения норд. Но загадочная гостя к этому топоту осталась равнодушна. В свободной Ильмериной руке истерично зазвенел колокольчик, и она принялась выговаривать появившимся слугам:

— Ладно еще я вино сама наливаю, но посторонних вывести отсюда надо было до моего прихода!

Прислужники переглянулись, склонили головы и зароптали:

— Так это царь-бабушка повелел позвать да привести...

— Кого? Ведунью? Знахарку? Сумасшедшую эту? Живо увести ее отсюда!

Прислужники вновь обменялись взглядами, а вслед за тем пали перед царицей на дрожащие колени. Вдруг из-за стула послышался глухой голос, суховеем пронзивший уши царицы:

— Я не уйду, Ильмера, коль муж позвал.

Посетительница схватилась за стул, с трудом поднялась, опершись о стену. Добравшись до стола, она прошелестела обветренными губами, обращаясь к распластанным по полу слугам:

— Обедни час грядет — подавать пора, трапезу накрывать. Ступайте же, ступайте!

Прислужники проворно поднялись на ноги и выскочили за ширму, стараясь не глядеть на обескураженный лик царицы. Напоследок один из юношей хотел было

наполнить ее кубок, но она лишь зло зыркнула на него, чем отбила любое желание.

— Нет в тебе добра, Ильмера. Как не было его, так и не родилось за годы.

— Лохматая горбунья, да ты в ногах моих должна валяться, о пощаде молить, — рывкнула царица.

Собеседница взглянула исподлобья и проговорила:

— За жизнь всю никто меня не пощадил — глядишь, грешна я. А ты готова пощадить?

Ильмере было не по себе от старушечьего голоса. Хотелось выпить без всякого промедления, и она уже успела пожалеть, что окатила вином мальчишку. Зачем Салтан велел позвать эту горбуню? Вопросов было много, но вот ответы приходилось придумывать самой. В поисках истины, а может, от скуки она вгляделась в изрезанное морщинами лицо и уловила еле знакомые черты.

Без вина верить в свое открытие Ильмера не желала и поторопилась достать еще один кубок, в дополнение к своему, наполнила оба до краев и протянула один из них госте.

— Не признала я Чайну такой... — Ей не удалось подобрать вежливых слов, потому окончание фразы повисло в воздухе. — Не заподозрила. Перед тобой афинское вино — выпьем же за встречу.

Горбунья коснулась кубка и отодвинула его.

— Не надобно мне взор туманить. Я сердцем трезво вижу, ясно зрею: хмель только у грешников в цене да в почете.

— И все, кто предается радости хмельной, большие грешники? Ты это хочешь сказать?

У Чайны затряслась голова. Ильмере было неясно — от хвори ли какой или в подтверждение ее слов. Посетительница обвела палаты взором и сказала:

— Иначе все здесь было при мне. Скромнее.

— Скромность идет людям бедным. Нам же богатства стесняться нечего, — проговорила Ильмера, машинально коснувшись ожерелья на шее. Она хотела добавить еще что-нибудь, но что-то останавливало ее мысли и речь. Царица всегда свободно чувствовала себя с любым собеседником. Но в то мгновение ее будто кто-то ужалил, и, чтобы избавиться от неведомых пут, Ильмере пришлось приложить значительное усилие.

— Чайана, я пришла обсудить хворобу своего сына с царем. Ты человек для нашей семьи близкий, но я бы хотела остаться с ним наедине.

Старуха набрела на нее взглядом и прохрипела:

— Развратник твой на пороге смерти.

Ильмера растерялась и от неожиданности выронила кубок. Он покорно разбился о дубовые доски, разнеся осколки на три аршина вокруг. Битое стекло будто попало и в самую голову царицы. Мысли кружились в безумном вихре и больно жалили в виски, ей стало вдруг дурно, сложно было дышать. Поймав внезапно налетевшее отчаяние и вырвав его из своего сердца, Ильмере стиснула зубы и прошипела:

— Я изничтожу твоего выродка, коли с Елисеем что случится!

На сморщенном лице проступили новые складки.

— Не повторится то, что было уже. Не под силу тебе уничтожить того, кто свет несет! Душа твоя кошкина — на просвет видно, какая ты черная!

В пушистую копну вцепились тонкие пальцы Ильмеры, стулья с грохотом упали на пол. Вслед за ними на досках оказались и две женщины, пытающиеся задушить друг друга на осколках кубка. Салтан, подходя к палатам, ускорил шаг и соколом влетел в резные

двери. Растащив своих жен по углам, он вздохнул и подумал: «Не стоило на одной клумбе селить левкой и барвинок. Цветочки-то ядовитые!»

Кованой калитки коснулась девичья рука. Закрыто. Где-то рядом в стене обнаружилось окошко, и оттуда прозвучало:

— Стой! Кто идет и по какому делу?

Часовые-страстоцветы притихли и устали на стройный стан пришедшей девы-птицы.

— Милейший, глаза раскройте и лишнего не спрашивайте!

Глаза охранника за стеной и правда раскрылись сильнее — разглядывали Сирин до того пристально и подробно, будто искали в ее очертаниях то, что давно потеряли. Нашлись только ее извечная прелесть и требовательный томный взгляд. Сторож издал кричающий звук — видимо, чихнул, — после чего продолжил тем же тоном:

— Цесаревич не принимает. Закрыт Сад для посещений.

Сирин потянулась заглянуть в окошко, и оно тут же захлопнулось.

— Прошу прощения, милейший, — постучала она о раму.

Створка приоткрылась, показалась толстая щека охранника, занявшая всю небольшую щель.

— Ступайте к Елисею и скажите, что к нему пришла девица Сирин.

В прорехе что-то зашевелилось, потом лязгнуло, и окно отворилось снова. Стражник смягчил голос и почти жалостливо пробубнил:

— Ну не велено сегодня, девица Сирин...

— С тебя тут какой толк? — разозлилась дева-птица. — Чепуху талдычить да добрый люд распугивать?

Словно обидевшись, створка задвинулась обратно, а следом сработал запорный механизм.

— Пентюх! — произнесла вполголоса Сирина, хищно ухмыльнулась и расправила крылья. Ей потребовалось каких-то полминуты, чтобы перемахнуть через забор и подойти к двери в покои царевича.

— Вас там не ждут! — остановил ее запыхавшийся голос.

Она бы и не стала разворачиваться, если бы у нее не возникло подозрение, что самый быстрый дружинник не смог бы так быстро ее догнать. Обернувшись, она увидела Финиста, и, судя по тому, что он складывал крылья, летел опричник вслед за ней.

— Неужели?

Сирин гордо подняла подбородок и хищно улыбнулась — так делают те, кто непоколебимо уверен в своей правоте.

— Дверь заперта. Вам не войти.

Ручка и правда не поддавалась, а резное полотно осталось неподвижным. Оглянувшись, птица скомандовала:

— Так откройте! И исполните то, ради чего вас держат, — сообщите о моем приходе цесаревичу. Или, скажете, он уехал? Ну же, придумайте достаточно убедительную отговорку!

Финист подошел ближе, чтобы не перекрикиваться.

— Он не уехал. Отговорки искать — это не моя работа, просто поверьте, что царевич сейчас не в том состоянии, чтобы...

— Не верю, Финист! — фыркнула Сирина ему прямо в лицо, обдав жаром презрения. — Я не верю, что он отвергнет меня после нашей ночи!

Они замерли в напряжении, глядя друг другу прямо в глаза. Со стороны могло показаться, что эти двое играют в безмолвную игру: кто первым отведет взгляд — проиграет. И в минуты этого противостояния внутри у них, словно зарницы, вспыхивали сплошные сомнения.

«А что, если он вправду привык забавляться девичьими сердцами? И то, что мне показалось искрой, светом, непохожим ни на что из того, что доводилось видеть и чувствовать, — всего лишь иллюзия? Обман? Как же я непроходимо глупа, раз могла поверить, что судьба наградит меня любовью бескорыстно!»

Финист же всматривался в очи девы-птицы и подбирал слова, будто пробовал их на вкус перед тем, как произнести. Буквы горчили, жгли, что красный перец, разъедали нёбо острой кислотой... и самое главное — категорически отказывались складываться в единственно верную мысль. Что говорить? О чем молчать? Как ему хотелось хоть какой-нибудь подсказки! В конце концов, его хозяин скоро выздоровеет и возжелает этой встречи. Узнай он, что опричник не пустил к нему девицу, пусть и по наказанию Тарха, жестокость свою он сдерживать не будет. Полетят плети, зазвенят розги, а может, и буйна головушка по ступеням покатится. Финист сглотнул слюну, попрощавшись было с жизнью, как вдруг заметил в деве перемену: она словно осунулась и порывисто отвела от него взгляд. Он выиграл. За ним теперь была победная речь.

— Захворал Елисей. Быть может, простудился или еще что. Возможно, выздоровеет и пригласит вас, а пока... — Он потупил взор, ведь ему совсем не хотелось врать той, кто был дорог его цесаревичу, пусть

и всего одну-одинешеньку ночь. — Пока не стоит приходить. Мы вас найдем, когда царевич попросит.

Она закрыла лицо руками — видимо, стараясь скрыть подступающие слезы. После коротко кивнула, убрав ладони, стеклянным взором окинула Сад, попыталась что-то сказать, но промолчала и тотчас взмыла в небо.

Князь Радимич еле поспевал за бодрым маршем целовальников, что тащили его между мрачных елей по лесной тропе. То и дело он порывался остановиться, но цепи больно впивались в запястья, отчего он мученически стонал и прибавлял шагу.

Изломанная просека плутала за куртинами кустарников, пока наконец троица из казематов не вышла к лесной поляне, на которой их ждал целый тайный собор. За шеренгой удалых богатырей, снаряженных кинжалами и луками, виднелась горка голой рыхлой земли, словно какой гигантский крот решил именно здесь выбраться на свет людской.

— Спасибо, молодцы! — бросил Тарх пришедшим целовальникам и перевел твердый взгляд на вескинско-го князя. — Не будем временить, Никола. Поручение тебе есть, коль остаться в Яви хочешь.

Радимич глядел на своего мучителя и душил в себе приступ гнева. Хотелось плюнуть ему в лицо, подхватить камень и пробить его извращенную голову. Желания эти были невыполнимы, он ясно осознавал, что никакая форма мести сейчас ему не по плечу. Понутив голову, он пробубнил:

— Что надобно от князя, ваше светлейшество?

Тарх медленно обошел пленника и произнес так тихо, чтобы слышно было только им двоим:

— Вещунов Стрибоговых найди и убеди, что настал час для встречи высших братьев.

Никола разглядывал мшистый полог под ногами, и, хоть очей он не поднял, надвинувшиеся на лоб брови выдали, что шепот главы Совета он расслышал правильно.

— Как уговор от него с Немизой получишь — приплешь депешу на мое имя и будешь свободен, князь.

Налитые кровью глаза взметнулись на Тарха. Во рту пересохло от злобы, и, не чувствуя сил осыпать собеседника оскорблениями и проклятиями, он ограничился емким «нет!».

Перунов сын весело фыркнул и махнул рукой опричникам. Форменные кафтаны разошлись в два клина, открывая за собой вид на глубокую яму, окруженную свеженасыпанными валами земли.

— Полезай в провал, в нем думается лучше.

Тарх подал знак — и двое стражников вмиг подхватили Николу и бросили в разрытую землю. Он с трудом поднялся на ноги и принялся выплевывать попавшую в рот грязь. Вслед за комками глины из его уст вылетел ответ:

— Не о чем и думать. Слова своего ты все равно не сдержишь.

Глава Совета спрятал навалившуюся досаду под оscalом. Внутри у него поднялась давняя обида на ту несправедливость, какой его щедро наделяет судьба. До одури ему хотелось освободиться от этого гнета, а тут еще мальчишка дерзит и уязвляет. Недружелюбная улыбка сошла с уст Тарха, и он сухо скомандовал:

— Сыпьте.

Добрая часть опричников поменяла луки на лопаты: теперь они целились кусками глины в молодого князя,

засыпая его изможденное тело. Первые секунды он пытался спасти голову под связанными руками и весь сжался, но потом задержался, стремясь извлечь ноги из-под груза сырой земли. Ничего не выходило, он вяз в грунте и только зря трепыхался. Сдавленный со всех сторон стан отказывался подчиняться его воле. Радимич дышал тяжело и часто, зажмурив глаза, а целовальники бесстрастно засыпали его могилу. Спустя какие-то минуты над полотном свежего суглинка осталась видимой одна княжья голова. Тарх остановил дружинников жестом и попросил отойти подальше. Те побросали лопаты, как снаряды, и ушли в глубину леса, сверкая сапогами и бахромчатыми наплечниками. Убедившись, что они скрылись из виду, Тарх подошел к яме, сел на корточки и отер от грязи лицо пленника. Тот дернул головой и оскалился, сжав челюсти до хруста.

— Ну чему ты противишься? — Сын Перуна оглянулся, проверяя, видно ли его из чащи. — Немиза же мечтала мужа своего Стрибога с Перуном помирить, мне так Калевичи сказали. Так давай поможем дружбе между верховными братьями. Ты не сможешь — я других найду, просто жалко тебя закапывать...

Радимич разжал глаза и сверлил взором лик Тарха. Еле дыша, он пробурчал:

— Ты меня все равно закопаешь.

Князь безотрывно смотрел на того, в чьей власти была его жизнь. Он держался, сколько было сил, не сводя глаз, но узрел в Тархе что-то, что надломило его волю. Глаза Николы заволокло пеленой слез, ртом он стал глотать воздух, внезапно осознав, что это его последние минуты в Яви. Ему стало себя жаль. Он рыдал, как маленький ребенок, голова его тряслась. Полубог не испытывал жалости к этому юноше, но внезапно его

накрыло отчаяние, будто бы вместо молодого князя под комами глины находился он, сын Перуна. Он отчетливо ощутил, как скован своими обязанностями, своим карательным долгом, — той жизнью, которой он не выбирал. Князю не померещилось: он и вправду увидел в Тархе нечто необычайное. Оттуда, из ямы, заполненной грязью, князю было сложно дать точное определение увиденному. Человечность? Сострадание? Что-то еще? Слезы полились с новой силой, словно желали смыть то, что виделось Николе. Ведь этого не могло быть. У Тарха...

— Пожалуйста, — тихо-тихо просипел глава Совета мудрости и правды. — Без твоей помощи... Просто передай Немизе, ладно? И я тебя отпущу. Поверь мне.

Князь горько вскрикнул и быстро заморгал, то ли прогоняя слезы, то ли соглашаясь. Тарх поднялся на ноги, отряхнул брюки и еле слышно прошептал:

— Спасибо, князь.

Не найдя никого на стогне, Мила вернулась в свои покои. Что у фонтана под приторным миндалем, что в просторной опочивальне минуты тянулись ужасно долго. Вязкий день никак не хотел разгоняться, заставляя все вокруг отдаться полудреме. Внутри у Милы не утихал вихрь, не дававший ей усидеть на месте, отчего она исходила все свои комнаты вдоль и поперек. В забитой письмами почтовой трубе не было ничего увлекательного, книги с такой горячей головой читать просто было невозможно — казалось, буквы прыгают в такт с отчаянным биением сердца. Дёвиц своих хотелось увидеть в первую очередь. Новая прислужница была послана на их поиски, но Миле все равно было

беспокойно. Куда идти? Ждать ли здесь, пока не вызовет Салтан? О чем ему сказать при встрече? Небось про крылья да про столб вопрошать станет. Да о Чеславе поинтересуется: каков он — хитер ли, прижимист, может, иль суров? Нетерпеливость выгнала Милу в город, в самые слободки. По памяти добравшись до училища, она заглянула было в тамошнюю библиотеку, но ничего, кроме книг и пыли, царевну в ней не ждало. Покинув и эти своды, она пошла куда глаза глядят. Выбирала дорожки и тропинки, на которых никого не встретишь. Буян-град зеленел ей навстречу. Таких парков она еще не видывала! Ровные аллеи из лип, заботливо засыпанные у корней мелким гравием, подбитые понизу аккуратным стриженным бордюром. Пройдя ряд деревьев, она наткнулась на лабиринт из густой сирени: ее нежный запах настойчиво просил зайти в кусты, прилечь и отдохнуть, поддаться ароматной неге. Но Милу тянуло дальше. Ноги будто сами несли ее по незнакомым тропам, и, несмотря на неожиданные развилки, она шагла уверенно, словно твердо знала, куда идет. И в то мгновение, когда уже решила, что заплутала и потерялась, она увидела огромный камень, лежащий в корнях исполинского дуба. Она замерла в благоговейном трепете. Никогда прежде его не видев, она теперь знала точно: перед ней священный Алатырь.

На его поверхности темнели углубления. Мила сообразила, что именно отсюда привозили те кристаллы, что сверкали на алтаре в каждом капище. Через них, эти осколки, боги получали тот воздух, который заряжали люди своими молитвами. В отцовской молельне был небольшой осколок такого камня. Его замысловатые переливы манили Милу, когда она была маленькой девочкой. Велимир сказывал, будто бы цвет Алатыря

подневолен настроению Сварога: когда отец богов спокоен — камень синий. Когда Алатырь начинал рдеть — Сварога что-то тревожит. В детстве она разглядывала камень бесчисленное количество раз, пытаясь разгадать, в каком расположении духа Сварог. За разноцветным блеском вставали лишь слова отца — не виделось ей в Алатыре никакой перемены. Всего дважды она дивилась тому, как он преображался: когда советники принялись роптать после затяжного бунта, камень потемнел и заискрился, что ночное небо. Похожим он был и в день смерти Велимира, вот только блеск его совсем потух, слившись в тусклое фиолетовое сияние.

Валун-прародитель тоже не отличался постоянством оттенка: кутающая радуга гладила его беспрестанно. Будто то был и не камень вовсе, а неведомый зверь и под тонкой кожей его бегала разноцветная кровь. Милу заворожила эта игра. Шагая по широким выступам, она забралась на самый верх Алатыря. Вслед за ее поступью камень благоговейно светлел, расходясь от следов нежными полосами, будто под ногами рождались родники чистой воды. Оказавшись на вершине, она разместилась в широкой неровной выбоине, зазывно зияющей под ветвями дуба. С нового трона Мила обозревала дивные виды: поля и реки, треугольники крыш и окружности широких куполов, а внизу — священный источник, испив воды которого, по поверью, можно было обрести ясный взор, увидеть истину. Вот что звало сюда царевну. Собравшись с мыслями, она потеряла переносицу и принялась за думу о том, что волновало ее сильнее остального.

Совсем недавно она была наивной девчушкой из северного городка — сырого форта, в который с окрестных деревень сносили дары Сварогу да другим богам,

на сиротскую пристань привозили все то, чего не давал суровый край. С того пирса, серого, как и все в родном Новом граде, отплыла она с ладьей в Буян-град, чтобы из дочки сюзерена стать невестой царевича — красавца, известного на все Пятимирие своей страстью к роскошной жизни. Все, что занимало ее тогда, казалось теперь просто смехотворным: обряды перед замужеством — а так ли пройдет их встреча с царевичем, как описано в десятке, сотне книг, что без разбора она читала всю свою девичью жизнь? Все, что она старалась пестовать в себе перед судьбоносной встречей: неременная покорность, мягкость, с которой надобно принять будущего супруга таким, каков он есть, — казалось ей сейчас дикостью. Как и утверждение, что, хотя муж, особенно знатный, может быть жестоким, жена, со своим смирением, должна быть его опорой, а ее долг — бескорыстной любовью сгладить все неурядицы мужниной жизни. Какой болван писал все эти книги? Все, что в них нацарапано, — фальшивка и обман, ни на толику не похожие на ту правду, что открылась Ладимиле за эти несколько дней!

Она восседала на каменном троне и снова думала о замужестве. Вернее сказать, гонялась за своими сомнениями, пытаясь схватить и забить их насмерть. Но они были изворотливее хозяйки и выпрыгивали самыми неожиданными мыслями: «За Елисея я должна пойти, чтобы довершить то, на что меня родной отец отправил, и стать царицей буянской. Нарожать наследников, воспитывать их и беречь... Салтан сам меня назначил, а значит, я должна... Должна ли? Если милый мой не мил, если между нами пропасть равнодушия и не пойдем друг дружку мы ни в век... А если не смиряться? Сказать по чести, мол, не править нам

с Елисеем, испортим мы друг другу жизнь, коль рядом будем... Что тогда? Царь, что под Перуном правит, молнией разразится, проклянет меня да отпустит на все четыре стороны! Не простит и не пожалеет, имя мое заклеит позором и поторопится забыть. А я взмахну крыльями и направлюсь в отчий дом, где ждут объятия Чеслава, верного друга, с молодого детства во всем соратника и брата...»

Мила воздела очи к небу, а камень под ней словно задержал дыхание, остановив свои сказочные переливы. Ей показалось, что небо посерело, будто было заколочено тем же лемехом, что крыши Нового града. Уныние — вот и все, что рождалось в ней от мыслей о любви с Чеславом. Пытаясь справиться с неожиданной кручиной, она вскочила на ноги. Не испить ли из источника? Говорят, что он глубок, и, коль утонешь, не найдут тебя ни в жизнь... сразу телом и душой в Навь отправишься. Лазоревая синь звала к себе деву. Она спустилась с камня и прикоснулась к поверхности воды. От пальца ее разошлись круги, но, когда едва заметное волнение разгладилось, царевна увидала себя — девушку с белыми волосами, накрытыми хрустальной короной, сверкающей на солнце. В воде проступал еще один силуэт. Она наклонилась сильнее, чтобы ближе разглядеть. Среди водорослей и камушков со дна на нее искристыми зелеными глазами глядел Гвидон, а уста его беззвучно шептали: «Он будет царь, а вы — царица». Царевич развернулся и ушел на глубину. Ладимила смотрела ему вслед, и в голове ее стали вспыхивать, как огоньки, все их немногие встречи. Сперва коридор казематов. Потом зал собраний. С каждым новым воспоминанием сердце ее сжималось от неведомого чувства. Когда в мыслях своих царевна добрела

до свидания на балконе, слезинки побежали по ее щекам, принялись падать на гладь воды и туманить изображение удаляющегося царевича. Мила вдруг четко осознала, что не может, не хочет, не позволит себе потерять его. Широко раскрыв глаза, она протянула руку к источнику и бросилась в омут.

STONE HEDGE

Глава 10

От судьбы не уйдешь

Много сказаний знало Пятимирие. И о воинах великих, и о правителях мудрых, и о девах прекрасных, что берегли свою любовь, чистую, как граненый яхонт. И среди них был грустный сказ, который передавали из уст в уста: о юной девушке, что не могла быть со своим миленьким. Он ушел, не назвав ее женой, поселив в ней сначала чувство безвозвратное, а потом и горе терпкое. Направилась она далече, у дуба мудрого совета спрашивать, а под ним синь-камень ширится да пруд лазоревый разливается. Нагнулась горемычная к водной глади жажду утолить, а в ней знакомый облик: любимый юноша со дна глядит очами нежными да как рыба рот беззвучно разевает. Ну и нырнула она к своему милому, за руку его взяла, и с этих самых пор никто в родных местах ее не видывал. А на крутом берегу родился цветок — головкой своей небесно-синей в воду смотрит, оторваться не может, а над ним его изогнутые шпоры, как крылья, возвышаются. Долго глядит, не устает, словно высматривает кого-то. В народе прозвали тот цветок водосбором. Может, подошло бы ему имя поласковее, да люди — они такие: чужая беда не своя, сердце смягчать понапрасну

не станут. Детям своим срывать его они настрого запрещали: мол, грусть-тоска девичья им с его соком передастся, а какой лекарь такое лечить возьмется, никто и не знал во всем Пятимирии.

Дуб над Алатырь-камнем был недвижим, ветви замерли, будто листья его отринули ухаживания ветра. Сам камень остановил свои переливы, цвет его свинцом затуманился, будто в нем вода зеркалом разлилась да все небо в себя впитала. А водосбор, растущий на краю пруда, удивленно вздернул свою головку, оторвался впервые за век, наверное, от своего вечного зрелища — водорослевого дна. Цветок восторженно глядел на небесной красоты деву-птицу, что безвольно замерла над источником, зацепившись подолом длинного платья за острый выступ Алатыря. Ее била дрожь, а из сомкнутых очей бежали соленые слезинки. Спустя несколько мгновений дыхание ее стало выправляться, а горе перестало литься из глаз. Мила взмахнула крыльями еще раз — освободив свое платье из плена мудрого камня. Она вознеслась над дубом, взглянула снова на водную гладь и проговорила:

— Как благодарить тебя, Алатырь? Ты мой спаситель и мудрый советчик. Мне даны крылья, и это знак особенный, теперь я знаю. Сила во мне нечеловеческая. У меня есть я. И ты теперь у меня есть, это самое важное. И этого достаточно, чтобы об унынии не знать и печали не предаваться. Прощай, Алатырь, я перед тобой в долгу!

Ночь обдавала Финиста тревогой. Какой спокойный сон мог идти опричнику, коль царевич его хворал и напоминал живого мертвеца? Впрочем, накануне вечером

жар утихомирился — лекари, видать, постарались, и, как стемнело, их отпустили. К Елисею вернулись голос и ясный взор, и, хоть он был слаб и немощен, попросил оставить его наедине с думами. Девиц не требовал, держался тихо и отстраненно, по всему было видно, что нездоровье еще им правило, хоть царский сын и шел на поправку. Оправившись поутру от беспокойной дремы, Финист успел сбегать к кухаркам раньше, чем пропели петухи, и заказать пышный завтрак. Разбудили калачника, накрутили роголиков к столу, в аптекарском саду насобирали трав да заварили их крутым кипятком из самовара. Заботами опричника день был готов к тому, чтобы встречать царевича здоровым телом и душою.

За час до полудня Финист тихонько постучал в прощитые узором двери. Ответа ему не было. Через четверть часа он повторил стук, но царевич по-прежнему был безмолвен.

«Богатырский сон напал. Это хорошо, это к здоровью», — подумал опричник и принялся расхаживать по саду. Он прел в своем ожидании, но поделаться ничего не мог: царскую дремоту нужно было охранять и ни в коем случае на нее не покушаться.

К полудню, когда солнце уже закатилось на середину неба, прискакали доктора. Их усадили на лавку в Саду и наказали ждать. Поприветствовав лекарей, Финист стукнул о дубовое полотно в третий раз и дернул дверь, не в силах дожидаться ответа. В комнате было тихо и темно. Он замер, наострил уши, но не услышал ни единого звука, даже дыхания. Одним скачком он подлетел к царским перинам, откинул пуховые одеяла, и под ними обнажилась пустота. Такая же пустота тут же обуяла Финиста, запрыгнула в его сердце да разлилась

с кровью по всему телу. Взор опричника приковал полный зелья стеклянный флакон, одиноко покоящийся на сундуке. «Значит, на поправку Елисей пошел без него», — промелькнуло у Финиста в голове, но мысль эта никак не сошла бы за ответ на главный вопрос: куда пропал цесаревич?

За дверью толпился люд. Среди них были прислужники и прислужницы, те, кто трудился в Саду наслаждений каждый день. И в кругу их мальчишка с конюшнями, талдычивший надломленным голосом:

— Я и говорю — нет его нигде! Смотрю везде — нету! Как испарился!

— О чем толк? — грозно пробасил Финист.

Мальчик в страхе опустился на колени, а остальные притихли. Конюх залебезил:

— Не ругай меня, Финист сильный, Финист мудрый... Убежал конь, дык не знаю: сам ли иль увел кто!

В глазах опричника застыло смятение.

— Какой конь?

— Ну так Яхонт же!

Финист бросил взгляд в сторону конного двора, потом на лекарей. Все были немые. Он подозвал старшего из них, мужичонку с аккуратным окладом бороды, и тихо проговорил:

— Цесаревич вчера, когда вы уходили... мог бы оседлать коня?

Лекарь оглянулся на своего коллегу, и тот воспринял это как приглашение подойти.

— Вчера вот Тихон с ним сидел, он может подсказать.

Подоспевший Тихон уточнил предмет обсуждения, повернулся тоже в сторону конного двора, соображая, и, поразмыслив, коротко ответил:

— Нет, не думаю.

Финист снова заглянул в опочивальню, словно надеясь на чудо, но на перинах по-прежнему нежилась пустота.

В каждый двор заглянул Финист, за каждый наличник и ставенку — цесаревича нигде не было. Кто-то из царской охраны припоминал, будто слышал лошадиное ржание на рассвете, но значения тому не придавал — мало ли скакунов спросонья голос подают. Незвестность ширилась, и на смену Финистовой пустоте пришла тревога. Прислужницам было строго-настрого наказано сидеть по своим каморкам, носа не показывать. Мужчин же отправили в лес, да не на поиски коня Яхонта, как все они наивно полагали. Об исчезновении Елисея не знал в те минуты никто: ни прислужники, ни целовальники, ни сам владыка всего Буяна. Финист предпочитал не думать о том, какой разговор у него может случиться с царем. И был только один способ того разговора избежать — найти Елисея.

Спустя час после начала переполоха в Сад ворвался запыхавшийся юный конюх, тот самый, что проворонил коня Яхонта. С понурой головой он подлетел к Финисту, бросился в ноги да забормотал извинения. За заплаканными ресницами было не разглядеть очей. Опричник с трудом разбирал в его рыданиях отдельные слова:

— Там, в лесу, в версте от башни, там...

Фразы обрывались короткими всхлипами, юный голос дрожал и отказывался подчиняться конюху.

— Что там? Говори же!

— Дерево там повалено, а вокруг него все в крови... и лежит кто-то.

Финист схватил мальчишку за грудки и затряс с такой силой, будто хотел выбить из него душу.

— Кто там лежит? Ты в лицо смотрел?

Мальчишка ревел белугой и не мог выдавить из себя ни единого слова. Финист замахнулся и отвесил ему звонкую оплеуху. От удивления и неожиданности конюх распахнул глаза, схватился за щеку и мигом прекратил плач. Убедившись, что юнец пришел в разум, опричник схватил его под мышки, взмахнул крыльями и спокойно отрезал:

— Полетели.

На сырой мшистой земле чернели отпечатки копыт. Торфяные оттиски были до того четкими, что, приблизившись, можно было разглядеть содержание клейма. В нескольких аршинах от лошадиного следа краснела кровавая клякса, не оставляя сомнений в том, что утро не для всех было добрым.

Тело валялось на животе, уткнувшись лицом в подушку из ягеля. Финист с конюхом спустились прямо к нему, застав врасплох облезлых ржавых лис.

— Пошли отсюда, мрази! — заорал крылатый опричник и подбежал к лежащему человеку. Повернув набок его голову, Финист тут же отпрянул, закрыв рукой рот от ужаса. Лицо было не сказать что изуродовано — от него почти ничего не осталось. Одежды были разорваны в лоскуты, измазаны грязью и запекшейся кровью. Очевидно, умерший стал завтраком лесных обитателей. С заметным усилием поднявшись на непослушные ноги, опричник добрал до ветвистой лещины, узрев на ней оторванный кусок ткани, развевающийся на суку как флаг. Коснувшись незамаранного уголка материи, Финист

попытался отдышаться, но новая находка заставила его забыть о вдохе и выдохе. Внизу, у самой земли, сверкало что-то знакомое. Он поднял предмет, источник блеска, и оупевшим взглядом вперился в свою ладонь.

Перед его остекленевшими глазами вихрем пронеслись минуты того утра: душный сон, кухарки, калачник, стук в дверь и лекари, конюх... Столько людей и бессмысленных поступков, тупое ожидание чего-то, пустота и тревога. Тревога, заставившая его встать раньше привычного, тревога, появившаяся, когда нужно было быть готовым к беде... Он корил себя за то, что не слушал своего сердца, своих предчувствий, не придавал значения тому, что твердо знал во сне. Поступи он поутру иначе, возможно, то, что случилось, не стало бы непоправимым. Лемотрин-камень сверкал в его руке, переливами своими притворяясь то свежей поросльо на пастбищах, то лесным болотом в ясный день, то вязким дегтем в бочке, в который опричнику хотелось нырнуть и задохнуться. Цветом своим камень удивительно повторял цвет глаз своего хозяина, оставшись Финисту о них напоминанием.

Вдоль узкой тропы расселились камыши да, покачиваясь, прятали под собой край тверди — границу суши и воды.

— Ай! В воду провалилась! — разнесся над речной гладью женский голос.

— Т-ш-ш-ш! — настигнув кричащую Макошь, прошипел Тарх. — Я же просил, давайте тише! — Убедившись, что никто больше не собирался жаловаться на промокшие лапти, продолжил: — Недолго совсем осталось, дошли почти.

За рваной полосой грязно-зеленых сабель камыша мелькали головы важнейших богов Буянского Пятимирья, устремленные в одном направлении. Наконец они вышли к небольшой пристани, к которой была привязана маленькая весельная лодка.

— Мы все в нее не поместимся, — сказал Сварог, хохотнув, но остальным шутка не показалась смешной. Чтобы усилить ее действие, бог добавил: — Даже съестное, и то не влезет!

Он махнул назад, туда, где запыхавшиеся крестьяне тащили целый обоз припасов, пытаясь поспеть за богами-хозяевами. Чтобы прислуживать Верховным, их одаривали чем-то таким, чего было не встретить у обыкновенных смертных. Вместе с допущением к богам чаще всего они получали хвосты, рога или копыта, прекрасно подчеркивающие их незавидное вьючное положение.

Тарх оглядел свою семью, как предводитель войска. Перун недовольно морщился, бросая хмурые взгляды исподлобья. Лада тяжело дышала, правда, было неясно, была ли то одышка или невольное сочувствие. Макошь не скрывала откровенной скуки — все, что ее интересовало у пристани, это ее намоченная пятка. Только дед Сварог улыбался и весело размахивал руками, ища возможности пошутить да посмеяться. «Семья мечты», — подумалось Тарху, после чего он отчеканил:

— В лодке буду я один. А вы... — он обвел рукой Верховных, — ступайте чуть дальше — вон на тот склон, до него с четверть версты. Там стол, стулья и все, что надобно, спрятано в кустах. Оттуда вся река с севера на юг просматривается. Только, молю вас, не шумите, будьте любезны! Всю рыбку распугаете!

Перун вскинул очи на главу Совета мудрости и правды, цыкнул языком и проговорил:

— Ладно, сын. Плыви скорее.

Как только весла мягко заскользили по воде, на холме началось пиршество. Содержимое обоза без промедления выложили на белоснежную скатерть, вино разлили по кубкам, и по склону поползли обеденные запахи. Чего на том столе только не было: и утка, запеченная в яблоках, и рулька, зажаренная на костре, и всякая речная рыба, мясо, горки зелени, пироги да булки, разноцветье разносолов... Макошь похватила сразу всего, не дожидаясь, пока прислужат, понадкусывала всего жадно и, не успев всего прожевать, придвинулась к све-крови и тихо-тихо спросила:

— Налаживается, стало быть?

Та улыбнулась, погладила ее по руке и ответила:

— Стало быть, Макошь!

Страшная весть разлетелась по городу в мгновение ока. Порывистый ветер трепал края материи, играл с саваном, обнажая бездыханное тело, и, пока обезображенного покойника донесли до дворца, о гибели царевича узнала каждая мышь в крепостной стене. Из ставен торчали головы, взрослые закрывали руками детские пытливые глаза, а сами зрели исподлобья, не в силах оторвать взгляда и сдержатъ страха. Если царского сына, оберегаемого опричниной да властью отца, могут прикончить вот так на рассвете, то что обычному люду — ходить и не бояться?

Царские покои закрылись на все засовы и молчали. Впрочем, никто и не пытался беречь отцовское сердце да спрашивать, что чувствовал Салтан в те часы и минуты. Все придворные кинулись было к Совету мудрости и правды, чтобы спросить с Тарха, но им был дан отказ,

целовальники качали головами и говорили, что Перунов сын уехал на рассвете, а куда, по какому делу — никому и неведомо. К богам, вестимо. Тогда благородная толпа ринулась к Трояну, но и тот ничего не знал и не слыхивал, а лишь успокаивал людей и отправлял их в Перунов дом — помолиться в честь покойника да дары принести, чтобы Чернобогу за преставленного цесаревича передали. Город застыл в скорбной неизвестности.

В послеобеденный час в парадную дверь Тархова Совета постучалась темнокрылая птица. Несмотря на жару, дева была облачена в черный балахон, покрывавший ее с головы до пят. Отворившие дверь охранники сообщили гостье, что глава и в обычные дни простолюдинок не жалует принимать, а сегодня и подавно рассчитывать не на что. Но одна ее фраза, произнесенная безжизненным голосом, заставила нараспашку открыться и двери, и их изумленные глаза:

— Я его погубила. Я погубила цесаревича!

— Считаешь, они одумались и наконец предложат тебе вернуться на Лысую гору?

Плеск весел о водную гладь вторил голосу Немизы. Она внимательно рассматривала Стрибога, пытаясь разгадать, чем наполнилось его сердце в те минуты. Бог ветров молча глянул на жену, сплюнул в воду и рявкнул:

— Да коли бы ты не прилипла, душу бы из меня всю не вытрясла, как тебе обратно к своим хочется, я бы пальцем не пошевелил.

Немиза сглотнула обиду, взяла безмолвную паузу, чтобы было ясно, что мужнины слова и тон совершенно недопустимы. После, гордо откинув темно-каштановые пряди от лица, заговорила:

— Я сидела, не роптала в болотной глухомани, ожидая, когда же сила моей веры и любви сделают тебя мощнейшим богом если не Пятимирия, то хотя бы Буяна. И вот люд к нам повалил, дары понес. Моими трудами все добыто. Силища у тебя небывалая теперь. Ты мне хоть благодарности шепчешь иногда, напомни?

Вопрос повис над рекой. Супруги помолчали с минутой.

— То-то же! — проговорила Немиза. — А я и не требую. Потому что не нужны мне слова твои. От них мне ни густо ни пусто. Я тебя хочу!

Она коснулась его крепкой груди и провела рукой по стальной округлости плеча:

— Тебя хочу верховодящим и мудрым в своей власти, чтобы остальные братья твои тебе кушанья приносили, как прислужники. Никакой Перун тебе в подметки не годится! А стерв этих, интриганок я на порог пускать не стану, когда построим мы великий дом посреди Лысой горы!

— Полно, Немочка, твоих мечтаний, — нарочито низко промычал Стрибог, пряча довольную улыбку. От одной мысли о новой жизни в глазах его разгорелся пышный костер. Супруга его зрит в корень: давно пора менять расстановку сил. И раз нынешние Верховные сами его призвали — в надежде, видимо, избежать кровной борьбы, — так, значит, и к лучшему. Власть сама шла к нему в руки. Оставалось только выпустить весла и схватить ее покрепче.

За поворотом их ждала лодка с Тархом. Он, как часовой, стоял посредине реки недвижимо, словно у изогнутых досок под ним был якорь. Течение боязливо стихло, остановив свой шумный поток, только бы не разгневать таких серьезных гостей.

— Здрaвы будьтe, сродники! — крикнул сын Перуна и махнул рукой — мол, подплывайте. От одного его облика, в коем прослеживались черты отца, Стрибог снова насупился и невольно сжал челюсти, сильно, до хруста — настолько он не мог справиться с обидами прошлого.

— А папенька-то где, Дaждьбог? — елеиным голосом пропела Немиза.

Удивительно, насколько же Тарха коробило это обращение. Вроде давно при власти, вершил не одну сотню судеб, управлял целым Советом, а такие глупости не мог пропустить мимо ушей. Только ожидание скорой расплаты остановило его от резких слов. Он поклонился и произнес:

— Обождите немного, сейчас появится тот, с кем давно не виделись.

Стрибог снова недовольно сплюнул, расшевелив ненадолго замершую водную гладь, а супруга его отвернулась от часового и демонстративно уставилась на противоположный берег. На нем резвились белые овцы, прыгали, бодались, вели свои обыкновенные овечьи игры. Вдруг они сгрудились в стадо, попятились подалее от берега, заголосили да заблеяли, словно узрели что-то страшное.

Река извивалась меж полями и холмами, разрезая земную твердь исполинской змеей своих изгибов, беззвучно крадущейся в поиске добычи. Вдалеке, за очередным ее изломом, небо почернело, тучи насупились и сблизилась с землей.

— Вот без грома с молнией никак, вестимо! — устало выдохнул Стрибог. И не было в его словах осуждения или недовольства — скорее прохладное воспоминание о брате-громовержце вырвалось наружу.

Немиза лениво развернулась к приближающейся темноте и хотела было произнести какую-нибудь колкость о владыке Прави, как лицо ее парализовал испуг. Всем своим телом она высунулась из лодки, чтобы рассмотреть что-то в этой темени, да так настойчиво, что супругу пришлось пересесть на бортик, чтобы их лодка не опрокинулась. Богиня сглотнула слюну, скользнула злым взглядом по Тарху и, попытавшись взять себя в руки, приторно-сладким голосом сказала:

— Милый, на кой нам твой братец? Вымокнем сейчас все до нитки. Издалека вижу: не договоримся мы ни о чем, только хуже сделаем. Давай подбру-поздорову домой возвратимся, не будем над водой словоблудничать — авось и до драки недалеко будет. Не в настроении он! — Она снова вздернула очи на Тарха и обожглась о его торжествующий взгляд.

— В уме ли ты, Немиза? Сама меня снарядила, к брату послала, от дел меня оторвала, а теперь все вспять оборачиваешь? Не бывать этому. Приехали раз, так и побеседуем. Драки разводить не стану, не звери же мы какие. Ты своими настроениями властвовать учись — больно быстро они меняются.

В клубах темноты стали проступать очертания могущественного судна. Тучи, что, казалось, зацепились за мачты, рассыпались на мириады чернеющих точек. Близ вымытых дождями парусов вились да так орали неживыми голосами стаи ворон, что все вокруг наполнялось жутью да пряталось восвояси. Река покрылась мелкой рябью, будто тоже затряслась от страха.

Застолье, пышущее на скрытом от глаз камышами холме, тоже резко поутихло. Верховные молча переглядывались, и лица их вытянулись от удивления.

— Тарх с ума сошел! — прошипел Перун. — Этого-то из Нави на хрена притащил?

От галеона цвета сажи отделилось такое же темное пятно. Стоящий в лодке богатырь лишь оттолкнулся от борта веслом, да так сильно, что ему хватило мощи доплыть до места встречи. Немиза совсем сникла и сидела, отвернувшись в другую сторону. Тарх молча кивнул высокому старцу из галеона, а тот, не обращая ни на кого внимания, сухо произнес:

— Пора домой, Мара! — и протянул руку к лодке Стрибога.

Бог ветра переступил так, что его челн закачался, поймал равновесие с помощью весла и, избежав нечаянного купания, завопил:

— Ты какого лешего к свояченице руки тянешь? В Навь свою плыви и там своевольничай, старый хрен мертлявый!

— Марочка, я ждал слишком долго, чтобы ты сейчас медлила, — как будто и не слыша возмущений Стрибога, проговорил Чернобог.

— Ты там оглох, что ли, старик? Сейчас сдую тебя — пожалеешь о строптивости своей! Немизу оставь! Домой к себе плыви, попутал ты сестер!

Старец отвел руку в сторону, наткнулся взглядом на рассерженного покровителя буянских ветров и тихо, почти баюкающим голосом проговорил:

— Стрибоженька, не гневайся. Нет никаких сестер. Все ясно вижу: обманула она нас. Есть Мара, что и мне женой всегда была, и тебя возжелала да сестру себе выдумала. Не гневайся, Стрибог, забираю я с собой мою суженую — моя она по первому праву.

Очи отца всех ветров расширились, взгляд его судорожно сверлил то Чернобога, то белизну вспенившейся

от волнения реки, то Немизу, оказавшуюся Марой. О Тархе в тот миг он не вспоминал. Осознание шло к Стрибогу долго, очень долго. Наконец, ощутив на корне языка горечь, как при изжоге, он качнул плечами, сжал веки и тихо процедил:

— Убирайся отсюда.

Черная лодка медленно коснулась борта галеона, и в считанные мгновения небо снова расступилось, избавившись от полчища вороных птиц. Оставшиеся лодки со стоящими мужчинами хранили молчание, провожая взглядами корабль из Нави.

— С делами сердечными мы покончили — пора к столу. Вон за теми камышами все накрыто. Перун с Макошью да Сварог с Ладой будут рады побеседовать, — выпалил Тарх, будто они только вышли с потешного спектакля.

Стрибог поднял на него тяжелые глаза, полные обиды и горькой влаги, заскрежетал зубами и прошипел:

— Ненавижу!

После обернулся ветром и смерчем унесся по замершим плесам.

Белые крылья царевны задевали поверхности влажных камней, составлявшие кладку стен подземного коридора. В ее голове не укладывалось, как в этом мрачном подбрюшном переходе она могла встретить Гвидона и как в нем же могли держать в заточении ее дорогую Сирина. «Бедная девочка! — повторяла про себя Мила. — Схватили целовальники, злые языки оговорили, на гибель верную обрекли. Не будет этого!»

Тусклый свет масляной лампы ее конвоира выхватил ржавые прутья решетки, за которыми в крошечной тьме растворялась темнокрылая Сирин.

— Эй! — прошептала Мила настолько тихо и нежно, насколько могла. — Дева-птица, покажись мне, красная!

Белый крылатый силуэт почти светился, опаленный огоньком ланternы. Изысканный стан будущей царицы лгнул к холодным тюремным жердям.

— Сириг!

В непросматриваемом из-за тени углу каземата послышался шорох перьев, за ним следом прозвучал ровный голос:

— Уходи, пожалуйста. Уходи!

Мила досадливо отвернулась, встретившись глазами с сопровождавшим ее охранником. После снова приглонилась к решетке и сказала чуть громче:

— Без тебя не уйду. Я за тобой, к тебе, Сириг. Покажись мне.

Шорох стал более явным — видно, пленница поднялась на ноги, а после и вовсе раздался грохот, когда она поволокла за собой на цепи булыжник, прикованный кандалами к ногам. В круг света вышла совсем другая Сириг: осунувшаяся, потерявшая свой оливковый лоск. Губы будто высохли и истончились, а из глаз кто-то похитил весь свет, сверкавший непрерывно ярче северных звезд.

Мила закрыла рот руками, чтобы не заплакать навзрыд. Все в ней смешалось: и радость встречи, и ужас от облика Сириг, и бессилие перед Советом мудрости. Как она ни увещевала Тарха, отпустить под ее честное слово деву-птицу не разрешили. Кое-как справившись с накатившими чувствами, она утерла слезы и просушила руки между прутьями, чтобы прикоснуться к подруге, но та не торопилась голубиться. В ее безжизненном взгляде было сложно что-либо распознать, словно она

была где-то далеко от этой тюрьмы, царской крепости, Буян-града.

Простояв с минуту молча, она посмотрела Миле прямо в глаза, попыталась скривить усмешку и сказала:

— Пришла увидеть мои бесстыдные очи? Если хочешь плюнуть — давай, я не отвернусь. Только ради этого и встала.

Мила наклонила голову в попытке убедиться — не подменили ли часом Сирина? Речи ее были до того нежесткими, что застряли в голове, вертясь где-то у самого уха. После, избавившись от комка в горле, царица проговорила:

— Ты... ты шутишь так? Я вызволить тебя хочу — зачем плевать?

Сирин сбросила с лица улыбку, больше похожую на оскал, и закачала головой:

— Не надо, Мила! Я должна отправиться за ним.

Девушка развернулась и поволоклась в свой угол.

— Но ты же его не убивала! И не должна платить жизнью, ничем платить не обязана!

Черная дева-птица остановилась на краю пятна света. Чуть повернула голову, чтобы краешком глаза видеть царицу, и проронила:

— Я с ним спала. Ты знала?

Под девичьим сердцем сквозняком пробежал холодок, обжигая все внутри, разливаясь по телу тупой болью. Мила обняла себя за плечи, пытаясь избавиться от болезненного наваждения. Ее губы разжались и выпустили короткий ответ:

— Не знала. Это что-то меняет?

Пленница подобралась вплотную к решетке.

— Я была с твоим женихом, Мила! Любила его всю ночь до рассвета, пока мы оба не обессилели. Страстью

своей мы затопили его дивный сад, он выбивал из меня похоть, а я выдавливала из него любовные соки, обрызгивая ими все вокруг. Набери полный рот слюны и плюнь в меня, прокляни меня навсегда и оставь, чтобы меня казнили скорее!

Милу переполняли боль и жалость, они выливались из нее слезами. Она схватила подругу за руку и горячо зашептала:

— Не имеет значения, для меня не имеет, Сирин. Ты должна жить! Твое заклинание, Деметрой завещанное, оно же силы не имеет, мне Гамаюн и Алконост повели. Отчего же ты хочешь, чтобы я в тебя плюнула да на гибель обрекла, на что тебе?

Лицо греческой девы-птицы исказила гримаса горечи. Из нее прорвался поток слез, как горный родник, проснувшийся после затяжной зимы. Не утирая мокро-го лица, она заговорила:

— Добрей тебя не знаю никого, милая! Добрей и чише. Простила ты меня, блудницу грешную, и в этом силы больше, чем во всех целовальниках, воинах да опричниках. Но от слов своих не отступлюсь. Знаю, просто знаю: должна к нему отправиться.

— Но ты не виновна...

— Не важно. — Сирин приложила палец к губам царевны. — Я хочу быть с ним. Мы встретимся там, в Нави!

— А-а-а-а!

По центральной площади стольного града пронесся истошный вопль. Эхом он отпрыгивал от зданий, летел по галереям и переулкам, шлифуя своей злостью камни стен и мостовых.

— А-а-а-а! — повторился крик с новой силой. В этот послеобеденный час народ, населявший царскую крепость, не торопился выходить из своих домов. Ставни были прикрыты, занавески задернуты. И вовсе не от солнечного света прятался люд. Пробирающий до костей ужас обдавал каждого, кто слышал этот нечеловеческий вой. Он поднялся с той минуты, как в кремль вернулась Ильмера. Побывала недолго с мужем, прижалась к найденному поутру бездыханному телу и, не в силах держать в себе горе, выбежала на буянский простор.

— А-а-а-а! — не могла остановиться царица. Стон ее переродился в рык, да такой мощи, что можно было подумать, будто по столице бродит раненый зверь. Внутри Ильмера и была в тот час волчицей, загнанной охотниками.

— Не прощу! — Из ее крика стали выделяться отдельные слова. Они отчетливо разлетались по городу: — Не будет прощения никому: ни людям, ни богам!

Обезумевшая от боли, царица бросилась на колени и замаранными в крови руками сорвала амулет со своей шеи. Как только серебра коснулись капли крови, стекающей с ладоней, равносторонний крест закрутился на обереге, набирая скорость, подобно колесу. Через несколько мгновений он остановил свой бег и распался на три изломанные линии, расположенные друг над другом, — теперь они напоминали волны. Царица беспрестанно качалась, сидя на земле, почти касаясь челом камней мостовой, и что-то тихо приговаривала. Узрев перемену в рисунке оберега, она прекратила кланяться, воздела очи к небу и просипела:

— Мой сын на пути к тебе, Мара. Как забрала его жизнь, так и отдай!

Семь дней и семь ночей минуло с тех пор, как цесаревича проводили в последний путь. Сердце Пятимирия замерло, будто умер не один человек, а сразу весь народ покинул белый свет. На улицах и площадях стольного града не раздавались радостные голоса: все берегли свое счастье как могли, прятали его подальше от чужих ушей и глаз. Скорбь раскрасила одеяния горожан в мрачные тона, и перемещались перепуганные граждане стремительно, словно тени. Все ждали знака от того, кто правит.

Салтан отнес свое горе в Перунов дом. Царь прятался от прежней жизни там, в его аскетичных сводах. Забыв о сне и пище, он самоотверженно молился, не вставая с колен. Спустя неделю, на радость прислуге, он возвратился во дворец, но лицо его несло печать непробиваемых раздумий. Было ясно, что тревожить владыку можно только в исключительных случаях. Например, когда вопрос касался жизни и смерти.

В дверь негромко постучали.

— Ваше величество, аудиенции просит царевна Ладимила Новоградская.

— Впустите.

Царевна шагнула в покои Салтана и замерла, не зная, как приветствовать опаленную утратой душу. Насыщенные красные оттенки убранства, щедро сдобренные золотом, смотрелись вычурно и неуместно в тот печальный день. Царь восседал на троне — вернее сказать, он прислонился к подлокотнику, будто бы занимать престольное место ему вовсе не хотелось. Увидав Милу, он обвел помещение рукой и проронил:

— Располагайся.

За спинами будущих родственников зажужжала прислуга: кто принес самовар, кто зазвенел блюдами, а кто загромыхал тарелками, полными угощений и всяких варений. Справившись с расстановкой всего необходимого к чаепитию, слуги поклонились долу и разбрелись за ширмы.

— Садись, коль разговор будет долгим, — устало произнес царь.

— Нет, ваше величество, позвольте у вас отнять всего несколько мгновений. — Миле было до того неудобно от не высказанной еще просьбы, что, не замечая за собой, она стала кружить по комнате. Поймав короткий ободряющий кивок Салтана, она забормотала: — Не стану говорить снова, насколько невыразимо жалко мне, что царевич... не буду. Надеюсь, намерения мои видятся вам такими же чистыми и светлыми, какие они и есть на самом деле. Я пришла просить вас о помощи, и мне будет наградой, если вы меня выслушаете.

Она остановилась напротив царя. Между ними раскинулся стол. Салтан поднял взгляд на деву-птицу и снова поощрительно кивнул.

— Я прошу вашего содействия, — продолжала она. — Не смею настаивать, могу лишь умолять. Моя знакомка, добрая и чистая душа, оказалась в безвыходной ситуации. И только ваша мудрость может способствовать разрешению...

— Мила, твой голос ладен и приятен, но ты обещала быть краткой.

— Конечно, прошу простить мои околицы... — Она глубоко вздохнула, зажмурилась и выпалила: — Тарх не желает освободить Сирина, обвиняет ее в убийстве Елисея. Прошу вас, ваше величество, не допустите казни, это было бы страшной ошибкой!

Царь хлопнул себя по лбу, будто на него сел комар или мошка, и потер переносицу, словно насекомое успело его укусить.

— Она сама созналась или мне солгали?

— Она сама созналась, и она же солгала! — сложив руки перед собой, произнесла царевна. — Не убивала она цесаревича, об этом достоверно...

— Тогда в чем созналась? — оборвал ее лепет Салтан, раздраженно повысив голос.

Мила вдруг представила себя назойливой мухой, а царя — единственным шансом не умереть от голода. Потому она продолжила донимать его тем, что было важно ей одной:

— В том, что любила его.

— Любила?

— Да. Любила. И была с ним, если вам угодно знать.

Салтан нахмурил брови и новым взглядом посмотрел на ту, которой так и не суждено было стать его невесткой.

— Тогда зачем ее спасать? Она совратила твоего жениха, а ты за нее просишь?

Дева сжала руки еще сильнее:

— Это... это не повод... желать кому-то смерти.

Во взоре царя появилась крепкая дума. Воцарилась звенящая тишина, но спустя несколько минут Салтан разрубил ее твердым словом:

— Я не влияю на Совет мудрости и правды.

Теперь Милу будто укусили, и не комар, а ядовитая змея, не меньше. Она принялась размахивать руками, даже крыльями чуть не подняла ветер, почти крича:

— Царь Салтан, она не губила Елисея. Слишком хорошо я ее знаю, не знаю даже — чувствую... Она не способна сознательно причинить ему вред! Ее вот

только пытались засудить — да, конечно, нарекли блудницей, зелье ей вменили... А она, горемычная, только и искала, что любви...

Салтан слушал недвижимо. После Милиной тирады не спеша оторвался от подлокотника и подчеркнуто медленно опустился на трон. Одного этого было достаточно, чтобы Мила сложила крылья, понурила голову и произнесла:

— Мне сложно это говорить, владыка, но я с достоинством и благолепием принимаю и впредь буду принимать любое ваше решение. Ибо мудростью вашей живет царство Буянское.

Она поклонилась, коснувшись рукой дощатого пола.

Уже в дверях ее остановил непривычно тихий призыв царя:

— Мила! Мой сын убит. Кто-то должен заплатить за украденную жизнь. И если Тарх сочтет необходимым казнить Сирина, то пусть будет так.

Они замерли друг напротив друга — Мила стоя в дверях, а Салтан, не прячущий слез, сидя на золотом буянском троне.

Площадь перед Салтановым дворцом заполонила вязкая, шумная масса: народ пришел требовать праведного мщения. В те же самые мгновения площадь Семи звездословов сжалась и молчала. Весь лоск ее куда-то делся, миндальные деревья сбросили лепестки, раскинув по мостовой причудливый шарлаховый* ковер, фонтан не бил струей ввысь, а тихо плакал отдельными каплями, стараясь не производить заметного шума.

* Ярко-красный.

Шума было достаточно от людей, столпившихся на центральной площади. А здесь — никого. Лишь у мраморного парапета стояли, обнявшись, три девы-птицы. Их можно было принять за искусно высеченную в мраморе статую, если бы они одна за другой не вздрагивали, уткнувшись друг в друга.

Что было в мыслях прелестных дев — одним им было известно. Они, несомненно, знали, что в половине версты от них, у самого лобного места главы Советов буянских определяли, что же делать с приговоренной Сириной. Но прекрасно понимали, что поделаться ничем не смогут. Оттого так и стояли — обнявшись, ожидая самого худшего.

— На кол не надо! Люди опять зароптать могут — мол, очень жестоко.

Троян грыз ногти, переходя от мизинца к безымянному пальцу. После он отвлекся на кого-то в толпе, заглянул на помост и радостно вернулся к Тарху.

— Костер уже заложили. Опричник с лучиной быстро разрешит наши сомнения.

Впрочем, ему самому стало ясно, что сжигать на костре девушку, да еще и такую прелестницу, было бы немилосердным. Обслюнявив ноготь на среднем пальце, он вдруг разродился новой идеей:

— Может, просто обезглавим, чтобы не было недоумков о том, что она соучастница плана переворота?

«Она не соучастница. Она вообще не...» — Тарх замер, испугавшись того, что чуть только что не сказал. Его страшила мысль, что в самый неподходящий момент он может дать слабинку. Только не сейчас. Хватало того, что он отпустил мальчишку-князя, руководствуясь секундным наваждением. А тут все обстоятельства да улики были как на ладони: умерщвлен наследник

престола, царь в горе, царица в ярости, народ требует справедливости. Она же сама пришла и во всем созналась...

— А что, если это ошибка, Тарх?

В глазах Трояна сверкали алмазы сомнений, и не крупинка случайная, а целая гора, гора самоцветов, слепящих своим блеском, затмевающих все, что могло припомниться: и сотни сгубленных душ, и тысячи спорных решений, и мириады правых обвинений. Но в тот момент вместо содействия в жестокости, которую им двоим отведено было вершить в Буяне, он находил в Трояне лишь страх и жажду раскаяния.

— Я сам ее отведу, — проговорил глава Совета мудрости и правды и пошел за пленницей.

Перышки крыльев подобрались в ожидании страшного. Последний прибой людского гвалта должен был уничтожить Сирий в три шага. Девы-птицы считали: в первый раз люди взвоят, увидев своего врага — хрупкую эллинийку, которая осмелилась любить, да так, что за миленьким своим и в Навь отправится. Вторая волна шума поднимется после объявления приговора. Особо рьяные охотники до справедливости будут вторить словам из свитка, повторяя их за Трояном во весь голос. Ну а в третий... Об этом думать не хотелось вовсе. Ни о чем не хотелось думать. Только вжаться друг в друга и выть, пока не кончатся слезы, переждать, пока ненависть не разойдется по домам, и попрощаться так, как им позволят, с подругой. Или с тем, что обезумевший народ от нее оставит.

Толпа взревела. «Выводят, значит...» Девы обнялись еще крепче. Дыхание их остановилось, сердца будто перестали биться... Как вдруг они услышали что-то странное: со стороны царской площади летел гнусавый

посвист, обволакиваемый разочарованным мычанием. Спустя какие-то минуты эти звуки разлетелись по мостовым, и стало ясно, что народ принялся разбредаться по домам.

— Сирин... — прошептала Мила, распахнув глаза.

За несколько минут до этого произошла неподвижность. Тарх маялся, идя к затворнице, и все не мог понять, каким способом лишить ее жизни было бы правильно...

В его тяжелой голове бурлили вязкие мысли. Острием кинжала жалили слова Николы, крутящиеся без остановки. Ни одна смертная душа ему не верила. Он снова и снова вспоминал пытки и жестокость, ставшую его давней спутницей. В тот миг он желал только одного: отделаться от необходимости вершить судьбы, быть карателем, нести боль и смерть. Но не знал как. В этих раздумьях он добрался до кованой ограды острога.

Тарх поглядел на изможденное лицо пленницы, повелел снять кандалы, поднял с колен перед собой и промолвил:

— На костер тебя не поведу. К колесу привязывать не стану. Свинец, пусть и растоплен, в горло заливать не желаю. На кол сегодня не сядешь. В котле не сварись. И топор марать кровью я не намерен.

Глава Совета мудрости и правды выхватил кинжал и перерезал веревку, связывающую руки Сирина. После коснулся острием ее подбородка, задрав его, и прошептал:

— Отпускаю тебя. Лети на все четыре стороны.

Взгляд девы в секунду ожил. Она всмотрелась в собеседника, мягко сжала своими ладонями эфес кинжала и опустила его к груди.

— Не ждала я от тебя! Глядишь, на этом свете не все во мрак погрузится, коль ты на милосердие способен.

Птица надавила на кортик и резко дернулась к Тарху. Клинок пронзил ее хрупкий стан насквозь. Не успел Тарх и моргнуть, ее уста раскрылись и сказали на прощание:

— Спасибо тебе. Но не могу я здесь без царевича.

Перунов сын поднялся на помост, показывая тысяче кровожадных глаз свой нечаянный улов. Толпа негодовала и бранилась, лишённая обещающего быть потешным представления.

Новый град распрощался с утренним дождем, и теперь между угловыми башнями повисла мокрая взвесь. Она окутывала седые здания, пробиралась в доски строений и сердца людей, заставляя и те и другие твердеть и ко-стенеть. Широкий помост дворцового крыльца был отмечен памятью о чудесном превращении Велимировой дочери. В утренний час границу выжженного круга переступил башмак нового сюзерена Северных земель.

— Оставь ты самовар, созови баб, пусть в лес отправляются, там после дождя грибы должны уродиться.

Добродея послушно кивнула и скрылась в темноте дворца. Спустя несколько минут воротилась и пролепетала:

— Лукошки, значить, собирают, отправятся сейчас.

Чеслав ничего не ответил, а только хлопнул себя по бедру, сделав несколько шагов вдоль перил. Служанка уже выучила, что это должно было означать: сюзерен желал, чтобы она прошла с ним. Оставила в стороне все неотложные заботы и отправилась туда, куда вздумается Чеславу. Они медленно спустились по ступеням

на пустынную площадь. Несмотря на пробивающееся солнце, здесь стоял мрак. Чеслав подобрался к одному из столбов, вкопанных посреди майдана, и бросил между делом:

— Сколько прошло уже?

— Три дня. — Прислужница остановилась, поочередно загнула несколько пальцев, одновременно с тем беззвучно шевеля губами, и выпалила: — Нет, четыре.

Он мерно кивал — ему было плевать на цифры. Мыслями сюзерен был где-то далеко.

— Ну и поделом им.

Неожиданно его взгляд выхватил из площадной пустоты болтающийся на ноге повешенного башмак. Чеслав взял его в руки, осмотрел с разных сторон и кивнул служанке.

— Странно. Такой катырь добротный, а никто не взял еще. Непорядок. Людям что, обувка не нужна хорошая?

Аккуратно расшнуровав ботинок, он опустил его на землю. Вместо него в воздухе теперь висела портянка. Он дернул за ее край — и под ней стыдливо оголилась почерневшая ступня.

— За чистотой конечностей следить пристало вятшим-то, Колояр!

— Прикажете снять? — спросила Добродея, стараясь не поднимать взора на повешенных князей.

Чеслав прошелся меж столбов, пристально разглядывая казненных.

— Что-то я в них изменений ни толики не вижу.

Он тряхнул за ногу Путислава, бывшего до недавних пор тайным советников сюзерена. Глаза у того были распахнуты сильнее, чем когда-либо при жизни, и в них свила свое гнездо птица невыразимого страха. От толчка тело советника закачалось, а столб понуро заскрипел.

— Раскаяния не наблюдаю. Народ хорошо, что не ходит, — тихо хоть стало, на благо люда новоградского поработать можно.

Добродея держалась из последних сил: ядовитый запах бился в голову и рождал мутные позывы.

— А знаешь что, Добродеюшка? — Чеслав подождал, пока она поднимет на него взгляд. — Ты повели советников, — он махнул рукой на повешенных, — зерном снабдить. Обсыплют пусть. Везде пусть сеют: в карманы, за воротник и за пояс, и в исподнее тоже, да погуще. Они, видать, до того гадкие, что их даже птицы не клюют. А так хоть воронье слетится, закружит их в танце.

Служанка, не выдержав, ступила два шага и вывернула желудок прямо под одним из повешенных. После смахнула брызнувшие слезы, утерла губы и прохрипела:

— Как прикажете, ваше вятшество.

*Мы васильки срывали в поле
Не для потешных вечеров.
И вместо злой твоей юдоли
Мы наплетем тебе венков.*

*Челнок наполнили цветами,
В них много разных лепестков.
К нам не вернешься больше, знаем.
Ты на пути в долину снов.*

*Скрывайся, лодочка, за лесом,
Плыви по волнам за горой.
Ты Чернобогу будь невеста.
А Маре быть тебе сестрой.*

Голос Алконост сорвался и сбил всю стройность хора. Она всхлипнула, вытерла мокрые щеки и продолжила идти за мужчинами, несущими серую лодку.

Позади поющих дев, еле перебирая непослушными ногами, ступали Мила и Гамаюн. Головы обеих были покрыты мрачными палантинами, под ними было не разобрать лиц, лишь по возвышающимся из-под одежды крыльям можно было опознать, кто замыкал эту печальную процессию. Народу было немного: помимо подруг, товарки Алконост по хору, Армаун, примчавшийся в последнюю минуту, да пара старух, равнодушных к чужой беде. Им было совсем не важно, кого хоронить, жизнь их была настолько уныла и безрадостна, что даже прогулка под траурный плач была сродни приключению.

Последнюю постель Сирина несли несколько богатырского вида мужчин. Каждый из них получил по золотой гривне, но радость легкой наживы улетучилась с первыми шагами: на пути им встречались буянцы, недовольные тем, что блудницу хоронят с такими почестями. Помимо крепких слов и прочей брани в лодку летели ветки и камни, так что плот кренился и качался еще до того, как был отдан на растерзание волнам.

Почти у самой реки перед лодкой неожиданно вырос светловолосый юноша. Шествие остановило свой ход. Богатыри онемели: не часто их дорогу преграждает крылатый Финист-сокол.

Опричник обошел покойницу, сдержанно поклонился царевне и ее подругам и подхватил лодку снизу. Кажется, разойдись богатыри-носильщики по сторонам, он в одиночку смог бы доставить ее к воде.

На берегу девы снимали свои венки и укрыли ими красавицу Сирина. Ее бледное личико не выражало

горести, казалось, будто она просто уснула и, проснувшись, увидит того, за кем отправлялась.

Чуть только дощатое дно коснулось водной глади, волна подхватила цветочный плот и понесла в глубину реки. Только Мила успела укрепить внутри лампадку со свечой, остальные же остались со своими огоньками в руках. Следя за быстрым ходом маленькой ладьи, Алконост тихо промолвила:

— Авось сама Мара ее волнами понесла. К Елисею бы, к Елисею!

Следом она зарыдала, да так сильно, что оказавшийся подле нее Финист не мог не протянуть руки. Она всхлипывала еще долго, уткнувшись в могучее плечо опричника.

— Поднять паруса!

Ветер над Западной рекой как нельзя лучше благоволил отплытию. Растащив сундуки с товаром по трюмам, моряки разбрелись кто куда, оставив палубу свободной. На корме можно было различить три фигуры; они стояли, опершись о фальшборт, и вглядывались в шпиль удаляющегося Салтанова дворца. Махнув золотой косой, Прелеста процедила сквозь зубы:

— Как же хочется утопить этот поганый остров!

— Утихомирься, красавица, мы еще вернемся в столицу и поселимся в ней навсегда! — Казимир выдавил старческую ухмылку и победно вскинул руки. И если Прелеста подхватила этот призыв и улыбнулась в ответ, то молодой князь Радимич вовсе не обращал внимания на спутников, стоя у борта в тоске и унынии.

— Отчего ты грустен, Никола? — подойдя к князю, спросил старик. — Из цепких лап сукина сына Тарха

выкарабкался, что не многим удавалось в этом царстве, а свинца тяжелее ходишь. В себя не вернулся, что ль?

Князь поднял потерянные глаза и вперился ими в Казимира. Если бы старик умел читать мысли, он мог бы обнаружить в молодых зеницах не только безмолвную печаль. Из головы Радимича никак не шла причина его чудесного спасения. Вернее, напоминание о тех мгновениях в яме, полной грязи. Отстраненность, занявшая лицо Николы, прятала под собой робкую надежду. Что, если Тарх вправду хотел в нем, юном князе, видеть того, кто будет ему верить? Не бояться, не молить о пощаде, но доверять, быть союзником в его деяниях? Ему казалось, что тогда, в непроходимом лесу, глава Совета мудрости и правды просил лишь об этом. И Радимич уверил его в том, безмолвно, не принося клятв и словесных обещаний. Он не мог отделаться от ощущения, что отныне обязан хранить эту странную, немую связь, о которой никому в Пятимирии не расскажешь, будто бы на ней зиждилось его будущее, а быть может, и будущее всего Буянского царства. Не в силах осознать до конца важность своего открытия, он бежал от него, как от наваждения, и оттого уткнулся в себя и все ждал, когда оно развеется само собой.

— Ну ничего, малец, в глаза смерти посмотрел, запах Нави унюхал, жаром Чернобожьем опалился — теперь бесстрашным будешь. Никуда тебе от нас не деться! — Казимир похлопал его по плечу и вновь взглянул на величественный холм острова.

— Если Буян на растерзание не дашь, то хоть эту лярву белобрысую с крыльями не пощади! — буркнула Прелеста. Глаз ее стал хищным, а голос скрипучим. — Заколка ей Стрибожья — наш подарок — не навредила,

а лишь пригодилась, отца схоронила — только силы набралась, у Елисея вон тоже жизнь отобрала...

— Она ли? — непонимающе спросил Радимич.

— Она ли или братец его новоявленный, — перебил молодых Казимир, — теперь уже не важно. На всех управу найдем.

— Достойная чета, — задумчиво произнесла Прелеста. — Царь-самозванец и царица-убийца. Кому как не им править в Буяне!

STONE HEDGE

Путеводитель по героям

Абзу — морской бог амитийцев.

Агидель — богиня холодных рек и течений.

Аид — бог подземного мира у эллинийцев. Муж Персефоны.

Аксинья — прислужница Ладимилы.

Алконост — дева-птица, хористка. Своего происхождения не знает. Престолюдинка.

Армаун — преподаватель в Буянском затворе. Родом из Вавилона.

Арос — вождь одного из кочевых племен.

Багорд — предок Салтана, в прошлом — царь Буяна.

Бригитта — принцесса, родом из Королевства нордов.

Велес — бог скотоводства, в прошлом — смотритель трех миров. Брат Сварога, отец Трояна, Морока и Ярилы.

Велимир Великий — князь, наместник царя в Новоградском княжестве. Отец Ладимилы.

Гамаюн — дева-птица родом из Вавилона. Знатного происхождения, но старается об этом не распространяться.

Гвидон — странник, объявивший себя царским сыном.

Гермес — полубог, сын Зевса и одной из плеяд. В Элладе почитается как бог торговли и путешествий.

Глебыч и Алешич — рыбаки.

Гостомysl Великий — предок Салтана, в прошлом царь Буяна.

Дадон — царь, дед Салтана.

Дамианос — посол эллинийского государства. Друг и наперсник Гермеса.

Дана — богиня теплых рек и течений.

Девана — богиня охоты, дочь Перуна и Дивы-Додолы. Жена Святобора.

Деметра — эллиническая богиня плодородия, мать Персефоны. В прошлом — владелица Сирина.

Дива-Додола — богиня летней влаги, первая жена Перуна, мать Деваны. Была похищена Велесом и удерживалась им взаперти. После рождения бога Ярило вернулась к мужу, но он не смог принять ее. Она обернулась божьей коровкой и улетела.

Дивия — богиня Луны.

Добродея — нянька и прислужница Ладимилы.

Довислав Калевич — князь, наместник царя в Великой Кряжме.

Душан — князь, один из советников новоградского веча. При дворе отвечает за хозяйственные нужды.

Елисей — царевич, младший сын царя Салтана и единственный отпрыск царицы Ильмеры.

Ерислав Пориславич — старшина целовальников в Совете мудрости и правды.

Жива — богиня зрелой любви, лета, урожая. Дочь Сва-рога и Лады.

Знич — бог мудрости.

Ильмера — царица Буяна, жена царя Салтана. Состоит в близком родстве с князьями Калевичами. Мать Елисея.

Казимир Твердиславич — купец из города Веска.

Калачник — владелец булочной в одной из слободок Буян-града.

Карачун — бог мороза. Сын Мары и Чернобога.

Князя Николичи — один из знатных родов Кряжменского княжества.

Колояр — князь-воевода Новоградского княжества. Советник в новоградском вече.

Красибор — жених Алконост. Сын Парины, ведуньи.

Кунти — принцесса, родом из Запретного города, столицы Восточной империи.

Лада — богиня семьи и верности. Жена Сварога. Мать Перуна, Живы, Мары, Лели, Леля и Полеля.

Ладимила — княжна родом из Нового града. Дочь царского наместника Велимира Великого.

Лакшми — богиня изобилия и процветания у имперцев.

Лель — бог влюбленности, сын Сварога и Лады.

Леля — богиня весны, дочь Сварога и Лады.

Лилит — княжна, родом из Амитийского царства.

Литор — предок Салтана, в прошлом — царь Буяна.

Локи — бог огня, хитрости, обмана и коварства в пантеоне нордов.

Макошь — жена Перуна, богиня судьбы. Почетно возглавляет Совет красоты.

Мара — богиня смерти. Дочь Сварога и Лады, жена Чернобога. Живет в Нави.

Медной горы хозяйка — наместница царя Салтана на полуострове каторжников. Оборачивается ящерицей тогда, когда ей необходимо.

Михаил — капитан «Грозного Дорга».

Морок — бог обмана и болезней. Сын Мары и Велеса, хотя отцом считает Чернобога.

Мстислав — князь, советник Велимира, казначей. Входит в новоградское вече.

Немиза — богиня северных ветров. Жена Стрибога. Происхождение скрывает.

Никола Радимич — князь, сын наместника царя в городе Веска.

Нин — предыдущий владыка Амитийского царства.

Нифить — сотрудник Совета размышлений.

Один — верховный бог пантеона нордов.

Остромысл — князь, советник Велимира по образованию. Входит в новоградское вече.

Пантелей — секретарь царя Салтана.

Пантелей Сильный — в прошлом — царь Буяна.

Парвин — принцесса, родом из Восточной империи.

Парина — ведунья, живущая в башне в черте Буян-града. Мать Красибора.

Переплут — бог мореплавания у буянцев.

Персефона — богиня подземного мира эллинийцев. Жена Аида, дочь Деметры.

Перун — громовержец, верховный бог пантеона. Женат на Макоши. Отец Деваны и Тарха.

Полель — бог супружеского счастья, сын Сварога и Лады.

Прелеста — княжна, родом из Великой Кряжмы.

Путислав — князь, советник Велимира по тайным делам. Входит в новоградское вече.

Ратибор Калевич — князь, младший сын Довислова, наместника царя в Великой Кряжме.

Росана — княжна, родом из города Дольна.

Салтан — владыка Буянского царства. Женился два раза: на княжне Чайане и княжне Ильмере, после исчезновения первой супруги.

Сварог — бог-отец, небесный кузнец. Женат на Ладе. У него много детей, их точное количество назвать затрудняется.

Святобор — бог лесов. Муж Деваны.

Семаргл — полубог, один из сыновей Сварога. Выглядит как пес с крыльями. Не говорит, но все понимает.

Семирамида — царица Амитийского царства. Вдова Нина.

Сирин — дева-птица родом из Эллады. В прошлом входила в свиту Персефоны, была ее рабыней. О нынешней своей жизни предпочитает не распространяться.

Скипер-змей — древнее чудище, пытавшееся уничтожить Перуна. По легенде, выкрал трех дочерей Сварога — Мару, Лелю и Живу — и заколдовал их. После умертвил Перуна, проигравшего тому в нечестной схватке. Был повержен остальными богами.

Стрибог — бог ветра, сын Сварога. Не ладит с родственниками, поэтому живет в отшельничестве. Женат на Немизе.

Сурия — княжна, родом из Амитийского царства.

Тарх — полубог, сын Перуна и земной женщины. Глава Совета мудрости и правды. Имя при рождении — Дажьдбог.

Теодора — княжна, родом из эллинийского государства.

Тихомир Калевич — князь, старший сын Довислова, наместника царя в Великой Кряжме.

Троян — полубог, сын Велеса и земной женщины. Был воспитан богом знаний Зничем. Глава Совета поклонения.

Ульяна — певица, подруга Алконост по хору.

Устин — придворный цирюльник.

Фёдор — опричник князей Калевичей.

Финист — юноша с крыльями, опричник царевича Елисея. Называет себя круглым сиротой.

Хильда — принцесса, родом из Королевства нордов.

Чаяна — первая жена царя Салтана и мать Гвидона.

Чернобог — владыка Нави, подземного мира, в который отправляются души умерших.

Чеслав — друг детства Милы. Секретарь князя Велимира.

Ярило — бог Солнца. Единственный, кому дозволено видеть и показываться в трех мирах. Сын Велеса и Дивы-Додолы.

Ярослав Темный — престолонаследник, брат царя Пантелея.

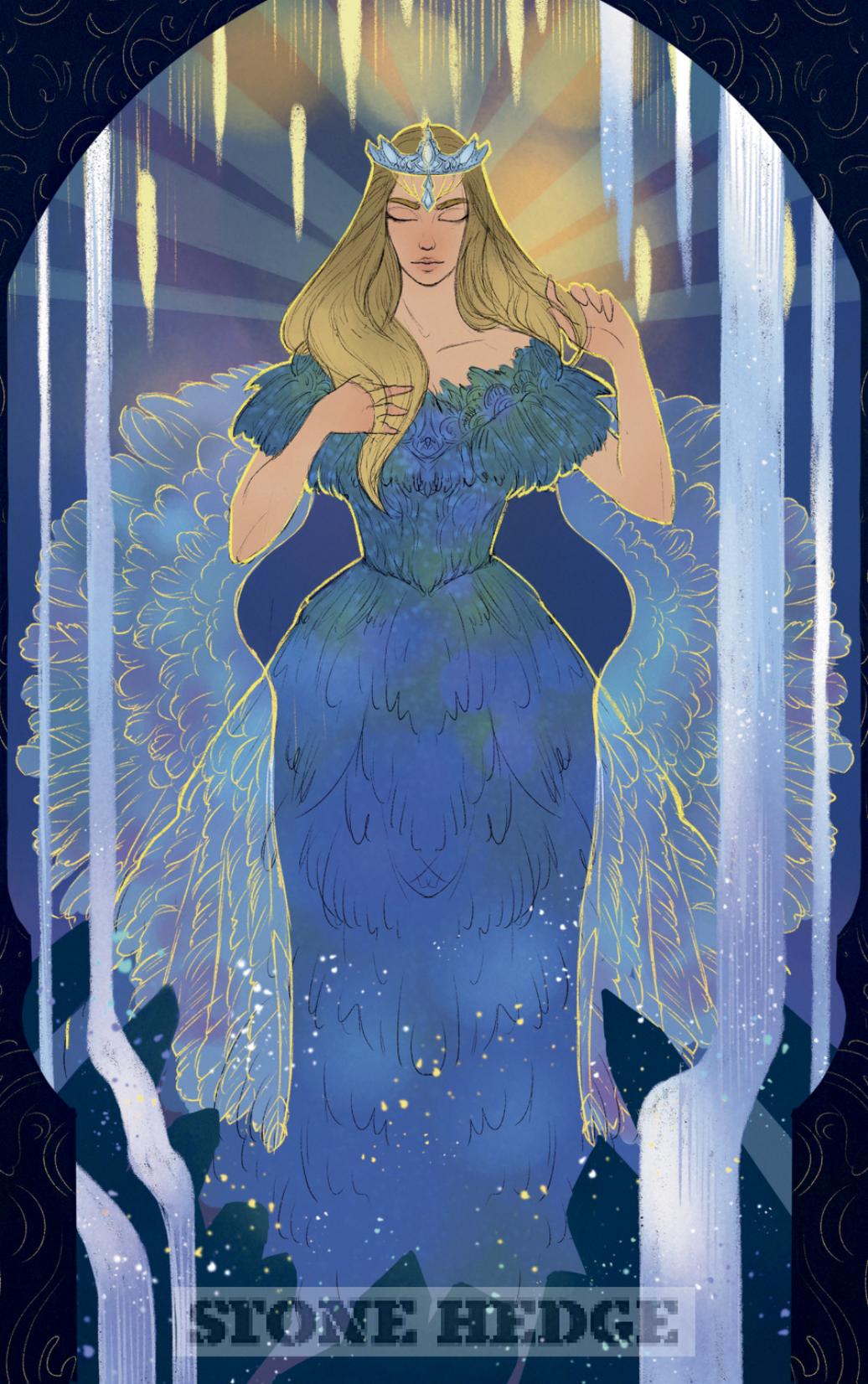
STONE HEDGE

STONE HEDGE

STONE HEDGE

STONE HEDGE

STONE HEDGE

Оглавление

От автора	5
Глава 1. Покидая отчий берег	7
Глава 2. Самозванец	62
Глава 3. Цвет родства	104
Глава 4. Предчувствие беды	159
Глава 5. Всею своя цена	198
Глава 6. Неизбежность правды	241
Глава 7. Мечь	278
Глава 8. У любви свои законы	323
Глава 9. Время истины	368
Глава 10. От судьбы не уйдешь	405
Путеводитель по героям	438

МИО∞ Проза

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ
ЛИТЕРАТУРА**

**НОВЫЕ ИМЕНА МИРОВОГО
МАСШТАБА**

ПРОБЛЕМАТИКА XXI ВЕКА

РОМАНЫ ВЗРОСЛЕНИЯ

КНИЖНЫЙ КЛУБ

#mifproza

Подписывайтесь
на полезные книжные письма
со скидками и подарками:
mif.to/proza-letter

Вся проза
на одной странице:
mif.to/proza

 mifbooks

STONE HEDGE

Литературно-художественное издание
Red Violet. Темные миры

Ракша Василий

Песни радости, песни печали

Руководитель редакционной группы *Анна Неплюева*
Ответственный редактор *Дарина Андреянова*
Литературный редактор *Юлия Раутборт*
Арт-директор *Вера Голосова*
Иллюстрации обложки и блока *Ярослава Богородская*
Внутренние иллюстрации и форзац *Таня Дюрер*
Верстка *Владимир Снеговский*
Корректоры *Лилия Семухина, Юлия Молокова*

В макете использованы изображения
по лицензии Shutterstock.com

ООО «Манн, Иванов и Фербер»
123104, Россия, г. Москва, Б. Козихинский пер.,
д. 7, стр. 2

mann-ivanov-ferber.ru
vk.com/mifbooks

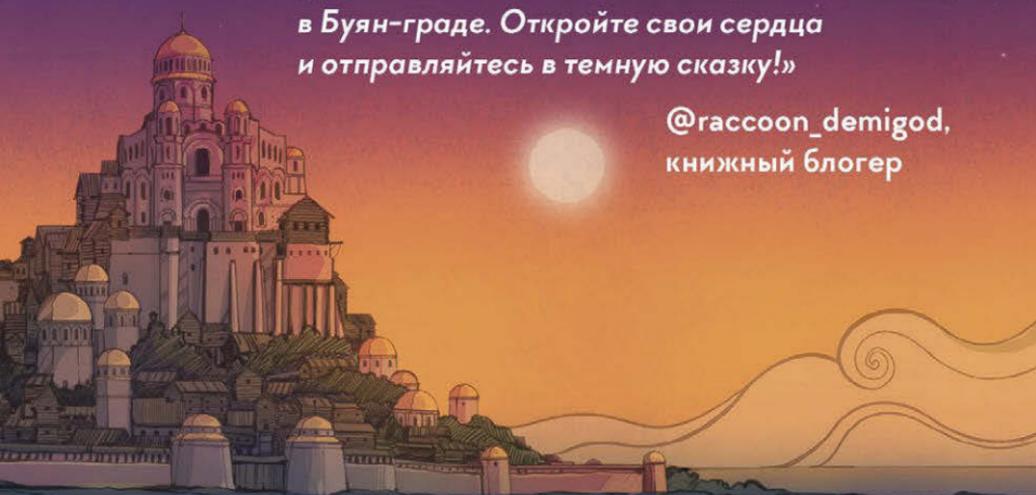

STONE HEDGE

Полная надежд и предвкушения новой жизни, приплывает в величественный Буян-град — самое сердце Пятимирия — княжна Ладимила. Вот только пока не знает она, что за резными фасадами вместо светлого будущего скрываются страшные тайны и грязные пороки. Плетут интриги там не только царские подданные, но и всемогущие боги. Какое место в плясках буянских страстей уготовано юной княжне, встанут ли на ее сторону девы-птицы и даст ли мудрый Алатырь подсказку о том, как спасти себя и все Пятимирие, пока звучат песни радости и песни печали?

«Уверю, такой версии русских сказок вы еще не встречали! Таверны скрипучие, девы-птицы прелестные, междоусобицы царские, палаты, полные наслаждений, да опасности великие — все ждет вас в Буян-граде. Откройте свои сердца и отправляйтесь в темную сказку!»

@raccoon_demigod,
книжный блогер

#ВасилийРакша

Иллюстрация на обложке — vanengriyar

МИОО mann-ivanov-ferber.ru @mifbooks

STONE BRIDGE